

ПРАВозащитный центр "Мемориал"

MEMORIAL HUMAN RIGHTS CENTER

127051, Россия, Москва, Малый Каретный пер., д. 12

Тел. +7 (495) 225-3118

Факс +7 (495) 624-2025

E-mail: memhrc@memo.ru

Web-site: <http://www.memo.ru/>

“Демократия, свобода, права человека”

Нарушения прав человека в Чечне

(Эфир "Радио России" 18 июля 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Должно ли государство бороться с терроризмом? Ответ может быть однозначным - да, безусловно. Для защиты прав и свобод своих граждан государство подчас просто обязано применять силу. Но цель никогда не может оправдывать средства. Ради святой цели нельзя творить преступление.

Разгул бандитизма в Чечне, угроза, исходящая оттуда, для прилегающих регионов России поставили наше государство перед необходимостью предпринять решительные шаги для защиты граждан России от этого зла. Но, борясь с бандитами, с террористами, государство не должно, не имеет права брать на вооружение методы тех, с кем оно борется.

Именно такова позиция неправительственных правозащитных организаций, подвергающих критике многие аспекты нынешней операции федеральных сил в Чечне. В свою очередь, явным проявлением озабоченности со стороны руководства нашей страны по поводу соблюдения прав человека в Чечне стало назначение специального представителя Президента - Владимира Каламанова.

Недавно в станице Знаменское Надтеречного района Чечни, в офисе специального представителя Президента, состоялось совещание, на котором присутствовали представители прокуратуры, Министерства юстиции, адвокатуры Чеченской Республики и некоторые главы районов Чечни. От других подобных встреч и совещаний это отличалось тем, что в нем принимали участие и представители неправительственной правозащитной организации общества “Мемориал”. И главным вопросом, который ставили правозащитники, были многочисленные случаи исчезновения людей. По их данным, в Чечне сложилась практика, когда люди неделями(!), иногда даже месяцами(!), ничего не могут узнать о судьбе своих родных, задержанных или арестованных правоохранительными органами или военными, не могут узнать о том, где они находятся и в чем их обвиняют.

Но еще более страшно то, что бывают случаи, когда тела задержанных и увезенных куда-то людей потом обнаруживаются со следами пыток и насильственной смерти. Как, например, на одном из блокпостов у села Дуба-Юрт трижды - в январе, феврале и марте - исчезали группы задержанных мужчин. В одном случае тела трех задержанных были уже в мае обнаружены местными жителями в районе села Танги-Чу.

Подобные случаи происходили и в других местах. Например, 15-го июня в нескольких километрах от села Старые Атаги были обнаружены тела Гиреева Арби, Гиреева Сайтэмина, Гиреева Сайткусейна и Сугаипова Мусы. Эти четверо жителей села были задержаны военнослужащими федеральных сил на территории села еще 27 января. Тогда Старые Атаги уже контролировались федеральными силами. В районе села, в том числе и на его окраине, базировалось несколько подразделений федеральных сил. В тот день большая группа военнослужащих въехали в село. Они захватили и увезли в неизвестном направлении этих четверых местных жителей. Увезли также и принадлежавшую Гиреевым машину “Вольво”, позже она была продана на территории Ингушетии. А 15 июня пастух случайно обнаружил разрытое его собакой захоронение. На телах этих жителей села Старые Атаги имелись следы пыток и насильственной смерти.

Правозащитным организациям известны и другие подобные случаи. Об этом я беседую с Владимиром Каламановым.

ВЕДУЩАЯ: У Вас есть списки тех лиц, которые содержатся в следственных изоляторах. Но ведь накопилось большое количество данных, когда людей задерживают, а потом в течение месяца, двух месяцев о них ничего не известно, несмотря на то что родственники их ищут. Неизвестно, где они находятся, и хорошо, если они живы и, скажем, через два-три месяца обнаруживаются где-то, задержанные федеральными властями. А ведь иногда их находят убитыми...

КАЛАМАНОВ: На это реагируем мы незамедлительно и очень болезненно. Дело в том, что практически мы сейчас потихонечку подходим под ситуацию, которая позволяет нам контролировать то, что проходит по линии Минюста, Министерства внутренних дел. Хотя тут много еще вопросов. Но у нас белое пятно - Российская Армия. Вот непосредственно, например, во время действий российской армии люди задерживаются, может быть, и по имеющимся причинам. Вот этот момент задержания людей и передачи их в РУВД или минюстовские какие-то организации - это для нас как бы «черный ящик». И мы сейчас разговаривали с военными прокурорами Чечни, мы договорились - вот сейчас я вылетаю в Чечню. В ближайшие несколько дней мы сели и совершенно четко для себя определили имена, фамилии, по которым к нам поступили запросы, именно со ссылкой на то, что их задержали конкретно российские вооруженные силы. Еще раз повторяю, что когда задерживаются во время зачисток, например, тем же ОМОНОм, у нас информация есть по линии МВД. А если люди задерживались по линии Российской армии, то в таком случае у нас еще возникают вопросы. Поэтому у нас есть показания людей, например, мужа или жены, которые четко указывают время, указывают место, даже вид транспорта, иногда даже номера машин, на каких увезли их родственников. И мы сейчас выясняем. Многие из них уже оказались в СИЗО, и мы просто доложили и сообщили их родственникам, рассказали, что эти лица уже подпадают под амнистию, они будут освобождены. Видели бы Вы их счастье на лице, представляете: муж, сын, брат...

ВЕДУЩАЯ: Вы считаете, что если люди задерживаются ОМОНОм, то вы тогда в состоянии как бы определить..?

КАЛАМАНОВ: Да, мы уже получаем списки. Более того, ОМОН передает их в СИЗО. Либо они пропускают через ИВС РУВД и все равно передают их в СИЗО. Без этого никуда не деться. Но если к Минюсту у меня вообще нет никаких вопросов: у нас база данных обновляется каждую неделю, - то к МВД у нас еще остается вопрос, так как от момента задержания людей и до момента включения их в какой-то общий список МВД проходит очень большое время.

ВЕДУЩАЯ: То есть люди в это время остаются неизвестно где без адвокатской защиты, и неизвестно, что будет с ними в дальнейшем? Ведь мы знаем случаи, когда после этого людей находят просто убитыми.

КАЛАМАНОВ: Я могу сказать по поводу адвокатской защиты: вопросы сняты в СИЗО, а вот в РУВД - да, еще есть.

ВЕДУЩАЯ: Хочется надеяться, что действительно в ближайшее время удастся узнать о судьбе всех людей, задержанных сотрудниками ОМОНа,.. хотя некоторые люди исчезли уже несколько месяцев назад.

Например, по данным правозащитников, еще 5-го февраля в ходе зачистки были задержаны в своих домах и увезены 4 человека, проживающие в одном квартале Октябрьского района Грозного: Магомет Кабанчаев, Зелимхан Джамалдаев, Рустам Асуев, Якуб Изнауров. Свидетели этих событий многочисленны: родственники и соседи задержанных. Они видели, как задержанным связали проволокой руки, натянули шапки на лица, поставили на колени на трамвайные рельсы, и все это снималось сотрудниками ОМОНа на видеокамеру. Они вели себя достаточно корректно и просили родственников не волноваться. Задержанных, по их словам, должны были доставить на сборный пункт, проверить и тех, кто не является участником незаконных вооруженных формирований, отпустить.

С тех пор эти четверо исчезли. В прокуратуре и в органах МВД родным пропавших людей сообщают лишь то, что таковые в списках находившихся в следственных изоляторах не числятся. Они обращались и в аппарат специального представителя Президента России по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в Чеченской Республике. И здесь они получили тот же самый ответ.

Что можно сделать?

КАЛАМАНОВ: Мы сейчас уже приступили по двум линиям. Сегодня только мне звонил председатель коллегии адвокатов Чечни, туда вошло 39 человек. Крайне тяжелая ситуация с финансированием и, вообще, с началом работы людей. Нам сейчас необходимо помочь этим людям. И я обращаюсь через Ваше средство массовой информации, чтобы люди вышли с ним на связь: если кто хочет, пожалуйста, через нас. Уже набраны люди, которые готовы сейчас работать, но у них нет ни средств передвижения, ни компьютеров, ни машинок, ни бумаги.

ВЕДУЩАЯ: Это адвокаты?

КАЛАМАНОВ: Это адвокаты чеченские. Кроме этого, я повторяю еще раз, у нас в Знаменке благодаря общественной организации адвокатов будет осуществляться *антипроизвол*.

ВЕДУЩАЯ: А роль прокуратуры Чеченской Республики? Ведь это её роль, наверное, - надзирать за тем, как там действуют федеральные власти.

КАЛАМАНОВ: Я бы разделил прокуратуру на две части. То, что касается Генеральной прокуратуры (я имею в виду - гражданской прокуратуры), к ней у меня претензий нет. Они начали активно сотрудничать с нами, делать всё публично. Я не могу сказать, все ли вопросы они решают, но они идут на контакт с нами и пытаются что-то сделать.

Вот недавно была дискуссия с “Мемориалом”. Они ответственно заявили, что готовы работать. Но у нас есть проблема с военной прокуратурой. Вот пока военный прокурор с нами не будет так открыто работать, мы, наверное, будем оказывать на него нажим и давление. Не наверное, а будем. И все равно ему придется с нами сотрудничать, не то я буду докладывать Президенту.

ВЕДУЩАЯ: На встрече в станице Знаменское обсуждался также один конкретный случай. Родственники Вахи Муртазалиева, арестованного 17 мая, в течение месяца не могли ничего узнать о его судьбе. Адвокат нигде не мог получить сведений о месте его содержания. Кстати, Муртазалиев был в 1998 году министром юстиции в Правительстве Масхадова. В том же году он был снят с этой должности из-за несогласия с руководством Чечни по вопросу о прямом введении норм Шариата в законодательство. Об этом я беседую с Владимиром Каламановым.

ВЕДУЩАЯ: На встрече 14 июля, которая была в Знаменском, вскрылась совершенно удивительная вещь. Муртазалиев, бывший министр юстиции Чечни, который, кстати, перестал быть министром юстиции еще до начала военных действий, который уже проверялся неоднократно, - он был задержан, и о нем очень долго никто ничего не знал. И даже прокурор, который присутствовал на совещании, тоже ничего не знал, пока ему не напомнили о том, что там был телесюжет с Муртазалиевым. Тогда уже он даже сказал: “Ах, оказывается, я его и задерживал!”. И вот я знаю, что сегодня уже адвокат встречался с Муртазалиевым.

Вы понимаете, это бывший министр юстиции! А что с простыми людьми..?

КАЛАМАНОВ: Не надо! Для меня министр юстиции Чечни то же самое, что и простой человек. Совершенно никакой разницы! Более того, я бы сказал: простой человек даже ближе сейчас, чем министр юстиции.

Но вопрос по-другому стоит. Во время встречи выяснилось, что речь шла о человеке, который сидит совершенно преспокойно в Гудермесе. И каково же было удивление этого прокурора: «О ком идет речь?» Для него Муртазалиев - и не бывший, и не какой-то, он даже не понял вопросов. Это уникальное свидетельство!

Да, получилось так, что родственники не знали. Вот лично мое мнение: за это надо наказывать тех сотрудников прокуратуры, которые это скрывают. Они подставляют этим самым прокуратуру. Ну, что от этого изменится, если родные узнают, что он жив, здоров и что он находится в прокуратуре.

ВЕДУЩАЯ: Что Вы будете предпринимать по этому поводу? Это же, в общем-то, преступление!

КАЛАМАНОВ: Мы сказали: «Немедленно ему адвоката, немедленно! Где он сидит?» Было сказано: «Гудермес». Туда должны были направить адвоката, и адвокат должен провести ту работу по защите интересов своего клиента. А мы будем наблюдать, то есть если они доведут до суда. Если нет суда, то рассыпается обвинение - его должны выпустить.

ВЕДУЩАЯ: Но понесут ли наказание те прокурорские работники, которые совершили это?

КАЛАМАНОВ: Я Вас умоляю... Мне бы сейчас найти тех людей, которые арестованы, может быть, которых надо выпускать. Мне бы решить эту задачу, а потом мы перейдем ко второму этапу. Главное помочь людям. Конечно, хотелось бы сразу всё в комплексе, как в Москве, как в других местах, там, где работают суды, там, где можно выдвинуть обвинение. Нам бы судебную систему сейчас восстановить срочно в Чечне, над чем сейчас и работаем, и оказываем всемерную поддержку, в том числе и Верховному суду.

ВЕДУЩАЯ: Я обратилась с просьбой о юридическом комментарии к Председателю Президиума Московской коллегии адвокатов “Адвокатская палата” Юрию Кастанову.

КАСТАНОВ: Ситуация с нарушениями прав человека в Чечне характерна, наверное, для всей России, в особенности, для сегодняшней России. Там только это всё острее и в больших масштабах. Сегодня, к сожалению, во всей России адвокатам трудно попасть в следственные изоляторы и места временного содержания к своим подзащитным, потому что всюду в этих изоляторах наблюдаются нарушения требований международного права, Конституции, уголовно-процессуального законодательства и федерального Закона “О содержании под стражей подозреваемых, обвиняемых”. Адвокатов не пускают вообще к своим подзащитным без разрешения следователя. Зачем это нужно - понятно. Это следователю нужно. Они ждут, пока у подзащитного сойдут синяки с лица, чтобы меня туда пустить, чтобы я этих синяков не увидел. На сегодняшний день имею основания обвинять в этом всю эту систему!

То, что произошло в Чечне с Муртазалиевым и другими людьми, это вопиющее нарушение Конституции Российской Федерации, 48-й статьи её, части 2-ой. Там написано: *каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления, имеет право пользоваться адвокатом, защитником, с момента, соответственно, задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения*. Это значит, что уже в момент, когда человека взяли «под белые руки», привели в милицию, или куда они его там приводят, с того момента, как человек лишен возможности свободно передвигаться по своей стране, что ведь тоже гарантируется Конституцией, - вот с этого самого момента рядом с ним должен быть адвокат. Человек может сам отказаться от услуг адвоката, но это должен быть его добровольный отказ, а не отказ под воздействием каких угодно людей, в форме, без формы, с дубинкой, без дубинки, но людей, облеченных властью. Та же норма содержится в УПК РСФСР, в статье 47-ой. Она начинается с того, что защитник допускается к участию в деле с момента предъявления обвинения. А в случае задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, или применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу до предъявления обвинения, защитник должен допускаться с момента объявления ему протокола задержания или постановления о применении этой меры пресечения.

Это - требование закона. Эти нормы: и Конституции, и УПК, - основаны на Международном пакте о гражданских и политических правах, участником которого является Россия, как правопреемница СССР. Эти положения, между прочим, пришли к нам с тоталитарных времен. Тоталитарный Советский Союз был участником этого пакта, и по правопреемству демократическая Россия стала тоже его участником. И когда в демократической стране, которая тщится называть себя правовым государством, таким грубейшим образом попираются права человека, то я воочию вижу, я понимаю, что эта страна только называет себя правовой, что она только называет себя демократической. Не может быть демократии там, где так нарушаются права человека, безотносительно к тому, идут ли там **боевые действия**, или же эти самые действия просто имеют другое название: *антитеррористическая операция*.

С точки зрения правовой, то, что делается в Чечне, (какой бы суд это в свое время ни назвал «соблюдением Конституции»), - с точки зрения правовой, это вообще нонсенс. Ведь ни чрезвычайного, ни военного положения там никто не объявлял. И когда сегодня генералы нам говорят, что *мирное население правильно уничтожается*, поскольку они там давали “коридоры”, а люди не ушли, и бог с ними, пусть тогда сами отвечают за то, что мы их бомбим, - то мне противно это слышать. Честно говоря, это просто безобразие. Государство наше ставит себя на одну доску с теми, кого оно называет «бандитами», «боевиками», как угодно еще. Не должно государство действовать столь же безнравственно, как люди, которых это государство называет преступниками. Нельзя преступными методами бороться с преступлением. Злом победить зло невозможно - это не мы сказали, не мы придумали. Мы только страдаем уже не первый десяток лет, оттого что наше государство действует такими варварскими методами.

ВЕДУЩАЯ: Юрий Анатольевич, прокуратура, как я понимаю, должна совершать надзор. На самом деле прокуратура сама в Чечне нарушает закон. Возможен ли какой-то над прокуратурой орган, который бы следил за тем, как она действует?

КАСТАНОВ: Теоретически над прокуратурой может быть только суд. В нашей не очень правовой стране сегодня над прокуратурой себя ставит исполнительная власть в лице ее главы - Президента. Как Вы помните, Президент, и это было подтверждено Конституционным судом, был, оказывается, вправе и обязан отстранять Генерального прокурора, хотя не он его сам назначает, хотя Генеральный прокурор не должен входить в систему исполнительной власти. **По закону жаловаться на действие прокуратуры и следователей можно и нужно в суд.** К сожалению, и суды не всегда себя правильно ведут, но это, что называется, другая песня, другая мелодия.

Что же касается надзорных полномочий, функций, надзорных действий прокуратуры по отношению к органам дознания, следствия, оперативно-розыскным органам и всем силовым ведомствам, должен сказать, что в последние годы, к сожалению, прокуратура абсолютно переродилась. Прокуратура совершенно перестала заниматься надзором. Прокуратура, неизвестно с чего, возомнила сама себя силовым ведомством. Ее так прямо и называют в прессе, и прокуратура ни разу не сказала “нет” по этому поводу. Вопиющие нарушения законов, о которых известно прокуратуре, на уровне Генеральной, - отказывают в реагировании по поводу применения пыток, даже и не в Чечне.

Я же говорю, что в Чечне только более обостренно, более масштабно происходит то, что во всей России. В Москве, столице цивилизованного мира, милиция занимается самыми настоящими пытками средневекового уровня, и прокуратура об этом знает и никаких мер не принимает. Очевидно, потому что они сами сегодня решили, что они орган борьбы. Они забыли о том, что никакая борьба вне рамок закона недопустима, что любая борьба с любым злом, когда она вне закона, превращается в произвол. И теми же интересами борьбы с преступлениями, борьбы за торжество идей коммунизма и так далее, красивыми идеями, оправдывал свои злодеяния Сталин. Сегодня мы говорим: “Он злодей, а наши все хорошие”. А чем же они лучше?

ВЕДУЩАЯ: На сегодня всё. Прочитать наши передачи вы можете в Интернете по адресу: WWW.MEMO.RU. До свидания, до новых встреч!

Ликвидация Федеральной миграционной службы

(Эфир "Радио России" 11 июля 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Чем грозит мигрантам ликвидация Федеральной миграционной службы - тема нашей сегодняшней передачи.

17-го мая этого года, в связи с реорганизацией правительственных структур, указом Президента Российской Федерации была ликвидирована Федеральная миграционная служба, созданная в 1993-м году. Ее функции переданы одному из министерств, которое называется Министерством по делам Федерации, национальной и миграционной политики.

Эта неожиданная реорганизация воспринимается мигрантами и всеми, кто близок к их проблемам, трагически.

Говорит Лидия Графова, председатель Координационного совета помощи беженцам и вынужденным переселенцам.

ГРАФОВА: Это трагическая ошибка, которая сделана, как считают переселенцы, чисто по недоразумению. Офисы переселенческих организаций непрерывно получают письма. Люди звонят и приходят из разных регионов. Честно говоря, просто паника среди людей, которые живут в провинции. У наших переселенческих организаций, созданных самими мигрантами, (этих организаций сейчас больше 200), - у них ощущение, что государство второй раз их бросает, что они переживают второй распад Советского Союза. Когда распался Советский Союз, забыли подумать о людях, которые там остаются чужестранцами в своих собственных домах. А сейчас тоже распадается система, которая создавалась Россией в течение 8-и лет. Федеральная миграционная служба подвергалась резкой критике и со стороны тех, ради кого она была создана.

ВЕДУЩАЯ: Может быть и хорошо, что она была расформирована?

ГРАФОВА: Называется в указе Президента слово "ликвидация". Одно дело, допустим, просто передача всех функций и территориальных управлений миграционной службы, их 86 в регионах, в министерство. Возможно, нужно было сокращать штаты, потому что сегодня 3 тысячи в стране чиновников, занимающихся миграцией. В регионах можно было бы где-то сократить количество, а где-то ни в коем случае нельзя сокращать. Но одно дело - передать с функциями, а другое дело - в течение всего лета произвести ликвидацию и в центральном аппарате и во всех территориальных управлениях. С 9-го июня уже всюду пошел приказ Федеральной миграционной службы тоже со словом "ликвидация". Не переподчинение, не реорганизация, а слово "ликвидация".

ВЕДУЩАЯ: Мнение Светланы Ганнушкиной, руководителя программы "Миграция и право" Правозащитного центра "Мемориал".

ГАННУШКИНА: Прежде всего, мне хотелось бы напомнить, что в 1996-ом году под эгидой ООН, Управления Верховного комиссара ООН по беженцам, Международной организации по миграции МОМ и ОБСЕ состоялась конференция по проблемам

вынужденной миграции в странах СНГ и сопредельных странах. На этой конференции была принята программа действий, которая, разумеется, не является обязательной для выполнения государствами СНГ. Но тем не менее все эти государства к ней присоединились, и все они выразили свое согласие с программой и обязательство следовать этим рекомендациям.

Одной из таких рекомендаций был пункт 50-й, где говорилось, что необходимо создать и укрепить, если они уже имеются, государственные структуры, которые бы занимались проблемами миграции. И что это должно быть единое правительственное ведомство высокого уровня по вопросам миграции. Это ведомство должно заниматься координацией действий всех тех правительственных органов, которые занимаются вопросами миграции и выработкой политики. Но все-таки, в первую очередь, структура должна быть такая, которая практически реализует эту миграционную политику.

На местном уровне и на границе рекомендовалось создать систему отделений этого ведомства. Фактически Россия, в отличие от многих других республик бывшего Советского Союза, такое ведомство имело. Это была Федеральная миграционная служба.

С 1996-го года ФМС укрепляла свои позиции и развивала сеть отделений по регионам России. Кроме московского, все эти отделения, которые вначале, где-то в 1992-ом - 1993-ом году, подчинялись в основном местной администрации, были переподчинены Федеральной миграционной службе. То есть создавалась такая сеть.

Были пункты миграционного контроля и миграционные службы. Как бы то ни было, хотя мы сами порой выступали с критикой и много было недовольств этой организацией ФМС, тем не менее она работала и ее основным назначением была помощь мигрантам: определение статуса, обеспечение их жильем, выплата ссуд беспроцентных на приобретение жилья, организация фондов для мигрантов, помощь детям. И это был все-таки достаточно живой и гибкий механизм.

Вот сейчас это наше преимущество, это наше достоинство ликвидировано, что, конечно, вызывает очень большое беспокойство. Во-первых, затормозились те процессы, которые шли, и никто уже не лоббирует интересы и проблемы миграции в Правительстве.

ВЕДУЩАЯ: Но это же всё не просто ликвидировано? Структура-то осталась как структура? Ведь она просто перешла в другое ведомство?

ГАННУШКИНА: Во-первых, как структура она не осталась. Уровень стал гораздо ниже. Это только часть одного из министерств, а вовсе не отдельный государственный орган, которому предполагалось (были такие разговоры, и это даже серьезно обсуждалось) придать статус министерства. Но это стал департамент другого министерства, то есть уже ниже, чем просто служба.

Кроме того, за эти годы, особенно с 1996-го года, наше государство создало огромную массу новых мигрантов, проблемы которых сейчас не решаются. Они просто сейчас заторможены - фактически обращаться сейчас не к кому.

ВЕДУЩАЯ: То есть это в связи именно с тем, что сейчас не стало Федеральной миграционной службы?

ГАННУШКИНА: Конечно. Так или иначе, идет процесс ликвидации ведомства. Это значит, что будет уменьшен штат, это значит, что уровень проблемы существенно

понижен в государстве, где за последние полгода с небольшим появилось огромное количество новых мигрантов и огромное количество новых проблем. Вот уже более года в Правительстве лежат проекты постановлений, в частности о предоставлении временного убежища. Фактически, это статус временного убежища, который предоставляется политическим мигрантам или мигрантам от войны, то есть людям, которые не могут вернуться в свою страну. По тем или иным причинам они или сами не желают получить статус беженца, или не могут получить, если это не соответствует определению беженца. 12-я статья Закона Российской Федерации "О беженцах", принятого еще в 1997-ом году, требует появления такого постановления правительственного. Федеральная миграционная служба была разработчиком такого постановления. А сейчас оно, видимо, неизвестно еще сколько времени будет лежать, потому что никто этим не занимается серьезно. Некому заниматься...

Далее, больше года лежит новое постановление о ссудах на приобретение и строительство или капитальный ремонт жилья. Это серьезный документ, который разрабатывала Федеральная миграционная служба. В разработке участвовали неправительственные организации. Мы работали очень дружно, это вот такой пример единой работы большого коллектива. Наши предложения принимались. Это постановление должно было существенно улучшить положение мигрантов, получающих ссуду, потому что продлевался срок выплаты с 10-и лет до 15-и, увеличилась максимальная сумма, которая, конечно, стала ничтожной из-за дефолта. Там было много чисто правовых улучшений.

Лежит без движения документ о поправках к 510-му постановлению о компенсации жертвам первой войны. Может быть, он был не радикальный, но, во всяком случае, он сделан был так, чтобы положение людей улучшалось: сумма, которую они должны были получить, становилась больше. Расчеты становились правильнее, разумнее, логичнее. Лоббировать это сейчас в правительстве некому, никто этим не занимается.

ВЕДУЩАЯ: А вот что говорят те, кто занимается непосредственно проблемой беженцев и вынужденных переселенцев в регионах.

По телефону я связалась с миграционными службами города Самары и Свердловской области. Говорит Юрий Жернягин.

ЖЕРНЯГИН: Конечно, сама ликвидация - это своеобразное потрясение для каждого работника. Естественно, всё это получает отголоски среди вынужденных переселенцев, которые приходят сюда. На период ликвидации нам дается два месяца, поэтому мы не имеем права в период ликвидации заключать договора на какие-то виды работ, строительные и так далее. А вообще, по закону мы не должны заключать договора на долговременные ссуды.

Таким образом, сейчас, если встать в "букву закона", мы не должны выдавать ссуду людям, которые идут каждый день, хотя у нас есть средства на дальнейшее строительство (ведь нам присылают средства). Мы не имеем права заключать договора в связи с тем, что мы уже ликвидированы. Нам дают два месяца для дальнейшего трудоустройства.

Но я хочу сказать, что мы, конечно, из этого не делаем паники, мы продолжаем работать. И главное, мы стараемся хотя бы успокоить людей тем, что служба есть и будет и что с нами можно сотрудничать. В противном случае получается еще и следующий фактор: ведь сегодня начинают верстаться губернские программы на следующий год. Естественно, каждая миграционная служба хочет решить проблему, чтобы и область участвовала в решении миграционной программы на приобретение жилья, на решение каких-то других

социальных вопросов. Но если мы сегодня уже находимся в стадии ликвидации, естественно сегодня мы не можем задавать вопросы о том, чтобы нас включили в программу следующего года.

У нас предусмотрено финансирование области на этот год на приобретение жилья. Это утверждено Государственной Думой в программе области. Но вместе с тем, мы и сегодня эти средства тоже не можем получить, потому что мы находимся в стадии ликвидации, и я на сегодня являюсь председателем ликвидационной комиссии, а не просто руководителем службы.

То есть всё это создает определенные сложности в работе, особенно с людьми. Я еще раз хочу сказать: сегодня мы продолжаем работать. Но ведь каждый человек, получивший уведомление о ликвидации, уже начинает искать работу и увольняется. Уволился уже начальник организационного отдела, а на место его я брать никого не могу. Фактически напрямую начинаем сами руководить теми людьми, которые есть.

Хотелось бы, чтобы Министерство по делам национальностей и миграционной политики (так, наверно, теперь оно будет обозначаться) решило, может быть, этот вопрос в первую очередь и структурно бы определило по назначениям в территориальных органах, чтобы мы могли спокойно работать с народом. А если есть руководитель, министр, естественно, появится и заместитель, тогда спокойно и без какой-то спешки могут сформировать и структурно министерство. Мне кажется, что это было бы гораздо полезней и спокойней для работы на местах. Все-таки нужно согласиться, что мы в первую очередь работаем с людьми, что мы сегодня находимся на острие вот этих проблем.

ВЕДУЩАЯ: Говорит Борис Перевозчиков, руководитель миграционной службы Свердловской области.

ПЕРЕВОЗЧИКОВ: Что касается приказа о ликвидации Федеральной миграционной службы, то это, безусловно, больше повлияло на моральную сторону. Это, конечно, информация тревожная. Естественно, я пытаюсь всех успокоить тем, что у московских руководителей хватит разума для того, чтобы не ликвидировать территориальные миграционные службы, поскольку мы нужны людям.

Нас сегодня осталось 20 человек на пятимиллионную область с громадной территорией, и люди постоянно, с утра до вечера, к нам приходят. За время существования службы к нам обратилось более 50 тысяч человек. А сейчас особенно, люди у нас - с утра до вечера! Я еще раз говорю: все очень тревожно воспринимают это дело. "Куда, к кому мы пойдём? Кому мы будем нужны?" Это людей беспокоит особенно.

ВЕДУЩАЯ: Борис Иванович, из центра, из Федеральной миграционной службы, появлялись какие-нибудь разъяснения о том, что будет с вами и как будет в дальнейшем строиться эта работа, или нет?

ПЕРЕВОЗЧИКОВ: Абсолютно никакого. Но так по телефону, когда начинаешь спрашивать у кого-то из руководства, говорят, что будет что-то на нашей базе создаваться, какая-то структура министерства нового. Но что это будет, никто пока сказать не может. Все ждут какого-то постановления Правительства, видимо, по структуре министерства и по его штатам. Откровенно говоря, это нас очень и очень беспокоит. Ведь, прежде всего, мы думали всегда только о тех людях, с которыми мы работаем.

ВЕДУЩАЯ: Я попросила разъяснить ситуацию Министра по делам Федерации, национальной и миграционной политики Александра Блохина.

БЛОХИН: Сейчас много говорят о том, что вот это было плохо в Федеральной миграционной службе и это было плохо. Говорят и такое: "Ах, как жаль, что она ликвидирована!" И так далее... Но если много было не так, как хотелось бы, то, собственно, что так все переживают по этому поводу?

В последнее время много говорилось о том, чтобы Федеральная миграционная служба приобрела новый статус министерства. Сегодня фактически это получилось. Сегодня Федеральная миграционная служба стала частью достаточно большого министерства. И пусть она сегодня как не самостоятельная служба, а составная часть министерства. Я не вижу никакой трагедии в этом.

Более того, я мог бы назвать очень много преимуществ того, что Федеральная миграционная служба стала частью Министерства по делам Федерации и национальной миграционной политики. Можно заниматься вопросами обустройства беженцев, вынужденных переселенцев, временно перемещенных лиц без субъекта Федерации. Прописка невозможна, потому что это всегда делается на территориях. А общую политику миграционную, скажем: размещение вынужденных переселенцев без координации, причем не с одним субъектом, а практически со всеми субъектами Федерации, - нужно решать. Координацией Министерство по делам Федерации занималось всегда. Теперь эти вопросы решаются в рамках одного министерства: и миграционные дела, и координация с субъектами Федерации.

ВЕДУЩАЯ: Разве Федеральная миграционная служба этим не занималась?

БЛОХИН: Федеральная миграционная служба этим занималась, но у Федеральной миграционной службы не было функций, которые определяли бы ей, скажем, координирующую роль в региональной экономике, в вопросах национальной политики и так далее. А это вещи, которые имеют самое прямое отношение и к решению проблем беженцев. И если говорить о национальном вопросе, во многом это становится источником того, что мы видим вынужденных перемещенных лиц.

Поэтому я думаю, что все эти вопросы сегодня можно было бы легче решать в рамках одного министерства.

Во-вторых, никто не собирается ликвидировать миграционную службу, и структура нового министерства, все основные блоки, которые существовали в Департаменте федеральной миграционной службы, - они остаются, как самостоятельный департамент. Никто не собирается ликвидировать территориальные органы бывшей Федеральной миграционной службы. Они остаются. Единственное, что меняется, название. Просто это теперь будет "территориальными органами" Министерства по делам Федерации и национальной миграционной политики. Да и по людям никто не собирается "шашкой махать", увольнять всех подряд тех людей, которые работают в Федеральной миграционной службе. Поэтому я как бы не очень вижу те трагические нотки, которые сегодня проскальзывают в некоторых репортажах, в некоторых газетных статьях.

ВЕДУЩАЯ: Здесь, если можно, я возражу. Я связывалась с региональными отделениями, и они действительно находятся в некоторой панике, в некотором непонятии. Может быть, им ничего не объяснили? Ведь им действительно ничего не объясняли!

9-го июня, насколько я понимаю, был подписан приказ о ликвидации региональных миграционных служб. Люди, которые уже имеют опыт работы в миграционной службе, увольняются. Они могут не увольняться, но они спрашивают: "А у нас будет гарантия, что через два месяца мы будем существовать?" Но ведь на местах им никто не говорит, что будет эта гарантия.

Кроме того, сейчас строительный сезон. Многие имеют ссуды на получение денег на строительство жилых домов, но поскольку они находятся в состоянии ликвидации, они же не имеют права пользоваться этими ссудами. И так далее...

БЛОХИН: Что касается самой ликвидационной процедуры... Да, они получили предупреждение об увольнении, но это предупреждение не означает, что через два месяца они будут уволены. Просто закон, трудовое законодательство, обязывает во время ликвидационной процедуры выдать такого рода предупреждение. Мы должны их предупредить не меньше, чем за два месяца, не меньше.

Более того, сама процедура ликвидации одного ведомства и реорганизация другого предполагают определенный порядок. Да, сейчас как бы происходит ликвидационная процедура Федеральной миграционной службы. Но указом Президента все функции миграционной службы переданы нашему министерству. И сейчас, как только в ближайшие дни выйдет постановление Правительства по вопросам Министерства по делам Федерации, национальной миграционной политики, начнется процесс назначения людей, которые были в Федеральной миграционной службе, уже в новое министерство. Мы надеемся, что, по крайней мере, 90 процентов людей останутся и будут работать в новом министерстве.

ВЕДУЩАЯ: Как быть с договорами?

БЛОХИН: Сегодня идет финансирование, идет работа Федеральной миграционной службы так же, как и была. Но сейчас работает и ликвидационная комиссия. Ликвидационную комиссию возглавляет первый заместитель Федеральной миграционной службы Калашников Владимир Васильевич. Ясное ограничение, которое есть, нельзя заключать договора, сроки которых выходят за дату окончания работы ликвидационной комиссии. Здесь будет какой-то период, который, видимо, приведет к некоторым сбоям.

ВЕДУЩАЯ: Впрочем, сразу после указа о ликвидации Федеральной миграционной службы, последствия сказались в первую очередь на тех, кто сейчас наиболее остро нуждается в помощи государства.

Это интервью я взяла у Владимира Лесина, советника Федеральной миграционной службы, в середине июня, когда стали поступать тревожные сведения из Ингушетии.

Сейчас из Ингушетии пришли такие сведения, что ситуация с жертвами вооруженного конфликта в Чечне очень тяжелая, то есть задолженность миграционной службе, задолженность государства перед Ингушетией очень велика. Скажите, пожалуйста, с чем это связано?

ЛЕСИН: Да, я согласен с Вами, что наша задолженность перед Ингушетией, перед теми, кто занимается обеспечением, обслуживанием переселенцев в жилых городках, действительно очень велика. Она уже более 16-и миллионов рублей. И, конечно же, мы делаем и старались делать всё, чтобы налаженная, как мы считали, цепочка направления в эти места финансовых потоков, работала четко. Но прервался этот поток, прервалась эта

цепочка из-за того, что Федеральная миграционная служба указом Президента ликвидирована и сейчас входит или должна входить составной частью в Министерство по делам Федерации и национальной миграционной политики.

ВЕДУЩАЯ: Ситуацию выправили, но принцип - "хотели как лучше, получилось как всегда" - остался.

На сегодня всё. Прочитать наши передачи вы можете в Интернете по адресу: www.memo.ru. До свидания, до новых встреч.

О газете "Маршо"

(Эфир "Радио России" 4 июля 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Сегодня мы снова обратимся к теме событий в Чечне.

Трагические известия, приходящие оттуда, со всей очевидностью говорят нам, что надеяться на скорое прекращение там конфликта не приходится и добиться окончательной победы в подобном конфликте бывает чрезвычайно сложно.

Опыт подобных противостояний во всем мире показывает, что победить в них можно лишь в том случае, если те, кто противостоит правительственным войскам, потеряет базу опоры среди местного населения.

Добиться этого можно фактически двумя путями.

Первый путь - это тот опыт, на который, к сожалению, некоторые из российских политиков не постеснялись публично ссылаться. Это опыт борьбы в Советском Союзе с партизанами и повстанцами на Западной Украине, в Прибалтике и других регионах. Здесь победа достигалась благодаря широким репрессиям против всего населения края, благодаря неизбирательным арестам, коллективным наказаниям, перенесением ответственности на всю семью "бендеровца" на Украине или "лесного брата" в Литве.

Подобные же методы применялись и во многих странах Южной Америки в ходе борьбы с партизанскими движениями. Вполне очевидно, что этот путь, этот опыт не приемлем для тех стран, которые желают двигаться в сторону демократии. Он безусловно неприемлем для России, если только мы не хотим возвращения в нашу страну сталинских порядков.

Террор, как антигосударственный, так и, наоборот, государственный, всегда имеет тенденцию расползаться. Значит, для России остается лишь другой путь - завоевание доверия населения в Чечне и постепенное перетягивание его на свою сторону. Этот не простой путь предполагает scrupulous следование законам со стороны тех, кто призван восстанавливать власть закона. Этот путь предполагает постоянный открытый диалог между властью и общественностью. В противном случае и этот путь окажется для нас закрытым, и тогда остается только тупик.

Но вот к нам поступает тревожная информация из Чечни, - информация о том, как понимают свои права и обязанности по отношению к местной прессе, к местной общественности военный комендант Урус-Мартановского района.

Дело в том, что здесь выходила с примерной периодичностью - раз в две недели - региональная общественно-политическая газета "Маршо". Газета эта официально зарегистрирована в министерстве России по делам печати. Она является независимой и не финансируется какими-либо органами власти. Однако, как мне известно, редактор газеты Хожалиев обращался к представителям федеральных органов власти с просьбой о финансовой поддержке газеты и выделении для редакции автотранспорта. Просьба удовлетворена не была: никакой помощи со стороны органов власти газета не получила. Вместо этого, 9-го июня по местному телевидению выступил комендант Урус-Мартановского района генерал-майор Наумов.

В связи с некачественной записью, я процитирую выступление по местному телевидению генерал-майора Наумова.

"Сегодня был вызван, правда, не ко мне, а в администрацию, редактор газеты для того, чтобы уточнить, на каких позициях стоит главный редактор газеты. Я посылаю туда полковника Кравчука. Оказывается, редактор не пишет о том, что создается, о том, что у нас - свет, вода, работают школы, больницы. А он пишет о каких-то стычках на блокпостах, о каких-то бомбардировках в октябре, о каких-то обстрелах. Ни одного слова о том, что в этот период, начиная с октября - ноября, здесь восстановилась власть, работают органы местного самоуправления, восстанавливаются другие структуры, восстанавливается экономика, восстанавливается сельское хозяйство. Об этом ни одного слова нет, а есть материалы о каких-то непонятных стычках на блокпостах. Причем так красиво расписано! Я его предупредил через полковника Кравчука о недопустимости. Если он не поймет, я его немедленно уберу с этой должности. Немедленно уберу! Да, мы живем не в условиях свободы печати и совести. Как он сказал, мол, есть закон о средствах массовой информации... Да я и без него знаю, что такой закон есть.

Но каждый корреспондент, каждый журналист отвечает за тот материал, который он несет, который он доводит до жителей, до граждан Российской Федерации. А искажение фактов или только одна сторона, которую он отражает в своих материалах, говорит о том, кому он принадлежит. Поэтому все материалы, которые готовятся к выпуску газеты "Маршо", контрольные экземпляры, я приказал ко мне сюда приносить и приносить, значит, в администрацию. Мы живем в условиях чрезвычайного положения, вооруженного конфликта при проведении контртеррористической операции, и публикация, значит, таких антивоенных материалов недопустима. Недопустима! Об этом я предупредил и главу администрации, и других должностных лиц." Конец цитаты.

Запись этого выступления коменданта и все 10 номеров газеты "Маршо" я послала в фонд "Защиты гласности" и попросила председателя этого фонда Алексея Симонова прокомментировать сложившуюся ситуацию.

СИМОНОВ: Поразительно, до чего военные люди плохо знают законы. Причем есть такое ощущение, чем выше военные поднимаются по командной лестнице, тем больше атрофируется у них та часть организма, которая должна реагировать на законодательство.

Генерал-майор Наумов продемонстрировал это в своем выступлении. Оказывается, он слышал о том, что есть закон о средствах массовой информации, но не знает, что в законе о средствах массовой информации, равно как и в Конституции Российской Федерации, черным по белому сказано, что цензура запрещена. Очевидно, он слышал, что в России есть Конституция, в этой Конституции сказано, что журналисты и, вообще, все граждане имеют право на выражение собственного мнения. Очевидно, и эта часть законов своей страны военному коменданту Урус-Мартана неизвестна.

Мало того, оказалось, что комендант Урус-Мартана даже не знает, что в Чечне никто еще не ввел чрезвычайного положения, которое наделяло бы его какими бы то ни было иными полномочиями, кроме тех, которые относятся непосредственно к ведению военных действий или проведению каких-то других акций, предусмотренных его инструкциями. Ни в одной из его инструкций, я берусь это утверждать, не может быть написано, что он вправе осуществлять цензуру местных средств массовой информации.

Газета, о которой идет речь, делается людьми, находящимися в очень трудном положении. С одной стороны, они обязаны (и они это делают) освещать деятельность новых органов власти. Они также должны (и опять-таки делают это) освещать и позитивные сдвиги, которые происходят в этом районе, в том числе, вероятно, благодаря и усилиям этого коменданта. Однако они обязаны знать, что думают, что чувствуют и чем живут их читатели. А их читателям время от времени приходится сталкиваться с обратной стороной деятельности военных на территории Чечни. И то, что они об этом пишут, свидетельствует об их доверии к существующей власти. Власть этого доверия не оправдывает, и выступление коменданта Урус-Мартана об этом наглядно свидетельствует. Он подрывает основы мирного процесса в Чечне, если об этом, вообще, могла бы идти сегодня речь, потому что, попытавшись сделать из газеты некий листок по обслуживанию комендатуры, он сделает так, что этот листок не будет читать никто. И господин комендант лишится возможности общаться с теми, ради которых по официальному статусу он там находится.

ВЕДУЩАЯ: И действительно, мне тоже показалось, что материалы, представленные в этой газете, отнюдь не односторонние и достаточно взвешенные. Почти каждый номер газеты "Маршо" открывается либо статьей о деятельности органов власти Чеченской Республики, Урус-Мартана, либо интервью с должностными лицами.

Я перечислю лишь некоторые из заголовков: "В город возвращается жизнь", "Подарок для тракториста", "Помогли саперы", "Перелом" (об успехе федеральных сил в Грозном). Это в первом номере.

Вот второй номер. "Хочу подчеркнуть, городу помог Кошман" (интервью главы администрации города Урус-Марта), "Идет нормальная совместная работа" (интервью начальника Урус-Мартановского РОВД).

Или вот третий номер. "Кошман в Урус-Мартане. Мы должны определиться, как жить дальше" (интервью с главой администрации Урус-Мартановского района). И так далее.

В двух номерах были напечатаны большие интервью с муфтием Чечни, ныне главой администрации Республики Кадыровым. Но вместе с тем, в "Маршо" иногда появлялись рассказы жителей Чечни о страшных бомбардировках и обстрелах, которые они пережили в ходе боевых действий. В 10-м же номере газеты были напечатаны три материала о случаях, происшедших в мае, когда федеральные военнослужащие творили насилие над мирным населением. Видимо, именно это переполнило чашу терпения генерала Наумова.

О чем же эти материалы? Да о том, о чем говорят очень многие жители Чечни: о том, как 16 мая военнослужащие расстреляли автомашину, жестоко убили ее пассажиров, надругались над женщинами; о рукоприкладстве на одном блокпосту; о том, как БТР раздавил легковую машину на другом блокпосту.

Казалось бы, как должен был реагировать комендант, когда газета сообщает о бесчинствах, творящихся в его районе? Наверное, он должен был приложить все силы для того, чтобы все эти факты были немедленно проверены, преступления, если они были, расследованы, виновные наказаны. Если же факты не подтвердились, то следовало бы честно и подробно рассказать об этом жителям Урус-Мартановского района и, лишь после этого, пытаться в рамках закона добиваться того, чтобы газета печатала только проверенную информацию.

Я попросила прокомментировать ситуацию с газетой "Маршо" специального представителя Президента Российской Федерации по обеспечению свобод и прав человека и гражданина в Чеченской Республике Владимира Каламанова.

КАЛАМАНОВ: Я переговорю с генералом. Что он имел в виду? Я должен видеть материал. Только после того, как я получу подтверждение, я выскажусь.

Но есть две вещи, которые неотвратимы в регионе. Несомненно, ситуацию мы можем определить как определенное приостановление отдельных прав человека и гражданина во время контртеррористической операции: то есть "комендантский час", передвижение ограничено. Правильно? Правильно. Были ограничения с паспортными системами, то есть вводились какие-то спецпропуска и так далее. Но определить, например, ту или иную газету, ту или иную статью как раз во время проведения контртеррористической операции..? Тут определенные свободы средств массовой информации, - они тоже подвергаются критике, то есть цензуре.

Я изучу вообще газету. Если газета не позволяла себе призыв к насильственному устранению военных, к мятежу, к каким-то делам, то, дай бог, пускай, как можно больше таких газет выходит. Если же в этой газете были какие-то моменты, которые вызвали такую реакцию у генерала, то мы будем рассматривать это еще раз и принимать определенные меры.

ВЕДУЩАЯ: Наверное, прежде чем так выступать, генерал-майор мог подать в суд, и суд должен бы определить: нет ли здесь призывов каких-то. Это первое.

КАЛАМАНОВ: Я отвечаю. Тут Вы чуть-чуть не правы. Дело в том, что суд сейчас отсутствует в Чечне. Это трагедия. Как только мы введем судебную систему: хотя бы одна, две, три судебных инстанций будут установлены, -тогда можно обращаться в суд.

Второе. Коменданты наделены определенными властными полномочиями сейчас, вот именно сейчас, в этот переходный период. Они имеют право, если сочтут ситуацию, как угрозу национальной безопасности или угрозу терроризма, призыв террористов что-то произвести, - они имеют полное право закрывать, открывать... Вот мы и подходим к ситуации, о которой я говорил. Ситуация очень сложная там. Дело в том, что приостановлены определенные пункты Конституции. Я имею в виду положения Конституции, касающиеся прав человека. Но это по объективным причинам.

ВЕДУЩАЯ: А теперь комментарий кандидата юридических наук, члена Независимого экспертно-правового совета, доцента Московской государственной юридической академии Виля Кикотя.

КИКОТЬ: Мое мнение на этот счет исходит вот из чего. Исходя из провозглашенных нашим президентом Владимиром Владимировичем Путиным идей: господство закона, регулирование всей жизни общества на основании Конституции, включая идею восстановления конституционного строя в Чечне, - многие заявления, которые мы слышим по поводу действия печати, действия властей в Чечне требуют серьезной, строгой оценки с точки зрения действующей Конституции. Те права человека и гражданина: свобода печати и так далее, - которые гарантированы установленной Конституцией и законами, изданными в соответствии с ней, могут быть ограничены лишь в том порядке, который установлен самой Конституцией. Конституция предусматривает, что в ряде случаев может вводиться чрезвычайное положение, при котором такие-то права и свободы

человека и гражданина могут быть ограничены, а другие вовсе не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах.

В Конституции предусмотрен также, без более подробного описания, и другой порядок, который должен допускать, по-видимому, какие-то ограничения. Это - военное положение. Однако ни чрезвычайное положение, предусмотренное Конституцией, ни военное положение, упомянутое в ней, нигде на территории Российской Федерации не установлено. Поскольку Конституция есть закон прямого действия, она имеет высшую юридическую силу и прямое действие. Она могла бы служить самостоятельным основанием для введения, например, чрезвычайного положения, поскольку в ней установлен целый ряд его элементов. Однако этого не сделано. Наши законодатели, наш Президент, прежний и нынешний, наше Правительство не предприняли в этом смысле необходимых действий. А поскольку чрезвычайное или военное положение не установлено, то никакие ограничения прав и свобод человека и гражданина, никакие другие конституционные положения не могут быть нарушены никем.

Правда, существует такое ложное мнение, довольно распространенное среди чиновников, кажется, также среди военных, (несколько лет назад его даже откровенно провозглашали), что им приказа достаточно. Я думаю, что ничего не может быть более ложным, несправедливым, я бы даже сказал преступным, нежели такое мнение. **Незаконный приказ не подлежит исполнению. Исполнение незаконного приказа есть преступление.** Напоминаю об этом: международное признание этой идеи выражено очень ясно и в Уставе Нюрнбергского трибунала, и в ряде других, более новых, международно-правовых документах.

Поэтому если какой-то человек, политик, генерал, администратор, заявляет, что мы живем в условиях чрезвычайного положения, - это неправда. **Чрезвычайное положение может быть установлено в силу Конституции, в силу закона, актом высших органов государственной власти.** Этого не сделано - нет чрезвычайного положения! И поэтому, вопреки закону, своей волей вводить чрезвычайное положение не имеет права никто!

Кроме того, надо разобраться с этими выражениями. Иногда говорят, что публикация антивоенных материалов нежелательна. Конечно, клевета против армии крайне нежелательна. Но правду ограничивать нельзя! Ни под каким предлогом! Если, к сожалению, бывают еще случаи, когда отдельные военнослужащие совершают преступления, действуют незаконно, мародерствуют, то такие случаи, безусловно, должны предаваться гласности.

ВЕДУЩАЯ: Меня в сложившейся ситуации больше всего беспокоит следующее. Я боюсь, что подобное выступление коменданта может быть воспринято жителями Урус-Мартановского района, теми, кого он призван защищать от беспредела и насилия с любой стороны, как сигнал, указывающий на то, что комендант Наумов не готов идти на честное расследование преступлений и на публичное обсуждение их итогов. И жители поймут, что комендант не гарантирует им защиту от произвола и бесчинств.

На сегодня все. Прочитать наши передачи вы можете в Интернете по адресу: WWW.MEMO.RU. До свидания! До новых встреч.

Поправки к закону

(Эфир "Радио России" 20 июня 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Сегодня я хочу вернуться к нашей передаче, прошедшей в эфире 16-го мая этого года. В ней шла речь о проекте федерального закона "Об изменении, приостановлении действия и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с федеральным Законом "О федеральном бюджете на 2000-й год".

Приведу фрагмент из нашей той передачи.

Автором данного законопроекта является правительство. Интересно, что правительство неоднократно вносило такой законопроект в Думу прошлого созыва, но тогда он даже не принимался Думой к рассмотрению. Да и теперь при рассмотрении законопроекта в первом чтении 7 апреля депутаты отвергли его, но уже через пять дней они вернулись к его обсуждению и неожиданно приняли.

Что же принесет этот закон гражданам России, если он будет принят?

Проект закона предусматривает отмену установленных Законом РФ "Об образовании" и Федеральным Законом "О высшем и послевузовском профессиональном образовании" государственных гарантий в ежегодном выделении средств на нужды образования в размере, не менее 10% национального дохода. Этот же проект закона предусматривает и отмену доли расходов на финансирование профессионального высшего образования в размере, не менее 3% расходной части федерального бюджета. Исключаются также нормы, устанавливающие повышенную ставку заработной платы и должностных окладов работникам образовательных учреждений. Признаются утратившими силу положения Основ законодательства РФ о культуре: об обязательном направлении не менее 2% средств федерального бюджета на цели культуры.

Отменяются положения Закона "О науке и государственно-технической политике", предусматривающие выделение средств, не менее 4% расходной части бюджета, на финансирование научных исследований и экспериментальных разработок гражданского назначения.

Этот же законопроект предполагает исключить нормы целого ряда законов, устанавливающих льготы различным категориям граждан. Перестает действовать норма Закона РФ "О реабилитации жертв политических репрессий" - "О праве репрессированных на получение беспроцентной ссуды для приобретения жилья или стройматериалов для строительства жилья".

Из Федерального Закона "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" исключается положение "О финансировании из федерального бюджета расходов на создание специальных рабочих мест для трудоустройства инвалидов".

Отменяется ряд льгот, установленных Законом РФ "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации, вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС", участникам ликвидации аварии, гражданам, подвергшимся радиационному облучению и проживающим на зараженной территории.

Лишаются ряда льгот ветераны. Студенты лишаются всех льгот на проезд в междугороднем транспорте.

Упраздняются льготы, предоставляемые средствам массовой информации, по услугам почтовой, телеграфной и телефонной связи.

И так далее, и так далее...

Вот как комментировали тогда избранники народа этот законопроект. Геннадий Кулик, заместитель председателя Комитета по бюджету и налогам (фракция "Отечество - Вся Россия").

КУЛИК:

Дума второго созыва приняла бюджет к исполнению, не найдя источников для того, чтобы обеспечить финансирование этих законов. Поэтому вполне логично, что сегодня Правительство спрашивает новых депутатов: или мы будем пересматривать бюджет и искать дополнительные источники для того, чтобы выполнить все льготы, которые напринимала за последнее время Государственная Дума, или мы вынуждены искать выход из создавшейся ситуации. Это, как говорится, по форме: "Выбирайте, что вы хотите".

Теперь по существу. Я считаю, что Правительство в данном случае поступило абсолютно правильно. Думаю, оттого, что мы говорим "халва, халва", во рту сладко у человека не бывает. Но если Государственная Дума приняла законы, которые не подкрепляются финансовыми ресурсами и не реализовываются на практике, то, кроме раздражения, у человека это ничего не вызывает. Да, надо жить по средствам, надо сегодня исполнять те законы, которые имеют финансовое обеспечение.

Теперь о самих льготах, что так взволновало. Я тоже получаю очень много телеграмм. Меня представляют чуть ли не врагом номер один, который как бы лишил многих льгот. Есть льготы таможенные, которые даны кинематографистам на ввоз продукции и разного оборудования на территорию Российской Федерации.

Я хочу задать вопрос. Вот нет льгот на лекарства, которыми пользуются все люди, а группе кинематографистов льготы даны. Причем они делают продукцию, мягко говоря, не всегда в пользу нашего народа. Уж такие фильмы снимают, что иногда их бы лучше не показывать. Так что, я думаю, видно: потеря оттого, что мы приостановили действие этой льготы, или польза?

Много было написано таких обещаний, которые никогда не реализовались, но в то же время как бы давали какую-то надежду людям: "А, когда-то моя зарплата будет такая же, как у Черномырдина, который работает в газовой отрасли промышленности и получает неплохую зарплату..."

ВЕДУЩАЯ: А вот что мне тогда сказал заместитель председателя Комитета по образованию и науке Олег Смолин (Агропромышленная депутатская группа).

СМОЛИН:

Я хотел начать с того, что, работая уже в четвертом парламенте, я сталкиваюсь впервые с такой ситуацией. Ни один другой парламент: ни Верховный Совет, ни Дума первого или

второго созыва - таких решений не принимали, хотя Правительство с такими предложениями выходит не в первый раз.

Во-вторых, я считаю, что закон представляет собой чрезвычайно опасный прецедент, поскольку одним законодательным актом пытаются отменить сразу 26 важнейших законов по части социальных гарантий для людей. Мы считаем, что это можно делать только путем внесения изменений и дополнений в конкретные законы, а не разом все отменять. Не случайно закон получил кодовое название - "братская могила" (хотелось бы думать, что это только для социальных законов, но за этим может последовать и для социально незащищенных людей).

В-третьих. Нам постоянно говорят, что закон отменяет только льготы, которых слишком много наплодили в Российской Федерации. Это неверно. Закон отменяет не только льготы, он отменяет важнейшие нормы, касающиеся финансирования, в частности, бюджетной сферы: 3 процента федерального бюджета - на высшее образование, 4 процента федерального бюджета - на науку. Закон отменяет и статьи, касающиеся оплаты труда работников образования, а к ним привязана, между прочим, оплата труда работников культуры по закону, и так далее, так далее. Разве у нас заработная плата уже стала льготой? Весьма странно мы переходим к рыночной экономике.

Четвертая позиция. Нам говорят, что закон якобы отменяет только недействующие льготы. Это неверно. Закон отменяет и часть действующих социальных гарантий. Например, статья 22 Федерального закона "Об инвалидах". Плохо ли хорошо, но она, по крайней мере, имела моральные действия. Речь идет о создании рабочих мест для инвалидов. Я знаю прекрасный центр в Москве, который создает рабочие места для незрячих людей. Там такой хороший опыт, который можно продемонстрировать даже Европе. Теперь нам говорят, что федеральный бюджет все это поддерживать не будет, а это значит, что мы не сможем такой опыт распространять по другим регионам. Не все регионы так же богаты, как Москва.

То же самое относится к гарантиям, например, транспортным для ветеранов. Во многих случаях ведь они действуют. А таким образом часть людей потеряет существующие социальные гарантии.

И, наконец, следующая позиция, очень важная. Законы в России имеют еще то значение, что можно, опираясь на закон, по крайней мере, чего-то добиваться. В нынешнем законе есть статья 127 бюджета, которая прописывает, как нужно тратить дополнительные доходы бюджета (они, кстати, есть в этом году) на те же самые социальные программы. Отменив действие 26 статей, которые написаны в этом законе, мы лишаемся возможности добиваться, чтобы за счет дополнительных доходов тратили деньги на социальные программы. Это одна сторона.

Дальше. На очереди бюджет 2001 года. Пока нормы действуют, мы, по крайней мере, имеем законные основания добиваться, чтобы законы исполнялись. Как только их отменяют, те, кто стремится к защите социально незащищенных категорий людей, лишаются последнего рычага. Это очень важная позиция.

Наше глубокое убеждение в том, что закон противоречит 55-ой статье Конституции, пункту второму, он ухудшает положение людей. Такой закон принимать не следует.

ВЕДУЩАЯ: А вот, как аргументировала свою позицию фракция "ЯБЛОКО", 76 процентов которых проголосовало за принятие этого закона. По телефону я связалась с Сергеем Иваненко, заместителем председателя фракции "ЯБЛОКО".

ИВАНЕНКО:

Фракция "Яблоко", при принятии решения о голосовании по закону о приостановке действия льгот, исходила из того, что мы условно поддерживаем этот закон в первом чтении. Безусловно, мы отдаем себе отчет в том, что те категории граждан и в образовании, и в культуре, и работники Крайнего Севера не должны лишаться льгот и их жизненный уровень не должен ухудшаться.

Но проблема гораздо более сложная. Этот закон уже пять лет кочует в Думе, он блокируется фракцией КПРФ, исходя из достаточно демагогических заявлений о том, что нельзя нарушать права трудящихся. Результатом стало то, что последние пять лет большинство этих льгот не финансируются реально. Это с одной стороны.

С другой стороны, в этом законе существуют позиции, связанные с министерскими льготами, с таможенной службой, с налоговой полицией, - позиции, которые должны быть, безусловно, отменены. Одним словом, это достаточно сложный закон. И мы приняли решение поддержать его в первом чтении, с тем чтобы ко второму чтению были внесены поправки, которые сохраняют то положительное, что надо сделать: отменить необоснованные льготы и обеспечить реальное финансирование тех категорий людей, которые действительно в этом нуждаются (реальное адресное финансирование). Но нельзя допустить вот такого, чоком, отношения ко всем людям, которые затрагиваются действием этого закона.

Такие поправки подготовлены, они уже внесены фракцией. И если они не будут поддержаны, мы этот закон, конечно, принимать не будем.

ВЕДУЩАЯ: 21-го июня планируется к рассмотрению во втором чтении этот проект закона уже под новым названием - "О приостановлении действия некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи со вступлением в силу федерального Закона "О федеральном бюджете на 2000-й год". Как видно из нового наименования законопроекта, он претерпел существенные изменения, чему во многом способствовали многочисленные протесты трудовых коллективов, профсоюзных и правозащитных организаций.

Какие же поправки внесены? Об этом говорят депутаты Государственной Думы. По телефону я связалась с Олегом Смолиным.

СМОЛИН: Итак, мы имеем на руках проект закона "О приостановлении и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Российской Федерации в связи с бюджетом 2000-го года". Этот проект закона завтра будет обсуждаться во втором чтении. Ну что сказать по этому поводу? Законопроект, по сравнению с первым чтением, сильно улучшен. Некоторые поправки, которые, в частности, предлагал я, приняты. Например, авторы законопроекта решили все-таки оставить в покое закон "О социальной защите инвалидов Российской Федерации". Инвалидов в этом законе трогать не будут.

Другие поправки частично учтены. Например, в первом варианте закона предлагали отменить совсем или изменить редакцию целого ряда статей социальных законов, касающихся образования и науки. Предлагали также исключить всё, что касается оплаты

труда педагогических работников и, вообще, что касается финансирования образования и науки. А сейчас, в основном, преобладают такие формулировки: приостановить на 2000-й год в части необеспеченной финансированием из федерального бюджета... Вот такие мудреные формулировки преобладают. То есть не отменить целиком и даже не изменить редакцию закона. А поскольку в бюджете 2000-го года вроде как эти деньги не предусмотрены - данная норма приостанавливается. Надо сказать, что такая формулировка, по мнению бюджетного комитета, учитывает и то, что по статье 127-ой бюджета возможны дополнительные деньги и дополнительное финансирование социальной сферы. Вот с такой формулировкой: приостановить в части, не обеспеченной бюджетом, - в закон попали, к сожалению, и образование, и наука, и культура, и кинематография, и репрессированные, и чернобыльцы, и целый ряд других позиций. И все долги закон "простил" всем социальным фондам.

Характерно еще (пожалуй, стоит заметить), что в части, касающейся студентов, вообще исключили из этого законопроекта норму. Другими словами, по студентам не приостановлена норма на 2000-й год. Я думаю, это связано напрямую с тем, что студенческие профсоюзы заявили, что если их лишат законодательно установленных гарантий, то студенты выйдут на улицы.

Повторяю, в таком варианте закон, конечно, стал значительно лучше. И тем не менее, он создает весьма неприятный прецедент. Вместо того чтобы исполнять законы, мы пытаемся их, хотя бы и временно, приостанавливать.

Поэтому я лично буду голосовать против этого закона, такова же позиция профсоюзов. Я думаю, что и фракции "КПРФ" и "Агропромышленная депутатская группа", в которой я работаю, тоже проголосуют против этого проекта законов.

Мы считаем, что наша главная задача сейчас - не отменять или приостанавливать социальные нормы, а совместно искать решения, как их выполнить. В ином случае это войдет в практику, и каждый год мы будем приостанавливать те законы, на которые якобы нет денег. На самом деле я уверен, что деньги в стране есть.

Вот одновременно с господином Грефом у нас в Государственной Думе выступал академик Львов, лидер всех экономистов Российской Академии наук, руководитель экономического отделения Российской Академии наук. Он прямо сказал господину Грефу очень простую вещь: "До тех пор, пока все гигантские доходы от продажи сырья и других природных богатств России достаются олигархам, - до тех пор никакие социальные программы в России решаться не будут".

Мы против отмены или приостановления социальных законов, потому что мы считаем, что стране нужен другой экономический курс.

ВЕДУЩАЯ: Сергей Митрохин, заместитель председателя Комитета по вопросам местного самоуправления (фракция "ЯБЛОКО").

Какова реакция в регионах на принятие проекта этого закона?

МИТРОХИН: Реакция резко отрицательная, особенно на Севере. Закон предполагает прекратить выплату государственных гарантий и компенсаций небюджетным предприятиям. Для жителей Севера это не просто материальный ущерб. Здесь ещё не менее важен и психологический ущерб. Они считают, что государство нанесло по ним

удар. Государство принятием этого закона отказалось от понимания тех тяжелых суровых условий, в которых сегодня находятся жители Севера.

ВЕДУЩАЯ: Какова сейчас позиция фракции "ЯБЛОКО"?

МИТРОХИН: Поправки фракции "ЯБЛОКО" не были приняты. Для нас из самых главных приоритетов является образование, в том числе и вузовское, а также и культура, и все вопросы, связанные с образованием. Мы внесли поправку, которая требовала устранить из закона положение, ликвидирующее таможенные льготы для книжной, печатной продукции, связанной с целями образования. Наша поправка не была учтена. Мы считаем, что это будет серьезный удар и по образованию, и по культуре, и, естественно, по всей читающей, учащейся России. Поэтому наше мнение категоричное: мы будем голосовать против принятия этого закона во втором чтении.

Вот две основные позиции. Мы против нанесения ущерба жителям Севера. Мы против нанесения ущерба образованию. И по ряду других статей тоже у нас есть резкие возражения. Поэтому фракция "ЯБЛОКО" будет голосовать против этого закона.

ВЕДУЩАЯ: Мнение Виктора Похмелкина (фракция "Союз правых сил").

ПОХМЕЛКИН: Надо сказать, что профильный Комитет по бюджету и налогам принял довольно много из тех поправок, которые были предложены мной. Может быть, потому что целый ряд депутатов и других субъектов право- законодательной инициативы поддержали одни и те же поправки, не сговариваясь.

В частности, речь идет о том, чтобы не приостанавливать действие льгот в отношении инвалидов, в отношении ветеранов, в отношении пенсионеров. То есть все те нормы, которые были связаны с ограничением прав этих категорий граждан, фактически во втором чтении сняты, и поэтому никаких дискриминационных мер здесь не предвидится.

Вместе с тем, некоторые мои поправки попали в таблицу отклоненных, и я буду настаивать на пленарном заседании на их отдельном рассмотрении. Три принципиально важные из них. Первая - это исключение из числа приостановленных норм, которые предоставляют определенные льготы жертвам политических репрессий. В частности, такие нормы были приняты в первом чтении. Я считаю абсолютно неправильным, каким бы то ни было образом, ограничивать в правах людей, которые пострадали от сталинского геноцида. Это неправильно и с политической, и с социальной, и с нравственной точки зрения.

Второе. Я буду настаивать на том, чтобы были сохранены все льготы до 2002-го года, как это предусмотрено для средств массовой информации. Комитет, к сожалению, здесь поправки занес в таблицу отклоненных, то есть он их не поддерживает. Полагаю, что это неправильно. Нельзя в сегодняшних условиях, без каких бы то ни было компенсаций, лишать тех льгот, которые установлены в отношении средств массовой информации. Боюсь, что это будет воспринято как некая политическая акция. В условиях, когда идет откровенное наступление на свободу слова, мне кажется, парламент обязан защитить средства массовой информации и ни в коей мере не допускать дискриминационных мер.

И третья серьезная поправка, которая рекомендована к отклонению, связана вот с чем. Я считаю, что коль скоро принимаются такие непопулярные, в отношении населения, законы, то власть обязана начинать с лишения льгот самой себе, представительной власти. Поэтому я подал поправку о том, чтобы на этот период приостановить действие льгот в

отношении депутатов Государственной Думы. (Имеется в виду надбавка по пенсиям, которая сегодня существует в размере 75 процентов, бывшим депутатам Государственной Думы, бывшим членам Совета Федерации.) Я считаю: тогда есть какое-то этическое оправдание и всем остальным мерам. Комитет со мной не согласился и рекомендовал эту поправку к отклонению. Я считаю: крайне важно все-таки настоять на том, чтобы эта поправка была принята. Без нее, мне кажется, такого рода законопроект лишается нравственных оснований и не может быть принят.

ВЕДУЩАЯ: Вы эти поправки вносите от себя лично или от фракции?

ПОХМЕЛКИН: Я вношу от себя лично. Но что касается последней поправки, да и не только последней, а по всем трем позициям, я абсолютно уверен, что фракция единодушно поддержит меня. Ведь и защита жертв политических репрессий, и защита средств массовой информации, и борьба с депутатскими привилегиями - являются важнейшими принципиальными положениями нашей программы, важнейшими ориентирами нашей законодательной работы в Государственной Думе.

ВЕДУЩАЯ: Скажите, а вот что касается лишения некоторых льгот образования, кинематографа.. ? Как там?

ПОХМЕЛКИН: Здесь, насколько мне известно, не всё решено однозначно. Вместе с тем, в значительной части все-таки учтены поправки, которые были направлены на отмену положений, приостанавливающих льготы в отношении образования и культуры. Но, как я понимаю, дискуссия будет продолжена на заседании Государственной Думы.

ВЕДУЩАЯ: Это будет только во втором чтении? Вы не думаете, что это будет второе и третье чтение одновременно?

ПОХМЕЛКИН: Я думаю, что трудно будет принять этот закон сразу во втором и третьем чтении. Он слишком сложный: там много внутренних положений, которые находятся между собой в противоречии. Наконец, какие-то поправки могут быть приняты непосредственно на пленарном заседании, и, следовательно, полагаю, не удастся совместить второе и третье чтение. Думаю: они будут разнесены. Но только, хотел бы напомнить, что при третьем чтении уже никакие содержательные поправки не рассматриваются, а идет только юридическая и лингвистическая доработка принятого во втором чтении текста.

ВЕДУЩАЯ: На сегодня всё. Прочитать наши передачи вы можете в Интернете по адресу: www.memo.ru. До свидания, до новых встреч!

Интеллигенция в современном обществе, часть 2

(Эфир "Радио России" 13 июня 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Мы продолжаем тему "Интеллигенция в современном обществе".

"Интеллигенция - это умный, понимающий, знающий, мыслящий общественный слой людей, профессионально занимающихся творческим трудом, развитием и распространением культуры". Такое определение интеллигенции дал в 60-е годы 19-го века известный писатель Петр Боборыкин. Но какова же роль интеллигенции сегодня в российском обществе? Об этом я беседую с критиком, историком искусств Василием Кисунько.

КИСУНЬКО: Сегодня одна из самых больших проблем та, что приходится слышать со всех сторон: дескать, мы, интеллигенция, сделали революцию и оказались при "пиковом интересе". Вы, кстати, как сами к этому относитесь?

ВЕДУЩАЯ: А я до сих пор не могу понять, что такое интеллигенция на самом деле. Понимаете, это действительно очень размытое понятие: никаких четких границ.

КИСУНЬКО: Вы знаете, я недавно слышал по телевизору интервью одного писателя. Глядя в потолок, он весьма нарцисстическим тоном говорил о том, что "Россия живет только тогда, когда она зажата и спит, а когда она просыпается и начинает гулять, то жди неприятностей". После этого он мечтательно вздохнул и сказал: "Кажется, наконец, она засыпает".

Но вот как мне быть? Он вроде бы тоже человек интеллигентной профессии. Наверное, здесь тоже существует водораздел. Одно дело - профессия, другое дело - какое-то внутреннее самоощущение и внутренняя убежденность в том, что (я опять должен вспомнить Александра Александровича Блока), "интеллигент - это ценность не вещественная". Это тоже опасная и прекрасная формула, потому что этим спекулировать можно сколько угодно. И сегодня это стало уже расхожей формулой, что искусство, культура и литература, в частности, хорошо живут тогда, когда они зажаты и голодны. Якобы голодный художник будет творить, а сытый художник (позволю такое фигуральное выражение), с "ожиревшими мозгами", - он не очень-то этими мозгами шевелит.

То есть мы с вами в который уже раз приходим к тому, что само понятие интеллигенции и то, что связано с ее деятельностью, ее роль в обществе, - это "дышло, которое куда повернешь, туда и вышло". И, для любителей таким "дышлом" манипулировать это оказалось весьма удобно.

Я бы еще об одной вещи сказал, очень больной. Понимаете, интеллигенция может быть, кроме всего прочего, и носителем иллюзий. Интеллигенция может быть творцом мифологии. Об этом я говорю с особой тревогой, потому что сейчас, очевидно, наступает пора, когда нам чуть ли не из всех "утюгов" говорят, что пора сотворить некую новую мифологию, подчинить ей сознание народа, и вот тогда мы, дескать, выйдем из кризиса. Это одна из тех вещей, к которым я отношусь с очень большой опаской.

Есть и еще одна сторона этого дела. Есть миф о самой интеллигенции, миф, который она сама очень любит культивировать. И вот этот культивируемый миф о самой себе, по моему, дает тоже замечательную возможность манипулировать интеллигенцией.

Я прочел недавно интервью одного очень хорошего режиссера. Это такой хороший, крепкий постмодернистский режиссер. Он сказал, что художник (он об актере говорил, но обобщил вполне) по натуре своей предатель, что он должен *изменять* актеру, режиссеру. Понятное слово, да? Но с другой стороны, именно поэтому он изменяет и нам? И я себе представил в качестве предательницы, скажем, Марию Николаевну Ермолову - у меня не получилось. Я представил себе Льва Николаевича Толстого, который сказал: "Не могу молчать". А потом что-то такое в мозгу его "посветило", да и Софья Андреевна, в конце концов, допилила и сказала: "Лев Николаевич, а что тебе больше всех надо?". И Толстой по тому же принципу, как он описывает неоднократно в своих дневниках, поворочался, поворочался до утра, а потом решил: ну что, действительно, мне больше всех надо!? И выступил Лев Николаевич Толстой с всероссийским набатным манифестом "Могу молчать". Можно себе представить, как все это было бы "красиво".

То есть, наверное, все-таки есть какая-то закваска независимо от того, говорит человек в полный голос или умолкает. И в этом тоже есть, в конце концов, иногда в высшей степени выраженная позиция. Но вот остается какая-то основа. Я к этой основе всю жизнь присматриваюсь, присматриваюсь в том смысле, что осталось...

ВЕДУЩАЯ: От основы?

КИСУНЬКО: От былых времен, от опыта. Нет, я не хочу сказать, что от основы ничего не осталось. Как раз хочу сказать, что эта основа сохраняется.

Здесь я хочу еще раз подчеркнуть: вот этот опыт былых времен...

ВЕДУЩАЯ: Былых? Что Вы имеете в виду?

КИСУНЬКО: Я имею в виду хотя бы тех людей, которых я уже назвал или которые были рядом с ними. Я имею в виду, скажем, Николая Мельгунова, который прочитал стихотворения "Клеветникам России" и "На взятие Варшавы" и пришел в ужас от того, как мог Пушкин...

Я имею в виду и Александра Ивановича Герцена, которому было невероятно тяжело идти против течения, когда началось польское восстание в 1863-м году. Ведь тогда всё действительно умное, прогрессивное, понимающее интересы России, понимающее необходимость реформ, в подавляющем большинстве - шарахнулось... И Герцену пришлось (простите, я произнесу некогда очень затасканную форму, но сегодня она вдвойне актуальна) - спасти честь русской демократии вот этой своей позицией одиночки.

Знаете, я последнее время часто размышляю об этом опыте одного из великих писателей и одного из самых замечательных людей России прошлого века. Ведь у него был прекрасный вариант сказать: да, конечно, но реформы идут... Реформы-то на самом деле при всём том, что произошел откат и многое не удалось тогда реализовать, всё же шли. А он почему-то, тем не менее встал на эту позицию, кстати, как и целый ряд просто профессиональных и умных людей. И в администрации, в которой говорили тогда, что Польшу рано или поздно всё равно придется отпустить и не лучше ли это сделать сейчас, без крови, - то есть, очевидно, уже были такие моменты выбора.

Но вообще жизнь, как выбор, это тоже неизбежная черта в судьбе интеллигенции. И я бы сказал, в числе основных черт есть это *умение* делать выбор, хотя само слово это опасное. Каждый делает, в конце концов, свой выбор, но при этом основа, или стержень, если хотите, должен присутствовать. Что я имею в виду? Всегда есть нравственный стержень, который интеллигенции свойственен не по роду занятий, не как людям интеллигентных профессий, а как что-то бытийное, внутреннее. Это то, что я называю для себя "чувство другого человека". И здесь совершенно не обязательно быть носителем высшего образования и прочего. Ведь это тоже или есть, или нет: вот это чувство другого человека, чувство другого народа, другого языка и понимание этого. К примеру, скажем, сейчас столько людей, которые блестяще изучают языки, вполне инструментально ими пользуются (я с этим сталкивался неоднократно), но многие из них органически лишены способности понимать дух другой культуры, дух другого народа, *инако́сть*.

Вот если бы у меня спросили, что я понимаю под словом "интеллигентность", то я, прежде всего, назвал бы просто *ощущение другого человека*. Это то, что сегодня у нас в обществе трагически теряется, и это естественно.

Раньше я как-то думал, что теперь мы испытываем второначалное накопление, теперь я понимаю, что уже третьеначалное накопление мы переживаем вот в этих диких формах... А это ведь всегда атомизация Общества, то есть ощущение, испытываемое человеком наедине с самим собой. Это всегда очень неуютно. Это проходили многие народы. А мы как-то очень болезненно проходим это уже в третий раз. Один раз это было в прошлом веке, второй раз было в начале нынешнего века, третий раз - сейчас; при этом уже сформировывается определенный тип мироотношения, мировоззрения. И когда начинается это толкание всеобщее, еще не превратившееся в броуновское движение, которое держит структуру, это, действительно, болезненно воспринимается. Можно понять и людей, которые это болезненно воспринимают, и можно понять раздражение, которое вызывают люди, стремящиеся все-таки сохранить нормы, связанные с традиционным русским понятием *интеллигентности*.

Кстати говоря, когда я говорю о чувстве другого человека, может быть, с этого начинается и то, Татьяна, чем Вы занимаетесь: права человека. Ведь *права человека* сегодня - одна из самых заболтанных фраз. Смотрите, вместо того, чтобы ударить меня микрофоном по голове, Вы печально киваете головой. Причем эту фразу взяли на вооружение как раз люди, которые менее всего способны осмысленно или хотя бы сочувственно произносить это словосочетание.

Когда сегодня мне вполне серьезно и финансисты, и политики объявляют, что права человека - это какое-то устаревшее и ненужное романтическое понятие, я, естественно, не могу этого принять, хотя и бывает занятное желание их понять. Когда же словосочетание "права человека" я очень часто слышу из уст людей западных, Вы знаете, нередко мне тоже становится тошно. У меня уже ощущение такое, что многие из них, притом, что их со школы, наверное, таким образом воспитывают, - так они это *выучили* как "дважды два четыре". И очевидно, у них это очень хорошая сетка, схема, которую они налагают на окружающую действительность. Это всё превращается, да простите Вы меня, как у Василия Ивановича Чапаева с Петькой, в мировом масштабе в такое шаманское заклинание. При таком заклинании достаточно, чтобы права были написаны на бумажке, а человек мешает. И так, иногда глядя на хронику из "горячих точек" планеты (хочу подчеркнуть - планеты), я с большим интересом наблюдаю своего рода *па-де-де* тех, кто эти права нарушает, и тех, кто за эти права, я еще раз прошу прощения, профессионально борется. А, собственно, человек, покуда он еще не рухнул под тяжестью чего-нибудь окружающего, что вполне осуществимо, - и вот он ждет, когда они договорятся в этой

сегодняшней, с одной стороны, шаманской абстрактности прав человека, а, с другой стороны, трагической их конкретности. Мне кажется, что сегодня формализация самого понятия, бюрократизация всего этого процесса борьбы "за" - это уже свершившийся факт.

И когда очень большой художник мирового класса, услышав имя Сергея Ковалева, нехорошо блестит глазами из-под бровей и публично обвиняет этого человека чуть ли не в государственной измене, я начинаю размышлять о том, как еще далеко до соединения того, что на Руси от века называлось интеллигентностью, с этим пониманием коренных задач правозащитного движения.

Кстати говоря, у Сергея Адамовича Ковалева есть какие-то вещи (я читал его сборник, недавно вышедший), которые у меня тем не менее вызвали резкое возражение. Я понимаю пафос этого человека, я понимаю, что его правозащитная деятельность это не профессия, это образ жизни. Вот когда речь идет о такого типа правозащитной деятельности, я ее понимаю. Когда же речь идет об очередной форме охоты на ведьм, я задаю вопрос: а при чем тут правозащитная деятельность?

Очень трудно сегодня в нашей ситуации людям сориентироваться. Но мне кажется занятным, что коммунисты дружно голосовали против закона об отмене всего того, что народ может как бы востребовать с Правительства за последние годы. И очень странная штука, что, демонтировав абсолютно изжившую себя политическую систему, мы ухитрились в массовом масштабе демонтировать всю ту систему социальных гарантий и завоеваний, включая образование, культуру, да и всё, что называется социальной сферой. Вам не кажется занятным, что социализм в его, так сказать, идеальной первоначальной модели рухнул, потому что он в основе своей был рассчитан на триста миллионов совестливых людей, то есть на тотальную порядочность. А с самых первых шагов этого "идеального" социализма оказалось, что тотальной порядочности не добьешься. Тогда, вполне возможно, и якобы из добрых соображений, решили, что надо из людей эту порядочность выбивать силой - начались ГУЛАГи и все прочие "радости" жизни. Потом оказалось, что шпана присоседилась к этой "идеальной" конструкции, а потом оказалось, что шпана еще и воспроизводится.

Потом появляется подросток Савенко - это сегодня герой глубоко политизированного Эдуарда Лимонова. Вот этот автор и высказывается устами подростка Савенко, который, как и очень многие подростки, видя, насколько сгнила вся эта система, насколько она обречена, действительно ненавидел ее, как систему.

Вы помните, о чем он, гуляющий со шпаной, мечтает? О том, чтобы "диктатура пролетариата сменилась диктатурой шпаны". Можно, я здесь поставлю многоточие и не буду ставить вопрос: осуществилась ли мечта подростка Савенко...

Порой и дня не проходит, чтобы десять раз на дню это дело ни припомнить. Вспоминается почему-то эта гениальная формула "политолога" Савенко. Между нами говоря, я ее очень часто вспоминаю, особенно когда некоторые сегодняшние профессиональные политологи весьма глубокомысленно пытаются *обслуживать* сегодняшнюю ситуацию.

ВЕДУЩАЯ: Я все-таки в некоторых местах с Вами не согласна, если позволите. Во-первых, вообще, по поводу прав человека на Западе. Ведь те правозащитники, с которыми я сталкиваюсь на Западе, это абсолютно искренние люди. Они действительно очень много работают для того, чтобы права человека вошли как норма в жизнь, и для того, чтобы действительно предотвращать какие-то конфликты. И я имею в виду не только в России. Я знаю людей, которые работали совершенно самоотверженно в Югославии. Можно назвать

много организаций, много людей, с которыми я встречалась, и я просто перед ними преклоняюсь.

КИСУНЬКО: Я с Вами на сто процентов готов согласиться, если речь идет о таких людях, о которых Вы сказали.

Я говорю о другом. Я говорю о том типе массового сознания, который выучил словосочетание "права человека" и употребляет его как штамп, как некий стереотип. Но я сталкивался и с такими людьми, о которых Вы говорите.

ВЕДУЩАЯ: На Западе?

КИСУНЬКО: И на Западе, и здесь с людьми с Запада. Я их глубоко уважаю. Но я также сталкивался и там, и здесь с людьми, которые столь же органично не способны, провозглашая права человека, признать за другим человеком просто право думать по-другому. Причем я это беру не как общечеловеческую черту, а просто как некое убеждение, что его права человека обеспечивают ему право думать так, а не иначе, и следовательно все остальные должны думать только так. Это меня глубоко тревожит.

ВЕДУЩАЯ: Меня больше тревожит ситуация с понятием прав человека в России. Ведь не изнутри идет понятие прав человека. Оно идет потому, что так надо. И скорее то, о чем Вы говорили, больше подходит к политикам, потому что это очень модное слово и на этом можно, извините, набрать голоса.

КИСУНЬКО: Я готов в свою формулу внести уточнение после этого диалога с Вами. Да, конечно, это очень важное уточнение. Но и идеологизация, и политизация - в зависимости от конкретной какой-то задачи. Вот почему, между прочим, когда Борис Абрамович Березовский в очень конкретной политической ситуации, ухмыльнувшись, сказал, что "есть политика, есть права человека", я готов был содрогаться от ужаса. Я воспринял это как, по крайней мере, открыто высказанный принцип, с которым любой может соглашаться или не соглашаться. Вы знаете, как ни странно, мне это показалось честнее, чем в той ситуации, в результате которой Сергей Адамович Ковалев ушел со своего поста. Тогда права человека и оказались вот такой шаманской ширмой.

ВЕДУЩАЯ: Это была точка зрения критика, историка искусствоведения Василия Кисунько на **интеллигенцию в современном обществе**.

Возможно, с этой точкой зрения многие не согласятся. Ну что же, пишите нам по адресу: 125040, Москва, "Радио России", передача "Демократия, Свобода, Права человека".

А эта передача подготовлена совместно с Институтом прав человека. До свидания, до новых встреч!

Россия: традиции и право

(Эфир "Радио России" 6 июня 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Сегодня мы продолжим цикл передач, посвященных теме "**Традиции и право**". Любой человеческий коллектив имеет свои традиции. Свои традиции есть в каждой семье, у каждого народа и у государства. В одних случаях традиции могут закрепляться, получать легитимность, превращаясь в нормы законов и таким образом прямо воплощаясь в права. В других случаях традиции могут существовать параллельно праву, не пересекаясь и не взаимодействуя с ним. Бывает, например, когда традиции регулируют такую область человеческой жизни, которой право не касается.

Подчас традиции вступают в противоречие с правом, например, когда люди предпочитают скорее следовать так называемым неписаным законам, а не нормам официальных законов. Фактически выстраиваются две правовые системы: обычная, то есть традиционная, и официальное право.

Особо остро с этой проблемой сталкивается традиционное общество. Как в таких случаях следует строить правовую систему? Как сделать так, чтобы люди воспринимали законы не как нечто чуждое, навязанное им? Как совмещать признанные международным сообществом нормы цивилизованного права с глубоко укоренившимися традициями? Как добиться того, чтобы общество отказалось от тех традиций, которые мешают строительству правового государства?

С подобными вопросами сегодня приходится сталкиваться многим странам, многим народам. Традиции и право чаще всего находятся в сложном взаимодействии, влияя друг на друга. Как эти взаимоотношения проявляются в России? Как традиции народов России могут помогать или мешать строительству правового государства в нашей стране? Об этом в наших передачах говорят политики и политологи, историки и философы.

Естественно, мнения бывают разные, подчас противоположные. К счастью, принцип единомыслия, который немало людей желало бы видеть в качестве Российской традиции, сейчас отсутствует.

Недавно я попросила поделиться своими размышлениями на тему "**Россия: традиции и право**" доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника исторического факультета, создателя и руководителя архигеографической лаборатории исторического факультета МГУ Ирину Поздееву. Конечно, тема эта необъятная, и мы приведем лишь фрагмент из нашей беседы.

ПОЗДЕЕВА: Вы спрашивали у меня в свое время о том, какое из прав человека и гражданина я бы особенно сегодня выделила, как профессионал, как человек, который занимается Древней Русью, нашими традициями, нашими корнями. Может это прозвучит парадоксально, но я бы сказала о **праве памяти**. Увы, это не записано ни в нашей Конституции, ни в каких-либо других документах.

Может быть, мы поэтому все время стараемся забыть и отказаться от всего, что было раньше, перечеркивая буквально весь тот опыт русского общества, который давался

веками страшными усилиями и жертвами. Так было, когда произошла Октябрьская революция и, увы, точно так же всё было, когда наступило длинное, бесконечное время так называемой перестройки.

Что сделали мы тогда? Мы всё забыли, мы всё выкинули, даже и очень хорошее. Мы забыли многое из того, что обязаны были помнить, как исторический опыт. Память - это, прежде всего, исторический опыт. Исторический опыт - единственное, наверное, что может позволить избежать сиюминутных ошибок.

Мне кажется, что об этом сегодня особенно актуально говорить. Я думаю, что очень многие проблемы, которые сегодня понимает, испытывает и переживает фактически всё постсоветское общество, так или иначе связаны с проблемой памяти или, если хотите, беспамятства.

Сейчас буквально всех интересует, каким же образом смогли за полгода создать из человека, которого никто не знал, фигуру самую заметную в колоссальной стране. Вы думаете, это возможно где-то в других местах, в других государствах? Представьте на секунду Америку. Чтобы там за полгода из неизвестного человека сделали президента?! Или во Франции... Я уже не говорю об Англии, о её премьер-министре или о ком-то другом...

Я постараюсь вам объяснить, что это также очень сильно связано с нашим прошлым, с той памятью, которая обязательно должна жить, пониматься и осуществляться.

Другая проблема. Она также мучает всех и каждого сегодня. Каким образом наш удивительный и, действительно, уникальный народ терпит все, что происходит за последнюю, скажем, сотню лет, и в общем-то, и за гораздо большее количество времени. Это также все уходит в нашу историю, в наши корни. Но вот здесь мне очень страшно все это произносить. Дело в том, что эти слова стали абсолютно пустыми. Все клянутся корнями, все клянутся истоками, и каждый понимает их по-своему. Вот это и есть проблема памяти и проблема, если хотите, права на возможность знать свою историю, знать ее объективно, знать ее в памятниках. Проблема выбора сегодняшнего и завтрашнего дня, в зависимости от того, что нам говорит история.

Вот я упомянула проблему терпения. Действительно, что может быть сейчас более существенным? Что сейчас определяется как более существенная часть нашего национального характера? Пожалуй, ничего. Именно терпение обеспечивает то, что происходит у нас многие десятилетия, может быть, и столетия нашей последней истории.

Откуда это, и чем это грозит? Я вчера задумалась об этом, когда услышала объяснение одной из руководительниц Московского правительства. Её спросили, как же москвичи, ещё до Юрия Лужкова, терпели много лет, что колоссальные деньги расходились по карманам московских правителей. И она ответила: "Наверное, у нашего народа задержались вот такие рудименты удивительного терпения". Если хотите, это совсем не "рудименты", это важнейшая черта национального характера, которая объясняется очень серьезными вещами. И с этим необходимо считаться и даже справиться, если мы хотим строить что-то свободное и правовое. Я не хочу сказать, что мы должны изменить национальный характер. Мы должны суметь просто историческое терпение преобразовать в сознательное отношение к происходящему.

Откуда это взялось, и насколько это существенно? А вы знаете, **ведь терпение - одно из подвигов любой христианской веры.** Терпение - это то, что должно испытывать любого

человека, особенно, когда это терпение во славу Господа. С этим невозможно спорить, и это, очевидно, вполне справедливая этическая норма христианина.

Но дело-то в том, что в русской истории государство оказалось неразрывно связанным с церковью. И в нашей жизни терпение воспитывалось веками не просто как терпение человека перед наказаниями за грехи со стороны Господа. Терпение у нас воспитывалось как широчайшая социальная категория, воспитывалось каждую минуту, поскольку рядом с Господом нередко возникала и прославлялась фигура правителя. Это хорошо сейчас в церкви, если вы придете и услышите молитву за власть предрержащих. Многие века читалась молитва за царя (имярек) плюс имена всей его фамилии и обязательная молитва за каждого из них. Все это повторялось много раз за одни сутки. С чего начинался христианский день, христианское богослужение в каждой из сотен тысяч русских церквей в прежние времена? Утренняя, одно из первых основных молитвословий, это молитва Господу за процветание, за сохранение, за благополучие Царя Российского. И такие молитвы изо дня в день многократно воспитывали то, что мы привыкли называть царистской идеей.

Совсем недавно очень крупные наши ученые объясняли это фольклором, русской сказкой. На самом деле это, действительно, воспитание того колоссального народного терпения, которое воспитывалось с древнейших времен. Возьмите "Жития" самых крупных русских святых, эти великие образцы, которые на многие века стали основой нашего духовного воспитания. Там терпение как принципиальная и, возможно, первейшая категория поведения. Вот это терпение равно распространялось на власть предрержащих и на Господа и равно обязательно было и по отношению к Господу, и по отношению к власти. А это, в свою очередь, веками воспитывало и то удивительное терпение, за которое мы сегодня расплачиваемся. Истоки нашего терпения нужно нам сегодня осмыслить.

ВЕДУЩАЯ: Вы слушаете программу "Демократия, свобода, права человека". Своими размышлениями на тему "**Россия: традиции и право**" делится Ирина Поздеева.

ПОЗДЕЕВА: И второе. Обратимся снова к вопросу, который я задала сама себе, и который мне задают каждый день. Каким образом можно было за полгода создать или, как хотите, проявить фигуру, которую все приняли, как первую фигуру в государстве? И почему так важно нам сегодня право свободной прессы? Да потому, что национальный характер у нас также воспитан параллельно терпению, и у нас поразительная, невероятная вера в слово писанное.

Где еще вы найдете десятки поразительных пословиц типа: "что написано пером, того не вырубишь и топором", "ум без книг, яко птица опешана: и хочет взлететь, да не может". Они очень красивы. Но именно потому, что пословицы эти возникли очень рано, как, например, и пословица: "книги - реки, напоющие вселенную мудростью", - **книга** здесь понимается как священное писание, как Евангелие. Именно к этим книгам величайшее отношение любого христианина.

Как же получилось, что в русском народе терпение, которое должно быть абсолютным только по отношению к господу, распространилось на власть?! Каким образом абсолютное доверие к письменному, а потом, что самое страшное, и к печатному слову, стало распространяться на любой текст. Тут много причин. И, прежде всего, наверное, то, что письменность к нам пришла как священное писание. Письменность первоначально достаточно долго была именно священным писанием, преданием, и была связана со всем лучшим, что получила Россия в первое столетие христианства. Этого мало. Бесконечное

равенство церкви и власти первоначально сделало абсолютно правильным, с точки зрения самых широких масс, любое слово, исходящее из церкви.

Вспомните, где сначала произносились все слова, выходящие от государства. Где произносились указы в 16-17 веках? Как это доходило до народа? Да, несомненно, в церкви, с того же амвона, это всё читалось, в том числе и царские указы о том, что необходимо вылавливать всех беглых и прочее. Вот вам единство этого самого слова, святого и священного.

Таким образом, с одной стороны, здесь возникает это удивительное, прекрасное единство церкви и государства. А, с другой стороны, страшное единство, когда люди начинают путать господина и царя, правителя и церковь: "что написано пером, того не вырубишь топором".

Я очень много езжу. Я 30 с лишним лет работаю в полевых условиях. Езжу в самые глухие уголки, деревни, места, куда, действительно, "за сто лет не доскачешь". И вот бывают совершенно невероятные, почти анекдотические подтверждения того, о чём я говорю.

Однажды, совсем недавно, я столкнулась с тем, что несколько деревень, фактически это было полтора сельсовета, вдруг отказались от самого главного - от лекарств. Ведь лекарств от давления было тогда не так много. А для старух это же просто была проблема жизни и смерти. Я как раз приехала туда в экспедицию, и выяснилось, что все они считают, что эти лекарства "нечистые". Почему? Они говорят, что так было в газете напечатано. Простите, это проблема была для многих из моих очень любимых старух просто проблемой жизни. Поэтому я пошла выяснять, что это за газета. Выяснилось, что в этой многотиражке, которая выходит в 100 экземплярах на ближайшей деревообделочной фабрике, действительно было сказано, что это лекарство делается из... простите, там была грубая ошибка: вместо определенного названия жира, ошибочно было сказано нечто иное. И вот, сколько я ни доказывала, сколько ни доказывали врачи, что это не так, в ответ только слышала: "... это же в газете написано, это же слово печатное!" Вот вам - "что написано пером, того не вырубишь топором". А теперь проблема... Вы видите, как это получается?

Проблема памяти превращается в проблему права, важнейшего права, которое всё время под угрозой. И сколько я живу на свете (поверьте, совсем не мало), всё время право свободной прессы под угрозой. Но если так будет, то мы никогда не уйдем от проблемы памяти, возникшей в первые века русской истории: "что написано пером, того не вырубишь топором".

И последнее, что я хотела бы сказать в связи с этим. Наверное, это всегда характерно для любого правового вопроса. Не существует одно право, два права, существуют **права человека и гражданина**. И как вы видите, здесь всё бесконечно взаимосвязано.

Я считаю, что уже много веков это является чертой национального характера, и с этим не справишься за год, за десять лет. И так же, на мой взгляд, ни за год, ни даже за десять лет не построишь в нашей стране завершённое правовое государство. И вот несмотря на все наши попытки, попытки нашего Правительства и даже нашей прессы, и даже, простите, тех людей, кто искренне свою жизнь кладет на алтарь создания этого правового государства, - мне кажется, ничего не выйдет. Этому учит наша история. **Ведь надо строить правовое государство как комплекс всех необходимых параметров, исходя из знания прошлого, исходя из понимания национального характера.**

Да, мы можем отстаивать одну газету, другую... Но **главное - нужно, чтобы газеты, радио, телевидение поняли свою колоссальную ответственность**. Ибо им как раз нужно, чтобы люди доверяли каждому их слову, но тогда и слова эти должны быть достойны доверия. Вот вам парадокс, который только в одном вопросе об одном праве сразу уходит действительно в сложнейшие проблемы национальной жизни, национального характера, если хотите национальной духовности. То есть я совершенно не хочу сказать, что от абсолютной веры в писание, может быть, самой ценной, что было у нашего народа, - что от этой веры надо отказываться. Возникают сложные проблемы. Интересно, журналисты задумываются? Или всё для них затмевают те сенсации, сиюминутные, ложные, которые, как правило, и сами журналисты понимают? Все эти проблемы нужно решать вместе, исходя из понимания. И отсюда опять **проблема памяти**. Вы помните Гумилева: *"Память, ты рукою великаниши жизнь ведешь, как под уздцы коня"*.

Русь часто сравнивали с быстрым, прекрасным, изящным конем. Но, именно конь не может выбрать себе дорогу сам. Поэтому это очень опасное сравнение и давайте об этом помнить.

ВЕДУЩАЯ: Тема нашей сегодняшней передачи - **"Россия: традиции и право"**. Об этом говорила доктор исторических наук, ведущий сотрудник исторического факультета, создатель и руководитель архигеографической лаборатории исторического факультета МГУ Ирина Поздеева. Наша передача подготовлена совместно с Институтом прав человека.

Наверное, найдется немало радиослушателей, которые не согласятся с прозвучавшими мыслями, захотят поспорить. Ну, что же, пишите нам! Мы готовы привести в одной из наших следующих передач выдержки из ваших писем. До свидания, до новых встреч!

"Демократия, свобода, права человека"

(Эфир "Радио России" 14 марта 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Интеллигенция в современном обществе - тема нашей передачи сегодня.

"Интеллигенция - это умный, понимающий, знающий, мыслящий общественный слой людей, профессионально занимающихся творческим трудом, развитием и распространением культуры". Такое определение интеллигенции дал в 60-е годы 19 века известный писатель Петр Боборыкин.

Какова же роль интеллигенции сегодня в российском обществе? Об этом я беседую с критиком, историком искусств Василием Кисунько.

КИСУНЬКО: Что же такое интеллигенция на Руси? Это были врачи, это были учителя, это узкая прослойка, которая называется сегодня творческой интеллигенцией. Все-таки, прежде всего, интеллигенцией считались люди, которые служат. Они как служащие, которые служат обществу, народу, некой цели, идеалу. Наверное, очень любопытно размышлять, скажем, по русской литературе: какой образ интеллигента наиболее значим.

Вот для меня, это Тяпушкин, учитель, у очень любимого мною Глеба Успенского из очерка "Выпрямила". Живет он в какой-то дыре, снимает комнату; измываются над ним по-страшному, зарплату ему не платят, дров купить не на что, кругом клопы и хамство. Окружающие не очень понимают, вообще, зачем он нужен. И он попадает в Париж, в Лувр, где рыдает перед Венерой Милосской. (Ситуация, когда вся мыслящая Россия переживает чудовищные слова Ивана Сергеевича Тургенева, который взял и сказал, что "Венера Милосская не сомненнее, чем принципы 89-го года". Имеются в виду принципы французской революции.) Вот она-то его и **выпрямила**.

Затем он выносит вердикт, который для меня очень дорог. **"Все мы на одной линии: и я, замызганный, замордованный, и Венера, и принципы 89-го года"**.

Вот для меня это интеллигенция. Человек, для которого и он сам, несмотря на весь ужас своего положения, и высочайшие принципы (в конце концов, это принципы демократии), и высочайшие творения культуры - все это на одной линии. Вот там, где есть эта **одна линия**, там есть интеллигенция. Где эта линия нарушена, там кризис, там беда.

ВЕДУЩАЯ: Как можно сейчас определить интеллигенцию в России? Кого бы Вы все-таки отнесли к интеллигенции, и возможна ли какая-то её роль в России? Ведь это люди особые, это те самые люди, которые должны вести за собой, быть некими маяками. Все-таки всегда мы на кого-то ориентировались.

КИСУНЬКО: А на кого мы ориентировались?

ВЕДУЩАЯ: Очевидно, в разное время по-разному ориентировались. Скажем, в недалеком прошлом это был Сахаров. Это интеллигент, да?

КИСУНЬКО: Да, безусловно. Интеллигенция была прослойкой между рабочим классом..., а там кто был, с другой стороны? То ли буржуазия, то ли крестьянство? Вообще, где ей быть, этой прослойке, на сегодня? "Все смешалось в доме Облонских".

У нас идет сейчас расслоение: что-то такое подмерзло вокруг, что-то, наоборот, плещется, даже с подогревом, а посреди цветочек такой болтается. Боюсь, что это сегодня и есть интеллигенция, потому что то, что происходит сейчас, это очень серьезно, очень тревожно.

И я иногда задумываюсь о вещах совершенно безобразных (я заранее прошу прощения за них). Можно, например, вспомнить о систематичной невыплате жалования врачам, учителям. А можно, я вспомню еще одно понятие, которое в России всегда имело очень высокий смысл? Военная интеллигенция. Когда-то она была, действительно, одним из замечательнейших явлений именно нашей российской жизни. Так вот, не есть ли такое систематическое держание их на положении Тяпушкина, персонажа Глеба Успенского, в его привычных условиях, - не есть ли это сознательная политика? "Сознательная" - это не значит, что кто-то взял, составил заговор и его последовательно осуществляет. Не есть ли это какой-то социальный инстинкт, я даже не берусь говорить, кого: власти, тех, кто "заказывает музыку", тех, кто "пляшет под эту музыку". Потому что, с определенной точки зрения, наверное, выгодно, чтобы сегодня то, что традиционно считалось интеллигенцией, интеллигенцией не называлось. Зато можно при желании собрать какой-нибудь "конгресс интеллигенции", где будут мелькать те же самые лица, к которым мы привыкли и на "жующих тусовках" перестроечных времен, и на парламентских подиумах -самопоказах политической моды иных времен и ситуаций.

И для меня это очень серьезная проблема, как и проблема: как могла страна, где в течение стольких десятилетий говорилось о победе рабочего класса, оказаться без реальной партии трудящихся, без самосознания трудящихся. Ведь, вовсе не играя в старомодность, употребляю я те слова, которые (если перестать их идеологически опошлять) имеют очень реальный смысл.

Мне кажется, то, что происходит и произошло сейчас, это, во-первых, тотальный распад того, что традиционно считалось у нас интеллигенцией. Она все равно возродилась. Она, в конце концов, волокла на себе все, что касается образования, воспитания, культуры, не на уровне и при помощи шоу-бизнеса и прочих звезд, а на повседневном уровне.

За последующие десятилетия послереволюционного и репрессивного истребления интеллигенции, мне кажется, произошло нечто гораздо более страшное. Ведь проблема уже не в сословии и в прослойке, а в том, что, извините, вы идете в поликлинику и не знаете, к кому вы попадете. Вы отдаете своего ребенка в школу и не знаете, что ему при этом скажут. Вот, например, цитата из речи учительницы астрономии в школе: "Вы, ребята, все, конечно, знаете, что планеты в мировом пространстве *взад назад* крутятся".

Сегодняшняя ситуация тотального "омассовления" фактически, на первый взгляд, вообще отменила представление о той интеллигенции, которая была. Потому что на самом деле круг истории все равно ровен. И мы видим как бы две крайности. Один такой "экс", с кафедры вещающий интеллигент-назначенец, которого официально объявили "совестью нации", - он в ответ, пошаркав старческой ножкой, сказал, что надо власть любить, поддерживать. И вообще, даже сделал изумительное "открытие", что главный завет Пушкина - это сотрудничество с властью. Я однажды такое услышал с телеэкрана - у меня тик до сих пор.

Другая крайность - это мы, *блин-интелихенты*, игры масс-медиа. Потому что **интеллигентность - это профессионализм**, и это безусловно, но очень часто статус интеллигенции, интеллигента, присваивало себе профессиональное краснбайство, профессионализовавшаяся болтовня об интеллигенции. Настоящий же труд,

профессионализм, внутреннее чувство ответственности - это всегда было очень важно. И это то, что я, по крайней мере, причисляю к интеллигенции. Ведь она никогда не искала милости, не кланчила, а достойно и профессионально делала свое дело.

Я особенно хочу подчеркнуть чувство внутреннего достоинства и внутренней ответственности.

Время от времени, особенно сегодня, когда щеголять своей "интеллигентностью" с телеэкрана стало очень модно, они с придыханием говорят, "мы - интеллигенция и т.д....". И выступают они от имени ближней "тусовки", которая уже не ест, как прежде, на всевозможных банкетах, а видимо, усердно предается патриотизму и размышлениям о духовности...

Так что еще раз я хочу сказать. В том, в чем часто обвиняли интеллигенцию, обвиняли ведь не интеллигенцию, а накипь. Мне кажется, что сегодня то, что называется интеллигентностью, сменилось понятием "тусовочности". Симулировать нынче можно все, включая то высокое качество, о котором Вы сказали.

ВЕДУЩАЯ: В 90-е годы у нас была перестройка. Я помню митинги, демонстрации, обращения; согласитесь, все-таки там была интеллигенция.

КИСУНЬКО: Конечно, особенно, когда надо для интеллигенции "пилюлю подсластить", говорят: "Вы это сделали". Теперь после этого люди втягивают голову в плечи, а народ ищет ближайший булыжник, чтобы в эту самую интеллигенцию запустить.

ВЕДУЩАЯ: Сейчас в России происходят тяжелые события. Так почему сейчас мы не слышим никого из интеллигенции? Не тех, кто так называет сам себя, а кто, действительно, ей является.

КИСУНЬКО: Во-первых, какая интеллигенция, когда составляли основную часть этих митинговых...

ВЕДУЩАЯ: Я к интеллигенции относилась и Сахарова.

КИСУНЬКО: Кто составлял эту толпу интеллигентов?

ВЕДУЩАЯ: Были научные сотрудники.

КИСУНЬКО: Но это были научные сотрудники из очень крепких НИИ, очень крепких институтов, люди, которые были полны профессионального достоинства, которые знали свое дело и понимали, что они это делают на мировом уровне, а иногда и забегая вперед. Это люди, у которых была настоящая корпоративная солидарность профессионалов. И, позвольте Вам заметить, что в основном эти люди жаждали перемен. Они видели, что та сложившаяся система тормозит развитие страны, тормозит реализацию их собственных дел. Это люди, которые были едины в желании делать.

Но сегодня этих людей нет. Во-первых, сегодня нет подавляющего большинства этих коллективов. Ведь они в значительной мере раскассированы. Во-вторых, самое страшное и самое разлагающее для человека интеллигентной профессии, то есть умственного труда, - это разложение испытанием безделья. Люди, которые ходили на митинги тогда, между прочим, устали от этой позднесоветской симуляции деятельности, от того тотального контроля. Ведь тогда человек, ощущающий себя профессионалом и в то же время

ощущающий над собой многоэтажную надстройку, вместо того, чтобы сразу двинуть свою идею, свои изобретения и быть востребованным, он должен был все эти бюрократические рогадки пробивать. То есть это была тоска людей по востребованности своего профессионального достоинства. Люди, выходявшие тогда на эти митинги, по существу должны были стать важнейшей составляющей того нового общества, которого все тогда дружно хотели.

Между прочим, что такое буржуазное общество? Это, прежде всего, активная личность. До возникновения буржуазного общества, личности в ее сегодняшнем понимании просто не существовало. Это были люди, действительно, ощутившие себя личностями, которые готовы были профессионально работать. Если бы им сказали, что они будут торговать не на рынке, а собой на международном рынке интеллигентного труда, я убежден, что подавляющее большинство людей тогда и мыслить об этом не могло.

Значит, давайте разбираться: как, каким образом создалась ситуация, что развитие пошло в направлении абсолютно ином.

За что сегодня пойдут кричать эти люди? Их в течение всех этих лет испытывали безденежьем, нищетой. Между прочим, если человек профессионален, он прекрасно понимает, что если он перестал работать, он как профессионал "закисает". Ведь те, кто тогда принимал решения, на заре перестройки в целях экономии для институтов сократили подписку даже на научные журналы, а личную подписку на зарубежную прессу вообще прикрыли. Вроде бы такая мелочь, правильно? Но ведь даже при Сталине на такую крутую меру не шли. Да, были жуткие препоны, вы не могли подписать зарубежные журналы, но, по крайней мере, профессиональную библиотеку вы получали.

Заметьте, я сейчас затронул, казалось бы, совершенно частную вещь. Но ведь за этим стоит нечто очень серьезное. Ведь интеллигенция, если хотите, это как грибница, на которой всё произрастает. Я имею в виду интеллектуальный потенциал, духовную жизнь, в конце концов, право народа на нерушимость этой "грибницы". А получилось так, что ее сначала объявили "гнилой" и "посрезали" всё, что показалось гнилым. Потом объявили "буржуазной", "продажной", наоборот, - "родимой", объявили и "солью земли". Потом взяли пластмассовых грибов, навтыкали туда, в зияющие пустоты, а затем учинили такую хорошую засуху. И после рассуждают с удивлением о том, что ничего не растет.

ВЕДУЩАЯ: Если тогда интеллигенция еще играла большую роль, то сейчас она уже такой роли не играет.

КИСУНЬКО: Так она и не может играть, потому что ее в том виде, в каком она была, безусловно, нет. Это очень "добрая", старая традиция - свести все к тому, чтобы люди, экономически задавленные, дальше экономических требований и не ходили. Я не готов отвечать на вопрос: политика это или нет. Но у меня иногда ощущение такое, что это одна из политических тенденций, а тем самым и одна из социальных тенденций: таким вот образом изменить облик культуры, повернуть традиции.

ВЕДУЩАЯ: Свою точку зрения на современную интеллигенцию высказал критик, историк искусств Василий Кисунько. Передача подготовлена совместно с Институтом прав человека.

Эту тему мы продолжим в наших следующих передачах. Пишите нам по адресу: 125040, Москва, Радио России. До свидания, до новых встреч.

Кодекс законов о труде

(Эфир "Радио России" 23 мая 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Сейчас в Государственной Думе рассматривается ряд законопроектов, которые буквально касаются каждого из нас, в соответствии с нормами которых нам придется строить свою жизнь.

"Да бросьте! Законы - это что-то далекое от нас, от нашей повседневной жизни. Законы сами по себе, а мы сами по себе".

Уверена, что немало наших радиослушателей скажут именно так.

Но будут ли они правы?

Вот Уголовно-процессуальный кодекс. Никто из нас не застрахован, оттого что может оказаться под подозрением в совершении преступления или правонарушения. Никто, к сожалению, не застрахован и, оттого что сам может оказаться жертвой преступления. Какие права в этом случае имеет гражданин, как он может поступать, как поступят с ним? Все это определяет УПК.

Административный кодекс еще ближе к нашей повседневной жизни. Вы хоть раз переходили улицу в неположенном месте? Вы имели дело с ГАИ? Вам не давал спать шум под окнами? Вы возмущались нецензурной бранью? Во всех подобных случаях поведение представителей власти и ваше поведение регулируются именно Административным кодексом.

И наконец **Кодекс законов о труде** - так называемый **КЗоТ**. Большинство из нас либо работает, либо находится на иждивении у работающего человека. Как мы поступали на работу или увольнялись с нее, какова продолжительность рабочего дня, как определяется размер заработной платы, какова продолжительность отпуска и когда работник может его получить, - все это и многое другое определяли и пока продолжают определять нормы этого Кодекса.

Ныне действующий Кодекс законов о труде был разработан и принят тогда, когда, даже за попытку обсудить возможность введения в России рыночных отношений, можно было поплатиться многими годами в исправительно-трудовой колонии. И понятно, что, несмотря на существенные поправки, внесенные в него за последние годы, он в целом безнадежно устарел. И сейчас назрела необходимость принятия нового основополагающего закона, регламентирующего трудовые отношения, закона, который соответствовал бы новым реалиям, который бы не препятствовал, а наоборот, помогал бы становлению в нашей стране цивилизованных рыночных отношений. Мне кажется, что здесь эти два слова должны быть неразрывны - цивилизованные и рыночные. Однако, боюсь, что у части чиновников и политиков появляется желание первое слово отбросить и забыть о социальных гарантиях. И как нас раньше "железной рукой" загоняли в коммунистический "рай", так и теперь появляются сторонники опять же "железной рукой" вести нас в "рай" капиталистический. Думаю, что именно многие из них с умилением упоминают имя Пиночета.

Сейчас на рассмотрении в Государственной Думе находятся четыре варианта проекта закона "О труде", который призван заменить ныне действующий КЗОТ. Три варианта внесли депутаты Думы, последний из них был внесен неделю назад. И один проект - от правительства, на нем стоит подпись Путина. Этот законопроект правительство внесло еще осенью прошлого года.

В нашей передаче сегодня принимают участие разработчики различных вариантов закона.

Владимир Пашуто, заместитель председателя Комитета по труду и социальной политике.

ПАШУТО: Когда расклад в Думе оказался благоприятным для определенной части правительства, они стали как раз и требовать, чтобы рассмотрели как можно быстрее. Обстановка с тремя вариантами следующая. Мы обсудили на парламентских слушаниях, дали соответствующую оценку (уже не только Государственная Дума, но и все те, кого мы приглашали). Говорили о том, что необходимо продолжить работу планомерную над тем, чтобы взять самое лучшее, что в каждом из трех есть, с тем чтобы объединить их в хороший документ и затем уже рассматривать. Правительство на это не пошло. Больше того, они просто-напросто стали оказывать давление на Государственную Думу. Это выразилось, прежде всего, в конкретных сроках, то есть: Дума должна рассмотреть в приоритетном порядке Трудовой кодекс уже в первой половине нынешнего, 2000 года. И поэтому мы, естественно, стали тоже работать достаточно активно в этом направлении.

В принципе, ни один из этих трех законопроектов не получил какого-либо одобрения со стороны тех, кто изучал их.

ВЕДУЩАЯ: Я попросила Владимира Пашуто дать оценку варианту, предложенному правительством.

ПАШУТО: Я бы хотел отметить одну положительную черту. По юридико-технической базе этот документ добротный. Разложено все по полочкам: где, как, куда, что. Но содержательная часть у этого законопроекта была достаточно слабой. Я имею в виду защиту интересов наемного работника, а также профсоюзов и самих трудовых коллективов.

ВЕДУЩАЯ: А конкретно?

ПАШУТО: Первое. Увеличены полномочия нанимателя, хозяина. По сравнению с нанимаемым работником, ему даны такие преимущества, которых не было никогда ранее. То есть вплоть до того, что можно за какой-либо огрех, за какой-либо мелкий, незначительный проступок человека просто увольнять.

Вторая проблема. Не отражены полномочия защитных инстанций, какие, допустим, сейчас еще есть и у нас, и, конечно, в мировой практике. Профсоюзы вообще сведены к нулю при отстаивании интересов рабочих, которые, в общем-то, и избрали этот профсоюз, этот представительный орган, чтобы во всех инстанциях отстаивать их интересы.

И третье, наверное, самое печальное, что всех затронуло. Установление рабочей недели до 56 часов. Это не прямо сделано, то есть базовое как бы устанавливается - 40 часов, но плюс 16 часов. Значит, наниматель может заключить договор с этим же работником, то есть внутри предприятия, то ли на сверхурочную работу, то ли еще как-то. А таким

образом и "набегут" вот эти 16 часов - итого будет 56. Получается: семью восемь - 56 часов. Так что выбирайте: или работа каждый день без выходных, или работа по 12 часов. Это уже не интересует нанимателя. Он готов тебе платить деньги только лишь тогда, когда ты выполнишь какую-то работу. А сколько будешь работать - это никого не волнует.

ВЕДУЩАЯ: А вот мнение депутата Олега Шеина, сопредседателя Объединения рабочих комитетов в защиту труда, одного из разработчиков проекта закона о труде.

ШЕИН: Во-первых, сохранение всех тех трудовых гарантий и прав, которые предусмотрены действующим трудовым законодательством. В этом концептуальное отличие варианта, предложенного мной и моими товарищами по профсоюзу защиты, которые этот вариант помогали разрабатывать, от иных проектов трудового кодекса.

Второй момент. Вовлечение людей в работу по развитию производства. Ведь во многом те события, которые в нашей стране произошли и были связаны с разрушением производства, с его фактическим разворовыванием, были обусловлены именно тем, что люди не знали, как расходуется их предприятием прибыль. Люди, не получая месяцами заработной платы, но видя, как при этом разворовываются основные фонды, никак не могли на это повлиять. А это повлекло за собой, естественно, и спад объемов промышленного производства в стране, и рост безработицы, и в целом экономическое ослабление России.

ВЕДУЩАЯ: То есть Вы предполагаете, что необходим контроль со стороны общественности?

ШЕИН: Контроль со стороны коллективов работников, контроль со стороны профессионального союза. Тем более до известной степени (к сожалению, сейчас почти неработающий) он предусмотрен и действующим законодательством.

Предлагается также расшифровать ряд тех позиций, которые предприниматель использует против работников. Например, фактическое ограничение системы срочных контрактов, которые на сегодняшний день все более развёртываются по всей стране. А срочный контракт - это кабала для человека, это невозможность отстаивать свои интересы, поскольку человек через 3 - 6 месяцев теряет свою работу. И он знает, что если он будет отстаивать свои интересы, допустим, за повышение заработной платы, то с ним контракт не будет перезаключен. Это - расшифровка вопросов, связанных с трудоустройством людей при перестройке отдельных цехов, подразделений, участков. Когда, например, от одной компании отчленяется цех, и с этими людьми заключают новые трудовые договора с испытательными сроками, их на эти старые станки, на которых они всю жизнь работали, не берут, а берут, допустим, людей с улицы, с тем чтобы сбить цену на рабочую силу. Такие подобные вещи и предлагается расшифровать.

Что же до концепции, то на мой взгляд, попытка обосновать тем, что у нас в стране развернулись рыночные отношения, и за счет этого доказать необходимость ликвидации прав работников, - такая попытка несостоятельна. Я бы здесь вычленил несколько аргументов.

Первое. Никем не доказано, что страна развивается все более стремительно, если у наемных работников все меньше прав. Скорее наоборот.

Второе. В странах Западной Европы, если уж мы на них ориентируемся, предусмотрены большие права для наемных работников. В частности, в Западной Германии не только увольнение согласовывается с производственными советами, как представителями коллективов, которые избираются коллективами, а даже прием на работу людей согласовывается с производственными советами, то есть с самими наемными работниками.

И третье. На мой взгляд, самый худший способ ввести в стране режим правового государства, если узаконить беззаконие и снять незаконные действия предпринимателей посредством их формального юридического обоснования, что предлагает наше правительство.

ВЕДУЩАЯ: Я взяла интервью у Андрея Исаева, заместителя председателя Комитета по труду и социальной политике.

ИСАЕВ: Наш кодекс учел, на мой взгляд, все недостатки и правительственного варианта, и варианта Авалиани, и варианта Голова. Мы решили, что в основу надо взять действующий Кодекс законов о труде для того, чтобы сохранить определенную преемственность трудовых отношений.

В отличие от правительственного варианта, который значительно сокращает многие существующие права работников, мы пошли на то, чтобы эти права были сохранены. Мы также пошли на то, чтобы были сохранены гарантии работникам, которые в правительственном варианте превращены в такой предмет торга между работником и работодателем. Например, действующая норма запрещает ночной труд подростков и женщин. Действующая норма запрещает направление в командировки женщин, имеющих детей в возрасте до 3 лет. В правительственном варианте все это заменено тем, что подобное привлечение к труду возможно, или направление в командировки возможно, но только с письменного согласия работника. Мы понимаем, что сегодня в обществе, особенно в тех городах и регионах, где массовая безработица и работает только ограниченное число предприятий, работодателю будет очень легко добиться письменного согласия работника на такое фактическое ущемление его прав. Поэтому мы решили те права, которые существуют у работников в действующем КЗоТе, в обязательном порядке сохранить.

Мы также, в отличие от правительственного варианта кодекса, оставили очень существенные права профсоюзов по согласованию управленческих решений, непосредственно затрагивающих интересы работников: система оплаты труда, график о предоставлении отпусков, правила внутреннего трудового распорядка, высвобождение работников, в особенности массового высвобождения, - это вполне соответствует практике развитых стран.

Действующий КЗоТ явно устарел, отстал от жизни. В нем нет норм, которые мы просто обязаны внести в связи с тем, что были приняты, одобрены конвенцией Международной организации труда. Это нормы, связанные с запретом принудительного труда, и мы впервые вводим такое понятие: принудительный труд и его запрет в Российской Федерации. Нормы Международной организации труда запрещают любую дискриминацию в трудовых отношениях, а действующий кодекс запрещает только дискриминацию при приеме на работу или увольнение. Мы распространяем это на более широкий круг отношений, именно, как это предписывают конвенции и рекомендации Международной организации труда.

Мы также учли реалии сегодняшней экономики. Например, такую острую проблему, как невыплату заработной платы. На сегодняшний день заработная плата - это самый незащищенный вид платежа. Мы решили в данном случае хотя бы уравнивать заработную плату и налоги и вводим норму, что в случае просрочки заработной платы начисляется определенная пеня. Таким образом, это та же самая норма, которая действует в отношении налогов. Мы, по крайней мере, для работодателя делаем в равной степени невыгодной возможность не выплачивать заработную плату и не платить налоги. Тем самым мы защищаем работника. И это вполне рыночная норма.

Кроме того, предложенный нами вариант кодекса предполагает серьезные меры, связанные с массовым высвобождением работников или приостановкой производства. Сейчас это широко распространенное явление. Предложенная нами норма в кодексе требует, чтобы на предприятиях, где коллективный договор не предусматривает необходимых мер в случае массового высвобождения или просто нет коллективного договора, работодатель в обязательном порядке имел бы согласованный с профсоюзом, а при его отсутствии, с общим собранием или конференцией работников - социальный план на случай приостановки производства.

ВЕДУЩАЯ: По телефону я связалась с начальником Правового департамента Министерства труда Сергеем Паниным, который представляет правительственный вариант законопроекта.

Сергей Алексеевич, в Думе депутаты многих фракций считают, что если будет принят Трудовой кодекс в том варианте, в котором он представлен Правительством, то это позволит увеличить рабочий день до 12 часов без гарантий дополнительной оплаты.

ПАНИН: Нет, это неправильно. Та статья, которая имеется в виду: "О работе за пределами основного рабочего времени по инициативе работника", - это давно известные нашему законодательству случаи внутреннего совместительства, которые и сейчас применяются достаточно широко. Сейчас у нас по ныне действующему законодательству можно работать за пределами основного рабочего времени половину месячной нормы рабочего времени или 20 часов в неделю дополнительно. А мы еще и ограничили это 16-ю часами. Это никак не увеличение продолжительности рабочего времени, это совершенно нормальная ситуация, которая есть и в ныне действующем законодательстве.

ВЕДУЩАЯ: Существует еще такое мнение, что этот новый Трудовой кодекс снимет запрет на увольнение беременных женщин, имеющих малолетних детей и детей-инвалидов.

ПАНИН: Это не совсем так. Что касается увольнения беременных женщин, женщин, имеющих малолетних детей, то запрет остался. Также и запрет на увольнения по инициативе администрации одиноких матерей. Мы сняли только один запрет на увольнение. Это запрет на увольнение одиноких матерей в случае, когда они нарушают трудовую дисциплину. По ныне действующему законодательству увольнять их вообще нельзя, но по проекту можно уволить в том случае, когда они нарушают трудовую дисциплину.

ВЕДУЩАЯ: А теперь о том, что касается выплаты заработной платы продукцией предприятия.

ПАНИН: Такая норма содержится в действующих конвенциях МОТ. У нас это тоже есть в налоговом законодательстве: при исчислении налогов учитываются выплаты,

произведенные в натуре. Это есть и сейчас. И мы просто возводим в законную норму то, что есть в законодательстве, в частности, и в международном.

ВЕДУЩАЯ: Есть такое мнение юристов, что новый Трудовой кодекс фактически разрешит принуждение работника трудиться бесплатно, так как не устанавливает ответственность за невыплату заработной платы.

ПАНИН: Этим юристам надо посмотреть в Уголовный кодекс. В Уголовном кодексе есть статья, предусматривающая ответственность руководителей за невыплату заработной платы. Возлагать на трудовое законодательство функцию уголовного, административного законодательства не нужно.

ВЕДУЩАЯ: Вы считаете, что вот этот новый Трудовой кодекс все-таки сохраняет права трудящихся?

ПАНИН: Конечно, сохраняет.

ВЕДУЩАЯ: А вот мнение доктора юридических наук, члена Независимого экспертно-правового совета Владимира Миронова.

МИРОНОВ: Если в двух словах оценить правительственный вариант проекта Трудового кодекса Российской Федерации, то надо сказать, что ничего хорошего он нашим работникам не несет.

Два параметра можно, по крайней мере, подчеркнуть в связи с этим.

Во-первых, что говорится об увеличении нормы рабочего времени. Действительно, в правительственном варианте сказано, что работник и работодатель могут договориться о том, чтобы привлекать работника к сверхурочной работе. Причем оплата будет определяться по договоренности между работником и работодателем. Что это значит, если вас вызывает хозяин в организации и говорит: "Будешь работать бесплатно и вместо 8 - 12 часов"? Если работник откажется от такого предложения, то в результате он окажется за воротами предприятия. Фактически в данном случае вводится 12-часовой рабочий день официально.

Во-вторых, что касается увольнения за виновные действия женщин, которые имеют детей, то, простите, эти женщины выполняют свою главную функцию - они воспитывают детей. Поэтому действующее законодательство исходит из того, что никто не вправе их лишать средств к существованию. Это тоже является тем камнем преткновения, который, как правительство считает, надо убрать с дороги предпринимателей. Ни в коем случае, мне кажется, этого делать нельзя.

А в принципе, на сегодняшний день принимать даже за основу какой-то из четырех проектов Трудового кодекса, на мой взгляд, нельзя. И вот, почему.

Любой вариант Трудового кодекса, который мы принимаем, начиная с проекта Авалиани (о проекте Голова сейчас речь не идет: его якобы уже снимают), или тот вариант, который сейчас внесен восьмью депутатами, правительственный вариант, - все они построены таким образом, что, в принципе, даже те гарантии, которые в них заложены, действовать не будут. А причина в том, что на сегодняшний день вступил в действие Федеральный закон "Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве, о профессиональных заболеваниях". В статье 5 этого закона сказано, что работодатель,

который принимает работника на работу по трудовому договору, будет платить взносы по этому обязательному страхованию. А если он заключит гражданско-правовой договор, то он такие взносы платить не будет. Что естественно сделает работодатель? Он сделает все возможное, чтобы перевести работника на гражданско-правовой договор. Ведь трудовой договор предусматривает не только подчинение правилам внутреннего трудового распорядка, но и защищенность работника и в плане действия норм КЗоТ, и в плане страхования от несчастных случаев на производстве и профзаболеваний. Достаточно правил этих не принимать, чтобы не действовали нормы трудового законодательства.

И далее, что надо сказать. У нас все равно нет никаких механизмов реализации норм трудового законодательства. Суды рассматривают дела как-нибудь и где-нибудь, и длительное время. Более того, сейчас большая часть споров отнесена к компетенции мировых судей, поэтому у нас работник будет за восстановлением на работу ходить в суд общей юрисдикции, а заработную плату за время вынужденного прогула взыскивать у мирового судьи. Практически у нас на сегодняшний день, несмотря на принятие новых нормативно-правовых актов и правовой инспекции труда, инспектор труда реальных рычагов воздействия на работодателя не имеет, поскольку предписания являются благим пожеланием для работодателя. Короче говоря, и действующее законодательство, и те нормы, вернее не нормы, а пожелания, которые есть в проектах Трудового кодекса, - все они практически исключают возможность защиты работником своих трудовых прав.

Поэтому если только будут действовать эти "три кита": то есть работодатель будет знать, что к нему может в любое время прийти инспектор труда и сказать, что "ты нарушаешь права работника"; если работодатель будет знать, что работник в любое время может прийти в суд, и суд быстро устранил нарушения; если работодатель будет знать, что работник может защитить своими действиями свои права, и работодатель ничего не сможет сделать такому работнику, - только в этом случае те льготы, которые предусмотрены в Трудовом законодательстве, будут действовать. А если этого не будет, то мы можем принимать еще хоть 5-6 кодексов, но все это станет бесполезной тратой времени.

Еще Радищев в своем "Путешествии из Петербурга в Москву" говорил, что закон, не подкрепленный средствами воздействия на исполнителя, всегда в народе был почитаем пустым звуком.

ВЕДУЩАЯ: На сегодня все. Прочитать нашу передачу вы можете в Интернете по адресу: www.memo.ru. До свидания, до новых встреч.

Законопроект об изменении, о приостановлении действия и признании в утрате силы некоторых законодательных актов, в связи с Федеральным Законом «О федеральном бюджете на 2000 год»

(Эфир "Радио России" 16 мая 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Вскоре Государственная Дума приступит к принятию во втором чтении законопроекта "Об изменении, о приостановлении действия и признании в утрате силы некоторых законодательных актов, в связи с Федеральным Законом "О федеральном бюджете на 2000 год".

Автором данного законопроекта является правительство. Интересно, что правительство неоднократно вносило такой законопроект в Думу прошлого созыва, но тогда он даже не принимался Думой к рассмотрению. Да и теперь при рассмотрении законопроекта в первом чтении 7 апреля депутаты отвергли его, но уже через пять дней они вернулись к его обсуждению и неожиданно приняли.

Что же принесет этот закон гражданам России, если он будет принят?

Проект закона предусматривает отмену установленных Законом РФ "Об образовании" и Федеральным Законом "О высшем и послевузовском профессиональном образовании" государственных гарантий в ежегодном выделении средств на нужды образования в размере не менее 10% национального дохода. Этот же проект закона предусматривает и отмену доли расходов на финансирование профессионального высшего образования в размере не менее 3% расходной части федерального бюджета. Исключаются также нормы, устанавливающие повышенную ставку заработной платы и должностных окладов работникам образовательных учреждений. Признаются утратившими силу положения Основ законодательства РФ о культуре: об обязательном направлении не менее 2 % средств федерального бюджета на цели культуры.

Отменяются положения Закона "О науке и государственно-технической политике", предусматривающие выделение средств не менее 4% расходной части бюджета на финансирование научных исследований и экспериментальных разработок гражданского назначения.

Этот же законопроект предполагает исключить нормы целого ряда законов, устанавливающих льготы различным категориям граждан. Перестает действовать норма Закона РФ "О реабилитации жертв политических репрессий" - "О праве репрессированных на получение беспроцентной ссуды для приобретения жилья или стройматериалов для строительства жилья".

Из Федерального Закона "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" исключается положение "О финансировании из федерального бюджета расходов на создание специальных рабочих мест для трудоустройства инвалидов".

Отменяется ряд льгот, установленных Законом РФ "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации, вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС", участникам ликвидации аварии, гражданам, подвергшимся радиационному облучению и проживающим на зараженной территории.

Лишаются ряда льгот ветераны. Студенты лишаются всех льгот на проезд в междугороднем транспорте.

Упраздняются льготы, предоставляемые средствам массовой информации, по услугам почтовой, телеграфной и телефонной связи.

И так далее, и так далее...

Я показала проект человеку, совершенно далекому от думских дел, от политики, но для которого понятие "Культура" - это не просто одна из строк в очередном законопроекте.

Говорит историк искусствоведения Василий Кисунько.

КИСУНЬКО: Если я понимаю верно, то волосы мои встают дыбом. Вот ощущение такое.

Это же не льготы, правда? А какие-то формы. Знаете, это даже не формы компенсации, так как ее нет. Скорее, что меня поразило, формы обязательства государства перед ветеранами, перед теми, кто пострадал в борьбе с терроризмом, перед теми, кто занимается просвещением, здравоохранением, перед теми, кто проработал всю свою жизнь. Если я верно понял, то, по крайней мере, на 2000 год всё приостанавливается. По моему разумению, это же невозможно! И я все-таки надеюсь на наличие ума в Правительстве, которое, безусловно, так сделать просто не сможет.

Когда я смотрел эти материалы, то обнаружил, что большинство из наших "светочей" демократии либо не голосовали вообще (я уж не знаю, может, они вышли в туалет, как в советское время, чтобы не принимать участие в неприятном голосовании), либо были в загранкомандировках. Но я несколько "обалдел", когда увидел там изрядное количество сохранившихся "светочей", которые проголосовали - "за". Монолитными противниками этого мероприятия оказались коммунисты и почти монолитными аграрии.

Я опять ничего не понимаю, потому что, если уж за это голосуют такие люди, как Явлинский...? Ведь достаточно одного этого имени для тех, кто пребывает в здравом уме и твердой памяти. Поэтому мое разумение может быть самое примитивное, обывательское и простое. Очевидно, там решили, что надо всех "утопить", а потом уже выбрать одно из двух: или дело спасения утопающих - дело рук самих утопающих, или мы вас будем, ребята, теперь спасать, но правильно, поскольку старые правила нас не устраивают.

ВЕДУЩАЯ: А как сами избранники народа могут прокомментировать этот законопроект?

Говорит Геннадий Кулик, заместитель Председателя Комитета по бюджету и налогам, (фракция "Отечество - вся Россия").

КУЛИК: Дума второго созыва приняла бюджет к исполнению, не найдя источников для того, чтобы обеспечить финансирование этих законов. Поэтому вполне логично, что сегодня Правительство спрашивает новых депутатов: или мы будем пересматривать бюджет и искать дополнительные источники для того, чтобы выполнить все льготы, которые напринимала за последнее время Государственная Дума, или мы вынуждены искать выход из создавшейся ситуации. Это, как говорится, по форме - "выбирайте, что вы хотите".

Теперь по существу. Я считаю, что Правительство в данном случае поступило абсолютно правильно. Думаю, оттого, что мы говорим "халва, халва", во рту сладко у человека не бывает. Но если Государственная Дума приняла законы, которые не подкрепляются финансовыми ресурсами и не реализовываются на практике, то, кроме раздражения, у человека это ничего не вызывает. Да, надо жить по средствам, надо сегодня исполнять те законы, которые имеют финансовое обеспечение.

Теперь о самих льготах, что так взволновало. Я тоже получаю очень много телеграмм, меня представляют чуть ли не врагом номер один, который как бы лишил многих льгот. Есть льготы таможенные, которые даны кинематографистам на ввоз продукции и разного оборудования на территорию Российской Федерации.

Я хочу задать вопрос. Вот нет льгот на лекарства, которыми пользуются все люди, а группе кинематографистов льготы даны. Причем они делают продукцию, мягко говоря, не всегда в пользу нашего народа. Уж такие фильмы снимают, что иногда их бы лучше не показывать. Так что, я думаю, видно: потеря оттого, что мы приостановили действие этой льготы, или польза?

Дальше. Есть, например, льготы, которые даны пожарникам на ввоз оборудования на территорию России. Под этим предлогом покупаются иномарки, на них пишется название "пожарная", - и разъезжает начальство. Покупается мебель, офисное оборудование, компьютеры и так далее, и так далее. А это идет из кармана налогоплательщика.

Пять или шесть законов устанавливали то, как формируется заработная плата. Скажем, было записано, что заработная плата учителя формируется в зависимости от минимальной оплаты труда и должна составлять не менее, скажем, четырех минимальных оплат труда. Но этот закон никогда не действовал. Учитель все время получал заработную плату, исходя из действующей сетки по оплате труда для бюджетных организаций, так как только она может регулировать.

Например, закон устанавливал, что профессор должен получить заработную плату, не ниже средней зарплаты в промышленности. Кто эту зарплату среднюю рассчитает? Вы можете ее определить: какая она, заработная плата, и какую промышленность брать?

То есть много было написано таких обещаний, которые никогда не реализовались, но в то же время как бы давали какую-то надежду людям: "А, когда-то моя зарплата будет такая же, как у Черномырдина, который работает в газовой отрасли промышленности и получает неплохую зарплату..."

ВЕДУЩАЯ: Говорит заместитель Председателя Комитета по образованию и науке Олег Смолин (Агропромышленная депутатская группа).

СМОЛИН: Я хотел начать с того, что, работая уже в четвертом парламенте, я сталкиваюсь впервые с такой ситуацией. Ни один другой парламент: ни Верховный Совет, ни Дума первого или второго созыва - таких решений не принимали, хотя Правительство с такими предложениями выходит не в первый раз.

Во-вторых, я считаю, что закон представляет собой чрезвычайно опасный прецедент, поскольку одним законодательным актом пытаются отменить сразу 26 важнейших законов по части социальных гарантий для людей. Мы считаем, что это можно делать только путем внесения изменений и дополнений в конкретные законы, а не разом все отменять. Не случайно закон получил кодовое название - "братская могила" (хотелось бы

думать, что это только для социальных законов, но за этим может последовать и для социально незащищенных людей).

В-третьих. Нам постоянно говорят, что закон отменяет только льготы, которых слишком много наплодили в Российской Федерации. Это неверно. Закон отменяет не только льготы, он отменяет важнейшие нормы, касающиеся финансирования, в частности, бюджетной сферы: 3 процента федерального бюджета - на высшее образование, 4 процента федерального бюджета - на науку. Статьи, касающиеся оплаты труда работников образования, а к ним привязана, между прочим, оплата труда работников культуры по закону, и так далее, так далее. Разве у нас заработная плата уже стала льготой? Весьма странно мы переходим к рыночной экономике.

Четвертая позиция. Нам говорят, что закон якобы отменяет только недействующие льготы. Это неверно. Закон отменяет и часть действующих социальных гарантий. Например, статья 22 Федерального закона "Об инвалидах". Плохо ли хорошо, но она, по крайней мере, имела моральные действия. Речь идет о создании рабочих мест для инвалидов. Я знаю прекрасный центр в Москве, который создает рабочие места для незрячих людей. Там такой хороший опыт, который можно продемонстрировать даже Европе. Теперь нам говорят, что федеральный бюджет все это поддерживать не будет, а это значит, что мы не сможем такой опыт распространять по другим регионам. Не все регионы так же богаты, как Москва.

То же самое относится к гарантиям, например, транспортным для ветеранов. Во многих случаях ведь они действуют. А таким образом часть людей потеряет существующие социальные гарантии.

И, наконец, следующая позиция, очень важная. Законы в России имеют еще то значение, что можно, опираясь на закон, по крайней мере, чего-то добиваться. В нынешнем законе есть статья 127 бюджета, которая прописывает, как нужно тратить дополнительные доходы бюджета (они, кстати, есть в этом году) на те же самые социальные программы. Отменив действие 26 статей, которые написаны в этом законе, мы лишаемся возможности добиваться, чтобы за счет дополнительных доходов тратили деньги на социальные программы. Это одна сторона.

Дальше. На очереди бюджет 2001 года. Пока нормы действуют, мы, по крайней мере, имеем законные основания добиваться, чтобы законы исполнялись. Как только их отменяют, те, кто стремится к защите социально незащищенных категорий людей, лишаются последнего рычага. Это очень важная позиция.

Кроме того, в Правительстве рассматривается проект национальной доктрины образования. Там записаны те же самые параметры, что и в законах об образовании, только с рассрочкой введения на несколько лет, на три года. Если сейчас мы эти статьи отменяем, то как мы будем себя чувствовать? Правительство, конечно, тогда отклонит проект доктрины, и мы лишаемся вообще всяких шансов на то, чтобы наше образование выходило из кризиса.

Наше глубокое убеждение в том, что закон противоречит 55-ой статье Конституции, пункту второму, он ухудшает положение людей. Такой закон принимать не следует. Мы готовы рассматривать вопросы о введении тех или иных норм в рассрочку. Мы готовы к компромиссам. Но законы принимаются для того, чтобы их исполнять, а не для того, чтобы их отменять. Отмена тех или иных социальных гарантий возможна, но только тогда, когда заработные платы и пенсии будут расти опережающими темпами.

ВЕДУЩАЯ: А как аргументирует свою позицию фракция "Яблоко", 76 процентов которой проголосовало за принятие этого закона.

По телефону я связалась с Сергеем Иваненко, заместителем Председателя фракции "Яблоко".

ИВАНЕНКО: Фракция "Яблоко", при принятии решения о голосовании по закону о приостановке действия льгот, исходила из того, что мы условно поддерживаем этот закон в первом чтении. Безусловно, мы отдаем себе отчет в том, что те категории граждан и в образовании, и в культуре, и работники Крайнего Севера не должны лишаться льгот и их жизненный уровень не должен ухудшаться.

Но проблема гораздо более сложная. Этот закон уже пять лет кочует в Думе, он блокируется фракцией КПРФ, исходя из достаточно демагогических заявлений о том, что нельзя нарушать права трудящихся. Результатом стало то, что последние пять лет большинство этих льгот не финансируются реально. Это с одной стороны.

С другой стороны, в этом законе существуют позиции, связанные с министерскими льготами, с таможенной службой, с налоговой полицией, - позиции, которые должны быть, безусловно, отменены. Одним словом, это достаточно сложный закон. И мы приняли решение поддержать его в первом чтении, с тем чтобы ко второму чтению были внесены поправки, которые сохраняют то положительное, что надо сделать: отменить необоснованные льготы и обеспечить реальное финансирование тех категорий людей, которые действительно в этом нуждаются (реальное адресное финансирование). Но нельзя допустить вот такого, чоком, отношения ко всем людям, которые затрагиваются действием этого закона.

Такие поправки подготовлены, они уже внесены фракцией. И если они не будут поддержаны, мы этот закон, конечно, принимать не будем.

ВЕДУЩАЯ: А какие именно поправки вы хотите?

ИВАНЕНКО: В частности, в качестве примера, я могу привести поправку, связанную со льготами работникам, которые живут на Крайнем Севере.

Если формально этот закон будет принят завтра, то все надбавки, все коэффициенты будут отменены. Конечно, мы этого не допустим. Но следует все-таки отменить льготы, например, таким высокодоходным отраслям, как нефтяная или рыбная отрасль, которые и так способны за счет своих затрат, за счет своих доходов выплачивать коэффициенты работникам, а тем самым увеличить деньги, которые идут на учителей, врачей, и вообще, на бюджетную сферу. Вот такую поправку мы подготовили по Крайнему Северу. Согласовали ее с рядом губернаторов, в частности, с губернатором Сахалинской области, и будем ее поддерживать. Это только один пример.

Такой же подход мы собираемся применять и по отношению к другим категориям. То есть не отменять льготу, а делать ее реальной, с тем чтобы она реально финансировалась.

ВЕДУЩАЯ: В 2000 году предлагается не осуществлять выплат, предусмотренных Федеральным законом "О борьбе с терроризмом". Это значит не выплачивать единовременных пособий семьям погибших при исполнении служебных обязанностей в ходе борьбы с терроризмом, не назначать пенсий семьям в случае потери ее кормильца, не

сохранять имевшиеся у погибшего льготы его близким, а также не выплачивать пособия за полученные увечья лицам, принимавшим участие в борьбе с терроризмом.

ИВАНЕНКО: Это совершенно недопустимо. Это один из примеров того, что, безусловно, должно быть исключено из текста закона. Более того, я могу сказать, что фракция "Яблоко" подготовила специальный закон, который называется: "О статусе участников боевых действий и вооруженных конфликтов". Он распространяется на абсолютно все категории лиц: и на военнослужащих, и на работников внутренних дел, которые когда-либо ранее принимали участие в вооруженных конфликтах. Мы это там все подробно прописываем. Поэтому, разумеется, мы эту льготу будем сохранять и, более того, в полной мере обеспечивать ее законодательно. Ведь на сегодня она, действительно, не финансируется, и эти пособия не выплачиваются. Это совершенно недопустимо.

ВЕДУЩАЯ: Говорит Виктор Похмелкин, один из немногих во фракции "Союза правых сил", кто воздержался при голосовании за этот проект.

ПОХМЕЛКИН: Конечно, нам нужна глубокая социальная реформа. Это правда. Та система социальной поддержки, которая существует сегодня, не выдерживает никакой критики. Она не решает, действительно, назревших социальных задач, она оставляет за чертой бедности очень многих людей и, вместе с тем, не имеет адресного эффекта. Поэтому, в принципе, я считаю очень важным постепенно отказываться от системы тех льгот, которые существуют у нас в виде скидок, освобождения от каких-то выплат, заменяя это социальными пособиями, то есть прямыми бюджетными ассигнованиями, направленными на поддержку наиболее не защищенной части нашего населения.

Но делать это надо очень аккуратно. Ни в коем случае не допускать такую ситуацию, что льготы отменены, а они ничем не компенсированы.

Кроме того, есть такие льготы, которые отменять, на мой взгляд, просто безнравственно. И, наоборот, если уж мы это делаем, то тогда власть должна начинать с себя. В этом законе нет самого главного: нет, скажем, отказа от финансирования льгот и привилегий для депутатов Государственной Думы, членов Совета Федерации. Нет отказа от финансирования льгот и привилегий для чиновников, находящихся на государственной и муниципальной службе. Вот этого нет. Вместе с тем предлагается ограничить льготы для жертв политических репрессий, ограничить льготы для ветеранов, ограничить льготы для инвалидов, ограничить льготы для средств массовой информации, которые, кстати, предоставлены им специальным федеральным законом, и так далее. Вот с этими положениями, мне кажется, соглашаться нельзя. И я лично голосовал против этого законопроекта в первом чтении. Хотя нас уверяют, что всё равно это финансировать государство не может и не должно. Я полагаю, что если государство это финансировать не может и не должно, то тогда оно одновременно должно прекратить финансировать все те льготы, которые существуют для самих государевых людей, иначе обществу, людям это совершенно непонятно. Как же так? Вроде льготы устанавливались для самых разных категорий, а начинают почему-то с наиболее не защищенной части населения.

Вместе с тем, в этом законопроекте есть положения, которые, безусловно, заслуживают поддержки. Например, есть попытка закрыть все льготы для так называемых свободных экономических зон, где, конечно, происходит колоссальное уклонение от уплаты налогов и масса махинаций. Это правильная линия.

Но, мне кажется, что с социальной точки зрения, все-таки этот законопроект явно недостаточно проработан, и его принятие и подписание Президентом не даст должного

эффекта, а, наоборот, вызовет очень мощный социальный протест, что, с моей точки зрения, было бы вряд ли разумным сегодня.

Еще один момент. Такого рода вещи надо очень хорошо объяснять. Предположим, сказать людям: вот сейчас мы вынуждены пойти на такие непопулярные меры, но наша цель - через два года, допустим, вывести пенсии на уровень прожиточного минимума. И вот поэтапно мы к этому идем. Тогда понятно, что у людей есть некий ориентир, по которому они могут сверять все шаги Правительства и парламента. Если же этого не делается, а просто чохом людей ограничивают в их социальных правах, то, конечно, понять это невозможно, и это неправильно. Я считаю: так нельзя принимать решения, когда народ, общество просто к ним не подготовлены. Это тоже ещё одна ошибка Правительства, что оно не считает нужным вести активную пропагандистскую работу в пользу такого рода мер.

ВЕДУЩАЯ: Странно, но этот законопроект в течение месяца не вызывал никакой реакции общественности. И лишь теперь, когда в Думе как бы уже подведена черта, ряд общественных, преимущественно правозащитных и молодежных организаций намерены провести в Москве 17 и 18 мая пикеты протеста. Хорошо было бы, если бы пикеты остановили "единый порыв" исполнительной и законодательной властей искоренить льготы и сэкономить бюджетные средства за счет культуры, образования и науки.

На сегодня все. Прочитать наши передачи вы можете в "Интернете" по адресу: www.memo.ru. До свидания.

Усыновление российских детей-сирот иностранными гражданами.

(Эфир "Радио России" 02 мая 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Сегодня тема нашей передачи: **усыновление российских детей-сирот иностранными гражданами.**

Вокруг этой, действительно, серьезной проблемы уже давно, а в последнее время особенно, кипят страсти.

“Детопродавцы”, “Похищение”, “Валюта в памперсах” - вот некоторые из заголовков газетных статей, посвященных этому вопросу. Об усыновлении сирот иностранцами пишут как о насквозь криминальном процессе, как о распродаже генофонда, будущего России.

В результате у меня возникают вопросы. В оценках процесса усыновления, по-моему, нужно исходить не из интересов государства или этноса, но, прежде всего, из интересов самого ребенка. Разве плохо, если ребенок-сирота будет расти в хорошей семье, даже и за пределами нашей страны? Кроме того, иностранцами часто усыновляются серьезно больные дети. И если наши граждане по разным причинам не спешат взять в свои семьи такого ребенка, то слава богу, что на это готова какая-то не российская семья.

Обычно в ответ можно услышать следующие возражения. Во-первых, российские дети, вывезенные за границу, часто оказываются в ужасных условиях, есть даже случаи, когда приемные родители убивали взятых детей. Во-вторых, детей могут вывозить с преступными целями. И здесь всплывают страшные истории об органах для пересадки и тому подобное. В-третьих, многие российские семьи и хотели бы усыновить сироту, но не могут, поскольку специализирующиеся на вывозе детей иностранные фирмы, пользуясь несовершенством российских законов, а порой действуя и в обход их, поставили вывоз детей-сирот из России на поток. Газета “Известия”, например, сообщила недавно, что 85% сирот усыновляется иностранцами, и только 15% - россиянами.

Но ведь эти цифры ничего не доказывают, тем более что они прямо противоречат имеющимся у меня данным Генеральной прокуратуры, согласно которым за последние годы российские сироты усыновлялись россиянами и иностранцами примерно в равных пропорциях.

Недавно Правительство России издало постановление, регулирующее процедуры международного и внутрироссийского усыновления. И опять же вокруг него возникают новые вопросы. При том, что все в целом встретили это постановление с одобрением, ряд общественных организаций: программа “Право ребенка” Российского исследовательского центра по правам человека, Ассоциация детских психиатров и психологов, Правозащитная служба для детей - на пресс-конференции в конце прошлого месяца высказали свою озабоченность интерпретацией этого постановления прокуратурой. По мнению представителей этих организаций, органы прокуратуры пользуются данным постановлением для того, чтобы вообще воспрепятствовать усыновлению российских детей-сирот иностранцами.

Как же происходит процесс усыновления российских детей-сирот иностранцами? Действительно ли здесь наблюдается разгул криминала? Как защищаются права детей,

вывезенных из России в другие государства? Почему российских детей чаще усыновляют граждане других государств, чем россияне? Правда ли, что российская прокуратура препятствует процессу международного усыновления?

Я попыталась получить ответы на эти вопросы у ряда людей, занимающихся непосредственно как проблемами усыновления сирот, так и защитой прав детей вообще.

Говорит Галина Кушнеренко, старший научный сотрудник НИИ детства Всероссийского детского фонда.

КУШНЕРЕНКО: Мы очень долго ждали этот блок постановлений (там их несколько), потому что без них деятельность по усыновлению находилась как бы вне правового поля.

Дело в том, что иностранным усыновителям было предоставлено по нашему закону два пути. Первый путь, когда они сами приезжают сюда со своими документами, подают заявление в субъекте федерации, то есть в области, в крае или в республике. Затем они должны дождаться, пока им подберут ребенка, потом познакомиться с этим ребенком, сдать документы в суд, дождаться назначения суда и прохождения процедуры усыновления. Вот это первый путь.

Второй путь был такой. Они могли сюда присылать документы, тоже в субъект федерации, и ждать, пока орган опеки и попечительства подберет им ребенка, сфотографирует его, сделает видеозапись, подготовит медицинские документы, выписку и анкету на ребенка. И этот орган опеки отправит за границу всю данную информацию. Потом родители дадут согласие и пришлют документы для суда. Органы опеки и попечительства отнесут эти документы в суд, судья назначит дату слушания, вызовет на суд кандидатов в усыновители, и пройдет уже сам суд.

Но наши органы опеки не располагают такими средствами, ни аппаратурой и ничем, чтобы фотографировать ребенка, собирать на него информацию, отправлять эту информацию за границу. У них нет для этого возможности. Такая деятельность невозможна в силу необеспеченности техникой и кадрами. Да еще органы опеки должны вроде и переводчика им предоставить и встретить этих родителей, и машину им предоставить, и так далее. У нас в органах опеки нет возможности это делать. И поэтому эту часть деятельности, связанную со встречей родителей, с передачей информации от органов опеки родителям, - эту деятельность выполняли представители агентств. Поскольку эта деятельность с 1998 года была признана посреднической и незаконной деятельностью, эти представители агентств начали действовать нелегально. И это совершенно, никаким боком, не вписывалось в наше законодательство.

ВЕДУЩАЯ: Галина Сергеевна, простите, мне не понятно. Вы говорите о противозаконной деятельности. Но все равно, в любом случае это шло через суд, ведь суд устанавливал...

КУШНЕРЕНКО: А дело в том, что суд ведь уже на конечном этапе действует, когда подобран ребенок, когда родители представили документы. Суд рассматривает документы, правовые основания для усыновления именно этого ребенка, именно этими родителями. А до суда-то кто это все будет делать? Это же огромный объем работы.

ВЕДУЩАЯ: Но ведь суд может признать право семьи, что бы увезли этого ребенка или нет.

КУШНЕРЕНКО: Конечно, конечно.

ВЕДУЩАЯ: А почему же в не правовом пространстве все это шло?

КУШНЕРЕНКО: Я Вам рассказала, что вот эта часть деятельности, досудебная, была вне закона. Досудебная! Что с судом? С судом же все в порядке. Там может действовать доверенное лицо родителей: уже на суде представлять их интересы может, - и сами родители участвуют. Но только на суде. А все, что до суда происходило, - это считалось посреднической незаконной деятельностью.

ВЕДУЩАЯ: Ну, детей все-таки вывозили законно, раз было решение суда?

КУШНЕРЕНКО: Конечно! Незаконно нельзя вывести ни одного ребенка из России. Это всегда делалось... Вернее не всегда, а с 1996 года стало делаться по суду. До 1996 года это делалось постановлением главы администрации. И у нас не может быть незаконного вывоза. Это не правильная совершенно формулировка, потому что вывезти усыновленного ребенка незаконно нельзя. Для этого нужно иметь специальные документы, без которых посольство не выдаст визу.

ВЕДУЩАЯ: А в чем у вас противоречие с генеральной прокуратурой?

КУШНЕРЕНКО: Генеральная прокуратура считает, что вот эта деятельность -посредническая, что это зарабатывание больших денег. Причем считает, что они незаконно зарабатывают. И действительно, получается так, что они незаконно зарабатывают. А второе противоречие в том, что Генеральная прокуратура встает против того, чтобы детей увозили за границу, что якобы “вывозят их в таком большом количестве”. И третье, против чего мы всегда выступаем: генеральная прокуратура считает, что детей увозят на органы, в дома терпимости и т. д. и т.п. Ничего подобного, через усыновление это сделать невозможно!

ВЕДУЩАЯ: Почему?

КУШНЕРЕНКО: Потому что ребенок, прежде чем уехать за границу, он здесь проходит очень сложный и длительный путь. Я могу вам рассказать от начала и до конца, какой путь он проходит. Когда он здесь вместе с родителями пересекает границу, он фиксируется.. Туда они приезжают с пакетом документов, с паспортом. Они там регистрируются на таможне обязательно, сдают эти документы, то, что им дали, они предъявляют там. Сразу, как только они туда приезжают, местные органы (ну, будем называть органы опеки) приходят в эту семью. У них уже есть информация. Они отслеживают этого ребенка в течение полугода или год, а потом происходит как бы повторное усыновление уже в той стране, т.е. закрепляется. Поэтому ребенок не может, ну, “никаким боком” - на органы... И никуда исчезнуть он не может, потому что его путь весь прослеживается. Сейчас вот дополнительная норма по закону вступает (раньше такой нормы не было), что ребенок становится еще и на консульский учет в посольстве тамошнем.

ВЕДУЩАЯ: Понятно. Но вот те фирмы, которые действуют на территории, скажем, Америки, Германии или других стран. Они лицензированы внутри своей собственной страны и не лицензированы только у нас в России?

КУШНЕРЕНКО: Да. Они получили аккредитацию на свою деятельность у нас в стране. Ведь министерство дает ответ на каждого ребенка. Вот когда ребенок уже подобран

родителям, министерство образования дает ответ на запрос департамента. А в этом запросе департамент пишет, какая организация (обязательно указывается ее адрес) берет на себя ответственность по контролю за усыновленным ребенком и будет присылать постоянные отчеты о нем. Так что министерство обязательно имеет копию лицензии этой организации. И если эта организация лицензирована, тогда только дается ответ. Если лицензии нет в министерстве, никто не даст никакого ответа. А, следовательно, без этого ответа суд не может состояться.

ВЕДУЩАЯ: Но я не понимаю тогда, в чем же дело? Вот говорится о лицензировании. Повторное что ли необходимо лицензирование этих организаций?

КУШНЕРЕНКО: Нет. Просто они у нас получают право... Вот они представят все свои документы (там в постановлении перечень дается этих документов), и они получают законное право работать у нас в России и оказывать эти посреднические услуги. То есть это уже будет организация, которая прошла аккредитацию в России, и деятельность ее уже не будет считаться незаконной.

ВЕДУЩАЯ: А лицензии уже недостаточно для этого?

КУШНЕРЕНКО: Да, для наших оказалось недостаточно.

ВЕДУЩАЯ: А как Вы считаете, как долго продлится процесс аккредитации этих организаций?

КУШНЕРЕНКО: Я могу сказать, что сейчас идет этап на уровне МИДа. Это обмен нотами по принципу взаимного согласия или заключения международного договора. Сколько этот период продлится? Я не знаю. Как страны обмениваются. Мне сказали, что МИД уже разослал ноты в государства, которые занимаются усыновлением в России. Когда будут получены ответы, то по мере их получения, в министерство образования будет приходить эта информация. Организации должны представить документы, и затем эти документы в течение трех месяцев должны быть рассмотрены.

ВЕДУЩАЯ: А в течение этих трех месяцев те дети, которые уже должны были уехать за границу, они поедут, или это будет задержано?

КУШНЕРЕНКО: А это будет зависеть от местного регионального суда. Министерство проводило селекторное совещание, они сказали, что если дела уже начаты, то их надо завершить. Но право суда - отложить...

ВЕДУЩАЯ: Я задаю вопрос Наталье Волковой, заместителю начальника управления Генеральной прокуратуры по делам несовершеннолетних и молодежи.

Как генеральная прокуратура отслеживает ситуацию с усыновлением?

ВОЛКОВА: Мы этим занимаемся постоянно. У нас в поле зрения надзор за исполнением законодательства об усыновлении. В прошлом году, в 1999-м, мы проводили специальную проверку по этому вопросу. Ведь уже 3 года действует семейный кодекс РФ, в котором заложены все нормы, обеспечивающие перед иностранными гражданами все же приоритет российских граждан в усыновлении наших детей. Но, когда мы провели проверку, результаты нас поразили. Хотя вроде бы семейный кодекс закрепил все эти

нормы приоритета российских усыновителей, а получилось все же наоборот: превалирует усыновление иностранными гражданами, а российское усыновление внутри страны, - оно снижается. Ну, здесь масса причин. Во-первых, данные не обо всех детях доходят до наших кандидатов в усыновители, то есть до лиц, желающих усыновить. В то же время иностранцам, иностранным фирмам, которые здесь действовали незаконно (до недавнего времени, пока не было принято постановление, то есть не было правового поля для их деятельности), - для них наиболее благоприятные были созданы условия, поскольку им был неограниченный доступ в дома ребенка. В результате они получали более широкую информацию о детях, и даже видеозаписи отправлялись туда за границу, то есть уже там предлагали наших детей.

ВЕДУЩАЯ: Здесь я хочу ненадолго прервать рассказ работника прокуратуры и опять обратиться к вопросу: почему среди усыновителей российских детей-сирот все-таки больше иностранцев, чем граждан нашей страны? Первый ответ, который приходит на ум: в этом виновато безденежье наших граждан. Однако случай, который произошел в Омске, свидетельствует о другом.

"Новая газета" 19 марта рассказала о том, как летом 98 года в Омске была начата акция "По секрету всему свету". В рамках этой акции юные жители Омска от 10 до 14 лет готовили репортажи о жизни детей этого города и Омской области. Начинающие журналисты познакомились с воспитанниками областных детских домов. Выездная редакция побывала в каждом из них. В эфир начали выходить короткие, всего на 5 минут, рассказы о судьбах самых маленьких воспитанников. Вот как они выглядели:

“Андрея нашли на свалке в рваном одеяльце. Сейчас ему чуть больше года. Он любит улыбаться и доверчиво тянется навстречу взрослым. Андрей рано просыпается, все время куда-то спешит и очень громко смеется”

“О чем грустит Слава, не знает никто. Он редко напоминает о себе - маленький незаметный мальчик. Любит слушать сказки, рассматривает книжки. Улыбается редко, сейчас учится говорить. Родители отказались от Славы в последнюю минуту, когда обоим предложили очень перспективную работу за рубежом”

“Вадик скоро год. Он самый обыкновенный ребенок. Любит тепло и ласку, нежно прижимается к воспитателям. Спит крепко, спокойно. Его мама написала в отказной: “Отказываюсь от сына, потому что нет возможности вырастить ребенка. Пожалуйста, позаботьтесь о нем. Пусть мой малыш будет счастлив”

И уже после первых программ посыпались десятки звонков, писем, предложений от коммерческих структур об оказании помощи детским домам. А к лету следующего, 99 года, уже 39 малышей нашли себе новых родителей. Усыновленные дети разъехались не только по Омской области, но и по Красноярской, Тюменской, Новосибирской. Следует сказать, что и в этом случае несколько детей усыновили граждане Германии, Америки, Израиля, Канады.

Михаил Федоров, 14-тилетний участник проекта, рассказал, что среди россиян, усыновивших малышей, были в основном люди не самого высокого достатка: учителя, врачи. Не было ни одного бизнесмена или политика.

Если бы наше общество и СМИ обращались бы к теме сиротства и усыновления не в плане обсуждения “страшилок” (якобы об использовании сирот в качестве сырья для пересадки органов или о зловредных иностранцах, желающих ослабить генофонд России),

а пытались бы реально помочь конкретным детям, - то, может быть, ситуация с российскими сиротами изменилась бы к лучшему?

Продолжает Наталья Волкова.

ВОЛКОВА: По данным с мест (недавно поступила из свердловской области к нам информация проверки этого вопроса), только в свердловской области работает 125 иностранных фирм. А вообще, по данным Интернета, только в США работает 90 фирм на Россию. Поэтому, конечно, у нас вставал вопрос, чтобы включать всю эту деятельность в какие-то правовые рамки. И вот в марте было принято постановление правительства. Но я не думаю, что сейчас это как-то приостановит международное усыновление...

ВЕДУЩАЯ: Уже начавшийся процесс, да?

ВОЛКОВА: Да, поскольку иностранные усыновители так же, как и наши усыновители могут, минуя все агентства, направлять заявления к нам. Пожалуйста. Хоть в министерство образования, хоть в какой-то регион, где они хотят встать на учет как кандидаты в усыновители. И, пожалуйста, как говорится, действуй!

Во-первых, нарушения выявили, прежде всего, в том, что у многих детей нет правового статуса. Он не оформлен. У ребенка нет статуса, когда он может быть передан на усыновление или под опеку.

ВЕДУЩАЯ: То есть это в самих детских учреждениях?

ВОЛКОВА: В самих детских учреждениях плохо эта работа проводится. Во-вторых, не о всех детях сообщается в органы опеки и попечительства. Например, ребенок остался в роддоме. Оставила его мать, отказалась от него. И администрация родильного дома обязана передать эти сведения в органы опеки и попечительства для того, чтобы те уже принимали меры для устройства ребенка в семью. Это как приоритетная форма устройства. Но, к сожалению, такие явления, когда информация не передается, носят у нас массовый характер. Далее из местного учета информация не передается в региональный учет. А региональный учет для того и создан, чтобы жители одного района знали о том, что есть ребенок в другом районе, чтобы они могли усыновить.

В ходе проверки у нас уголовных дел возбуждено не было. Когда проверяли министерство образования в связи с усыновлением, мы выявили совершенно негодную работу федерального банка данных, который находится в министерстве образования. Туда поступали сведения о детях, оставшихся без попечения родителей, а обратной связи не было. За 3 года работы (а на момент проверки у них 63 тысячи детей состояло на учете) к ним обратилось всего 52 человека, наших, российских кандидатов в усыновители. Вот дают они усыновителям направление куда-то и всё, а дальше уже не интересуются. Например, обратился к ним житель Москвы, дали они ему направление в Московскую область, где есть подходящие дети для усыновления. Но потом они не заинтересовались: а что там дальше, а как, - не заинтересовались результативностью своей работы. И когда мы в процессе проверки пытались это сделать, то, в общем-то, пришли к неутешительному выводу, что за все время существования федерального банка данных было усыновлено всего лишь 19 детей через министерство.

ВЕДУЩАЯ: В прессе появляется достаточно много статей, которые говорят о безобразии при усыновлении ребенка, о том, что детей, которые едут за границу, продают на органы, или плохо с ними обращаются...

ВОЛКОВА: Ну, во-первых, ни одного факта, что детей на органы где то там продавали, у нас нет. Мы не располагаем такими фактами. Во-вторых, специально была создана комиссия ООН, которая занималась расследованием таких случаев. Нигде в мире не обнаружено ни одного такого факта. О том, что с нашими усыновленными детьми плохо там за границей обращаются, такие факты, как я говорила, доходят к нам уже из прессы, но мы принимаем меры.

ВЕДУЩАЯ: Вот пресса всегда права?

ВОЛКОВА: Нет. Пресса во многом не права. По-моему, здесь создан искусственный ажиотаж вокруг этой сферы.

ВЕДУЩАЯ: Говорит Зугаева Алла, начальник отдела социально-правовой охраны детства.

Сейчас, после этих постановлений, усыновление будет идти уже в правовом русле. А что до этого было не так?

ЗУГАЕВА: Ну до этого на территории Российской Федерации работали иностранные организации, которые, фактически, не были официально уполномочены на эту работу.

ВЕДУЩАЯ: Уполномочены кем?

ЗУГАЕВА: Российской стороной. Более того, они очень часто не были уполномочены и иностранными организациями, компетентными в этой области на территории своего государства. И возникали коллизии, когда различного рода посредники да и всякие нечистоплотные люди пытались на этой ниве просто делать какие-то незаконные действия, получать незаконную выгоду, финансовые средства. И очень часто они не выполняли тех условий, тех обязательств, которые они брали перед иностранными кандидатами в усыновители. И у нас были в практике случаи, когда такие посредники, договорившись с усыновителями, которые въезжали в РФ, усыновление в итоге не производили, а бросали этих людей на полпути, и не выполнив обещаний, но получив с них деньги, исчезали в неизвестном направлении. И вот такие посреднические организации или физические лица фактически ответственность за эти действия не несли и никаким образом не контролировались государством, вопреки всем международным нормам.

ВЕДУЩАЯ: Почему все-таки у нас действовали такие фирмы, которые нигде не были зарегистрированы. Разве не проверялась их лицензия, скажем, в стране, откуда сами они. И второй вопрос в связи с этим. Все равно конечный этап усыновления - это суд?

ЗУГАЕВА: Да.

ВЕДУЩАЯ: И на суде ведь можно установить: имеет лицензию эта организация или не имеет.

ЗУГАЕВА: Дело в том, что организация может иметь лицензию на той стороне, но при этом абсолютно мы не знаем, как она будет действовать, и будет ли она действовать в соответствии с нашим законодательством на территории РФ. Поэтому и должен быть установлен специальный порядок деятельности такой организации на территории РФ.

Ведь необходимо определить, что она может делать, что она уполномочена делать и в каком порядке она это делать должна. И соответственно, чтобы все эти функции контролировались. До настоящего времени подобной процедуры не было, а был такой процедурный вакуум, и заполнялся он различными организациями или частными лицами, которые выполняли эти посреднические функции, учитывая, что никаких законных правовых основ на их деятельность не было заложено.

ВЕДУЩАЯ: И тем не менее суд давал согласие, чтобы ребенок ехал в какую-то страну?

ЗУГАЕВА: Дело в том, что, с точки зрения самой процедуры, все выполнялось в соответствии с действующим законодательством. То есть усыновители подавали заявление, представляли свои документы, оформляли все эти документы в соответствии с действующим иностранным и российским законодательством, и поэтому у судов, вероятно, вопросов не возникало. Но ведь есть вопрос: как был подобран ребенок, каким образом? А это оставалось за кадром судебного рассмотрения.

В той ситуации, когда у нас официального взаимодействия с этими организациями не существовало, не были четко установлены сроки предоставления отчетов об условиях жизни и воспитании детей. А теперь этими постановлениями четко установлены сроки, по которым как иностранным организациям, так и российским и как российским, так и иностранным гражданам предъявляются одинаковые требования. Все эти организации и граждане должны представлять отчеты об условиях жизни и воспитании детей: в первый год - два раза в год, а в последующие второй и третий годы - один раз в год. В этих отчетах должна даваться полная информация. Мы разрабатываем сейчас специальные формы этих отчетов, где точно нужно указывать о том, как ребенок адаптируется в новой семье и какая ситуация с ним складывается. Кроме того, вот новое дополнение: каждый ребенок обязательно ставится на консульский учет в той стране, куда он выезжает. И консульские службы могут осуществлять взаимодействие с аккредитованными организациями и выяснять какую-то поступающую информацию. Если есть неблагополучие в семье, то консульство может запросить эту организацию представить более подробную информацию для последующего решения вопроса о том, как быть и что делать в данной ситуации с этим ребенком. По имеющейся общемировой практике, безусловно, есть так называемые 4% от всех устраиваемых детей (и это считается нормальная цифра - 4%), - то есть те дети, которые не смогли адаптироваться в семье, и которых необходимо переустроить. В этом случае, учитывая, что ребенок находится под юрисдикцией и законодательством страны, куда он передан на усыновление, та организация, которая обеспечивала его устройство, осуществляет же и его переустройство в другую семью. И если уже это невозможно, или ребенок отказывается, его возвращают на родину. В нашей практике, за восьмилетний период, были случаи, когда двоих детей мы вернули в Россию в их детские учреждения. Эти дети сами (они были более старшего возраста) категорически отказались идти в другие семьи: они хотели вернуться в свои детские учреждения.

ВЕДУЩАЯ: Тему продолжает Борис Альтшуллер, председатель общественной организации “Право ребенка”.

Борис, по поводу этих постановлений что у Вас вызывает тревогу? Что они замедлят процесс усыновления?

АЛЬТШУЛЛЕР: На данный момент это привело к мораторию усыновления на то время, пока выработываются правила аккредитации иностранных агентств. Самое страшное, что “благодаря” позиции генпрокуратуры, которая через прокуроров распространяется по всей стране, получается, что уже начатые дела, - там, где была определенная надежда, и когда уже приехали из-за границы будущие родители, - прерываются.

ВЕДУЩАЯ: У меня есть последние данные по официальной позиции генеральной прокуратуры и министерства образования. Там указано, что этот процесс не должен останавливаться, и те дела, которые находятся в производстве, должны быть завершены. Может быть, наша передача поможет этим судам, поскольку данная официальная позиция ориентирована на то, чтобы не замораживать эти дела, а проводить дальше усыновление.

АЛЬТШУЛЛЕР: То, что Вы говорите и стало известно на днях, меня очень радует. Может быть, благодаря Вашей передаче и всем нашим общим усилиям, все-таки возобладает разумная линия.

По материалам передачи "Демократия, свобода, права человека"
(Эфир "Радио России" 22. 02. 2000 г.)
и статьи Григория Померанца "Сила и культура"
(газета "Русская мысль" №4299, 6-12 января 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Взрываются бомбы в городах России, сыплются бомбы на города и села Чечни. Взаимное ожесточение нарастает. И многими людьми уже руководит не разум, а чувство ненависти. В своих мыслях и делах они исходят не из рациональной оценки происходящего, а из идеи "святой" мести. И это как с одной, так и с другой стороны созданного противостояния.

Неужели Россия обречена на многие годы войны и насилия? Все чаще и все больше людей на этот вопрос отвечают - "Да".

Но если оторваться от экранов телевизоров и газетных страниц и, опираясь на знания об истории и культуре, попытаться осмыслить происходящее... Может быть, мы тогда найдем выход из порочного круга насилия и мести?

Недавно в Москве я побывала в музее Ахматовой на лекции, которую читали известные философ Григорий Померанц и поэт, прозаик и переводчик Зинаида Миркина.

С ними я и беседую.

ПОМЕРАНЦ: Однажды Зинаиде Миркиной позвонила пятилетняя девочка и сказала: "Я заразилась от Иисуса Христа любовью к врагам. По телевизору показывали мультик, и мне стало жалко волков, тонущих в озере". Зинаида Александровна спросила: "А зайцев тебе не жалко?" Девочка задумалась. Зинаида Александровна тоже задумалась и написала сказку. Это было давно: 20 или 25 лет назад. Естественно, тогда никаких мыслей о федералах и чеченцах у автора не было. Но я часто сейчас вспоминаю эту сказку.

МИРКИНА: Жил на свете белый заяц, такой как все, самый обыкновенный, только задумчивый. Он недотепой был, вечно он терял то морковку, то листик капусты, зайчики подхватывали это.

А однажды он притащил что-то необычайное, что даже зайцам у него не захотелось забирать, но было очень интересно, что это. А оказалось, что эта вещь, длинная, как морковка, и белая, как капуста, - футляр от скрипки. А скрипка была серебряной. Он взял серебряную скрипку и заиграл. И все притихли и слушали. А скрипка, хоть, конечно, ни одного слова сказано не было, все-таки все понимали, - скрипка говорила: "Все хорошо. Все удивительно хорошо. И звезды это знают, и деревья, и цветы, и лучи, только зайцы еще этого не знают". Когда заяц кончил играть, старая Зайчиха привела свои уши и лапы в порядок, усы тоже, и сказала: "Чепуха какая-то! Как же все хорошо, когда не хватает капусты и морковки...?! И вообще, на свете есть волки!" Белый заяц опять заиграл, и снова

все застыли. Но вдруг начался переполох. Зайцы побежали, кто - куда. Только он один остался. На поляне появились волки. А белый заяц плакал и продолжал играть. Он бормотал: "Если моя скрипка говорит неправду, то пускай волки меня съедят".

Вдруг волки остановились, попятились, и белый заяц почувствовал на голове чью-то мягкую руку. Это была девочка-волшебница. Волки отступили. А девочка сказала белому зайцу: "Ты, пожалуйста, никогда не сомневайся в том, что говорит твоя скрипка. Сейчас ты увидишь". Она взяла откуда-то точно такую же скрипку, как у него, а ее смычок оказался волшебной палочкой. Потом девочка взмахнула волшебной палочкой, и вырос удивительный заячий город, в котором все было так, как говорила скрипка. Всего было вдоволь. И главное, что волшебная стена не пускала волков. Здесь были зайцы в полной безопасности. И девочка сказала, что плакать в этом городе никто никогда не будет, разве что - от счастья, но это не считается. Все так и было.

Однако через несколько дней зайцы слышали плач. Это оказался волчий вой. Волки были голодны. Они мерзли. И тут-то зайцы зашевелились, загалдели и стали думать, что делать: пускать волков или не пускать. Один маленький зайчонок плакал и кричал, что умрет от страха, если в город пустят волков. Другой радовался: теперь только, когда зайцы живут в сытости и тепле, а волкам худо, он по-настоящему счастлив. А третий говорил, что он не может быть счастлив, когда кто-то плачет и воет: "Давайте проверим волкам и пустим их".

Девочка-волшебница погладила первого по головке и сказала: "Не бойся! Я в беду тебя не дам". А второму сказала: "Ты злорадный и можешь сам стать волком. Не думай, что волки всегда волки, а зайцы всегда зайцы... Всякое бывает". Третьему девочка сказала: "В тебе нет злорадства, волка из тебя не получится, но ты безответственный".

- А что такое "ответственный"?- загалдели зайцы.

- Это такой заяц или волк, или человек, который может быть одновременно и в волчьей, и в заячьей шкуре.

- А как это? - спросили зайцы. Но тут она ничего не ответила, взяла откуда-то свою шубку белую пушистую и взяла смычок, волшебную палочку. Стена разомкнулась, и девочка ушла к волкам.

Морозная ночь, светятся только волчьи глаза. Она стала играть волкам на своей серебряной скрипочке, такой же, как у белого зайца, и скрипка говорила: "Все хорошо. И деревья это знают, и звезды это знают, и зайцы теперь это знают, только волки этого еще не знают". Волки хмуро слушали. Потом один из них проговорил: "Что ж ты говоришь-то? Как все хорошо, когда мы голодные?! Нам холодно! Мы не виноваты, что родились волками. Что же нам делать?"

Девочка сказала: "Я тоже голодная, мне тоже холодно" И заиграла снова. Волки слушали. Но когда она сыграла в третий раз, волки сгрудились, потом подошел старый волк и сказал: "Ты обманщица. Нам не стало теплее, и в желудке по-прежнему пусто. Ты обманщица, и мы тебя съедем".

- Ну что ж, - сказала она, - раз вы мне не поверили, вам ничего другого и не остается.

Но тут от стаи волков отделился один, встал между волками и ей и сказал: "Нет, я не дам ее съесть, она не обманщица. Если мы можем так сидеть и слушать ее, я готов голодать и

холодать. Это хорошо, если мы можем сидеть и слушать ее. Но если мы тронем ее хоть одним зубом, это будет ужасно..."

Девочка вдруг подняла голову и сказала: "Ну вот, ты уже не волк. Ты Друг". А белое облачко, которое было где-то рядом над ними, приплыло и оказалось белым заячьим городом. Стена расступилась и впустила девочку и Друга. И уплыл город, как и приплыл: он же был волшебный.

Все волки, кроме Друга, остались в морозном лесу и завывали от тоски: "Если б мы знали, а теперь мы навсегда одни..." Но вдруг издали раздался тоненький тихий звон, и кто-то расслышал, что говорит серебряная скрипка: "Все хорошо. Все очень хорошо. И никогда не поздно этому поверить".

ПОМЕРАНЦ: А теперь я попытаюсь истолковать эту сказку как притчу о человеке и о людях.

Первый урок - о человеке наедине с самим собой. Никогда не надо терять веру в голос из собственной глубины или, по термину сказки, в голос волшебной скрипки. Антоний Сурожский говорил, что извечный наш грех - потеря контакта с собственной глубиной. Именно этому греху противостоит, по его словам, Иисусова молитва. Есть, по-моему, и другие средства. Мне, например, как-то помогали белые ночи. В лагере я каждое лето окунался в белые ночи, и мне было хорошо, несмотря на лагерь. Я был счастлив и легко тянул свой срок.

Каждый человек может услышать этот голос волшебной скрипки. Это первый урок белого зайца. Но есть еще несколько уроков не для отдельного человека, а для множества людей и для политиков.

УРОК № 1. В "заячий город" нельзя пускать всех без разбора. Стену надо охранять. Неопределенный статус Чечни позволял "волкам" охотиться на "зайцев", как заблагорассудится. А потом эта "волчья" воля сменялась большой охотой на "волков". Но тут опять возникала новая опасность.

УРОК № 2. Злорадные "зайцы" сами становятся "волками". Говоря словами Добролюбова, война рождает "внутренних турок". И непонятно, что с ними делать после войны.

УРОК № 3. Даже при идеально крепкой стене, возможной только в сказке, "волчий вой" за стеной создает напряженность внутри "заячьего" города и рождает "волчьи" чувства.

УРОК № 4. Окончательное решение может дать только подвиг "девочки-волшебницы".

Этот подвиг более реалистически описан в другой сказке Зинаиды Александровны, в сказке про царевича Сутасому.

МИРКИНА:

Это написано по мотивам индийской джатаки, то есть такой назидательной сказки о перерождении Будды.

Царевич, прозванный Сутасомой, что значит "изливающим лунный свет", сидел в своем саду и готовился выслушать старого брахмана, пришедшего из дальних стран, чтобы сказать четыре своих изречения, плод всей своей жизни, своей мудрости. В этот миг

раздались крики. Вбежал слуга и сказал: "Спасайся, Сутасома! Во дворец ворвался Калмашапада. (Это страшный царь соседнего государства, по преданию сын львицы и царя Судасы.) Он поклялся злым духам, что принесет им в жертву сто царевичей. Девяносто девять он уже поймал, а сотым будешь ты. Спасайся!" - "Оставь свой страх, - ответил Сутасома, - если ко мне пришел гость, я выйду навстречу". И он поступил так, как сказал.

Великан Калмашапада схватил Сутасому в охапку и унес в свое мрачное царство. Там не цвели цветы, не зеленели рощи, и в воздухе стоял дым от погребальных костров. Но Калмашапада был доволен. Он отворил темницу, где томились царевичи, и сказал: "Сегодня у меня хорошее настроение. Просите у меня, чего хотите. Я, может быть, выполню ваше последнее желание. А может, кого-нибудь и помилую". Царевичи упали на колени, и все стали просить, чтоб он их помиловал. И только один Сутасома ничего не говорил. "А ты чего не просишь, - удивился Калмашапада, - что тебе жизнь не дорога?" - "Да нет, дорога, но у людоеда я ничего просить не буду, - ответил Сутасома, - но если ты согласишься мне в долг, я долг верну". - "Какой долг?" - "Отпусти меня на три дня. Мне жаль старого брахмана, который такое путешествие проделал, чтобы мне свою мудрость сказать. Я выслушаю его и вернусь". Калмашапада про себя улыбнулся и подумал: "Это все хитрость. Ты, как и все, хочешь спасти себе жизнь". Но вслух сказал: "Хорошо, иди". Сотого царевича он всегда успеет поймать. Ему захотелось другого: "Пусть все увидят, что он человек как человек. А мне только и надо доказать, что других, каких-то особенных вовсе и не бывает".

Дело в том, что Сутасома все-таки пришел ровно через три дня. "Ты зачем пришел?" - мрачно спросил Калмашапада. "Как зачем? Я ведь обещал". - "Ну и что ж с того? Говорят, что ты правдив и мудр. Правдив - это правда, но мудрости в тебе нет ни капли. Кто отпущенный, чтобы жить, возвращается, чтобы умирать?" - "Ну да, это по звериной мудрости так выходит, - ответил Сутасома, - а по человеческой иначе..." - "Какая такая человеческая? Что это за особая такая мудрость?" - "Ты этого не поймешь. Людоеду она недоступна". - "Да как ты смеешь? Да я тебя..." - "Что, съешь? Так я за тем и пришел".

Калмашапада понял, что ничего сделать он не может, и сказал: "А если я тебе жизнь подарю, скажешь?" - "И не подумаю: ты этого не поймешь". - "А если всех тех выпущу?" - "И тогда не поймешь. Рассвирепеешь и наделаешь больше еще зла. Делай, что надумал. Ешь меня и всё. Ничего я тебе не скажу". - "Да разве какие-то изречения жизни стоят?!" - возмутился Калмашапада. "Эти изречения особые", - промолвил принц.

Калмашапада долго думал, а потом сказал: "Знаешь что, иди во дворец. Будешь там гостем. А через три дня я приду к тебе". Тут слуги забежали, стали приносить в пузатых блюдах всякие явства и говорят царевичу, что Калмашапада странно себя ведет, задумался и даже кто-то слезу у него видел.

Через три дня Калмашапада пришел и бросил ключи к ногам Сутасомы: "На, отпускаяй всех! И уходи сам!" - "И ты за это ничего не потребуешь?" - спросил Сутасома. "Нет". -

"Тогда жди меня здесь. Я скоро вернусь и скажу тебе первое изречение брахмана".

Выпустив всех царевичей, Сутасома вернулся и сказал: "Только тот, кто делает добро бескорыстно, способен понять, что такое человеческая мудрость". - "Ох, Сутасома, до чего же она трудна, эта человеческая мудрость! Ведь проще было жить по звериной!" - воскликнул Калмашапада. "Может, вернешься к старому?" - спросил Сутасома. "Нет, это уже невозможно". - "Тогда слушай второе изречение: "Только тот, кто полюбил мудреца,

способен понять его мудрость!" - "Значит, ты уже понял, что я полюбил тебя? Я готов служить тебе, возьми меня в свое войско начальником. Моя свирепость тебе пригодится. Все мое тебе отдаю. - "Спасибо. Но если ты действительно хочешь самого трудного и все мне отдаешь, то и выбери самое трудное". - "Я готов жизнь за тебя отдать". - "Ну, слушай теперь третье изречение: "Отдать жизнь один раз - это еще не самое трудное, самое трудное отдавать жизнь за того, кого любишь, сто тысяч раз". - "А как это?.." - "А надо жить так, чтобы каждый день побеждать в себе зверя". - "Но я это не могу тебе обещать: я все-таки сын львицы. Я расвирепею, когда увижу кого-нибудь из твоих врагов". - "Тогда слушай четвертое изречение моего друга-мудреца: "Побеждать других - это звериная доблесть. Побеждать самого себя - вот доблесть человека... Ты, который понял человеческую мудрость, неужели не отважишься на человеческую доблесть?"

Рассказывают, что Калмашапада прожил долго и пережил Сутасому. Но каждое утро и каждый вечер он затихал, опираясь на свою огромную палку и тихо говорил: "Так ли я живу, Сутасома, как ты хочешь? Доволен ли ты мной, Сутасома?"

ПОМЕРАНЦ: Вторая сказка ближе к фактам истории. Никакой серебряной скрипки, никакой волшебной палочки. Только верность своей глубине и готовность на жертву, даже жизнью, ради смысла жизни.

Можно вспомнить царя Ашозгу, который приказал выбить на скалах по границам империи, что будет посылать за ее рубежи только миссионеров с проповедью милосердия и ненасилия. Или можно вспомнить об учениках, пошедших "голыми среди волков" проповедовать веру своего Учителя. Один из этих учеников написал тогда в послании к коринфянам: "Кто хочет быть мудрым в мире сем, тот будь безумным..." Безумие апостолов победило мирскую мудрость. Но, к сожалению, только внешне, символически.

Вера в голос скрипки стала предметом политики, то есть средством приручать варваров. И в результате стали крестить целые народы, не разбирая, кто действительно переменялся сердцем, а кто остался, каким был. Очередной калмашапада, приняв новую веру, под угрозой смерти заставлял покоряться других, и его объявляли святым, равноапостольным.

Одиноким в истории православия остался св. Амвросий Медиоланский, не впусивший в храм императора Феодосия, когда тот приказал перебить шесть тысяч жителей Солуни за убийство чиновника. Ведь "людоедов" пускали в храмы всех вер. Больше того, хуже того: калмашападство пускали в собственную душу, и споры о вере велись с яростью варваров.

Нет такой религии, такой церкви, где вера не переплеталась бы с изуверством. Недаром слово "изуверство" выбрал Антоний Сурожский, хорошо знавший отношение некоторых иерархов к Александру Меню, в непосредственном отклике на мученическую кончину отца Александра. Не будем забывать слов, прозвучавших на Би Би Си и записанных некоторыми служителями: "Это убийство не уголовное, не политическое, а изуверское, и наш общий позор".

Век за веком велись войны, называемые религиозными, войны во имя разных символов единого духа, вдохновивших когда-то проповедь и Будды, и Христа, и Мохаммеда (в годы его мекканской нищеты). И сегодня мировая цивилизация сталкивается с террором во имя Бога Милостивого и Милосердного.

В этом виноваты обе стороны: и традиционная религия, и нынешняя стадия мировой цивилизации. Цивилизация постоянно отрывает человека от его собственной души, изламывает душу и толкает на бунт.

Достоевский предвидел это, когда писал о желании "подпольного" человека дать пинок "хрустальному зданию".

Это чувство сейчас возникает у многих людей, которым уродства цивилизации осточертели, и некоторые из них обращаются к террору просто из-за того, чтоб выразить свое несогласие с обществом потребителей. Но еще чаще террор становится средством борьбы за национальную независимость, в которой видят спасение от всех бед. И самое страшное - это когда такое эмоциональное восстание (личный и социальный протест) против цивилизации смешивается с религиозным изуверством, с изуверским ответом на само кощунство или тем, что кажется кощунством. Эта гремучая смесь чаще всего складывается в некоторых кругах ислама. Она взрывается каждый год. И не будет конца этим взрывам, пока цивилизация, оторвавшаяся от своих святынь, не перестанет провоцировать отпор.

Современная цивилизация сама себя назвала постхристианской. Она потеряла свои старые святыни и не нашла новых. В ней рухнула иерархия, на вершине которой должно находиться что-то безусловное, священное, по отношению к которому всё остальное располагается по вертикали: одно повыше, другое пониже. И ясно, что честь выше бесчестия, сердечное чувство выше слепого чувственного порыва и, в конечном счете, священный смысл жизни выше самой жизни.

Мы не думаем больше о святынях, мы говорим лишь о тех ценностях, которые все лежат на одной плоскости, как игральные карты на столике, и достоинство "королей" и "дам" зависит от правил игры. Потеряно основание, чтобы сдерживать порывы, мешающие прорасти божественному зернышку в сердце. Христиане называли это зернышко образом и подобием Бога, буддисты - "природой Будды" или "зародышем просветленного" (татхагатагардха). Мы позабыли сами эти слова.

Многие разрушительные движения объединяет то, против чего они восстают. Ученые не принимают термина "мусульманский фундаментализм", чисто религиозного термина, ставящего террористические организации в один ряд с мирными фундаменталистами, верящими в каждую букву писания. По существу, речь идет об утопическом движении, направленном к тому, чтобы упростить слишком сложную цивилизацию и насильственно ее сделать простой и понятной. Ученые предпочитают термин "интегризм", цель которого - устранить сложность, в которой теряется современный человек, установив процесс элементарного порядка.

В то же время интегризм ислама остается религиозным движением, и его прокрустово ложе, на котором людей "подрубают" по установленному шаблону, отличается от коммунистического и нацистского. Вступая на путь террора, мусульманский интегризм становится проблемой для полиции и спецслужб. Но как религиозное движение он может быть втянут в диалог с другими религиями (если есть налицо религии, готовые к этому диалогу).

Говорят, что вести разговоры с террористами невозможно. Но эти разговоры основаны на смешении двух разных вещей. Одно дело - переговоры с группой, захватившей заложников. А другое дело - переговоры с организацией, прибегающей к террору во имя своей программы, которая может стать предметом обсуждения и частичной реализации. Например, велись переговоры и с ООП (Организацией Освобождения Палестины) и с ирландской Шин Фейн, и компромисс ведь был достигнут. Два бывших террориста, араб и израильтянин, стали лауреатами Нобелевской премии мира.

А мы в России только хорошо забыли о своем прошлом. Разве вправе мы забыть о восторге, который вызывал когда-то революционный террор? Об оправдательном приговоре Вере Засулич? О фотографии Софьи Перовской на столе Тургенева? О том, сколько поэтов "серебряного" века сочувствовали эсерам и входили в группировку "Скифы"? О "Двенадцати" Александра Блока?

Диалог с мусульманским интегризмом возможен. Однако для успешного диалога надо понять, в чем идея мусульманского фундаментализма или интегризма, почему ислам оказался сегодня в авангарде борьбы с постмодернистской цивилизацией, оттеснив на второй план коммуниз. Почему, если придать этому вопросу персональный характер, - почему французский левый интеллигент, бывший коммунист Роже Гароди стал мусульманином?

Здесь многое можно додумать. Но самое главное, мне кажется ясным. Первое то, что ислам - религия от мира сего, то есть тесно связанная с известным общественным порядком. Религия не от мира сего (христианство или буддизм) как-то приспособливается к любым порядкам, а ислам не отделим от известного твердого мирового порядка. Современное постмодернистское общество ему как нож острый. Второе: одна из традиций ислама - джихад (священная война). Призыв к крестовому походу в 30-м году, когда у нас массами закрывали церкви, вообще, никем серьезно не был воспринят. А призыв к джихаду находит отклик.

Во время холодной войны оба противника рассматривали бунт ислама против современности как второстепенное событие, которое можно использовать против главного врага. В 60-е и 70-е годы Советскому Союзу это удавалось. Террористов усердно готовили в советских спецшколах. Потом брежневское Политбюро сделало ложный шаг, начало афганскую войну, и роль покровителя моджахедов подхватила Америка.

Сегодня мы пожинаем то, что посеял Советский Союз. Боевики с советскими дипломами сражаются в Чечне. Если их выбьют оттуда, это, возможно, принесет мир Ставрополю, но не Москве. Террор - тактика противника, проигравшего полевою войну или вовсе не способного к ней. Французская армия разбила алжирцев на поле боя, но Франция отступила из Алжира, чтобы не перестать быть Францией, чтобы не превратиться в страну допросов с пристрастием и лагерей для террористов.

И третье: ислам - религия тех районов мира, которые можно назвать бедными и даже нищими, созерцающими "сладкую жизнь" "позолоченного миллиарда" из своих трущоб. Таким образом, "мусульманский интегризм" дает идеологическое религиозное прикрытие, своего рода, небесную санкцию бунту трущоб.

Как уже было сказано, мы пожинаем плоды роковых ошибок. Можно было не лезть в Афганистан. Можно было без войны договориться с Дудаевым. Мировой процесс деколонизации имеет свою логику, и трудно идти против течения. Да и стоит ли?

Но что было, того не вернешь. А что теперь есть? Есть очень слабая защищенность городов центральной России от актов террора. Придется к этому на время привыкнуть. В конце концов, этот террор не так страшен, как сталинский.

Давайте вспомним: только за 6,5 лет, с 1 января 1935 года по 1 июля 1941 года, было арестовано органами НКВД (не уголовников! не воров! честных людей!) 19 840 000 и около 7 000 000 расстреляно. Это официальная цифра из справки КГБ по запросу комиссии Шверника, созданной ЦК при Хрущеве для расследования провокационного

убийства Кирова и развязанного после этого террора. Сразу же вслед за отставкой Хрущева подлинная статистика была изъята, уничтожена и подменена другой, приуменьшенной в десятки раз. Об этом член комиссии, Ольга Григорьевна Шатуновская, успела опубликовать статью незадолго до своей смерти в 1990 году. Я лично знал Ольгу Григорьевну, неоднократно слышал от нее подробности дела Кирова и свидетельствую о ее железной памяти.

А мне часто вспоминается "Реквием" Ахматовой: как "ненужным привеском болтался возле тюрем своих Ленинград". Я там жил в это время и помню его. К сожалению, многие всё это хотят теперь забыть.

Сравнительно с этим, жертвы нынешнего террора не так велики, чтоб терять самим человеческий образ и начинать мстить за бандитов целым народам.

Да, действительно, у чеченцев болезненно обостренная память на зло и острота реакций, не смягченных цивилизацией. У чеченцев есть что вспомнить.

В конце 30-х годов горная Чечня, в полном одиночестве, никем не поддерживаемая, восстала против сталинского террора. Восставшие продержались несколько лет до самого прихода немцев. Когда немцев выбили, чеченцев, и восставших и невосставших, выселили в Казахстан, при этом несколько десятков тысяч погибло по дороге. В Казахстане и теперь сохранилась чеченская диаспора. Там есть готовая база для подготовки террористов. Если даже вся Чечня полностью будет под контролем, если даже всех чеченцев выселить из Чечни, всё равно - баз сколько угодно. Террористов можно готовить и в Афганистане, даже в Англии, у тамошних мусульман. По подсчетам демографов к 2025 году мусульмане составят 30% мирового населения. Это гораздо больше, чем русских, больше, чем христиан. И оккупация Чечни не помешает этому процессу.

Соблазн принудительного интегризма может быть преодолен только внутренней духовной интеграцией постхристианского мира. Надо решить задачу, поставленную Сент-Экзюпери, - связать нарастающую дробность новым священным узлом. Нужно достичь такого духовного, нравственного уровня, на котором поле цивилизации втягивает и подчиняет все свои нормы. Эта задача, поставленная в термин богословия, философии, культурологии, социологии, кажется невероятно трудной. Но в терминах сказки она очень проста: ежедневно бороться со зверем в себе самом, как это сделал Калмашапада, и никогда не забывать серебряную скрипку, никогда не переставать прислушиваться к ней.

ВЕДУЩАЯ: Сегодня в нашей программе были Григорий Померанц и Зинаида Миркина. Программа подготовлена совместно с Институтом Прав человека.

Проект кодекса РФ "Об административных правонарушениях". Программа "Горячие точки"

(Эфир "Радио России" 18 апреля 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

На этой неделе Государственная Дума рассматривает во втором чтении один из важнейших законов: проект кодекса Российской Федерации "Об административных правонарушениях". В отзыве Независимого экспертно-правового совета говорится: "Положительным является сосредоточение в едином систематизированном законодательном акте, каковым является рассматриваемый проект кодекса, административных правонарушений, совершаемых в различных сферах общественной жизни страны. Установление же в едином акте единого механизма применения мер административной ответственности за совершения правонарушения является дополнительной гарантией обеспечения защиты прав граждан."

Вместе с тем, ряд депутатов не согласны с некоторыми положениями проекта кодекса и внесли свои поправки. Остановлюсь на двух из них.

Первая: "Предложение установить административное взыскание в виде административного ареста на срок до 15 суток за употребление наркотических средств без назначения врача."

И вторая: "Хищение чужого имущества признается мелким, если стоимость похищенного не превышает одной минимальной оплаты труда, установленной законодательством Российской Федерации"

Говорит депутат Государственной Думы, заместитель Председателя Комитета по аграрным вопросам, руководитель подкомитета по земельным отношениям, член фракции "Единство" Владимир Коптев-Дворников.

КОПТЕВ-ДВОРНИКОВ: Мы выделили несколько важных вопросов. Они носят не технический, но принципиальный характер, который затрагивает интересы того социального круга граждан Российской Федерации, который мы защищаем. В первую очередь, это обездоленные люди, те, кто не имеют возможности нормально существовать. За пределами уровня бедности находится и значительная часть молодежи, которую сейчас тоже одолевают подобные проблемы. Поэтому я бы хотел выделить эти проблемы.

Во-первых, это вопросы административной уголовной ответственности за хищение имущества в небольших размерах.

Второе: это вопрос об административной или уголовной ответственности и их степени за потребление наркотических средств.

Самый больной вопрос - это, конечно же, вопрос наркомании. Известно, что более 4 миллионов человек зафиксированы как более или менее постоянно потребляющие наркотики. Очень много среди них молодежи, людей до 30 лет. К сожалению, низкий возрастной уровень опускается уже до 9 - 7 лет. И главной задачей депутатов от фракции "Единство" должно, конечно, стать создание препятствий на пути распространения наркотиков и оказание помощи людям в лечении этой тяжелой болезни. И мы знаем, что, к сожалению, эта беда затрагивает все слои общества: от самых обездоленных и до самых обеспеченных слоев.

По роду моей деятельности приходится очень часто встречаться с руководителями предприятий, государственными служащими достаточно высокого ранга, дети которых были специально втянуты в наркоманию во время пребывания в школе, где-нибудь во внеклассных мероприятиях или уже в университетских каких-то кругах. Они были втянуты именно потому, что они дети богатых родителей. Либо это стало предметом шантажа их родителей, либо таким образом у них выманиваются деньги. Поэтому то наказание, которое предусматривается Кодексом об административных правонарушениях за потребление наркотиков, оно в данном случае прописано как административное заключение и предусматривает лишение свободы на срок до 15 суток. Оно, мне кажется, чересчур жесткое и не подходит по отношению к больным наркоманом. Оно подходит именно как к злостным хулиганам.

Что здесь поправить? Наверное, нужно, в первую очередь, рассмотреть возможность лечения наркоманов, а не изоляцию их в камеры. 4 миллиона человек посадить в камеры одновременно невозможно. И не совсем понятно, каким же образом выясняется: наркоман человек или не наркоман; это может быть субъективный подход, который ведет сам по себе к произволу. Сегодня 4 миллиона человек потребляют наркотики, многие из них отслежены органами внутренних дел, но при этом хватать их будут и наказывать выборочно. Но это не подход к правовому государству: перед законом должны быть все равны. Поэтому мы выступаем за то, чтобы, может быть, вводился бы штраф, вводилось бы, например, некое трудовое наказание. И в первую очередь, им бы оказывалась медицинская помощь, и ни в коем случае не поощрялся бы бесправовой беспредел со стороны органов внутренних дел. То есть я бы скорее заменил здесь статьи некими формами принудительного лечения, что было бы возможно, но ни в коем случае не административное наказание на 15 суток в обычной камере. Это просто безнравственно как по отношению к тем, кто уже находится в камере, так и по отношению к наркоманам.

Второй вопрос: каковы должны быть объемы хищений для того, чтобы дело квалифицировалось как кража или просто как административное правонарушение. На сегодняшний день - это 83 рубля, т.е. один минимальный оклад. И в итоге мы получаем следующую ситуацию. Помните, в советское время кража, допустим, 3 бутылок водки, ящика пива или двух батонов колбасы приравнивалась к административному правонарушению и вела к заключению на 15 суток или к серьезной беседе с участковым. А сегодня уже, как преступление материальное, оно переходит в раздел уголовного преступления.

Есть некий рациональный момент, что государству чрезвычайно невыгодно содержать преступников: на них тратятся бешеные деньги. Сначала они находятся в следственном изоляторе, потом оплачивается проведение суда, использование адвоката, прокурора, после этого идет наказание, которое, может быть, даже меньше, чем срок, проведенный этим человеком в следственном изоляторе. Вы знаете, у нас достаточно долго ожидают решение своей судьбы многие граждане. Каждый год на 46 тысяч человек увеличивается количество лиц, содержащихся в заключении. Можно было многих из них не сажать в тюрьму. Многих из них можно было исправить своевременным вмешательством общества, органов внутренних дел, следственных органов, но не приводить их к заключению, особенно если это касается подростков и молодежи. И в том числе, я считаю, и самых несчастных наших пенсионеров, многие из которых "бомжуют", многие не имеют средств к существованию и вынуждены идти на эти хищения именно уже от полной безысходности.

ВЕДУЩАЯ: Эти поправки поддерживает и депутат от фракции "Союз правых сил", член Комитета по вопросам местного самоуправления Вадим Бондарь.

БОНДАРЬ: Я разговаривал с ребенком, которого поймали за кражу в городе на севере Тюменской области. Его везут на самолете в Тюмень. Затем он сидит в тюменском СИЗО. Потом суд рассматривает, выясняет, что, оказывается, кража мелкая, его тут же выпускают. Его, конечно же, обязаны доставить на самолете обратно. Представляете, в какие деньги это выливается. Даже само содержание его выливается в гораздо большие деньги, чем он украл.

ВЕДУЩАЯ: Представлять проект кодекса в Думе будет заместитель председателя Комитета по государственному строительству Николай Шаклеин, которого я и попросила прокомментировать поправки, предложенные депутатами.

ШАКЛЕИН: Если говорить о новом Административном кодексе, то он как раз не влечет увеличения числа административно арестованных, потому что в основном санкции дублируются те, которые уже были в ныне действующем кодексе.

Что касается вообще целесообразности применения той или иной санкции (ведь надо еще иметь в виду, что и наказание преследует цель общей профилактики), то это наказание не ради ведь того, чтобы лицо, которое нарушает, не совершило нарушений вновь. Тут же и общая профилактика, чтобы знали (в том числе и те, кто не употребляет), что, употребив, они сразу же попадают в состояние незаконного действия, а за этим может последовать санкция. Даже он еще, может быть, не заразился этим злом, но должен знать, что уже первое применение может повлечь соответствующее наказание. Вот это мы тоже должны учитывать, оберегая всех других. И здесь не следует опускать какие-то правонарушения в разряд менее значительных, менее опасных по санкции. Разные могут быть точки зрения, но надо смотреть на эту проблему в комплексе: не только с позиции одного больного, но и с позиции всего общества.

ВЕДУЩАЯ: А вот еще поправка, которую вносят депутаты. Это по поводу хищения чужого имущества: что следует признавать мелким хищением. Вот когда-то было, скажем, украдешь полотенце, и тебя тут же сажают в тюрьму. У вас написано в кодексе: "Если не превышает одного минимального размера заработной платы, то это уже считается нарушением. Если две минимальной заработной платы - это уже уголовная ответственность".

ШАКЛЕИН: Я бы сказал, вопрос не бесспорный. По этому вопросу можно, конечно, и порассуждать: не слишком ли малый размер взят, в пределах которого считается мелким. Но сразу увеличивать до пяти - это было бы не оправданно. Потому что опять же с какой позиции смотреть. Ведь здесь соизмеряется все и со степенью доходов населения.

Что такое пять минимальных размеров оплаты труда? Это для многих и месячный доход. Минимальный размер оплаты труда составляет сейчас 83 рубля. Уже в первом чтении принят закон, чтобы этот размер повысился до 130. Но давайте мы представим. Вот получил пенсионер 500 рублей, и у него украли эту пенсию. Может ли он согласиться с тем, чтобы мы сказали: нет, здесь никакого уголовного наказания быть не может, так как это мелкое хищение. Ведь если это твой месячный доход, на который ты должен жить, а государство оценивает его "мелким"...

ВЕДУЩАЯ: Вот если ребенок пошел на такое мелкое хищение: взял и украл две банки консервов, - а ведь жизнь потом будет искалечена, если он пройдет через тюрьму.

ШАКЛЕИН: Наказания всегда определяются индивидуально, а не только формально. Вы ведь знаете, что около половины дел уголовных в отношении подростков, кстати, и не

доходят до суда: применяется мера воспитательного характера. И здесь, я думаю, опять бросаться в другую крайность, когда за мелкое хищение (или чуть с превышением) какой-то подросток пойдет в тюрьму, это неправильно.

ВЕДУЩАЯ: Наиболее часто эти правонарушения совершаются подростками. Именно отсутствие четкого определения принципов административной ответственности несовершеннолетних беспокоит Независимый экспертно-правовой совет.

Я цитирую: "В силу не устоявшейся психики и не сложившихся взглядов, при отсутствии должного жизненного опыта и соответствующих знаний, подростки не всегда способны адекватно оценивать свое поведение и происходящее. Часто именно это и является основанием для совершения ими правонарушения. Для того, чтобы установление административной ответственности несовершеннолетних достигало основной цели, надо дать несовершеннолетним понять неправомерность своих действий и необходимость исправиться. В проекте необходимо определить: всегда ли несовершеннолетние несут ответственность на общих основаниях или нет. Могут ли они подвергаться административному взысканию всеми органами и должностными лицами, правомочными рассматривать дела об административных правонарушениях, или нет. В каких случаях дела в отношении несовершеннолетних подлежат рассмотрению только комиссиями по делам несовершеннолетних. Могут ли несовершеннолетние подвергаться штрафу на месте совершения правонарушения.

Проект кодекса отдаст решение этих вопросов на усмотрение органов и должностных лиц, правомочных рассматривать дела об административных нарушениях.

Нельзя полностью все отдавать на откуп правоприменителя. Если оставить данный вопрос нерешенным, то неконкретность указанной нормы на практике приведет к нарушению конституционного принципа равенства всех перед законом, статьи 19 Конституции."

ВЕДУЩАЯ: Вчера в Москве, в Мраморном зале Дома журналистов, состоялось представление новой инициативы Фонда Сореса, программы "Горячие точки".

Цель программы - профилактика конфликтных ситуаций, прекращение насильственных действий и преодоление последствий разного рода гражданских конфликтов в одном из наиболее сложных регионов России, Северном Кавказе.

Программа предполагает оказание помощи жертвам конфликтов, раненым солдатам и офицерам, семьям погибших, оставшимся без крова и средств к существованию мирным жителям, детям, лишившимся возможности учиться, и другие инициативы, направленные на развитие взаимопонимания и установления диалога между конфликтующими сторонами.

С программой "Горячие точки" познакомились представители государственных организаций, которые непосредственно заинтересованы в осуществлении этого проекта.

Говорит Президент Института "Открытое общество" Екатерина Гениева.

ГЕНИЕВА: Вы знаете, на счет государственных структур давайте подождем, когда что-то конкретное произойдет. Поэтому я не знаю: для меня это люди новые, кроме тех, кого я видела в Думе. Поэтому я ничего не могу сказать, могу только надеяться, что это не слова

и не самореклама, а это намерение что-то сделать конкретное. Вот как только произойдет первая конкретная акция, я вам тут же сообщу, насколько это реально.

ВЕДУЩАЯ: Большое внимание Фонд уделяет студентам, тем, кто не сможет учиться в Грозном.

ГЕНИЕВА: В программу обучения этих студентов входит программа "Горячие точки". Эта программа вбирает в себя весь, действительно, грандиозный потенциал института "Открытое общество": и образовательные программы, и программы культуры, и средства массовой информации, и медицинские программы, и программы "Интернет", и правовые программы, и толерантность. И если меня не остановить, я всё ещё буду продолжать и перечислю вам 47 программ.

Поэтому если идет большой новый проект "Развитие образования в России", он, естественно, направлен на системные сдвиги в высших учебных заведениях и в средних. Но когда в доме пожар, наверное, аморально не думать о том, где уже горит или сгорело. Для того, чтобы все-таки что-то происходило, а не были одни только бесконечные слова, ведь кто-то должен это вести, налаживать. Через 2 месяца начнется уже реализация всех этих конкурсов на нешуточную сумму - два миллиона долларов. Поэтому, если все эти люди, которые с нами хотят сотрудничать, хотят в этом участвовать, милости просим. Возможностей у Правительства с этими нашими студентами - безумное количество. Предоставьте им бесплатное общежитие!

ВЕДУЩАЯ: Наиболее важные события на прошедшей неделе отмечает редактор правозащитной газеты "Экспресс-хроника" Александр Подрабинек.

ПОДРАБИНЕК: "Решение Парламентской Ассамблеи Совета Европы в отношении России справедливо и нравственно" - заявил в интервью газете "Экспресс-хроника" депутат Государственной Думы, член российской делегации Парламентской Ассамблеи Совета Европы Сергей Ковалев. Ковалев, в советские времена участвовавший в демократическом движении и отсидевший 7 лет в заключении за антисоветскую деятельность, считает, что Россия нуждается в давлении со стороны Запада, чтобы интересы права и законности в России возобладали, наконец, над интересами политики. Ковалев также сообщил в интервью газете, что почти все члены российской делегации в Страсбурге следовали инструкциям и рекомендациям МИД России. Эти инструкции они получали в перерывах между заседаниями.

Ситуация в Чечне обсуждалась на минувшей неделе на сессии Комиссии ООН по правам человека в Женеве. Большинство государств, членов Комиссии, выразило поддержку идее создания Национальной Комиссии по расследованию нарушений прав человека в Чечне. Руководить такой комиссией, как мыслится, должно Правительство России. Это решение вполне соответствует духу и традициям ООН, при которых межправительственная солидарность считается гораздо более важной, чем права человека и гуманитарные проблемы. Возможно также, что на членов комиссии подействовало удивительное заявление специального представителя Президента России по правам человека в Чечне Владимира Каламанова. 11 апреля на пресс-конференции в Женеве он заявил, что очевидцы и жертвы, которые рассказывали сотрудникам международной миссии об изнасилованиях и пытках в российских фильтрационных лагерях в Чечне, были в состоянии, как он выразился, слишком сильного стресса, и поэтому их свидетельствам нельзя доверять. Об этом написано в заметке на 6-ой странице "Экспресс хроники".

Сообщение правозащитного информационного агентства "Прима". 12 апреля исполняющий обязанности Президента России Владимир Путин своим указом удовлетворил ходатайство о предоставлении российского гражданства Василию Кононову, 77-летнему ветерану войны, проживающему ныне в Латвии. 21 января этого года суд в Риге приговорил Кононова к 6 годам лишения свободы за совершение им военных преступлений в годы Второй мировой войны.

В сообщении пресс-службы российского Президента говорится. "Этот акт главы государства не только ответ на ходатайство отдельного человека, но и дань уважения воину, который, сражаясь в рядах войск антигитлеровской коалиции, внес свой вклад в общую победу над фашизмом." В сообщении пресс-службы также утверждается, что обвинение Кононова основано на юридически несостоятельных и морально неприемлемых посылках.

В 1944 году Василий Кононов, командуя партизанской группой, убил 9 мирных жителей латвийского села Малые Баты. Карательная акция была проведена в отместку за то, что несколькими днями раньше в этом селе нацистами были захвачены и расстреляны несколько красных партизан. Среди убитых партизанами Василия Кононова мирных жителей была 35-летняя беременная женщина.

В рубрике "Маленькие новости" на последней странице "Экспресс хроники" сообщается: "Попытки ограничить в России оборот пневматического оружия не увенчались успехом. 12 апреля Государственная Дума рассмотрела и отклонила законопроект, запрещающий производство стреляющей пневматики, мощностью, более 3 джоулей. В настоящее время в России мощность "духовушек" ограничена 7,5 джоулями. К слову сказать, в Великобритании, например, этот порог составляет 16 джоулей. Законопроект был представлен Владимирским Законодательным Собранием, а инициативу проявил Владимирский городской совет народных депутатов.

Правительство России приняло постановление о зачислении воспитанников в воинские части. Мальчики от 14 до 16 лет, оставшиеся без родителей, могут быть зачислены в армейские части, на военные корабли, в пограничные, внутренние и железнодорожные войска, в службу внешней разведки, в ФСБ и ФАПСИ. Для зачисления в части необходимо согласие самих мальчиков и направление военкоматов, согласованные с органами опеки и попечительства. Воспитанники включаются в списки личного состава воинских частей, их кормят, одевают, платят солдатское жалование и обеспечивают медицинской помощью. Предполагается, что они будут учиться в общих школах. Таким способом Правительство намерено бороться с беспризорностью и детской преступностью".

Проявляя заботу о своей репутации, пишет в статье "Свобода совести во Вьетнаме" Елена Стрельникова, Правительство Социалистической Республики Вьетнам взяло на вооружение новую тактику. Политзаключенных амнистируют, а затем подвергают административному задержанию или домашнему аресту. Эти повторные задержания уже не получают широкой международной огласки. Такие действия вьетнамской полиции узаконены принятой в апреле 1997 года директивой, которая позволяет без суда и следствия задерживать или арестовывать любого человека на срок от 6 месяцев до 2 лет по подозрению в угрозе национальной безопасности. Буддийское учение, объединяющее вьетнамское общество на протяжении столетий, сохраняет свою роль и сегодня. Поэтому неудивительно, что среди таких "амнистированных" заключенных очень много монахов. Автор приводит сведения о нескольких из них, на протяжении всей жизни подвергавшихся преследованиям за веру.

ВЕДУЩАЯ: На сегодня все. Прочитать наши передачи вы можете в "Интернете" по адресу: WWW.MEMO.RU. До свидания, до новых встреч!

Россия и Совет Европы

(Эфир "Радио России" 11 апреля 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Четыре года назад Россия вступила в Совет Европы. Этому событию, его последствиям и возможностям, открывающимся в связи с этим для граждан России, было посвящено немало наших передач. Многие политики, общественные деятели и правозащитники надеялись, что вступление в Совет Европы даст нашей стране дополнительный шанс стать правовым государством.

Действительно, устав Совета Европы и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод предоставляют гражданам стран-членов Совета Европы дополнительные возможности: влиять на власти своих стран для улучшения ситуации с соблюдением прав человека.

Ведь одна из главных задач Совета Европы состоит в том, чтобы в случае необходимости, используя различные международные механизмы, осуществлять воздействие на своих членов в интересах граждан этих государств. И вот теперь членство России в этой международной организации под вопросом.

Почему же это стало возможным? Чем вызвана такая резкая реакция европейских парламентариев на события в Чечне? Как нам, гражданам России, следует реагировать на подобные шаги европейских политиков?

Сегодня я беседую об этом с рядом людей, имеющих разные точки зрения.

Но все эти люди, так или иначе, причастны и к событиям в Страсбурге и имеют свою, четко выработанную позицию, по событиям в Чечне.

Являются ли права человека базовой ценностью для Европы или только демагогическим приемом политиков. Пойдет ли Россия общим для всей цивилизации путем или опять будет искать путь особый, который ведет в прошлое. Одни говорят, что неправильно изолировать Россию от общеевропейского процесса, другие, что сохранение России в составе Совета Европы - это индульгенция за прошлое и на будущее.

В нашей передаче принимают участие Леонид Слуцкий, депутат фракции "ЛДПР", заместитель председателя Комитета по международным делам, заместитель руководителя парламентской делегации Совета Европы, Александр Шишлов, депутат фракции "Яблоко", член российской делегации Парламентской Ассамблеи Совета Европы. Интервью по данной теме согласились также дать Сергей Ковалев, депутат Государственной Думы, член российской делегации Парламентской Ассамблеи Совета Европы, Александр Черкасов, член Совета правозащитного центра "Мемориал", и Сергей Иваненко, заместитель руководителя фракции "Яблоко".

По телефону я связалась с Александром Шишловым.

Александр Владимирович, как Вы считаете, произошедшее в Страсбурге как-то повлияет на ситуацию в России?

ШИШЛОВ: Во многом это зависит от того, какова реакция будет в России. Но я должен Вам сказать, что там было принято две резолюции. Одна касается политических аспектов чеченской войны, урегулирования конфликта, соблюдения прав человека. А вторая резолюция - чисто процедурная, которая касалась полномочий российской делегации. Полномочия российской делегации были подтверждены, но российские парламентарии были временно лишены права голосовать. И именно это вызвало в начале реакцию, мне кажется, совершенно неадекватную. Большая часть нашей делегации сделала демарш, вышла из зала, потом последовали заявления различных политических деятелей в России о том, что вообще нам Совет Европы не нужен, а нужно сворачивать с ним контакты. Вот эти заявления напоминают мне такие заявления, как например: "назло кондуктору пешком пойду". Совет Европы, прежде всего, нужен гражданам России. Не Россия нужна Совету Европы, а сами граждане заинтересованы в членстве в Совете Европы и в том, чтобы те преимущества, которые членство дает, сохранялись.

Так что же России дало членство в Совете Европы? Мы подписали и ратифицировали Европейскую конвенцию по правам человека. Мы признаем юрисдикцию Европейского суда по правам человека. Уже многие тысячи российских граждан воспользовались правом обращаться с жалобами в Европейский суд в тех случаях, когда они не могут защитить свои права в России. Многое в нашем законодательстве стало меняться так, чтобы оно больше соответствовало европейским стандартам. Ведь мы все в этом заинтересованы.

И поэтому я рад, что сейчас тональность в реакции официальных политических государственных лиц сменилась. Думаю, все понимают, что не в наших интересах обострять отношения с Советом Европы. В наших интересах - прислушаться к тем рекомендациям, которые дают парламентарии, и работать. Ведь сам вопрос об ограничении полномочий российской делегации был поднят по инициативе политической группы "христианских демократов". А в эту политическую группу из российской делегации входят представители фракции "Единство".

В отличие от этого, например, политическая группа либералов Парламентской Ассамблеи, куда входят представители "Яблоко", не поддерживала ограничения полномочий российской делегации. И я думаю, что это правильно, потому что, чтобы эффективно работать в Совете Европы, нужно иметь полные права, в том числе и право голоса.

ВЕДУЩАЯ: Но то, что сейчас происходит в Чечне (опять бомбардировки и так далее), - это как-то может повлиять?

ШИШЛОВ: Я хотел бы, чтобы повлияло. Ведь то, что происходит в Чечне, во многом связано с тем, что сама операция, которую наши государственные деятели называют антитеррористической, на самом деле, не входит в рамки Закона "О борьбе с терроризмом". Здесь нужны другие правовые механизмы. И они нужны, в том числе для того, чтобы наши военнослужащие и наши служащие органов внутренних дел чувствовали себя защищенными. Поэтому мы бы очень хотели, чтобы Правительство,

наконец, поняло, что нужно, действительно, применять правовые основы для того, чтобы люди, которые рискуют там своей жизнью, чувствовали себя защищенными.

ВЕДУЩАЯ: А теперь мнение Леонида Слуцкого, с которым я связалась по телефону.

СЛУЦКИЙ: Нам достаточно сложно было донести до Парламентской Ассамблеи наши настроения на скорейшее завершение антитеррористической операции и начало восстановления Чеченской Республики как в плане хозяйства, так и, безусловно, в плане прав человека.

Мы провели в Парламентской Ассамблее значительную работу. Ясно, что без нашего участия мы дали бы повод не только в Совете Европы, но и, наверное, и во всем мировом информационном пространстве заявить о том, что России "крыть" нечем. Все эти претензии справедливы. Действительно, идет что-то типа геноцида или этнической чистки. А именно такие выражения, как мы слышали, встречаются в ряде делегаций Парламентской Ассамблеи в Совете Европы. И с этим "геноцидом" и "этнической чисткой" делегация просто побоялась выезжать на Ассамблею. Естественно, с большой вероятностью была бы принята жесточайшая резолюция, обращенная к Комитету министров Совета Европы по поводу вывода России из Совета Европы.

В дальнейшем взаимодействие России с ПАСЕ, думается, все-таки придет в конструктивное русло. Будет ли это через несколько месяцев, или позже, я знаю одно, что сейчас много делается Правительством России. И Государственная Дума в формировании этой политики играет не последнюю роль для улучшения во всех возможных смыслах ситуации в Чечне.

Предполагается, что через несколько месяцев картина уже будет такова в Чеченской Республике, что не будет даже у наших заклятых оппонентов возможности кричать о вопиющих нарушениях прав человека. По крайней мере, эти мнения уже не будут носить столь коллегияльный характер. Никто не вырезает намеренно, так сказать, чеченцев как этнос, как, так сказать, представителей именно этой национальности. ...И многочисленные тому подтверждения... Когда есть общая настроенность, когда за лозунгом, если хотите, "права человека" не видно конкретики, которая на самом деле имеет место в обсуждаемом регионе, конечно, это неприятно. Но все-таки, мне кажется, мы добились достаточно многого. Мы показали, что Россия никуда не прячется, что Россия готова к любому диалогу. И мы готовы, не только Парламентской Ассамблее Совета Европы, а и всему мировому сообществу, любым международным организациям показать, насколько серьезные усилия предпринимаются по нормализации ситуации в Чеченской Республике.

Что касается будущего России, Россия была и остается Россией. Россия решает вопросы в своем регионе: завершает антитеррористическую операцию, затем приступит к хозяйственной и социальной нормализации обстановки в регионе. Кстати, усилия по этой нормализации давно прикладываются параллельно с завершением военных действий. И когда основания, с точки зрения Парламентской Ассамблеи Совета Европы уменьшатся, мы ожидаем, что они направят нам соответствующее приглашение. Оно, естественно, должно быть направлено только после пересмотра известного решения, и, разумеется, мы только после этого будем рассматривать вопрос в Государственной Думе о возвращении к контакту и возобновлению работы нашей делегации в Парламентской Ассамблее Совета Европы.

ВЕДУЩАЯ: Говорит Александр Черкасов.

ЧЕРКАСОВ: Мы давно добивались того, чтобы Совет Европы обратил внимание на происходящее в России и как-то отреагировал. Но отреагировал - не значит: исторг от себя Россию. Попытался бы он действовать в рамках тех механизмов, которые предусмотрены структурой Совета Европы. Ведь, вступая в эту организацию, Россия частично поступилась суверенитетом и позволила Совету Европы, его инстанционным группам, например, посещать места заключения, вмешиваться в то, что раньше было частью наших внутренних дел. Мы раньше жили отдельно, а сейчас мы стали частью большой "коммуналки". И кое-что из того, что допускается живущим отдельно, недопустимо при таком общежитии. Именно поэтому нас вправе наставить на путь истинный и вправе наказать.

До сих пор долгое время Совет Европы никак или почти никак не реагировал на происходящее в России на Северном Кавказе. И вот неожиданно его реакция оказалась очень сильной и, пожалуй, даже слишком сильной.

ВЕДУЩАЯ: Вы считаете, что эта реакция может иметь отрицательное значение?

ЧЕРКАСОВ: Вообще, Совет Европы - это структура, не имеющая своей армии, не имеющая сильных рычагов прямого воздействия на какую-либо из стран-членов. Но это очень уважаемая структура. Решения Совета Европы могут много для нас значить. Совет Европы - это что-то вроде элитного клуба. То, что вас туда пускают, вроде вам ничего нового не дает, однако же, вас начинают приглашать в какие-то совместные, интересные для вас дела и проекты. Вам начинают делать большую скидку, давать кредиты и так далее.

ВЕДУЩАЯ: Каковы были рекомендации Совета Европы по отношению к Чечне?

ЧЕРКАСОВ: Во-первых, изменить сам характер действий на Северном Кавказе. Прекратить неизбирательное применение силы и, в соответствии с положениями Совета Европы, перейти от военных методов решения конфликта к методам политическим, к диалогу. Главное требование Россия не выполнила. Были продолжены неизбирательные бомбардировки, обстрелы. И самое жуткое - события в Западной Чечне в начале февраля, когда боевики были выпущены в зону безопасности, а потом села в зоне безопасности были подвергнуты массированным бомбардировкам. За это время была создана система так называемых фильтрационных лагерей, где широкое распространение получили пытки и жестокое обращение с задержанными. То есть Россия, выполнив какие-то частные рекомендации, не сделала главного. Тем не менее она, видимо, ожидала, что никаких санкций со стороны Совета Европы не последует.

ВЕДУЩАЯ: На мои вопросы отвечает Сергей Иваненко.

Был ли другой способ воздействия на Россию?

ИВАНЕНКО: С моей точки зрения, европейские парламентарии, несмотря на то, что они очень болезненно воспринимали ситуацию с правами человека в Чечне, тем не менее подошли очень взвешенно к принятию политического решения, связанного с Россией. Об

этом говорит хотя бы то, что всего лишь с одним голосом было принято решение о поражении в правах российской делегации. Хотя, например, резолюция, достаточно жесткая по Чечне, была принята довольно большим количеством голосов. Поэтому я считаю, что европейские парламентарии заинтересованы в сотрудничестве с Россией. Они не являются, в основе своей, антироссийски направленными. Я уверен в том, что при достаточно серьезной подготовке как в Москве с января по апрель, так и при работе соответствующей делегации в Страсбурге, можно было избежать этого результата.

ВЕДУЩАЯ: Но как-то ведь он может повлиять на ту ситуацию, которая сложилась в Чечне?

ИВАНЕНКО: Я считаю, что не в интересах России в знак протеста "отмораживать себе уши". Многие из тех рекомендаций, которые были приняты на Парламентской Ассамблее в Страсбурге, - они в интересах России. Мы заинтересованы в том, чтобы было активизировано политическое регулирование, чтобы осуществилось взаимное прекращение огня. А именно об этом и говорит резолюция Парламентской Ассамблеи. Поэтому здесь речь идет не о том, что кто-то хочет нам навязать свою волю, а о том, что это в наших национальных интересах. И "Яблоко" об этом говорит уже полгода. К сожалению, к нам раньше не прислушивались, а ведь можно было избежать очень много жертв.

ВЕДУЩАЯ: Вот говорят о том, что международных наблюдателей не пустят в Чечню, впрочем, их не допускали и до этого. Если возможен такой вариант, какую при этом Дума займет позицию?

ИВАНЕНКО: Я бы не предрешал сейчас позицию российской стороны. Мне кажется, что эмоциональная пыль первых дней должна улечься. И как Государственная Дума, так и наш институт исполнительной власти должны более взвешенно подходить к этому вопросу. В дипломатии вообще нельзя говорить "нет", необходимо искать пути для шагов друг другу навстречу.

ВЕДУЩАЯ: Но может быть такая вещь, что они скажут: "Исправьте ситуацию, мы вам даем 2-3 месяца для исправления ситуации. Допустите туда международных наблюдателей, допустите туда журналистов и правозащитные организации".

ИВАНЕНКО: Работа дипломата как раз и заключается в том, что он меньше говорит публично, а больше обсуждает различного рода вопросы. Сейчас работа дипломата.

ВЕДУЩАЯ: Говорит Сергей Ковалев. Он один из немногих (по крайней мере, из правозащитников), кто считал, что нам необходимо вступить в Совет Европы. Это было не так давно, в 1995 году.

Сергей Адамович, а сейчас Вы придерживаетесь точки зрения, что Россию надо из Совета Европы удалить?

КОВАЛЕВ: Я энергично ратовал за прием России в Совет Европы. Это было до чеченской войны, то есть до декабря 1994 года. Начало чеченской войны я встретил совсем не в Совете Европы, а в Грозном, где мы и провели значительную часть чеченской войны. И в это время интенсивных военных действий, в конце 1994 года и в первой половине 1995 года, никто меня не спрашивал о том, надо ли принимать Россию в Совет

Европы. В общем, я тогда высказывался достаточно резко по поводу военных действий в Чечне, и совершенно ясно, что решение Совета Европы приостановить процедуру приема вызывало у меня только естественное одобрение.

Летом 1995 года произошла трагедия в Будённовске, и тогда от имени премьер-министра Черномырдина я подписал некий текст, совместно нами выработанный, а от имени Шамиля Басаева подписал Шамиль Басаев. И этот текст положил начало мирным переговорам, что и было записано в этом тексте.

И, действительно, военные действия затухли. (Я не могу сказать, что не было никаких отдельных стычек, нет, конечно.) Но это соглашение о переговорах действовало; и некие консультации, переговоры вяло текли.

Вот тогда вновь возник вопрос о приеме России в члены Совета Европы. И тогда я вернулся к своей довоенной позиции. А позиция, в двух словах, заключалась в следующем. Принимать Россию в Совет Европы надо при условии, что Совет Европы будет отчетливо понимать, что он принимает на себя тяжкую крестную ношу и что он не имеет нравственного права, эту ношу отвергнуть. Это обязательная для Европы и для Запада ноша в виде России со сложившимися в ней проблемами и правоотношениями. И поскольку Россия, естественно, член Европы, и русская культура - естественная часть европейской христианской культуры, поскольку Россия так важна для глобальных проблем, ее нужно брать для того, чтобы иметь возможность (как говорил мой друг и учитель Андрей Дмитриевич Сахаров) оказывать России поддержку и оказывать на нее давление. В этом давлении Россия нуждается очень остро.

И этот прием России в Совет Европы состоялся, увы, параллельно с возобновлением войны в Чечне, войны, которая постепенно набирала обороты уже в 1996 году. События развивались быстро. Война в августе 1996 года кончилась поражением России. Никакую победу у русских ни мы, правозащитники, ни кто-либо другой не крал, потому что этой победы не было. Украсть можно было только поражение, но предпочли оставить его (поражение) в собственности доблестной русской Армии. И вопрос о том, порицать ли Россию за эту войну, приобрел некоторый исторический смысл. Я всегда был на стороне этой позиции, но не видел основания возражать против членства России, по-прежнему наивно рассчитывая на давление Европы. Это давление временами происходило. Но я всегда был недоволен и не один раз публично выражал свое недовольство там же, в Совете Европы, при явном неодобрении членов Парламентской Ассамблеи.

ВЕДУЩАЯ: Сергей Адамович, такие санкции будут иметь положительное влияние или отрицательное? Ведь, на самом деле, если исключат нас из Совета Европы, значит, мы лишимся механизма международной защиты?

КОВАЛЕВ: Я совершенно точно знаю, что в распоряжении Совета Европы не так уж много механизмов давления. На самом деле, вопрос о членстве - это и есть едва ли не единственный механизм. Если состоится исключение России, то какое это будет иметь значение? Я бы сказал, что мне ситуация представляется такой. Делай, что должно, и будь, что будет. Если Совет Европы склонен в очередной раз по отношению к очередной стране-нарушителю отступить от собственных принципов и сказать: "Да, страна грубо нарушает принятые на себя обязательства, вытекающие из всех наших документов, но мы посмотрим на это "сквозь пальцы"", - то тогда лучше уж честно распустить Совет Европы. Тогда лучше признать, что этот европейский механизм никакого значения не имеет. Нельзя терпеть сообществ, которые не выполняют своих собственных уставных обязательств.

ВЕДУЩАЯ: И теперь мы сами для себя должны определить: является ли Россия частью Европы? Если да, то готовы ли мы попытаться услышать и понять доводы наших европейских партнеров? Или нет, и России уготована судьба, быть азиатской державой и искать союзников лишь в Ираке, Иране, Китае? Или, может быть, Россия обречена на поиски своего, особого пути, поиски которого раз за разом заводили нашу страну в тупик?

На сегодня все. Прочитать наши передачи вы можете в "Интернете" по адресу: WWW.MEMO.RU. До свидания, до новых встреч.

Незаконные задержания и аресты в Москве

(Эфир "Радио России" 4 апреля 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

То и дело в средствах массовой информации мелькает, что правозащитников не слышно и не видно. И есть ли сейчас вообще правозащитные движения? Митинги, демонстрации, пикеты - это громкий акт, это видно. Но существует другая сторона, на первый взгляд незаметная, но очень существенная. Это сбор информации о нарушениях прав человека и часто, как следствие, внесение изменений в законодательство, в ряд тех или иных постановлений или распоряжений как на федеральном, так и на региональном уровне.

Давайте вернемся к одной из наших передач, прозвучавшей в эфире 26 сентября прошлого года. Тогда после взрывов домов в Москве и в Вологодске, на территории Москвы и Московской области стало действовать специальное распоряжение о задержании лиц, не имеющих прописки в столице и в Подмосковье.

О том, как обычный законопослушный гражданин может превратиться в этих условиях в преступника, мы и рассказывали в нашей передаче. Напомним об этом. Говорит жена Бадруды Эскиева - Ирина.

ИРИНА: Легли спать, и звонок в дверь. Я пошла, спросила: "Кто там?". Говорят: "Милиция". Я испугалась, думала, сейчас будет эвакуация дома: мало ли чего, всюду такая ситуация непонятная. Подошла к Бадруде, говорю, что там милиция, что делать? "Открывай дверь, что нам делать?". Открыл он дверь милиции. Двое в форме и один гражданский. Гражданский с пистолетом был, он прошел сразу по всей квартире. И один в милицейской форме, он с автоматом был, он пошел в детскую сразу. Бадруде сказал: "Осторожно, там ребенок". У всех проверили паспорта. Как раз была наша подруга из Крыма, проездом. Когда увидели паспорт моего мужа, увидели, что там написано "чеченец", так сразу паспорт и забрали, сказали: "Чеченец". Проверили его на наркотики, сразу обыскали. И говорят: "Мы его забираем в отделение".

КОРР.: А обыск в квартире был?

ИРИНА: Нет, обыска в квартире не было, только его обыскали. Он был в брюках и кофте. Они сказали: "Ничего страшного, проверим отпечатки пальцев, потому что серия взрывов произошла, чеченцев проверяют. У нас приказ - всех чеченцев забирать. Я поехала с ним, естественно. Мама не отпускала его, говорила, что никуда его не отпустит. Но эти говорят: "Нам некуда деваться, все равно его забираем".

Приезжаем мы в ОВД "Люблино", его забирают и сажают за решетку. Я стою возле дежурного и спрашиваю: "Что, почему, как?". Буквально за три часа проверили его по

компьютеру, нигде он не числится, то есть ничего такого нет. Подошли к дежурному, он нам посоветовал подняться к начальнику отделения. Мы поднялись к нему, его зовут Владимир Иванович. Мы спросили, объяснили всю ситуацию, он говорит: "Ничего страшного, сейчас проверят. Ничего при нем не обнаружено. Все нормально. Только отпечатки пальцев снимут, с ним поговорят сотрудники наши и отпустят". Мы плачем.

И тут стали приходиться женщины. Одна чеченка, у нее мужа забрали тоже из квартиры. Одна женщина русская (у нее ребенок, девочка, 10 лет) говорит: "А у меня муж, вообще, прописан уже 20 лет в Москве, мы с ним живем". Его тоже забрали.

КОРР.: Чеченец?

ИРИНА: Чеченец. Подошли еще раз к дежурному. Его тут выводят. Я спрашиваю, куда выводят его? И два милиционера его сопровождают. "Мы его отвозим в ОВД "Печатники", там антитеррористический центр". Я снова говорю, что поеду с ним. Они говорят, что с ним нельзя ехать, езжайте своим ходом. Тут его выводят шесть человек, высокие ребята в гражданской форме, молодые. Я спрашиваю: "Куда вы его ведете?". Меня спросили, кто я. Я говорю: "Я его жена, Ира". Говорят: "Знаете, такая ситуация, мы сейчас едем на опознание в ОВД "Марьино"". Я говорю: "Я с вами поеду". "Нет, - говорят, - с нами нельзя, видите, сколько людей много. Мы не влезем все, езжайте своим ходом".

Я приезжаю в ОВД "Марьино". Целый час я там провела, у милиционера спрашивала, приезжали ли из ОВД "Печатники". Говорят - нет, никого не было. Я снова еду в "Печатники". Спрашиваю дежурного: "Кто может мне ответить, где находится мой муж? Вы его увезли, и пропал человек, его нет". Я спросила, кто может знать, куда забрали моего мужа. Говорят: "Идите в 502, 503 комнату". Поднимаюсь в 503-ю комнату, там сидит мужчина лет 45, двое молодых людей и женщина. Они все в гражданском были. Я сказала, что я по поводу Эскиева, его забрали, пропал, сказали, чтобы обратиться к вам. А он говорит: "Он, наверное, в тюрьме. Как Вы думаете, за что?". А я говорю: "Да ни за что. Вы его забрали в 5 часов утра". Говорит: "У него наркотики, или патроны. Наверное, он бандит". Я говорю: "Какой же он бандит!? Я этого человека знаю пять лет, мы с ним постоянно вместе. Он никогда никуда не уезжал. За что такая несправедливость?" Ответ был: "Потому что он чеченец". Я говорю: "А на каких основаниях чеченцев задерживают?". "А на каких основаниях взрывают дома?". Я говорю: "Откуда вы знаете, что это чеченцы взрывают? Если бы по телевизору сказали, что это делают русские, неужели бы всех русских надо было сажать за решетку?". А он мне говорит, что всех чеченцев нужно убивать. Я заплакала сразу и говорю: "Как Вы можете такое говорить, у меня ребенок, он чеченец, у него отец чеченец. Вы не имеете права это говорить". Он говорит: "Все, мне разговаривать с Вами больше не о чем. Приходите через три дня, узнаете".

И утром звонок по телефону. Звонит мужчина, говорит, что от моего мужа, они вместе с ним сидели в камере. Его отпустили, а муж там находится в ОВД "Текстильщики". Я приезжаю в ОВД "Текстильщики", спрашиваю дежурного, когда его отпустят. Он говорит: "А у него там 122-я, кажется, статья. То есть еще надолго его задерживают". Послали меня к следователю.

Я пришла к следователю. Да, говорит, дело вашего мужа у меня. У него обнаружены наркотики, и его забрали где-то в ОВД "Текстильщики", на улице ночью, в 2 часа. Я говорю: "Ну, как это так? Человек был все время с нами. В пять часов мы были вместе, когда из дома его забирали". А она говорит: "Вы понимаете, что сейчас просто фабрикуются такие дела. Не за что задержать, а делается так: и понятые, и свидетели - все

есть на него. Вот и получилось так, что его задержали в Текстильщиках ночью, в два часа". Следователь уже сама мне говорит: "Вы понимаете, что у нас приказ".

ВЕДУЩАЯ: 19 сентября в Москве был задержан Аслан Гатиев. Рассказывает его брат Адам.

АДАМ: Мой младший брат учится в Москве с 1990 года. Сейчас он на последнем курсе. Оканчивает Университет по природообустройству. Было два года отсрочки - академический отпуск. Жизнь сложная, устроился работать, перевелся на последнем курсе на заочное отделение. Естественно, зарегистрировался. Делал все, как положено. Как законопослушный гражданин пошел на перерегистрацию, это было в пятницу.

КОРР.: А до этого он был зарегистрирован?

АДАМ: Конечно. Был прописан. Даже более того, до сих пор не выписан. Пошел регистрироваться, с ним пошла хозяйка квартиры, где он снимал комнатку. Отстоял сутки в очереди. В субботу очередь до него дошла. Просили придти в воскресенье после обеда. Опять в воскресенье после обеда с хозяйкой квартиры пришел, дал документы, там их просмотрели и сказали: "Вам нужно с нами проехать на дактилоскопию в 44 отделение милиции".

КОРР.: В каком районе он живет?

АДАМ: В Выхино. Вместе с участковым они сели в машину. Хозяйка квартиры хотела сесть в машину, ей сказали: "Для Вас места в машине, извините, нет". И с тех пор он пропал. Естественно, мне перезвонили, что пропал Аслан. Я говорю, что рано паниковать, подождите, может, будет информация. Потом какой-то неизвестный голос позвонил, не представился, сказал, что у Аслана нашли в кармане наркотики, и он сидит. И положил трубку. Естественно, я позвонил участковому. Он мне сказал, что отдал брата на дактилоскопию и о дальнейшей судьбе его не знает. Я позвонил в 44-е отделение милиции дежурному, он сказал, что у них такого нет, чтоб я перезвонил по другому телефону. Я перезвонил туда, и там сказали, что нет такого. Я перезвонил опять участковому и сказал: "Вы его увезли, человек исчез, мы сейчас будем принимать меры". Тогда он мне назвал кабинет, сказал, чтобы перезвонил по такому-то телефону. Я позвонил, и они говорят: "Да, он у нас". Я спросил: "Он сидит в тюрьме?" А тот говорит, что по телефону со мной говорить не будет, спрашивает: "Вы кто?". Я сказал, что брат. "По телефону ни одного разговора". Я говорю: "Понимаете, я в Мурманске". "Это ваша проблема". И положил трубку.

Естественно, я вылетел, нанял адвоката. И выясняется: участковый привез его в кабинет на дактилоскопию, к нему подошли люди в форме, обыскали его. И в кармане у него нашли три сотых грамма героина.(?!). Естественно, посадили в камеру: статья 228 - хранение наркотиков в крупных размерах. Никакие логические объяснения: для чего трое суток стоять в очереди на регистрацию и приехать самому(!) в отделение милиции с наркотиками(!), - приняты не были. Я говорю: "А почему же тогда не с оружием?" "Но это ваши проблемы. Это факт". "Свидетели есть?" "Да, есть свидетели". Оказывается, вытащили из клетки по административным нарушениям двух пьяниц, они и стали свидетелями. Брат адвокату сказал, что они же были свидетелями фактически во всех случаях, то есть у других задержанных тоже.

ВЕДУЩАЯ: Все свои действия московская милиция оправдывала тем, что она выполняет распоряжения мэра Москвы. Говорит Светлана Ганнушкина, руководитель программы "Миграция и право" Правозащитного центра "Мемориал".

ГАННУШКИНА: В сентябре 1999 года, после взрывов в Москве, московской милицией была предпринята кампания по ограничению свобод кавказцев, и в первую очередь, чеченцев. Так получилось, что целый народ оказался под подозрением. Хотя не было никаких оснований не только подозревать народ, но и даже подозревать, что кто-то из представителей именно этого народа имел отношение к последним взрывам. Как известно, прошло очень много времени, никакие доказательства не появились. Почему же вдруг все оказались под подозрением, объяснить невозможно.

Тем не менее в сентябре прошла кампания задержания чеченцев, и для того, чтобы их изолировать, применялись самые разные меры. Их обвиняли в совершении нелепых правонарушений, как, например, нецензурная брань, что вообще не свойственно, кстати говоря, представителям этого народа. А когда хотели человека изолировать на более долгий срок, ему подбрасывались наркотики, и тогда возбуждалось уголовное дело. И сейчас ещё идет череда судов по этим делам. Мы знаем, что, к сожалению, прокуратура не отказалась от обвинений, несмотря на то, что во время нашего посещения Московской прокуратуры, сотрудники прокуратуры фактически признали, что какие-то устные инструкции были, потому что вдруг так до невозможности возрос поток задержанных, именно в связи с наркотиками.

Суды, в которых мы принимали участие, тем не менее, несмотря на очевидность фальсификаций обвинений, все-таки выносили обвинительное решение. Но, как правило, давали при этом достаточно небольшие сроки. Допустим, наш непосредственный подопечный, сотрудник нашего комитета, получил полгода условно.

В Москве стали появляться еще и другие не правовые акты. Первое, это распоряжение мэра Москвы от 13 сентября 1999 года "О неотложных мерах по обеспечению порядка регистраций граждан, временно прибывающих в Москву". Этим распоряжением мэра все прибывшие временно в Москву должны в трехдневный срок пройти перерегистрацию, если она была уже, и регистрацию, если регистрации до сих пор не было. Естественно, против второго, в общем, возражать невозможно.

Действительно, какие-то серьезные события, например, как террористические акты, конечно, должны побудить администрацию города принять более серьезные меры по обеспечению порядка. Но что касается перерегистрации, то она под собой никакой правовой почвы не имеет. И ведь самое главное: на регистрацию и перерегистрацию пошли толпы народа, и ни одно отделение милиции не справлялось с этой перерегистрацией. Помимо всего прочего, сотрудникам отделений милиции распоряжением мэра было дано право принимать решение: регистрировать или нет. В процессе перерегистрации многие оказались за решеткой, потому что им были подсунуты наркотики. Даже трудно себе представить, чтобы человек пришел на перерегистрацию и в кармане принес наркотик в милицию(!). Это было бы слишком нелепо.

Я знаю только единственный случай, когда дело было прекращено, человека не судили, и при этом виновные наказаны не были. И формулировка была такая: "из-за недостаточности улик". То есть, как бы мы знаем, что ты все-таки виноват, но судить тебя, к сожалению, не можем. Вот такое было отношение.

Но потом, ровно через неделю, появилось постановление правительства Москвы "Об утверждении временного порядка перемещения лиц, нарушающих правила регистрационного учета", то есть перемещения за пределы Москвы. Что это значит? Кто, вообще, имеет право его перемещать? И что это за действия правоохранительных органов? Мы знаем единственный способ перемещения - это депортация. Но депортация допустима только по отношению к иностранным гражданам. Выслать за пределы России гражданина России Конституция не позволяет. А высылать за пределы какого-то региона - это просто нелепая идея, которая вообще ничем не подкрепляется. Но тем не менее под это постановление опять же проходили задержания, людей хватали, подбрасывали им наркотики и так далее.

Заключительным аккордом в этой серии постановлений было распоряжение мэра Москвы, принятое 28 сентября, "О мерах по упорядочению работы с пребывающими в Москве беженцами и вынужденными переселенцами". Этим "замечательным" документом снова восстанавливались ограничения на прием беженцев и вынужденных переселенцев. Человек мог подать ходатайство в соответствии с этим распоряжением только в том случае, если у него здесь близкие родственники, которые гарантировали ему на долгий срок предоставление жилой площади. А ставили на учет беженцев и вынужденных переселенцев только в том случае, если они получали постоянную прописку. Как известно, наши власти трактуют закон "О беженцах" таким образом, что если человек получает постоянную прописку, он лишается статуса беженца. То есть при этом о постановке на учет в миграционную службу уже не может быть и речи. Таким образом, это постановление, как и предыдущие, сводило к нулю круг людей, которые могли встать на учет в миграционную службу Москвы.

ВЕДУЩАЯ: Какой у вас способ борьбы с этими актами?

ГАННУШКИНА: Мы обращаемся к юристам нашей мемориальной сети или к юристам экспертно-независимых советов, тоже общественной организации, с просьбой сделать экспертизу акта. Делается серьезная правовая экспертиза. Дальше наши практики, принимающие людей, присоединяют к этой бумаге еще одну, где рассказывается о том, к каким последствиям для человека приводит данный правовой акт, как он отражается на его судьбе. А затем вот эти два документа мы направляем в прокуратуру с просьбой принести протест по поводу этого акта.

ВЕДУЩАЯ: В декабре прошлого года по инициативе правозащитников были проведены слушания в Общественной палате по правам человека при Президенте Российской Федерации. И вот ответ. Генеральная прокуратура отменила отдельные пункты постановлений Правительства Москвы.

Светлана Ганнушкина продолжает.

ГАННУШКИНА: Сейчас мы оспорили эти три документа, о которых я говорила, и мы оспорили правила регистрации в Москве и Московской области.

Я расскажу еще об одном распоряжении. Это было решение Министерства внутренних дел Российской Федерации о приостановлении оформления и выдачи загранпаспортов и внутренних паспортов людям, которые постоянно проживают на территории Чеченской Республики, а сейчас оказались в других субъектах Федерации. При всех наших усилиях, не удалось, чтобы это противоправное решение было нам направлено, и

мы знали бы номер, дату. Познакомились с ним только опосредованно, на него ссылалось московское распоряжение, которое уже имело номер, дату и текст, направленный нам из ГУВД Москвы.

Долго мы вели борьбу с ними. И вот результатом явилось то, что Генеральная прокуратура опротестовала все четыре документа московских правил регистрации в Москве и Московской области и эти три сентябрьские постановления и распоряжения Московского правительства и мэра.

ВЕДУЩАЯ: А что это означает?

ГАННУШКИНА: Вот интересный вопрос. Я тоже хотела бы знать, что это означает. Высказался Минюст достаточно резко по поводу этих документов, высказалась и прокуратура. И что же дальше? Есть у нас такая проблема, и нам нужны изменения в законодательстве. Ведь Конституционный суд признал, что прокуратура не может по собственной инициативе выходить в суды с требованием - иском к Думам, принимающим законы и постановления, для того, чтобы они отменили эти документы. Вот такой механизм у нас сейчас в соответствии с нашим законодательством невозможен.

Теперь я хочу еще несколько слов сказать о решении паспортно-визовой службы МВД Российской Федерации. Эта служба запретила оформление и выдачу загранпаспортов гражданам Российской Федерации по месту пребывания, если эти граждане постоянно живут в Чечне, но в настоящее время находятся в других субъектах Федерации и не могут за паспортами обратиться в соответствующие структуры Чеченской Республики. Мы, наконец, получили ответ, что это решение паспортно-визового управления МВД отменено 31 января 2000 года. Отменено-то оно, отменено, но эта отмена не доведена до сотрудников.

ВЕДУЩАЯ: Имея такую бумагу, люди могут идти в отделение милиции и говорить, что это официальная бумага на самом деле? И чтобы им выдали паспорт.

ГАННУШКИНА: К сожалению, я боюсь, что нет. Я не уверена, что с такой бумагой можно чего-то добиться в отделении милиции непосредственно. С такой бумагой мы можем обращаться к Воротникову, начальнику паспортно-визового управления МВД и говорить ему: "Уважаемый господин Воротников, Вы же отменили Ваше распоряжение, согласились, что оно неправильное. Теперь, пожалуйста, такому-то отделению милиции укажите, чтобы такому-то человеку был выдан паспорт, потому что в самом отделении милиции нам будут говорить, что они ничего не знают об отмене, и что эта отмена до них не доведена".

ВЕДУЩАЯ: Тогда работа эта оказывается бесполезной в достаточной степени? Кто знает об этом решении? Знаете Вы. Вы, что, пойдете к Воротникову и потребуете, чтобы во все отделения милиции, во все паспортные столы были спущены эти распоряжения? Вы сделаете это в одном регионе, а во втором, третьем вы это не сделаете.

ГАННУШКИНА: Когда в обществе нет общественных структур, которые бы контролировали действия власти, то, действительно, такая деятельность бессмысленна. Но у нас есть некоторые структуры, которые называются "Сеть миграции и права". Это сеть юридических консультаций для вынужденных мигрантов, она работает в 36 регионах. И как только мы получаем такой документ, все 36 юристов получают тоже этот документ. Они разговаривают со своими паспортно-визовыми службами. И если те не желают

слушать, мы опять обращаемся к Воротникову. И так много раз. Это как трава, которую нужно 30 лет стричь для того, чтобы она превратилась в английский газон.

ВЕДУЩАЯ: На сегодня все. Прочитать наши передачи вы можете в "Интернете" по адресу: WWW.MEMO.RU. До свидания, до новых встреч.

Проблемы беженцев из Чечни

(Эфир "Радио России" 28 марта 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Должно ли государство бороться с терроризмом. Уверена абсолютно, что большинство радиослушателей скажет, что такая борьба является неременной обязанностью государства. Но что такое антитеррористическая акция? Это прежде всего избирательные действия силовых структур. Это удар именно по террористам и бандитам с целью спасения мирных жителей, оказавшихся в руках или под контролем террористов.

К сожалению, в результате проведения антитеррористической операции, общее число погибших и оказавшихся без крова составило в Чечне многие тысячи мирных жителей. На восстановление жилья потребуется много времени. По словам Сергея Ястржембского, потребуется очень крупная сумма денег, которая будет разбита на несколько лет.

В Ингушетии оказалось более 200 тысяч лиц, которые были вынуждены покинуть родные места. Это чеченцы, русские, ингуши, украинцы. В Ингушетии они размещаются не только в палаточных городках или вагончиках, но и на птицеферме, свиноферме, бывшем колбасном заводе. Я побывала там недавно.

КОРР.: Откуда Вы?

1-я ЖЕНЩИНА: Из Алхан-Калы.

КОРР.: Давно Вы приехали сюда?

1-я ЖЕНЩИНА: Я вышла из села на второй день, когда "бараевцы" вошли в село. Я с тремя детьми. Я буквально ничего не взяла с собой. Пакета даже в руках не было. Сестра пораньше приехала, я знала, что к ней можно приехать. У сестры старшей - 8 детей. У другой старшей сестры - 4 детей. И я с детьми.

КОРР.: Как у вас с питанием?

1-я ЖЕНЩИНА: Регулярного питания у нас здесь нет. Чехи приезжали, помогали. Польская организация, "Человек в беде" - организация. Медикаментами помогают, детям питание привозили арабы - "Исламский банк развития" и американская организация.

КОРР.: А у Вас сколько детей

2-я ЖЕНЩИНА: Пять. Зачем нам нужен этот свинарник? Лучше бы не было этой войны, каждая женщина была бы у себя дома. И каждый мужчина работал бы, чем-то занимался

бы. У нас бы молодежь занималась спортом, учились бы в институтах, техникумах. Почему сейчас у нас такого нет? Почему мы без хозяина бродим столько лет?

КОРР.: Дети старших классов не учатся? Здесь у вас школы нет?

ПОДРОСТОК: Обещали, что будут школы в палатках. Не сделали.

КОРР.: Сколько Вам лет?

ПОДРОСТОК: Мне 15 лет. А ему 16 лет. С сентября мы не учимся.

КОРР.: А до этого учились?

ПОДРОСТОК: Учились.

КОРР.: А в какой школе вы учились в Грозном?

ПОДРОСТОК: Я в 56-ой. Он в 20-ой.

КОРР.: Учиться-то хочется?

ПОДРОСТОК: Конечно. А что здесь делать?

ВЕДУЩАЯ: Это граждане России. И государство, конечно же, обязано о них позаботиться. О том, что делает государство, чтобы эти люди выжили в этих страшных условиях, я беседую с руководителем миграционной службы города Назрани Магомедом Багаевым, министром по чрезвычайным ситуациям, членом Правительства Ингушетии Валерием Куксой и руководителем Федеральной миграционной службы Сергеем Хетагуровым.

На мои вопросы отвечает Валерий Кукса.

КУКСА: Прекращение регистрации не дает возможности на федеральном уровне учитывать точное количество беженцев, которые находятся на территории Республики Ингушетия. Питание было прекращено только из-за того, что федеральных средств спланировано очень мало, а исходя из реальных потребностей: сколько беженцев там находится на территории республики, - таких финансовых средств нигде нет.

КОРР.: А что же дальше будет?

КУКСА: А дальше - решение. Сейчас должно выйти распоряжение Правительства Российской Федерации о выделении еще дополнительных средств на содержание беженцев, находящихся на территории Республики Ингушетия. Самое главное - должен быть реальный подход. Есть определенные нормативы на определенное количество беженцев: сколько-то выделяется на питание, сколько-то выделяется на содержание. И вот из этих реальных нормативов нужно проводить финансовое обеспечение беженцев на территории Республики Ингушетия.

КОРР.: А сколько их сейчас?

КУКСА: Сейчас их 208 тысяч, тех, кто находится на территории Республики Ингушетия.

КОРР.: Сейчас идут боевые действия, очевидно, они будут еще долго продолжаться. Это значит - новые потоки людей. Как вы их собираетесь принимать? Есть ли на это какое-то финансирование, будет ли оно?

КУКСА: Финансирования нет. А будет или не будет - не могу сказать. Все необходимые расчеты, все необходимые заявки в правительство Российской Федерации отправлены как нашим правительством, так и президентом республики.

КОРР.: Как Вы считаете, почему нет финансирования?

КУКСА: Тяжелый вопрос. Одна из причин, наверное, тяжелое финансовое положение Российской Федерации, поэтому не так-то просто изыскать эти средства. Но все же основной вопрос в лоббировании интересов. Когда сейчас стоит вопрос о финансах на Чеченскую Республику, конечно, есть большое лоббирование, чтобы эти финансовые потоки шли в Чеченскую Республику. То есть нужны деньги, но не нужны люди. А надо определиться. Ведь есть определенное количество жителей Чеченской республики, которые находятся за ее пределами. И надо с ними разобраться. Кто-то, например, из них вообще не вернется. Ведь есть, допустим, ингуши (до 30 тысяч), которые уже для проживания вряд ли вернутся на территорию Чеченской Республики. Во всяком случае, если и вернется, то малая часть. Есть категория чеченцев, которые просто на данном этапе не имеют места, куда вернуться. Но пройдет какое-то время: может, полгода, год, два года, - они все равно потом вернутся, когда появится возможность. Например, в Грозном многоэтажные дома. Ясно, что сейчас начинать восстановление Чеченской Республики с этих 9-этажек - это просто глупо. Получаются очень большие финансовые затраты при минимальном количестве возвратившихся людей. Надо идти от простого к сложному, то есть начинать восстановление наименее затратных объектов, чтобы как можно больше людей получили нормальное жилье. Нужно материалы дать, чтобы они сами восстанавливали, не надо за них восстанавливать. Дать им какие-то финансовые средства небольшие, но главное - материал, и люди восстановят сами. И постепенно, через какое-то время, можно спрогнозировать какой-то план и для этих многоэтажек. А если обратиться к южным районам Чечни, то понятно, что обстановка там такая, что вряд ли там стрельба прекратится в ближайшее время.

КОРР.: Как понять - в ближайшее?

КУКСА: Во всяком случае, этот сезон люди не смогут жить в южных горных районах. Там еще остались формирования, там еще остались бандиты, которые лазают по горам, просто так они не успокоятся: естественно, они будут делать вылазки какие-то. Конечно, не такие масштабные, как раньше были, а мелкие. Естественно, это вызовет ответную реакцию войск, которые там находятся, и, естественно, для людей будут плохие условия, чтобы там жить, потому что сельским хозяйством не позанимаешься, в горы не пойдешь. Поэтому это тоже какая-то отдаленная перспектива для возвращения.

То есть надо разобраться: кто сегодня вернется, кто вернется завтра, кто вернется через два года, а кто вообще не вернется.

КОРР.: А делаются попытки разобраться?

КУКСА: Недавно у нас в республике был Сергей Шойгу с комиссией, он привез представителей и Федеральной миграционной службы и МЧС. И он как раз четко поставил вопрос: давайте разберемся, не надо огульно говорить, что все вернется.

Миграционная служба пыталась ставить вопрос, чтобы всех вернуть. Он сказал: нет, такого огульного подхода не может быть. Надо разобраться.

КОРР.: В Чечне не объявлено ни военное положение, ни чрезвычайное, но, тем не менее, элементы ведь есть.

КУКСА: Да.

КОРР.: Не считали бы Вы, что правильной было бы все-таки ввести чрезвычайное положение?

КУКСА: Я могу сказать свое личное мнение. Надо на несколько лет ввести или прямое президентское правление, или чрезвычайное положение. Нужно поставить во главе республики одного человека, желательно в погонах, чтобы у этого человека в правой руке была -бы силовая ветвь, чтобы ему подчинялись все подразделения и части российской армии, МВД и Федеральной службы безопасности, которые находятся на территории Чеченской Республики. То есть силовой блок - у него с правой стороны, а с левой стороны - гражданский блок. В стране должно быть гражданское правительство, которое он должен назначать. Точно такая же система должна быть пронизана через районы и города, то есть по всей республике. Все финансы только через него должны идти. Это сразу отсечет всех этих желающих "погреть руки" на восстановлении Чеченской Республики. Я думаю, что сразу процентов 80 желающих обогатиться вернуться назад, никто не придет в Чечню. И на такой структуре нужно несколько лет работать, чтобы вырастить на местах руководителей новых, потому что чеченцы не верят никому: ни пришлым из Москвы, ни своим местным, которые уже надоели.

ВЕДУЩАЯ: 25 февраля был издан приказ Федеральной миграционной службы за № 15 "О прекращении регистрации граждан, прибывающих из районов Чеченской Республики". Это вызвало большой общественный резонанс. Ведь люди, не имеющие регистрации, не могут рассчитывать на помощь. И вскоре этот приказ был отменен. Говорит руководитель Миграционной службы города Назрани Магомед Багаев.

БАГАЕВ: Мне сложно говорить о причинах появления такого приказа. Никаких объяснений по данному приказу: почему прекращается регистрация и в связи с чем прекращается, - естественно, не дано. И причины появления такого приказа на свет нам не известны.

Но мы полагаем, что это связано с политической какой-то игрой. Очевидно, для того, чтобы показать (это мое частное мнение), что, дескать, военные действия подходят к концу, и люди возвращаются уже в мирные села и будут восстанавливать свои дома. Короче говоря, чтобы эти люди не оставались ни в Ингушетии, ни в других субъектах Российской Федерации, а были вынуждены оставаться только в Чеченской Республике.

КОРР.: Да, но таким образом, если вы их не регистрируете, они лишаются гуманитарной помощи?

БАГАЕВ: Они лишаются и гуманитарной помощи, и других, предусмотренных законом, прав. Они лишаются возможности передвигаться по территории России, потому что без справки миграционной службы Республики Ингушетия эти граждане Чеченской Республики не могут передвигаться по территории России. Их просто не выпускают на постах.

КОРР.: Лица, которые не имеют документов, (они находятся сейчас в городках для беженцев), - не могут пройти через пункты для того, чтобы попасть в Чечню?

БАГАЕВ: Они могут попасть в Чечню. На сегодняшний день очень много людей уезжают и приезжают тут же назад.

КОРР.: Без документов?

БАГАЕВ: Нет. Только с нашей справкой из миграционной службы или, конечно, с паспортом, или с формой № 9.

КОРР.: Форма № 9 разве действительна сейчас? Я знаю, что на постах эту форму просто рвут.

БАГАЕВ: Знаете, смотря, кому этот человек попадется. Если более или менее сердобольный военный, то пропускает. Если он попадаетея какому-нибудь полупьяному офицеру или солдату, они рвут эти справки. Есть и те, и другие случаи.

КОРР.: То есть произвол?

БАГАЕВ: Натуральный произвол.

КОРР.: Бывают случаи, когда паспорта у некоторых людей просрочены, а кому-то исполнилось уже 16 лет, и им надо выдавать паспорта, в конце концов, есть люди с утерянными паспортами. Свободно ли выдаются справки № 9 всем этим лицам. Как этот вопрос решается?

БАГАЕВ: Вы же знаете, что в Чечне на протяжении последних 7 лет власти не было никакой. Реально действующей власти, которая была бы признана на территории России, в Чечне не было. Естественно, там появилась масса поддельных паспортов, справок, других документов. И на сегодняшний день этот вопрос еще не решен. Был разговор, что будет создан паспортный стол чеченский на территории Ингушетии. Но так он и не был создан, нет его сейчас. До сих пор люди ходят с документами, которые не понятно, какими органами выданы. На мой взгляд, 50 процентов документов являются фальшивыми. Никто сегодня в России этим вопросом не занимается.

КОРР.: Бои-то идут, и люди боятся возвращаться. Будет ли им предоставлен статус вынужденного переселенца?

БАГАЕВ: Уже много случаев, когда эти люди обращались в наши местные суды в Ингушетии на наш письменный отказ выдать им статус. Они эти действия пытаются обжаловать в суде. Но суды принимали решения в пользу миграционной службы, мотивируя это тем, что нет преследования по признаку национальному, религиозному, идеологическому и так далее. Идут военные действия. Они носят техногенный характер в чрезвычайной ситуации. И лица, покинувшие территорию по этим мотивам, получить статус не могут. И закон надо именно так толковать, потому что закон так и написан. Изменять сегодня закон никто не будет. Но вот сегодня идет отказ. Ни одному человеку, покинувшему республику, этот статус еще не выдали. Выдавали только в 1995 году и в 1996 году, когда была оппозиция Доку Завгаева и дудаевской команды, когда шла борьба между ними. Вот тогда людям выдавали статус, в основном, сторонникам Завгаева. Сегодня им отказывают, хотя, я считаю, что по Конституции они имеют право беспрепятственно выбирать место проживания на любой территории Российской

Федерации. Они имеют право получить этот же статус, потому что они не по своей воле покинули дома, свои родные очаги. Я считаю, что это тоже нарушение прав человека, причем, грубейшее нарушение, когда человека заставляют находиться в Чеченской Республике при этом хаосе.

КОРР.: Вопрос касается медицинского обслуживания больных. Очень часто мне приходилось слышать в этих городках: мы приходим в больницу, с нас требуют деньги, потому что все анализы очень дорогие, денег нет. У переселенцев, понятно, тоже денег нет, потому что ни пенсии, ни зарплаты они не получают. И уже, наверное, все продали с себя, что есть. Что людям делать в этом случае? Осуществляется ли какая-то помощь со стороны государства?

БАГАЕВ: Все, что Вы говорите, это правда. Люди за свой счет покупают лекарства, где-то просят в долг. Был такой Арсан Лукаев, представитель Минздрава России, закреплен за Минздравом Ингушетии, который обязан был непосредственно оказывать помощь этим людям. Этот человек ничего еще не сделал. Только сделал исключение некоторым своим родственникам или знакомым. А в масштабах количества прибывших сюда лиц помощь не оказывалась. Очень многие в этих случаях платят за операции деньги, платят и в роддоме, платят везде. Вся медицинская помощь, которая поступает, я не знаю, куда девается. Я не видел, чтобы бесплатно кому-то давали лекарства. Я таких случаев не знаю, все люди покупают их. Никакого контроля со стороны Минздрава России нет, и никакой плодотворной работы Минздрав Ингушетии, как и Минздрав России, не проводит.

ВЕДУЩАЯ: В Москве я обратилась в Федеральную миграционную службу. И Сергей Хетагуров, глава этого ведомства, ответил на мои вопросы.

Сергей Валентинович, я бывала неоднократно в Ингушетии и Чечне, в городках вынужденных переселенцев, и поэтому ситуацию знаю более или менее хорошо. Я недавно оттуда вернулась и как раз попала в тот период, когда начал действовать тот самый указ о запрещении регистрации по форме № 7 от 1 марта. Он вызвал большую панику и беспокойство среди людей. Я знаю, что сейчас, к счастью, он отменен.

У меня два вопроса к Вам. Первый: в связи с чем он был тогда принят так поспешно?

И второй вопрос: означает ли это, что будет действовать тогда указ от декабря, по которому не надо было регистрировать лиц, которые ушли из сел (а сейчас эти села объявлены зонами безопасности)?

ХЕТАГУРОВ: Такой приказ, действительно, был в середине февраля. Связано это было с тем, что наметилась устойчивая тенденция возвращения на территорию Чеченской Республики той категории граждан, которые жили временно в городках, да и в частном секторе. После того, как там подали электроэнергию, газ, восстановили водоснабжение, обеспечили безопасность, многие люди потянулись в места своего постоянного проживания. Одновременно мы восстановили деятельность чеченской миграционной службы, она начала действовать. Мы считали, что поскольку оттуда уже притока нет, более логично будет регистрацию осуществлять возвращающихся граждан. И, действительно, какое-то время так и происходило. Но затем, в результате новых вспышек боевых действий, опять начался приток на территорию Ингушетии. Мы, отслеживая обстановку, этот приказ отменили совершенно сознательно, и стал действовать прежний порядок регистрации, который был введен в самом начале.

ВЕДУЩАЯ: Декабрьский приказ: не регистрировать лиц, которые в настоящее время являются жителями сел, объявленных зонами безопасности, - это не будет действовать?

ХЕТАГУРОВ: Этот приказ действует, и в зоны безопасности мы действительно предлагаем людям вернуться, хотя насильно возвратить их туда никто не может. Если там есть целое жилье, восстановлены школы, пункты здравоохранения, если туда перенесен акцент подачи гуманитарной помощи, обеспечены условия безопасности, то, естественно, мы предлагаем этим людям вернуться туда, потому что содержать такое количество людей на территории Ингушетии не просто тяжело, но и не безопасно. Зимой - это проблема перезимовать, а сейчас еще хуже проблема, связанная с возможностями эпидемий и кишечных заболеваний.

ВЕДУЩАЯ: То есть насильно их никто не будет возвращать?

ХЕТАГУРОВ: Насильно никто не будет возвращать и не собирается.

ВЕДУЩАЯ: С 1 февраля во многих городках нет горячего питания. Как Вы на это смотрите? Я была в городках, там, действительно, не было питания. Почему?

ХЕТАГУРОВ: С 1 января по 25 февраля мы не могли "проплатить" никаких денег ни Ингушетии, ни пунктам на территории Чечни в связи с тем, что распоряжения Правительства, которые были выпущены в 1999 году, не могли быть исполнены из бюджета 2000 года. И потребовалось специальное распоряжение Правительства о пролонгации тех постановлений. И они вот так застряли. И мы также просили местное руководство, объясняли, что так получилось, что технические какие-то проблемы, и просили их как-то продержаться. Но с 1-го февраля горячее питание прекратили выделять. Можно, конечно, понять такое обстоятельство, что так долго кормить в долг такое количество людей тяжело. 25 февраля, как только в первый же день открылось казначейство, мы тут же перечислили все эти миллионы рублей. Сейчас у нас никакой задолженности нет по питанию. Новое постановление Правительства о выделении 200 миллионов, подписанное в минувшую пятницу, оно уже имеет номер, то есть мы располагаем 200 миллионами, чтобы своевременно туда эти деньги направлять. Но если не будет документов, подтверждающих расходы предыдущих средств, что предусмотрено правилами расходования резервного фонда Правительства, которое выплачивает деньги в порядке возмещения понесенных затрат, то опять может произойти любой срыв.

ВЕДУЩАЯ: А как направляются потоки людей в Ингушетию и в Чеченскую Республику?

ХЕТАГУРОВ: В самой Чечне количество людей увеличивается. Если неделю назад было 125 тысяч, то теперь уже к 150 подходит. В Грозном я был 8 марта, там было 24 тысячи человек, через 10 дней уже было 37 тысяч человек. То есть каждый день по тысяче только в Грозный приходит. Есть потоки и в другие населенные пункты.

ВЕДУЩАЯ: То есть большой поток людей все-таки идет в Ингушетию: там ведь и помощь гуманитарная? Там больше все-таки людей?

ХЕТАГУРОВ: Да, там немножко больше людей зарегистрировано. Но сейчас мы стараемся "перевести стрелки" на Чеченскую республику. Военные коменданты, все в один голос говорят о том, что, конечно, еще очень много всяких проявлений терроризма, еще много мелких раздробленных банд, которые, безусловно, будут тревожить и наводить панику на жителей. Но, в общем, тенденция возвращения абсолютно четко просматривается, и она поощряется.

ВЕДУЩАЯ: Есть много людей, которые хотят возвращаться, но некоторые категорически говорят, что они туда не вернуться. Конечно, люди боятся, потому что, вернувшись в такую "зону безопасности", они через некоторое время подвергаются обстрелу, потому что там появились боевики. Те люди, которые не хотят вернуться, - имеют ли они право на получение статуса вынужденного переселенца или нет?

ХЕТАГУРОВ: Его никто не будет заставлять туда возвращаться. Но ему и никто на новом месте не будет обязан выдавать средства для того, чтобы он обустроивался.

ВЕДУЩАЯ: На сегодня все. До свидания, до новых встреч.

Цели и итоги чеченской кампании.

(Эфир "Радио России" 21 марта 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Антитеррористическая операция в Чечне идет к завершению. Значит, поставленные цели достигнуты.

Так ли это? А каковы, собственно, цели чеченской кампании, и могут ли поставленные цели быть достигнуты с помощью используемых методов и средств? Что ждет Россию в регионе нынешнего конфликта в ближайших и дальних перспективах? С этими вопросами я обратилась к нескольким политическим и общественным деятелям.

Сегодня в нашей программе принимают участие: помощник исполняющего обязанности Президента Сергей Ястржембский, директор Института этнополитических исследований Эмиль Паин и депутат Государственной Думы, заместитель председателя Объединения "Яблоко" Вячеслав Игрунов.

Мои первые вопросы адресованы к Сергею Ястржембскому.

Сергей Владимирович, у меня к Вам несколько вопросов. Сейчас проходит антитеррористическая операция. В ней просматривается два положения. С одной стороны, борьба за безопасность России, обеспечение безопасности, а значит, борьба с террористами и бандформированиями. И с другой стороны, необходимость того, чтобы Чечня осталась в составе России, а значит, - разгром сепаратистских формирований. Что является приоритетом?

ЯСТРЖЕМБСКИЙ: Я думаю, неправильно одно от другого отделять. Невозможно даже отделить одно от другого, потому что те же бандформирования являлись основными носителями сепаратистских устремлений. И те же лидеры бандформирований: и Масхадов, и Басаев, и Хаттаб, - это люди, которые вынашивали планы создания великой Чечни, некоего Чеченского халифата, с включением туда и территории Дагестана, и Ингушетии, и других регионов. Поэтому я бы сказал, что правильнее говорить о том, что разгром бандформирований одновременно несет в себе очень позитивный результат, с точки зрения ослабления позиций сепаратистов, которые пытались с помощью террора, с помощью оружия добиться решения своих политических целей.

ВЕДУЩАЯ: А как Вы видите развитие дальнейших событий в этом регионе? Я имею в виду, что вот кончится антитеррористическая операция, и что это будет: обычная республика в составе России, или как будет развиваться дальше?

ЯСТРЖЕМБСКИЙ: Я думаю, что заканчивается фаза контртеррористической операции, в ходе которой были разгромлены основные крупные бандформирования. Это не значит, что военнослужащим нечего делать на территории Чеченской Республики. Остаются и мелкие группы, которые сейчас попытаются уйти от прямых столкновений с федеральными силами, и не пойманы еще, не нейтрализованы, не обезврежены главаря бандформирований: и Масхадов и Хаттаб, и Басаев, и Гиалаев. Это одна из целей контртеррористической операции - обезглавливание бандформирований. Поэтому эта работа будет в любом случае продолжена.

Мы предполагали, что по мере сокращения работы для федеральных сил (имеется в виду Министерство обороны), основная нагрузка будет ложиться на Министерство внутренних дел, которое будет продолжать работу по выявлению участников бандформирований, по поиску их главарей. Эта работа обязательно должна быть продолжена для обеспечения безопасности гражданского населения Чечни.

Что касается статуса Чечни, то этот вопрос еще открыт. Безусловно, это будет субъект Российской Федерации, тут никаких вопросов и сомнений нет. В какой форме будет осуществляться власть в Чечне - вопрос не решен. Ясно, что он будет решаться после президентских выборов. Ясно, что это будет решаться при опоре на мнение, собственно говоря, чеченского населения и представителей чеченского населения. Ясно также то, что в течение определенного, достаточно длительного промежутка времени форма правления, форма государственной власти в Чечне, будет отличаться от того, что существует в других субъектах Российской Федерации. Поскольку те задачи, которые надо решать там, они в корне сейчас отличаются от того, что происходит в других субъектах Российской Федерации.

ВЕДУЩАЯ: Вы говорили о возможности введения президентского правления там.

ЯСТРЖЕМБСКИЙ: Один из вариантов - введение прямого президентского правления.

ВЕДУЩАЯ: Какая правовая основа могла бы быть для этого? Ведь мы же знаем, что Руслан Аушев, Президент Республики Ингушетия, уже несколько раз обращался с тем, чтобы ввели в пригородном районе Северной Осетии президентское правление. И ответом ему было то, что правовой основы для этого нет.

ЯСТРЖЕМБСКИЙ: Правовой основы, действительно, нет. Есть представление о том, как это должно быть. Либо указ президента должен быть разработан и подписан, либо должен быть принят специальный закон, либо в существующие уже законодательные акты должны быть внесены поправки, которые бы, по сути, обрисовывали бы содержание президентского правления, условия его введения, условия отмены и так далее. Это работа для законодательной и для исполнительной власти.

ВЕДУЩАЯ: Вся наша история взаимоотношений с Чечней: в 18-19 веках и последнее восстание в 1944-ом году, - это как бы постоянная борьба за то, чтобы Чечня осталась в составе России. И вот сейчас: 1-я война, вторая война. Жители отмечают, что 2-я война - наиболее жестокая по отношению к мирным жителям: ведь только в Ингушетии находится больше 200 тысяч людей, потерявших кров и близких родных. Как Вы видите дальше взаимоотношения наши с Чечней? Сможем ли мы жить с ней в мире, может ли она

быть всё же субъектом Российской Федерации, а жители ее могут ли все-таки оставаться гражданами России?

ЯСТРЖЕМБСКИЙ: Это колоссальный вопрос, на который надо отвечать очень долго. Но, я думаю, что если сумеем относиться к Чечне и к чеченцам не как к бандитам, а как к нормальным достойным людям, к мирным гражданам, как к своим согражданам, и они поймут, что они для нас такие же сограждане, как мы с вами, - я думаю, мы этот вопрос решим. Это очень коротко, но за этим очень многое стоит.

ВЕДУЩАЯ: На мои вопросы отвечает депутат Государственной Думы, заместитель председателя объединения "Яблоко" Вячеслав Игрунов.

Каковы, с вашей точки зрения, цели нынешней операции, осуществляемой федеральными силами в Чечне? И могут ли поставленные цели быть достигнуты теми методами, которые сейчас используются?

ИГРУНОВ: Самая главная цель - это сохранение Чечни в составе Российской Федерации. Причем, этой цели пытаются достичь при помощи устрашения местного населения и уничтожения очагов сопротивления. В целом, конечно, эта цель не может быть в долгосрочной перспективе достигнута. Почему? Потому что для решения этого вопроса необходимо, чтобы жители Чечни считали себя гражданами России. И никакое устрашение здесь не поможет, оно может привести лишь к долгосрочной партизанской войне.

ВЕДУЩАЯ: Каковы, с Вашей точки зрения, ближние и отдаленные перспективы региона конфликта в свете нынешних событий?

ИГРУНОВ: Если не будет проведена серьезная политическая работа, если не будет восстановлено хозяйство в Чечне, не будут возвращены мирные жители на территорию, не будет проведена соответствующая работа на всем пространстве Российской Федерации, где сейчас находятся сотни тысяч беженцев из Чечни, - то тогда мы получим затяжной конфликт. Он будет похож на арабо-израильский конфликт, который может тянуться десятилетиями и уносить жизни сотен и тысяч жителей. Всегда безопасность России будет находиться под угрозой в этом регионе.

ВЕДУЩАЯ: Какие альтернативные шаги следовало бы предпринять?

ИГРУНОВ: Прежде всего, я хотел бы сказать, что не идет речь о том, чтобы отказаться от силовых действий. Действительно, на территории Чечни мы получили очень серьезную угрозу для безопасности граждан. Поэтому, конечно же, альтернативы силовым методам в Чечне не существовало. Силовые методы в виде спецопераций - вещь нужная, оправданная. Это нечто иное, чем тотальная бомбежка всего населения.

Однако фактически на сегодняшний день во многом мы имеем дело с геноцидом: "уничтожать чеченцев, потому что они оказывают сопротивление". Эта позиция для нас совершенно неприемлемая. Конечно же, спецоперации потребовали бы больше времени, может быть, даже больше материальных ресурсов, хотя сохранили бы жизни. Я имею в виду не только гражданское население, но и жизни наших солдат. Потому что массированное направление наших солдат, где они попадают в засады, где их уничтожают, приводит к совершенно неоправданным действиям. Это первое. Итак, самое главное - это проведение спецопераций вместе, между прочим, и при поддержке мирного населения, кому прежний режим уже "сидит в печенках". Мы проводим эти операции не

для уничтожения чеченцев, не для завоевания территории, мы проводим эти спецоперации для обеспечения законных интересов граждан России, жителей Чечни, самих чеченцев. Это первое и самое главное условие.

Второе условие заключается в том, что наша армия должна играть там гуманитарную роль. Она должна идти туда с освободительной миссией, с миссией поддержки и помощи населению. Следовательно, вместе с этим должны быть применены определенные действия для восстановления нормальной, мирной жизни. Они не могут быть проведены одновременно с боевыми операциями. Конечно, существует определенная поэтапность, которая, между прочим, изложена в плане "Яблоко". Отчасти этот план признается Путиным. Время от времени он принимает какие-то решения в соответствии с этим планом, хотя не объявляет об этом и не реализовывает его в целом. Тем не менее после проведения спецопераций, после установления благополучного положения (я не могу сказать полного мира, потому что сопротивление будет продолжаться еще долго) можно было бы поэтапно приходить к восстановлению жизни, к возвращению беженцев и так далее.

Кроме того, сегодня совершенно необходимо принять очень серьезные усилия по улучшению положения беженцев не только в Ингушетии, но и, вообще, в целом по России. Это один из самых опасных очагов нестабильности для будущего. Это вторая вещь.

И, наконец, третья вещь, о которой надо помнить, - это обязательно дать возможность молодому поколению чеченцев влиться в российское общество. Они должны получить достойное образование, они должны получить возможность достойно продвигаться по социальной лестнице. Чеченская элита должна войти в общероссийскую элиту. Чеченцы должны чувствовать себя достойными гражданами нашей страны. Сохранение лица, открытие возможностей для этих людей, вот обязательная основа для умиротворения Чечни, для достижения стабильности на Северном Кавказе.

Программа, о которой я говорю, выглядит чрезвычайно дорогостояще. И это правда. Она стоит огромных ресурсов. Но, во-первых, избежать этой траты нельзя, если мы не хотим еще больших трат в будущем.

Во-вторых, если бы была принята программа проведения спецопераций, мы бы не получили таких гигантских разрушений, таких несчастий, таких ранений, такого лишения для людей, которые на самом деле опять же придется компенсировать за счет бюджета, за счет денег каждого из нас, за счет денег налогоплательщика. Мы должны будем лечить раненых людей, платя налоги, мы должны будем восстанавливать дома и дороги, платя налоги. Мы должны будем инвестировать в промышленность деньги, и эти деньги тоже будут взяты из наших налогов. Поэтому бездумное, грубое решение проблемы приводит не только к неоправданным человеческим жертвам.

ВЕДУЩАЯ: Сколько же будет стоить восстановление Чечни? Вот что считает Сергей Ястржембский.

ЯСТРЖЕМБСКИЙ: Я сейчас вам не скажу, вам не скажет никто, никто не ответит на этот вопрос. Поскольку государственная комиссия работу такую не завершила. Ясно, что это будет большая сумма, очень крупная сумма, которая будет разбита на несколько лет.

ВЕДУЩАЯ: По телефону я связалась с директором Института этнополитических исследований Эмилем Паиным, и он ответил на мои вопросы.

Эмиль Абрамович, каковы, с Вашей точки зрения, цели нынешней операции, осуществляемой федеральными силами в Чечне? И могут ли поставленные цели быть достигнуты с помощью тех методов, которые используются?

ПАИН: В ночь на Новый 2000-й год и.о. президента Владимир Владимирович Путин сказал, что основной целью России в операции в Чечне является сохранение Чечни в составе России. Я абсолютно верю, что именно эта цель является главной. А та цель, которая объявлялась главной в самом начале: война и борьба с терроризмом, - она, в значительной мере, второстепенна. И самое важное, что эти цели взаимоисключают друг друга в том смысле, что попытка насильственного удержания Чечни в составе России в значительной мере ухудшает возможность решения задач борьбы с терроризмом.

ВЕДУЩАЯ: Каковы, с Вашей точки зрения, ближайшие и далекие перспективы региона конфликта в свете сегодняшних событий?

ПАИН: Я бы не связывал напрямую весь северокавказский регион только с Чечней. Это неверно. Дело в том, что Чечня не представляла собой тот образец подражания, которому хотели бы следовать большинство регионов. Напротив, развитие Чечни было в последнее время примером отрицательным, и взаимоотношение со всеми соседями ухудшалось, включая и Ингушетию. В этом смысле Чечня все-таки стоит особняком в развитии северокавказского региона.

Но я могу сказать, что военные действия в значительной мере ухудшают общую ситуацию. В том числе и то обстоятельство, что наметившийся до войны процесс ослабления влияния сепаратистских сил будет заторможен, потому что в ходе военной операции возникают и развиваются самые опасные формы сепаратизма - подпольные, радикальные формы.

ВЕДУЩАЯ: Но если Вы не согласны с нынешними действиями руководства России и федеральных сил в Чечне, то какие альтернативные меры следовало бы там предпринять?

ПАИН: Я полагаю, что применяемой войсковой операцией нельзя решить ни задачи борьбы с терроризмом, ни тем более удержания Чечни в составе Российской Федерации. Да я и не думаю, что есть необходимость такого удерживания.

Что касается борьбы с терроризмом, то существует мировой опыт этой борьбы, и, как правило, он подразделяется на несколько основных аспектов.

Первое. Это бессрочное действие по розыску и нейтрализации главарей террористических организаций. Только очень важно определить, что такое все-таки террорист. Мировая практика различает террористов и вооруженное сопротивление, вооруженный сепаратизм. И, несмотря на то, что к вооруженному сепаратизму отношение мировой общественности и международного права отрицательное, тем не менее эти явления не спутывают, и по отношению к ним предполагают применение разных средств воздействия.

Так вот, если говорить о террористах, о тех людях, на которых еще до войны были заведены уголовные дела в МВД, то по отношению к ним, как я уже сказал, определяется бессрочный розыск и все те действия, которые используют, скажем, Израиль, Турция в отношении террористических групп. Но главное - это политические мероприятия, связанные с последовательным формированием пророссийской элиты. Вобщем, к примеру, как это делают во многих других странах.

Должен вам сказать, что в условиях военного действия, в условиях оккупации, вырастить позитивно настроенную к России элиту очень сложно. В неволе элита не "размножается".

Существует проблема безопасности границ, и ее следовало бы решать.

Вначале выдвигалась идея санитарного кордона, и при этом не как простая граница или зона безопасности, но как широкая система мер, включающая и экономические, и политические мероприятия, определяющие саму территорию, возможно, с включением в нее не только части Чечни, но и Дагестана, и Ингушетии. Это вопрос очень серьезный. Хорошей экспертизы этой идеи не было. И она как бы отвергнута была сразу и властями, и значительной частью российского общества. И это, кстати говоря, напрасно.

Что касается решения вопроса о статусе Чечни, то это вопрос очень длительный. Я не думаю, что его можно будет решить в ближайшие годы вне зависимости от того, как закончится военная операция.

ВЕДУЩАЯ: Сегодня в нашей программе принимали участие помощник исполняющего обязанности Президента России Сергей Ястржембский, директор Института этнополитических исследований Эмиль Паин и депутат Государственной Думы заместитель председателя Объединения "Яблоко" Вячеслав Игрунов.

На этом все. До свидания, до новых встреч.

Интеллигенция в современном обществе.

(Эфир "Радио России" 14 марта 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Интеллигенция в современном обществе - тема нашей передачи сегодня.

"Интеллигенция - это умный, понимающий, знающий, мыслящий общественный слой людей, профессионально занимающихся творческим трудом, развитием и распространением культуры". Такое определение интеллигенции дал в 60-е годы 19 века известный писатель Петр Боборыкин.

Какова же роль интеллигенции сегодня в российском обществе? Об этом я беседую с критиком, историком искусств Василием Кисунько.

КИСУНЬКО: Что же такое интеллигенция на Руси? Это были врачи, это были учителя, это узкая прослойка, которая называется сегодня творческой интеллигенцией. Все-таки, прежде всего, интеллигенцией считались люди, которые служат. Они как служащие, которые служат обществу, народу, некой цели, идеалу. Наверное, очень любопытно размышлять, скажем, по русской литературе: какой образ интеллигента наиболее значим.

Вот для меня, это Тяпушкин, учитель, у очень любимого мною Глеба Успенского из очерка "Выпрямила". Живет он в какой-то дыре, снимает комнату; измываются над ним по-страшному, зарплату ему не платят, дров купить не на что, кругом клопы и хамство. Окружающие не очень понимают, вообще, зачем он нужен. И он попадает в Париж, в Лувр, где рыдает перед Венерой Милосской. (Ситуация, когда вся мыслящая Россия переживает чудовищные слова Ивана Сергеевича Тургенева, который взял и сказал, что "Венера Милосская не сомненнее, чем принципы 89-го года". Имеются в виду принципы французской революции.) Вот она-то его и **выпрямила**.

Затем он выносит вердикт, который для меня очень дорог. "**Все мы на одной линии: и я, замызганный, замордованный, и Венера, и принципы 89-го года**".

Вот для меня это интеллигенция. Человек, для которого и он сам, несмотря на весь ужас своего положения, и высочайшие принципы (в конце концов, это принципы демократии), и высочайшие творения культуры - все это на одной линии. Вот там, где есть эта **одна линия**, там есть интеллигенция. Где эта линия нарушена, там кризис, там беда.

ВЕДУЩАЯ: Как можно сейчас определить интеллигенцию в России? Кого бы Вы все-таки отнесли к интеллигенции, и возможна ли какая-то её роль в России? Ведь это люди особые, это те самые люди, которые должны вести за собой, быть некими маяками. Все-таки всегда мы на кого-то ориентировались.

КИСУНЬКО: А на кого мы ориентировались?

ВЕДУЩАЯ: Очевидно, в разное время по-разному ориентировались. Скажем, в недалеком прошлом это был Сахаров. Это интеллигент, да?

КИСУНЬКО: Да, безусловно. Интеллигенция была прослойкой между рабочим классом..., а там кто был, с другой стороны? То ли буржуазия, то ли крестьянство? Вообще, где ей быть, этой прослойке, на сегодня? "Все смешалось в доме Облонских".

У нас идет сейчас расслоение: что-то такое подмерзло вокруг, что-то, наоборот, плещется, даже с подогревом, а посреди цветочек такой болтается. Боюсь, что это сегодня и есть интеллигенция, потому что то, что происходит сейчас, это очень серьезно, очень тревожно.

И я иногда задумываюсь о вещах совершенно безобразных (я заранее прошу прощения за них). Можно, например, вспомнить о систематичной невыплате жалования врачам, учителям. А можно, я вспомню еще одно понятие, которое в России всегда имело очень высокий смысл? Военная интеллигенция. Когда-то она была, действительно, одним из замечательнейших явлений именно нашей российской жизни. Так вот, не есть ли такое систематическое держание их на положении Тяпушкина, персонажа Глеба Успенского, в его привычных условиях, - не есть ли это сознательная политика? "Сознательная" - это не значит, что кто-то взял, составил заговор и его последовательно осуществляет. Не есть ли это какой-то социальный инстинкт, я даже не берусь говорить, кого: власти, тех, кто "заказывает музыку", тех, кто "пляшет под эту музыку". Потому что, с определенной точки зрения, наверное, выгодно, чтобы сегодня то, что традиционно считалось интеллигенцией, интеллигенцией не называлось. Зато можно при желании собрать какой-нибудь "конгресс интеллигенции", где будут мелькать те же самые лица, к которым мы привыкли и на "жующих тусовках" перестроечных времен, и на парламентских подиумах -самопоказах политической моды иных времен и ситуаций.

И для меня это очень серьезная проблема, как и проблема: как могла страна, где в течение стольких десятилетий говорилось о победе рабочего класса, оказаться без реальной партии трудящихся, без самосознания трудящихся. Ведь, вовсе не играя в старомодность, употребляю я те слова, которые (если перестать их идеологически опошлять) имеют очень реальный смысл.

Мне кажется, то, что происходит и произошло сейчас, это, во-первых, тотальный распад того, что традиционно считалось у нас интеллигенцией. Она все равно возродилась. Она, в конце концов, волокла на себе все, что касается образования, воспитания, культуры, не на уровне и при помощи шоу-бизнеса и прочих звезд, а на повседневном уровне.

За последующие десятилетия послереволюционного и репрессивного истребления интеллигенции, мне кажется, произошло нечто гораздо более страшное. Ведь проблема уже не в сословии и в прослойке, а в том, что, извините, вы идете в поликлинику и не знаете, к кому вы попадете. Вы отдаете своего ребенка в школу и не знаете, что ему при этом скажут. Вот, например, цитата из речи учительницы астрономии в школе: "Вы, ребята, все, конечно, знаете, что планеты в мировом пространстве *взад назад* крутятся".

Сегодняшняя ситуация тотального "омассовления" фактически, на первый взгляд, вообще отменила представление о той интеллигенции, которая была. Потому что на самом деле круг истории все равно ровен. И мы видим как бы две крайности. Один такой "экс", с кафедры вещающий интеллигент-назначенец, которого официально объявили "совестью нации", - он в ответ, пошаркав старческой ножкой, сказал, что надо власть любить, поддерживать. И вообще, даже сделал изумительное "открытие", что главный завет Пушкина - это сотрудничество с властью. Я однажды такое услышал с телеэкрана - у меня тик до сих пор.

Другая крайность - это мы, *блин-интелихенты*, игры масс-медиа. Потому что **интеллигентность - это профессионализм**, и это безусловно, но очень часто статус интеллигенции, интеллигента, присваивало себе профессиональное краснбайство, профессионализовавшаяся болтовня об интеллигенции. Настоящий же труд,

профессионализм, внутреннее чувство ответственности - это всегда было очень важно. И это то, что я, по крайней мере, причисляю к интеллигенции. Ведь она никогда не искала милости, не кланчила, а достойно и профессионально делала свое дело.

Я особенно хочу подчеркнуть чувство внутреннего достоинства и внутренней ответственности.

Время от времени, особенно сегодня, когда щеголять своей "интеллигентностью" с телеэкрана стало очень модно, они с придыханием говорят, "мы - интеллигенция и т.д....". И выступают они от имени ближней "тусовки", которая уже не ест, как прежде, на всевозможных банкетах, а видимо, усердно предается патриотизму и размышлениям о духовности...

Так что еще раз я хочу сказать. В том, в чем часто обвиняли интеллигенцию, обвиняли ведь не интеллигенцию, а накипь. Мне кажется, что сегодня то, что называется интеллигентностью, сменилось понятием "тусовочности". Симулировать нынче можно все, включая то высокое качество, о котором Вы сказали.

ВЕДУЩАЯ: В 90-е годы у нас была перестройка. Я помню митинги, демонстрации, обращения; согласитесь, все-таки там была интеллигенция.

КИСУНЬКО: Конечно, особенно, когда надо для интеллигенции "пилюлю подсластить", говорят: "Вы это сделали". Теперь после этого люди втягивают голову в плечи, а народ ищет ближайший булыжник, чтобы в эту самую интеллигенцию запустить.

ВЕДУЩАЯ: Сейчас в России происходят тяжелые события. Так почему сейчас мы не слышим никого из интеллигенции? Не тех, кто так называет сам себя, а кто, действительно, ей является.

КИСУНЬКО: Во-первых, какая интеллигенция, когда составляли основную часть этих митинговых...

ВЕДУЩАЯ: Я к интеллигенции относилась и Сахарова.

КИСУНЬКО: Кто составлял эту толпу интеллигентов?

ВЕДУЩАЯ: Были научные сотрудники.

КИСУНЬКО: Но это были научные сотрудники из очень крепких НИИ, очень крепких институтов, люди, которые были полны профессионального достоинства, которые знали свое дело и понимали, что они это делают на мировом уровне, а иногда и забегая вперед. Это люди, у которых была настоящая корпоративная солидарность профессионалов. И, позвольте Вам заметить, что в основном эти люди жаждали перемен. Они видели, что та сложившаяся система тормозит развитие страны, тормозит реализацию их собственных дел. Это люди, которые были едины в желании делать.

Но сегодня этих людей нет. Во-первых, сегодня нет подавляющего большинства этих коллективов. Ведь они в значительной мере раскассированы. Во-вторых, самое страшное и самое разлагающее для человека интеллигентной профессии, то есть умственного труда, - это разложение испытанием безделья. Люди, которые ходили на митинги тогда, между прочим, устали от этой позднесоветской симуляции деятельности, от того тотального контроля. Ведь тогда человек, ощущающий себя профессионалом и в то же время

ощущающий над собой многоэтажную надстройку, вместо того, чтобы сразу двинуть свою идею, свои изобретения и быть востребованным, он должен был все эти бюрократические рогадки пробивать. То есть это была тоска людей по востребованности своего профессионального достоинства. Люди, выходявшие тогда на эти митинги, по существу должны были стать важнейшей составляющей того нового общества, которого все тогда дружно хотели.

Между прочим, что такое буржуазное общество? Это, прежде всего, активная личность. До возникновения буржуазного общества, личности в ее сегодняшнем понимании просто не существовало. Это были люди, действительно, ощутившие себя личностями, которые готовы были профессионально работать. Если бы им сказали, что они будут торговать не на рынке, а собой на международном рынке интеллигентного труда, я убежден, что подавляющее большинство людей тогда и мыслить об этом не могло.

Значит, давайте разбираться: как, каким образом создалась ситуация, что развитие пошло в направлении абсолютно ином.

За что сегодня пойдут кричать эти люди? Их в течение всех этих лет испытывали безденежьем, нищетой. Между прочим, если человек профессионален, он прекрасно понимает, что если он перестал работать, он как профессионал "закисает". Ведь те, кто тогда принимал решения, на заре перестройки в целях экономии для институтов сократили подписку даже на научные журналы, а личную подписку на зарубежную прессу вообще прикрыли. Вроде бы такая мелочь, правильно? Но ведь даже при Сталине на такую крутую меру не шли. Да, были жуткие препоны, вы не могли подписать зарубежные журналы, но, по крайней мере, профессиональную библиотеку вы получали.

Заметьте, я сейчас затронул, казалось бы, совершенно частную вещь. Но ведь за этим стоит нечто очень серьезное. Ведь интеллигенция, если хотите, это как грибница, на которой всё произрастает. Я имею в виду интеллектуальный потенциал, духовную жизнь, в конце концов, право народа на нерушимость этой "грибницы". А получилось так, что ее сначала объявили "гнилой" и "посрезали" всё, что показалось гнилым. Потом объявили "буржуазной", "продажной", наоборот, - "родимой", объявили и "солью земли". Потом взяли пластмассовых грибов, навтыкали туда, в зияющие пустоты, а затем учинили такую хорошую засуху. И после рассуждают с удивлением о том, что ничего не растет.

ВЕДУЩАЯ: Если тогда интеллигенция еще играла большую роль, то сейчас она уже такой роли не играет.

КИСУНЬКО: Так она и не может играть, потому что ее в том виде, в каком она была, безусловно, нет. Это очень "добрая", старая традиция - свести все к тому, чтобы люди, экономически задавленные, дальше экономических требований и не ходили. Я не готов отвечать на вопрос: политика это или нет. Но у меня иногда ощущение такое, что это одна из политических тенденций, а тем самым и одна из социальных тенденций: таким вот образом изменить облик культуры, повернуть традиции.

ВЕДУЩАЯ: Свою точку зрения на современную интеллигенцию высказал критик, историк искусств Василий Кисунько. Передача подготовлена совместно с Институтом прав человека.

Эту тему мы продолжим в наших следующих передачах. Пишите нам по адресу: 125040, Москва, Радио России.

Прочитать наши передачи вы можете в "Интернете" по адресу: www.memo.ru.

До свидания, до новых встреч.

Латвия: дело Кононова.

(Эфир "Радио России" 7 марта 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Сегодня нашу передачу я начну с цитаты из письма исполняющего обязанности президента Российской Федерации Владимира Путина президенту Латвийской Республики госпоже Вике-Фрейберге.

“21 января Рижский окружной суд приговорил 77-летнего ветерана 2-ой мировой войны, бывшего партизана Кононова к 6 годам заключения по обвинению в военных преступлениях. Приговор всколыхнул все российское общество”. Далее Владимир Путин пишет: "С юридической точки зрения, приговор не согласуется с нормами международного права и решениями Нюрнбергского трибунала".

В ответном послании президент Латвийской Республики Ваира Вике-Фрейберга утверждает, что Кононов “осужден не за антифашистскую деятельность, не за военные действия против нацистов, а за убийство мирных граждан”. Она сообщила, что в соответствии с законодательством Латвии, ответственность за военные преступления не имеет срока давности. Президент отметила, что для правосудия не имеет значения, по каким идеологическим мотивам совершаются военные преступления. Незначительным аргументом, пишет президент Латвии, является и то, каков возраст подсудимого. Лица, совершившие военные преступления, должны нести ответственность в любом возрасте.

Но в чем же конкретно латвийское правосудие обвиняет бывшего партизана?

Латвийская деревушка Малые Баты представляла собой практически несколько хуторов. В 1944 году здесь проживало в общей сложности около 30 человек. Так случилось, что путь партизан, совершавших рейды по немецким тылам, почти всегда пролегал через эту деревню. Нередко партизаны здесь останавливались на ночлег. Но однажды сюда внезапно нагрянули немцы, поймали нескольких партизан и расстреляли их. Возможно, немцам сообщил о партизанах кто-то из местных жителей. Но, возможно, это было обычное патрулирование. Прошло немного времени, и вот в субботу, 27 мая, в деревню вошли люди, одетые в немецкую форму. Однако вскоре жители поняли, что это партизаны, и они пришли мстить за товарищей. Деревня была сожжена, 9 человек - расстреляны, в том числе была убита и беременная женщина, которую раненую бросили в горящий дом. Командовал партизанами 20-летний Василий Кононов.

Такова версия детей погибших жителей сожженной деревни. Именно дети погибших и потребовали возбуждения уголовного дела. Суд счел обвинение доказанным.

По телефону я связалась с директором Латвийского Центра документации преступлений тоталитаризма господином Индулисом Салите.

САЛИТЕ: В ходе проверки опубликованной в прессе информации о насильственном убийстве жителей деревни Малые Баты и сожжении нескольких хозяйственных строений на основании показаний 24 свидетелей и архивных документов были установлены следующие обстоятельства.

27 мая 1944 года, накануне Троицы, в деревню под руководством Василия Кононова прибыло спецподразделение "красных партизан", одетых в форменную одежду немецкой

оккупационной армии. Партизаны разошлись по хуторам и собрали всех присутствующих мужчин, а также трое женщин, и их убили. Одна из женщин была на 9-ом месяце беременности. Во время акции были убиты: Шкирмант Зулиан, 49 лет, - расстрелян, Шкирмант Владислав, 38 лет, - расстрелян, Шкирмант Бернард, 50 лет, - сожжен живьем, Шкирмант Гелен, жена Бернарда, 57 лет, - сожжена живьем, Крупник Модест, 49 лет, - расстрелян, Буль Амвроси, 54-х лет, - расстрелян, труп сожжен, Крупник Вероника, 63-х лет, - расстреляна, труп сожжен, Крупник Николь, 37 лет, - расстрелян, труп сожжен, Крупник Теко, 34-х лет, - ждала ребенка, расстреляна, труп сожжен. Факт насильственной смерти констатирован из записи в церковной книге, на основании архивных документов и свидетельских показаний 24 человек: детей убитых и жителей соседних деревень.

В небольшой деревне Малые Баты в это время в своих родовых хуторах жили мелкие крестьяне, которые имели землю до 5 гектар. Только у одного из убитых земли было 9 гектар. Мирные жители, никто слуг не имел.

На основании архивных документов установлено, что Малые Баты не были включены в список опорных пунктов полиции немецкого оккупационного управления данного района, и ни один из жителей, убитых в этой акции, не был мобилизован в действующую службу и не состоял в милитаризованных формированиях немецких оккупационных властей. Все они были родом из этой деревни.

Насильственная акция против мирных жителей в мемуарах ее исполнителей описывается как акция возмездия, а не как военная операция. Никто из жителей во время акции сопротивления не оказывал. Из свидетельских показаний видно, что после убийства людей, их дома были разграблены. Партизаны с собой взяли скот, продовольствие и одежду. После разграбления многие дома вместе с хозяйственными постройками были сожжены. Формальной причиной акции, совершенной спецподразделением Василия Кононова, послужил случай в феврале 1944 года. Тогда подразделение немецкой оккупационной армии окружило и уничтожило группу "красных партизан", которая спряталась в деревне.

После этой акции напуганным жителям для самообороны были выданы винтовки, которые они спрятали в недоступных для детей местах. Официальных документов, подтверждающих, что в гибели "красных партизан" причастны жители деревни, не найдено. По факту неоправданного убийства мирных жителей 27 мая 1944 года, в соответствии со статьей 68.3 Уголовного кодекса Латвийской Республики, в январе 1998 года было возбуждено уголовное дело.

ВЕДУЩАЯ: Совершенно другой взгляд на данный судебный процесс у Татьяны Жданок, гражданки Латвии, председателя движения "Равноправие". С ней я связалась по телефону.

ЖДАНОК: Я следила за судебным процессом и была на заключительных заседаниях, состоявшихся в декабре, когда Василию Кононову было предоставлено последнее слово, когда суд удалился на 5-дневное совещание и когда, наконец, он огласил свой приговор. Приговор присутствующие в зале слушали стоя, он зачитывался два часа. Василий Кононов единственный сидел. Его состояние здоровья таково, что он, хоть это и грустно, но приходится констатировать, видимо, до конца жизни уже не увидит свободы, если вступит в силу решение суда.

В своем заключительном слове он высказал ключевую мысль, что была война, а закон войны: если ты не уничтожишь противника, то противник уничтожит тебя. Идут военные действия, и, естественно, в ходе этих действий погибают люди.

Такие же тезисы занимают особое внимание в международном праве. Латвийская “фемеда” в этом случае, применяя статью Уголовного кодекса Латвии “О наказании за военные преступления”, обязана была ссылаться на международные конвенции. Это включено и в данную статью. Наши законодатели не нашли ничего другого (и не могли найти), как обратиться к материалам трибунала, специально созданного по окончании 2-ой мировой войны для наказания главных военных преступников европейских стран. Это непосредственно записано в документе, в уставе трибунала. Так вот, материалы юридического характера, международные правовые акты, были положены в основу процесса (хорошо известного под названием Нюрнбергского процесса) для наказания именно преступников, сражавшихся на стороне гитлеровской Германии. И вдруг эти материалы были впервые в европейской послевоенной истории применены для человека, который как раз сражался против нацистов, сражался на стороне антигитлеровской коалиции. Поэтому в данном случае это просто абсурдность обвинения, с одной стороны, и очень опасный прецедент, с другой стороны. Поскольку, если мировое сообщество, и в первую очередь Россия, а также другие страны, участвовавшие в войне против преступного нацистского режима, здесь промолчат, не выступят против такого пересмотра и ревизии итогов 2-й мировой войны, то процессы будут нарастать как снежный ком. В таком случае в Латвии могут быть осуждены все люди, носящие сейчас ордена и медали, полученные ими в ходе войны.

ВЕДУЩАЯ: Официальная позиция руководства нашей страны по данному вопросу изложена в уже процитированном мною письме исполняющего обязанности президента России Владимира Путина.

Однако, ряд моментов мне все же хотелось бы уточнить.

Во-первых, в чем именно приговор рижского суда не согласуется с нормами международного права. Действительно ли было доказано на суде, что события в далеком 1944 году происходили именно так, как их излагало обвинение. Была ли Кононову обеспечена максимально возможная квалифицированная защита? На мои вопросы отвечает заместитель председателя Комитета по делам СНГ Анатолий Чохоев.

КОРР.: Владимир Владимирович Путин пишет, что, с юридической точки зрения, приговор также не согласуется с нормами международного права и решениями Нюрнбергского трибунала. Могли бы Вы пояснить?

ЧОХОЕВ: Кононова сегодня судят как борца, по сути дела, с фашистами. И самое страшное в том, что сейчас на очереди еще 85-летний (к сожалению, его фамилию забыл), плюс еще 150 человек будут проходить по этому же делу. И вполне возможно, что 55-ую годовщину победы над фашистской Германией они, в лучшем случае, встретят на скамье подсудимых, а, может быть, даже на тюремных нарах, как приговоренные.

КОРР.: Как я понимаю из разговора с директором Латвийского центра документации преступлений тоталитаризма, Кононов судится не за борьбу с фашизмом, а за то, что были убиты мирные жители. На суде были свидетели, они были опрошены. Это очень большая проблема на самом деле. За такие преступления по закону дают от 3 до 15 лет. Ему дали 6 лет именно потому, что, как я поняла, он все-таки боролся с фашизмом, но при борьбе он допустил сознательную гибель мирных жителей. Вот это доказано на суде или нет? Я поняла, что это доказано.

ЧОХОЕВ: Это не доказано.

КОРР.: А почему судят сегодня?

ЧОХОЕВ: Мы внимательно отслеживали этот процесс. Там есть, так сказать, косвенные показания людей, которые чаще говорили слово "якобы", предполагали. В то же время, например, человек, которого обвиняют в гибели очень большого количества людей и которого сейчас передали Латвии, - его не судят, потому что якобы в отношении него нет уже улики. Это целенаправленная акция, и она преследует под собой цель выживания русских и русскоязычных из Латвии. Ведь не решая вопрос гражданства, допустим, 700 тысяч человек, они просто их вынуждают выехать оттуда. И не стесняются, кстати.

КОРР.: Возвращаясь к делу Кононова, я хотела бы спросить: каким нормам международного права и решениям Нюрнбергского трибунала не соответствует это решение?

ЧОХОЕВ: Что здесь, например, имел в виду Путин, мне непонятно. Мне вообще много непонятно. Скажу одно, что сегодня живых свидетелей тех событий нет. В то же время ясно, что там по факту предали наших партизан, их просто расстреляли. И там не было расстрела мирных жителей, там просто уничтожили людей, пособников фашистов.

ВЕДУЩАЯ: Александр Подрабинек, главный редактор правозащитного еженедельника "Экспресс-хроника", также специально ознакомился с обстоятельствами дела Василия Кононова. Его взгляд на это существенно отличается от точки зрения Анатолия Чохоева.

ПОДРАБИНЕК: Моя личная оценка этого дела совершенно однозначная и никаких сомнений не вызывает. Василий Кононов приговорен за убийство мирных граждан во время войны. Это преступление против человечности, оно не имеет срока давности ни по латвийским законам, ни по российским, ни по международным. И привлечение его к ответственности уголовной совершенно соответствует всем нормам права. Приговор ему вынесен относительно мягкий, учитывая все действия, которые были им совершены.

Пропагандистская кампания, которая поднята в связи с делом Кононова, особенно у нас в России, - она может вызвать только недоумение и сожаление. Потому что защищать военного преступника только потому, что он русский, это совершенно абсурдно. Военные преступники есть в России, есть в Латвии, есть в других странах, и они должны дожидаться суда и должны быть наказаны.

ВЕДУЩАЯ: В конце я хотела бы привести комментарий к делу Кононова члена Совета правозащитного центра "Мемориал" Валентина Гефтера.

ГЕФТЕР: К сожалению, у меня сложилось такое впечатление, по крайней мере, по российской прессе и выступлениям официальных лиц, что мало кто знаком с доказательной базой тех обвинений, которые предъявлялись Кононову. Мы судим здесь и тех, кто защищает Кононова, и тех, кто говорит, что приговор или дело справедливо. Больше всего судят по косвенным каким-то журналистским материалам. Это первое. И я, к сожалению, тоже не обладаю досье по этому делу.

Но из всех комментариев и того, как описывается дело, у меня сложилось такое впечатление, что все возможности защиты в этом деле не были использованы. В частности, возможно, не было ходатайств о вызове независимых экспертов из других стран (не обязательно из России, просто из других, не из Латвии). Возможно, не было военных экспертов, поскольку речь идет о военных преступлениях, и так далее.

Второе. Причастность Кононова к этому расстрелу мирных жителей никем не отвергается. Но сам ли он участвовал в расстреле или только давал общее распоряжение своим партизанам пойти в деревню и наказать так называемых коллаборационистов без суда и следствия? В мирное время это, конечно, быть не может. Мы это понимаем, но это не прощает и не извиняет тех, кто сам выносит смертный приговор. Использовала ли латвийская сторона все гуманитарные возможности теперь, выяснив вину этого человека, приговоренного к 6 годам лагеря особого режима, чтобы смягчить его участь. Не уверен.

Почему я делаю такой вывод? Мы видим, как относится та же самая сторона, общественное мнение, к делам других военных преступников, уже нацистских, которые совершали преступления на территории Латвии во время 2-ой мировой войны. В отличие от Кононова, они находятся сейчас далеко, не в пределах юрисдикции Латвии, в Австралии. Их уже двое. Дело Кайлиеса я имею в виду; и недавно новый обнаружился его начальник по всем нацистским военным преступлениям Козолов. Так вот, для латвийской стороны, оказывается, еще не ясно: имеются ли все правовые основания требовать выдачи этих людей Латвии. И более того, даже не изучив еще этого вопроса, Президент Латвии уже заявляла о том, что в любом случае их ждет божественное наказание, как она сказала, “божественное правосудие”. Но ведь по отношению к Кононову совершилось не столько божественное, сколько прямое, уголовное правосудие: он уже просидел полтора года и еще предстоит остальной срок досиживать. Такое впечатление, что этих людей латвийская сторона не готова с той же интенсивностью, как и Кононова, преследовать. Кстати, это может быть и более трудно. Поэтому существуют некоторые подозрения в том, что неравномерно, несимметрично рассматривает латвийское правосудие и общественное мнение вину таких разных, но, видимо, виновных в конкретных преступлениях военного времени, в данном случае преступлениях против человечества.

И последнее. Как относятся российские официальные лица ко всем этим делам. Вот недавно в Риге собиралось специальное совещание, не только латвийских, но и международных экспертов, сотрудников прокуратур, МВД, по вопросам наказания за военные преступления во время Второй мировой войны. Российская сторона не была приглашена. Посол России в Латвии высказал в связи с этим понятное неудовлетворение, поскольку ясно, что Россия имеет прямое отношение к тому, что происходило на территории Латвии во время войны. Выяснилось, что российская же официальная сторона сама дала латышской стороне прекрасный повод для неприглашения. На конкретные запросы в Генпрокуратуру России по поводу дела Кайлиеса дать сведения о тех преступлениях, которые он совершал на территории Латвии, как нацистский пособник, во время 2-ой мировой войны, латышская сторона не получила ни ответа, ни привета. В результате, латыши и говорят: значит, вы не заинтересованы в расследовании военных преступлений, вы умеете только шуметь по поводу “своего”. А по поводу “нашего” (как вы сами говорите, что фашисты не должны уйти от наказания), что же вы молчите, что же вы не даете материалы? Таким образом, в результате никто не приезжает из России, и мы не имеем возможности использовать этот повод, для того, чтобы отстоять, кстати, и Кононова же на официальном уровне. Надо было заявить нам свою позицию, а не просто шуметь в прессе и говорить о том, что наказали антифашиста, будто бы антифашист не может совершить конкретное уголовное правонарушение, даже в ходе военных действий.

Мне кажется, что здесь очень важный момент, что Россия как всегда не использует правовые моменты, не учитывает все аспекты дела, а предпочитает шуметь по политическим или таким псевдогуманным мотивам.

ВЕДУЩАЯ: На сегодня все. До свидания. До новых встреч!

Россия и Совет Европы. Выборы Президента России.

(Эфир "Радио России" 29 февраля 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: В эфире программа "Демократия, свобода, права человека".

У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Четыре года назад Россия вступила в Совет Европы. Но дало ли это что-либо гражданам России? Этот вопрос я задала депутату Государственной Думы, члену делегации России в Парламентской Ассамблее Совета Европы Сергею Ковалеву.

КОВАЛЕВ: Да, конечно. Не так много, как хотелось бы, но я бы сказал следующее. После того, как Советский Союз 1 августа 1975 года подписал в Хельсинки соглашение, казалось тогда нам, что мы, Советский Союз, в очередной раз обдурили Запад. Потому что там "третья корзина", ну и черт с ней, с этой "третьей корзиной". Мало ли мы подписывали до того. Пакты подписали? Подписали. Не подписали Всеобщую декларацию? Но она ведь и не имеет юридического значения, а пакты подписали. И кому от этого стало лучше? Я, например, был первый диссидент, которого судили после августа 1975 года. А Казачков был первый человек, которого арестовали после августа. Ни я, ни он не были последними, как легко было догадаться. И таких судов и всякого прочего было достаточно.

То же самое и с Советом Европы. Что произошло положительного? Россия теперь под юрисдикцией Международного суда по правам человека в Страсбурге. Это первое. Россия подписала Европейскую конвенцию по правам человека, где есть, кстати, и разговор о Страсбургском суде. И это главное изменение. И таким образом, Россия взяла на себя обязательство - законодательно отменить смертную казнь. Она этого не сделала, но она взяла обязательство.

Так и после Хельсинки мы ничего не сделали. А потом постепенно Хельсинские соглашения как-то вдруг заработали. Это была та наживка, которую Советская власть проглотила вместе с крючком. И если рассуждать в этих понятиях, то ведь успех рыбной ловли зависит не только от рыбы, он и от рыболова немножко зависит. Если рыба проглотила наживку, это еще не значит, что она окажется в кастрюле; еще надо поводить, вынуть и снять с крючка. А этого западные "рыболовы" делать не очень хотят. Вот они боятся.

Да, есть юрисдикция суда по правам человека, ну и что из этого? Никаких практических последствий пока нет. Есть обязательства, которые Россия приняла на себя добровольно, - достаточно определенные и жесткие обязательства. Но не очень торопится Совет Европы требовать, чтобы эти обязательства были выполнены. Дальше идет обычная западная, робкая, недальновидная, ленивая, беспринципная политика. Да, надо оказывать давление на Россию, но как бы она не рассердилась слишком сильно на слишком энергичное давление, и так далее...

Собственно, членство России в Совете Европы принесло достаточно много российских обязательств, очень важных и нужных, но достаточно мало требовательности у Совета Европы по отношению к России.

КОРР.: По поводу требовательности к России со стороны Совета Европы. Ведь сейчас, по-моему, ожесточились какие-то требования в связи с войной.

КОВАЛЕВ: Да, это так. И в некотором смысле позиция Совета Европы стала немножко более определенной, нежели во время первой чеченской войны, когда Совет Европы создал так называемую комиссию по Чечне. Тогда эта комиссия оказалась совершенно беспомощной, заведомо неэффективной, заведомо бездеятельной. А теперь вроде бы пытаются оказывать давление. Но опять-таки, когда такое давление оказывается в слишком большие времена, всегда приходит в голову очень печальный расчет. Сколько людей погибает за то время, пока некие европейские структуры раскачаются для того, чтобы заявить естественные и необходимые требования.

Вот, пожалуйста, последняя сессия Совета Европы. Разговоров о России, о действиях России в Чечне было много. Этот разговор был достаточно обоснован. Было голосование по поводу санкций. В качестве санкции рассматривалась даже возможность приостановления членства России. Это уже достаточно серьезная санкция. Голосование было очень выразительным. Если я правильно помню, проголосовали так: 71 голос - за санкции, и 83 - против. Это голосование на грани, и это не может не учитываться Россией.

Что могло бы быть? Ни один из противников санкций не выступал с оправданиями России. Они говорили так: "Вот если мы сейчас приостановим членство, то мы толкнем Россию к самоизоляции, к восстановлению "железного занавеса", "холодной войны". Кто-то высказывал эти соображения помягче, кто-то жестче. Говорили и об опасности военного конфликта с Россией. Дескать, это будет не полезно, мы не добьемся цели - обуздать российскую агрессию, давайте лучше действовать более мягко и вежливо.

Сторонники санкции говорили так. Получается, что мы поощряем безнаказанность. Мы уже в ноябре предупреждали Россию, что надо менять как-то свои действия на Северном Кавказе. Теперь, в конце января, мы говорим и откладываем решение до конца апреля, а ведь в это время идет война.

И те и другие соображения не бессмысленны. В своем выступлении я попытался занять такую позицию. Я сказал, что я не стану в конце довольно резкого критического выступления по отношению к действиям моей страны на Северном Кавказе принимать участие в решении вопроса о санкциях, потому что это моя страна. Я сказал, что я понимаю, что Совет Европы оказался "между сциллой и харибдой", между "сциллой" поощрения безнаказанности и "харибдой" мстительного озлобления (т.е. бурной реакцией России на санкции). Мне кажется, сказал я, что не надо принимать решений о санкциях сейчас, в январе, но и не надо откладывать это решение до апреля, а надо собрать специальную короткую сессию Парламентской Ассамблеи в середине марта, перед президентскими выборами в России. И тогда специально и подробно рассматривать один единственный вопрос - о российской политике на Северном Кавказе.

Начальство Совета Европы, по-моему, руководствовалось финансовыми соображениями. Слишком дорого собирать сессию. По-моему, это слишком циничный подход к делу: это тот случай, когда деньги считать нельзя.

ВЕДУЩАЯ: Вступление России в Совет Европы предоставило гражданам России право обращаться с жалобами на нарушение их прав в Международный Страсбургский суд по правам человека. Однако процедура подачи и рассмотрения такой жалобы не проста и требует от заявителя терпения и готовности потратить свои силы и время.

Прежде чем суд берет дело к рассмотрению, жалоба рассматривается на предмет ее надлежащего оформления: правильно ли заявитель указал на нарушение именно того права, которое зафиксировано Европейской конвенцией о защите прав человека и

основных свобод. При этом заявитель перед подачей жалобы должен исчерпать все внутригосударственные правовые средства защиты и подать жалобу в течение 6 месяцев, начиная с момента окончательного решения на национальном уровне.

Не принимаются жалобы, направленные против частных лиц или негосударственных учреждений. По сведениям, представленным нам общественной организацией "Центр содействия международной защите", в Страсбургский суд пришли тысячи жалоб от граждан России. Но до сих пор ни по одной из них Международный суд по правам человека не вынес ни одного вердикта. Почему?

Во-первых, наш первый Президент и наша Государственная Дума прошлого созыва после принятия России в Совет Европы неоправданно затянули процесс ратификации Европейской конвенции о защите прав человека. Она была ратифицирована меньше, чем два года назад, 5 мая 1998 года. А жалобы граждан Международный суд рассматривает лишь после ратификации этой конвенции.

Во-вторых, Страсбургский суд в качестве жеста доброй воли не рассматривает дела, касающиеся России, в отсутствие представителя России в этом суде. А наше государство предложило своего представителя в члены Страсбургского суда лишь в сентябре прошлого года. Теперь, наконец, жалобы наших граждан на собственное государство рассматриваться могут.

На данный момент из тысячи жалоб по всем жестким критериям Международного суда по правам человека признано приемлемыми лишь 4 дела. Будем надеяться, что в скором времени мы узнаем вердикт суда хотя бы по одному из них.

ВЕДУЩАЯ: Скоро выборы Президента России. И от каждого из нас зависит, кто будет во главе нашей страны, как мы будем жить следующие 4 года. Поэтому важно, чтобы каждый гражданин мог отдать свой голос тому кандидату, которому он доверяет. Об этом я беседу с членом Центральной избирательной комиссии России Василием Волковым.

ВОЛКОВ: Ныне действующий Закон был принят буквально в конце 1999 года: 1 декабря он принят Государственной Думой и одобрен Советом Федерации 23 декабря, и в декабре 1999 года подписан Президентом Российской Федерации. В чем отличие этого Закона от предыдущего Закона "О выборах Президента Российской Федерации" и, естественно, Закона "О выборах депутатов Государственной Думы"? Он четко регламентирует целый ряд вопросов, связанных с выдвижением кандидатов на пост президента РФ, с организацией выборов, с проведением агитации, вопросов, связанных с финансированием президентской кампании, с участием наблюдателей. Тут есть существенные отличия, и в этом, я считаю, преимущества Закона "О выборах президента РФ" по сравнению с предыдущей его редакцией и по сравнению с Законом "О выборах депутатов".

КОРР.: Сколько у нас сейчас кандидатов?

ВОЛКОВ: Получается 11 кандидатов. Начиная с 3 марта они будут иметь возможность вести активную избирательную кампанию в средствах массовой информации.

КОРР.: Времени катастрофически мало, чтобы определиться, за кого же голосовать. Значит, стоит вопрос об агитации, агитации каждого кандидата в президенты. И вот, может быть, наиболее острый вопрос у меня сейчас будет в связи с положением в Чечне. Как там, Вы предполагаете, будет проводиться агитация?

ВОЛКОВ: Мы полагаем, что никаких отклонений от Федерального закона "О выборах Президента Российской Федерации" быть не может. Сейчас у нас уже принято решение об организации голосования на территории Чеченской Республики. Наши представители Центральной избирательной комиссии регулярно туда выезжают, знакомятся с ходом подготовки, оказывают любую помощь избирательной комиссии Чеченской Республики: организационную, методическую, техническую помощь, финансовую, - как и любому другому субъекту Российской Федерации. Мы уверены, что выборы там будут организованы строго в соответствии с законом. Безопасность и наших наблюдателей: представителей общественных партий, движений, объединений, представителей кандидатов в президенты, - и международных наблюдателей будет обеспечена. Поэтому мы считаем, что голосование там пройдет вовремя, по закону, и срывов не будет.

Есть некоторые проблемы, связанные с проведением агитации в войсках. Войска воюют, но они тоже будут принимать участие в выборах. Правда, закон ограничивает (и Закон "О выборах Президента", и Закон "О выборах депутатов") агитацию в частях, встречи, скажем, на территории воинской части какого-то кандидата для выполнения своих предвыборных мероприятий. Это запрещено. Поэтому здесь строго будут следить за этим и избирательные комиссии и наблюдатели.

КОРР.: А как же тогда в воинских частях могут избиратели придти к какому-то выводу?

ВОЛКОВ: Избиратели могут придти. Есть средства массовой информации, будут направлять туда агитационные материалы от всех кандидатов, будут газеты, журналы. Закон не запрещает встречаться с военнослужащими, но только за пределами воинской части, в каком-то населенном пункте, где будет организована эта встреча. Поэтому никакой изоляции не предвидится. Военнослужащие тоже могут обладать полной информацией в отношении кандидатов в президенты. Но ограничения были приняты и раньше, и предыдущими законами; и мы все понимаем, в связи с чем это было тогда сделано: для того, чтобы ориентировать армию, Вооруженные силы. Поэтому и были приняты ограничения.

КОРР.: Я знаю, насколько трудно пройти на территорию Чечни. Туда просто не допускают ни журналистов и, конечно, никакие общественные организации. Завтра - 1 марта, а 3-го числа уже начинается кампания. Как там будут работать представители кандидатов в президенты, как там могут работать общественные организации? Что, с 3-го марта будет свободный проезд в Чечню?

ВОЛКОВ: Ситуация, к сожалению, пока складывается так, что, очевидно, с 3 марта уже свободного проезда, я думаю, наверное, не будет. Это, в первую очередь, в целях безопасности и представителей средств массовой информации, общественных организаций, движений и наблюдателей. Главная задача должна состоять в том, чтобы эти граждане, представители средств массовой информации и наблюдатели, могли участвовать в наблюдении за выборами, в освещении этих выборов. Вот сейчас пока сложно их допустить туда. Ну, Вы понимаете, что не закончилась контртеррористическая операция. Но мы предполагаем, что это будет сделано в ближайшее время. И до выборов еще смогут побывать там желающие и наблюдатели, и, естественно, корреспонденты, которые будут освещать ход выборов и подготовку к выборам, и организацию.

КОРР.: То есть это означает, что большой кусок избирательной кампании (а именно агитация), - он как бы выпадает. Чечня оказывается отрезанной от этого "куска"?

ВОЛКОВ: Может быть, на первом этапе и выпадает, имея в виду только то, что кандидаты, сами кандидаты, и не все представители там смогут побывать, скажем, в начале марта, в первой декаде марта. Зато есть другие возможности. Есть телевидение, они будут выступать на телевидении.

КОРР.: Вы знаете, что в Чечне сейчас трудно с электричеством.

ВОЛКОВ: Да, проблема есть, конечно. Но тем менее, все равно: радио, то, чем Вы занимаетесь, - то есть проблем меньше будет. Газеты будут доставляться, информационные бюллетени, то есть работа будет все равно вестись. Да, трудно и сложно будет ее организовать. Колебания были: стоит ли сейчас организовывать выборы на территории Чечни, не знали, когда закончится операция, сколько будет продолжаться. Но, тем не менее, было принято такое решение: нельзя отрывать этот субъект от этого важнейшего политического мероприятия. Хотя и времени будет мало, но я думаю, оно за счет интенсивности в оставшиеся дни и недели перед выборами, будет компенсировано, и избиратели на территории Чеченской Республики смогут определиться с кандидатами.

КОРР.: В какой-то степени усеченно, но все-таки будет.

Вы знаете, в прошлую избирательную кампанию 1996 года в Чечне очень много было нареканий. Это публиковалось в средствах массовой информации, что выборы были проведены не совсем по правилам. Например, журналисты отмечали, что они приходили в избирательные участки, а их участок открывался, например, только на час. Вот такие моменты. Сейчас можно гарантировать, что такого не будет, и что участки избирательные будут работать нормально? И как будут допускаться туда общественные наблюдатели?

ВОЛКОВ: Гарантировать на 100 процентов ничего нельзя. Где-то, возможно, будут какие-то отклонения. Но я уверен, что поскольку это будет зависеть от избирательных комиссий, от властей, которые там будут, от комендатур, от нашего представительства, от правительства, - эти структуры, я думаю, сделают все для того, чтобы выборы прошли в соответствии с законом.

КОРР.: То есть, вы считаете, что во время выборов не будет нарушаться закон о свободе передвижения, свободе слова? По крайней мере, и перед выборами тоже? И блокпосты будут пропускать людей в обе стороны?

ВОЛКОВ: Голосование организуется как раз по месту их жительства.

КОРР.: Но агитаторы-то могут пройти, скажем, в какое-то село или нет? Общественные наблюдатели смогут пройти?

ВОЛКОВ: Я думаю, во время выборов уже на территории Чеченской Республики все вполне возможно, и агитаторы будут.

КОРР.: Не во время выборов, а до выборов?

ВОЛКОВ: И до выборов, правильно. Я думаю, что такая возможность будет.

ВЕДУЩАЯ: Свои опасения о возможности проведения выборов в Чечне высказывает депутат Государственной Думы Сергей Ковалев.

КОРР.: Мы говорим о выборах президента, возможно ли проведение выборов в Чечне? Будут ли они проведены с соблюдением закона?

КОВАЛЕВ: Разумеется, нет. Вообще, в Чечне идут военные действия. При этом не объявлено чрезвычайное положение, а фактически это режим чрезвычайного положения, причем, очень жесткий режим действует. Никакие выборы в это время невозможны, они категорически запрещены российским законодательством. Я имею в виду закон "О чрезвычайном положении", потому что фактически режим чрезвычайного положения там есть. И совершенно понятно, что нет никакой возможности технической обеспечить свободу волеизъявления. Блокпосты на дорогах, уйма перемещенных лиц. Где создать избирательные участки? Кто такие - избирательные комиссии на этих участках или, более общо, в воюющей стороне? Где списки избирателей? Я прекрасно помню, как в декабре 1995 года я обратился в Чечню с запросом прислать мне списки избирательных комиссий, образованных в Чечне. Я получил очень циничный ответ - "не пришлем, и Вы сами знаете почему".

ВЕДУЩАЯ: На сегодня все. Прочитать нашу передачу вы можете в "Интернете" по адресу: www.memo.ru. До свидания, до новых встреч.

По материалам передачи "Демократия, свобода, права человека"
(Эфир "Радио России" 22. 02. 2000 г.)
и статьи Григория Померанца "Сила и культура"
(газета "Русская мысль" №4299, 6-12 января 2000 г.)

Лекция Григория Померанца и Зинаиды Миркиной.

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Взрываются бомбы в городах России, сыплются бомбы на города и села Чечни. Взаимное ожесточение нарастает. И многими людьми уже руководит не разум, а чувство ненависти. В своих мыслях и делах они исходят не из рациональной оценки происходящего, а из идеи "святой" мести. И это как с одной, так и с другой стороны созданного противостояния.

Неужели Россия обречена на многие годы войны и насилия? Все чаще и все больше людей на этот вопрос отвечают - "Да".

Но если оторваться от экранов телевизоров и газетных страниц и, опираясь на знания об истории и культуре, попытаться осмыслить происходящее... Может быть, мы тогда найдем выход из порочного круга насилия и мести?

Недавно в Москве я побывала в музее Ахматовой на лекции, которую читали известные философ Григорий Померанц и поэт, прозаик и переводчик Зинаида Миркина.

С ними я и беседую.

ПОМЕРАНЦ: Однажды Зинаиде Миркиной позвонила пятилетняя девочка и сказала: "Я заразилась от Иисуса Христа любовью к врагам. По телевизору показывали мультик, и мне стало жалко волков, тонущих в озере". Зинаида Александровна спросила: "А зайцев тебе не жалко?" Девочка задумалась. Зинаида Александровна тоже задумалась и написала сказку. Это было давно: 20 или 25 лет назад. Естественно, тогда никаких мыслей о федералах и чеченцах у автора не было. Но я часто сейчас вспоминаю эту сказку.

МИРКИНА: Жил на свете белый заяц, такой как все, самый обыкновенный, только задумчивый. Он недотепой был, вечно он терял то морковку, то листик капусты, зайчики подхватывали это.

А однажды он притащил что-то необычайное, что даже зайцам у него не захотелось забирать, но было очень интересно, что это. А оказалось, что эта вещь, длинная, как морковка, и белая, как капуста, - футляр от скрипки. А скрипка была серебряной. Он взял серебряную скрипку и заиграл. И все притихли и слушали. А скрипка, хоть, конечно, ни одного слова сказано не было, все-таки все понимали, - скрипка говорила: "Все хорошо. Все удивительно хорошо. И звезды это знают, и деревья, и цветы, и лучи, только зайцы еще этого не знают". Когда заяц кончил играть, старая Зайчиха привела свои уши и лапы в порядок, усы тоже, и сказала: "Чепуха какая-то! Как же все хорошо, когда не хватает капусты и морковки...?! И вообще, на свете есть волки!" Белый заяц опять заиграл, и снова все застыли. Но вдруг начался переполох. Зайцы побежали, кто - куда. Только он один

остался. На поляне появились волки. А белый заяц плакал и продолжал играть. Он бормотал: "Если моя скрипка говорит неправду, то пускай волки меня съедят".

Вдруг волки остановились, попятились, и белый заяц почувствовал на голове чью-то мягкую руку. Это была девочка-волшебница. Волки отступили. А девочка сказала белому зайцу: "Ты, пожалуйста, никогда не сомневайся в том, что говорит твоя скрипка. Сейчас ты увидишь". Она взяла откуда-то точно такую же скрипку, как у него, а ее смычок оказался волшебной палочкой. Потом девочка взмахнула волшебной палочкой, и вырос удивительный заячий город, в котором все было так, как говорила скрипка. Всего было вдоволь. И главное, что волшебная стена не пускала волков. Здесь были зайцы в полной безопасности. И девочка сказала, что плакать в этом городе никто никогда не будет, разве что - от счастья, но это не считается. Все так и было.

Однако через несколько дней зайцы услышали плач. Это оказался волчий вой. Волки были голодны. Они мерзли. И тут-то зайцы зашевелились, загалдели и стали думать, что делать: пускать волков или не пускать. Один маленький зайчонок плакал и кричал, что умрет от страха, если в город пустят волков. Другой радовался: теперь только, когда зайцы живут в сытости и тепле, а волкам худо, он по-настоящему счастлив. А третий говорил, что он не может быть счастлив, когда кто-то плачет и воет: "Давайте поверим волкам и пустим их".

Девочка-волшебница погладила первого по головке и сказала: "Не бойся! Я в беду тебя не дам". А второму сказала: "Ты злорадный и можешь сам стать волком. Не думай, что волки всегда волки, а зайцы всегда зайцы... Всякое бывает". Третьему девочка сказала: "В тебе нет злорадства, волка из тебя не получится, но ты безответственный".

- А что такое "ответственный"?- загалдели зайцы.

- Это такой заяц или волк, или человек, который может быть одновременно и в волчьей, и в заячьей шкуре.

- А как это? - спросили зайцы. Но тут она ничего не ответила, взяла откуда-то свою шубку белую пушистую и взяла смычок, волшебную палочку. Стена разомкнулась, и девочка ушла к волкам.

Морозная ночь, светятся только волчьи глаза. Она стала играть волкам на своей серебряной скрипочке, такой же, как у белого зайца, и скрипка говорила: "Все хорошо. И деревья это знают, и звезды это знают, и зайцы теперь это знают, только волки этого еще не знают". Волки хмуро слушали. Потом один из них проговорил: "Что ж ты говоришь-то? Как все хорошо, когда мы голодные?! Нам холодно! Мы не виноваты, что родились волками. Что же нам делать?"

Девочка сказала: "Я тоже голодная, мне тоже холодно" И заиграла снова. Волки слушали. Но когда она сыграла в третий раз, волки сгрудились, потом подошел старый волк и сказал: "Ты обманщица. Нам не стало теплее, и в желудке по-прежнему пусто. Ты обманщица, и мы тебя съедим".

- Ну что ж, - сказала она, - раз вы мне не поверили, вам ничего другого и не остается.

Но тут от стаи волков отделился один, встал между волками и ей и сказал: "Нет, я не дам ее съесть, она не обманщица. Если мы можем так сидеть и слушать ее, я готов голодать и

холодать. Это хорошо, если мы можем сидеть и слушать ее. Но если мы тронем ее хоть одним зубом, это будет ужасно..."

Девочка вдруг подняла голову и сказала: "Ну вот, ты уже не волк. Ты Друг". А белое облачко, которое было где-то рядом над ними, приплыло и оказалось белым заячьим городом. Стена расступилась и впустила девочку и Друга. И уплыл город, как и приплыл: он же был волшебный.

Все волки, кроме Друга, остались в морозном лесу и завывали от тоски: "Если б мы знали, а теперь мы навсегда одни..." Но вдруг издали раздался тоненький тихий звон, и кто-то расслышал, что говорит серебряная скрипка: "Все хорошо. Все очень хорошо. И никогда не поздно этому поверить".

ПОМЕРАНЦ: А теперь я попытаюсь истолковать эту сказку как притчу о человеке и о людях.

Первый урок - о человеке наедине с самим собой. Никогда не надо терять веру в голос из собственной глубины или, по термину сказки, в голос волшебной скрипки. Антоний Сурожский говорил, что извечный наш грех - потеря контакта с собственной глубиной. Именно этому греху противостоит, по его словам, Иисусова молитва. Есть, по-моему, и другие средства. Мне, например, как-то помогали белые ночи. В лагере я каждое лето окунался в белые ночи, и мне было хорошо, несмотря на лагерь. Я был счастлив и легко тянул свой срок.

Каждый человек может услышать этот голос волшебной скрипки. Это первый урок белого зайца. Но есть еще несколько уроков не для отдельного человека, а для множества людей и для политиков.

УРОК № 1. В "заячий город" нельзя пускать всех без разбора. Стену надо охранять. Неопределенный статус Чечни позволял "волкам" охотиться на "зайцев", как заблагорассудится. А потом эта "волчья" воля сменялась большой охотой на "волков". Но тут опять возникала новая опасность.

УРОК № 2. Злорадные "зайцы" сами становятся "волками". Говоря словами Добролюбова, война рождает "внутренних турок". И непонятно, что с ними делать после войны.

УРОК № 3. Даже при идеально крепкой стене, возможной только в сказке, "волчий вой" за стеной создает напряженность внутри "заячьего" города и рождает "волчьи" чувства.

УРОК № 4. Окончательное решение может дать только подвиг "девочки-волшебницы".

Этот подвиг более реалистически описан в другой сказке Зинаиды Александровны, в сказке про царевича Сутасому.

МИРКИНА:

Это написано по мотивам индийской джатаки, то есть такой назидательной сказки о перерождении Будды.

Царевич, прозванный Сутасомой, что значит "изливающим лунный свет", сидел в своем саду и готовился выслушать старого брахмана, пришедшего из дальних стран, чтобы сказать четыре своих изречения, плод всей своей жизни, своей мудрости. В этот миг

раздались крики. Вбежал слуга и сказал: "Спасайся, Сутасома! Во дворец ворвался Калмашапада. (Это страшный царь соседнего государства, по преданию сын львицы и царя Судасы.) Он поклялся злым духам, что принесет им в жертву сто царевичей. Девяносто девять он уже поймал, а сотым будешь ты. Спасайся!" - "Оставь свой страх, - ответил Сутасома, - если ко мне пришел гость, я выйду навстречу". И он поступил так, как сказал.

Великан Калмашапада схватил Сутасому в охапку и унес в свое мрачное царство. Там не цвели цветы, не зеленели рощи, и в воздухе стоял дым от погребальных костров. Но Калмашапада был доволен. Он отворил темницу, где томились царевичи, и сказал: "Сегодня у меня хорошее настроение. Просите у меня, чего хотите. Я, может быть, выполню ваше последнее желание. А может, кого-нибудь и помилую". Царевичи упали на колени, и все стали просить, чтоб он их помиловал. И только один Сутасома ничего не говорил. "А ты чего не просишь, - удивился Калмашапада, - что тебе жизнь не дорога?" - "Да нет, дорога, но у людоеда я ничего просить не буду, - ответил Сутасома, - но если ты согласишься мне в долг, я долг верну". - "Какой долг?" - "Отпусти меня на три дня. Мне жаль старого брахмана, который такое путешествие проделал, чтобы мне свою мудрость сказать. Я выслушаю его и вернусь". Калмашапада про себя улыбнулся и подумал: "Это все хитрость. Ты, как и все, хочешь спасти себе жизнь". Но вслух сказал: "Хорошо, иди". Сотого царевича он всегда успеет поймать. Ему захотелось другого: "Пусть все увидят, что он человек как человек. А мне только и надо доказать, что других, каких-то особенных вовсе и не бывает".

Дело в том, что Сутасома все-таки пришел ровно через три дня. "Ты зачем пришел?" - мрачно спросил Калмашапада. "Как зачем? Я ведь обещал". - "Ну и что ж с того? Говорят, что ты правдив и мудр. Правдив - это правда, но мудрости в тебе нет ни капли. Кто отпущенный, чтобы жить, возвращается, чтобы умирать?" - "Ну да, это по звериной мудрости так выходит, - ответил Сутасома, - а по человеческой иначе..." - "Какая такая человеческая? Что это за особая такая мудрость?" - "Ты этого не поймешь. Людоеду она недоступна". - "Да как ты смеешь? Да я тебя..." - "Что, съешь? Так я за тем и пришел".

Калмашапада понял, что ничего сделать он не может, и сказал: "А если я тебе жизнь подарю, скажешь?" - "И не подумаю: ты этого не поймешь". - "А если всех тех выпущу?" - "И тогда не поймешь. Рассвирепеешь и наделаешь больше еще зла. Делай, что надумал. Ешь меня и всё. Ничего я тебе не скажу". - "Да разве какие-то изречения жизни стоят?!" - возмутился Калмашапада. "Эти изречения особые", - промолвил принц.

Калмашапада долго думал, а потом сказал: "Знаешь что, иди во дворец. Будешь там гостем. А через три дня я приду к тебе". Тут слуги забежали, стали приносить в пузатых блюдах всякие явства и говорят царевичу, что Калмашапада странно себя ведет, задумался и даже кто-то слезу у него видел.

Через три дня Калмашапада пришел и бросил ключи к ногам Сутасомы: "На, отпускаяй всех! И уходи сам!" - "И ты за это ничего не потребуешь?" - спросил Сутасома. "Нет". -

"Тогда жди меня здесь. Я скоро вернусь и скажу тебе первое изречение брахмана".

Выпустив всех царевичей, Сутасома вернулся и сказал: "Только тот, кто делает добро бескорыстно, способен понять, что такое человеческая мудрость". - "Ох, Сутасома, до чего же она трудна, эта человеческая мудрость! Ведь проще было жить по звериной!" - воскликнул Калмашапада. "Может, вернешься к старому?" - спросил Сутасома. "Нет, это уже невозможно". - "Тогда слушай второе изречение: "Только тот, кто полюбил мудреца,

способен понять его мудрость!" - "Значит, ты уже понял, что я полюбил тебя? Я готов служить тебе, возьми меня в свое войско начальником. Моя свирепость тебе пригодится. Все мое тебе отдам. - "Спасибо. Но если ты действительно хочешь самого трудного и все мне отдаешь, то и выбери самое трудное". - "Я готов жизнь за тебя отдать". - "Ну, слушай теперь третье изречение: "Отдать жизнь один раз - это еще не самое трудное, самое трудное отдавать жизнь за того, кого любишь, сто тысяч раз". - "А как это?.." - "А надо жить так, чтобы каждый день побеждать в себе зверя". - "Но я это не могу тебе обещать: я все-таки сын львицы. Я расвирепею, когда увижу кого-нибудь из твоих врагов". - "Тогда слушай четвертое изречение моего друга-мудреца: "Побеждать других - это звериная доблесть. Побеждать самого себя - вот доблесть человека... Ты, который понял человеческую мудрость, неужели не отважишься на человеческую доблесть?"

Рассказывают, что Калмашапада прожил долго и пережил Сутасому. Но каждое утро и каждый вечер он затихал, опираясь на свою огромную палку и тихо говорил: "Так ли я живу, Сутасома, как ты хочешь? Доволен ли ты мной, Сутасома?"

ПОМЕРАНЦ: Вторая сказка ближе к фактам истории. Никакой серебряной скрипки, никакой волшебной палочки. Только верность своей глубине и готовность на жертву, даже жизнью, ради смысла жизни.

Можно вспомнить царя Ашозгу, который приказал выбить на скалах по границам империи, что будет посылать за ее рубежи только миссионеров с проповедью милосердия и ненасилия. Или можно вспомнить об учениках, пошедших "голыми среди волков" проповедовать веру своего Учителя. Один из этих учеников написал тогда в послании к коринфянам: "Кто хочет быть мудрым в мире сем, тот будь безумным..." Безумие апостолов победило мирскую мудрость. Но, к сожалению, только внешне, символически.

Вера в голос скрипки стала предметом политики, то есть средством приручать варваров. И в результате стали крестить целые народы, не разбирая, кто действительно переменялся сердцем, а кто остался, каким был. Очередной калмашапада, приняв новую веру, под угрозой смерти заставлял покоряться других, и его объявляли святым, равноапостольным.

Одиноким в истории православия остался св. Амвросий Медиоланский, не впусивший в храм императора Феодосия, когда тот приказал перебить шесть тысяч жителей Солуни за убийство чиновника. Ведь "людоедов" пускали в храмы всех вер. Больше того, хуже того: калмашападство пускали в собственную душу, и споры о вере велись с яростью варваров.

Нет такой религии, такой церкви, где вера не переплеталась бы с изуверством. Недаром слово "изуверство" выбрал Антоний Сурожский, хорошо знавший отношение некоторых иерархов к Александру Меню, в непосредственном отклике на мученическую кончину отца Александра. Не будем забывать слов, прозвучавших на Би Би Си и записанных некоторыми служителями: "Это убийство не уголовное, не политическое, а изуверское, и наш общий позор".

Век за веком велись войны, называемые религиозными, войны во имя разных символов единого духа, вдохновивших когда-то проповедь и Будды, и Христа, и Мохаммеда (в годы его мекканской нищеты). И сегодня мировая цивилизация сталкивается с террором во имя Бога Милостивого и Милосердного.

В этом виноваты обе стороны: и традиционная религия, и нынешняя стадия мировой цивилизации. Цивилизация постоянно отрывает человека от его собственной души, изламывает душу и толкает на бунт.

Достоевский предвидел это, когда писал о желании "подпольного" человека дать пинок "хрустальному зданию".

Это чувство сейчас возникает у многих людей, которым уродства цивилизации осточертели, и некоторые из них обращаются к террору просто из-за того, чтоб выразить свое несогласие с обществом потребителей. Но еще чаще террор становится средством борьбы за национальную независимость, в которой видят спасение от всех бед. И самое страшное - это когда такое эмоциональное восстание (личный и социальный протест) против цивилизации смешивается с религиозным изуверством, с изуверским ответом на само кощунство или тем, что кажется кощунством. Эта гремучая смесь чаще всего складывается в некоторых кругах ислама. Она взрывается каждый год. И не будет конца этим взрывам, пока цивилизация, оторвавшаяся от своих святынь, не перестанет провоцировать отпор.

Современная цивилизация сама себя назвала постхристианской. Она потеряла свои старые святыни и не нашла новых. В ней рухнула иерархия, на вершине которой должно находиться что-то безусловное, священное, по отношению к которому всё остальное располагается по вертикали: одно повыше, другое пониже. И ясно, что честь выше бесчестия, сердечное чувство выше слепого чувственного порыва и, в конечном счете, священный смысл жизни выше самой жизни.

Мы не думаем больше о святынях, мы говорим лишь о тех ценностях, которые все лежат на одной плоскости, как игральные карты на столике, и достоинство "королей" и "дам" зависит от правил игры. Потеряно основание, чтобы сдерживать порывы, мешающие прорасти божественному зернышку в сердце. Христиане называли это зернышко образом и подобием Бога, буддисты - "природой Будды" или "зародышем просветленного" (татхагатагардха). Мы позабыли сами эти слова.

Многие разрушительные движения объединяет то, против чего они восстают. Ученые не принимают термина "мусульманский фундаментализм", чисто религиозного термина, ставящего террористические организации в один ряд с мирными фундаменталистами, верящими в каждую букву писания. По существу, речь идет об утопическом движении, направленном к тому, чтобы упростить слишком сложную цивилизацию и насильственно ее сделать простой и понятной. Ученые предпочитают термин "интегризм", цель которого - устранить сложность, в которой теряется современный человек, установив процесс элементарного порядка.

В то же время интегризм ислама остается религиозным движением, и его прокрустово ложе, на котором людей "подрубают" по установленному шаблону, отличается от коммунистического и нацистского. Вступая на путь террора, мусульманский интегризм становится проблемой для полиции и спецслужб. Но как религиозное движение он может быть втянут в диалог с другими религиями (если есть налицо религии, готовые к этому диалогу).

Говорят, что вести разговоры с террористами невозможно. Но эти разговоры основаны на смешении двух разных вещей. Одно дело - переговоры с группой, захватившей заложников. А другое дело - переговоры с организацией, прибегающей к террору во имя своей программы, которая может стать предметом обсуждения и частичной реализации. Например, велись переговоры и с ООП (Организацией Освобождения Палестины) и с ирландской Шин Фейн, и компромисс ведь был достигнут. Два бывших террориста, араб и израильтянин, стали лауреатами Нобелевской премии мира.

А мы в России только хорошо забыли о своем прошлом. Разве вправе мы забыть о восторге, который вызывал когда-то революционный террор? Об оправдательном приговоре Вере Засулич? О фотографии Софьи Перовской на столе Тургенева? О том, сколько поэтов "серебряного" века сочувствовали эсерам и входили в группировку "Скифы"? О "Двенадцати" Александра Блока?

Диалог с мусульманским интегризмом возможен. Однако для успешного диалога надо понять, в чем идея мусульманского фундаментализма или интегризма, почему ислам оказался сегодня в авангарде борьбы с постмодернистской цивилизацией, оттеснив на второй план коммуниз. Почему, если придать этому вопросу персональный характер, - почему французский левый интеллигент, бывший коммунист Роже Гароди стал мусульманином?

Здесь многое можно додумать. Но самое главное, мне кажется ясным. Первое то, что ислам - религия от мира сего, то есть тесно связанная с известным общественным порядком. Религия не от мира сего (христианство или буддизм) как-то приспособливается к любым порядкам, а ислам не отделим от известного твердого мирового порядка. Современное постмодернистское общество ему как нож острый. Второе: одна из традиций ислама - джихад (священная война). Призыв к крестовому походу в 30-м году, когда у нас массами закрывали церкви, вообще, никем серьезно не был воспринят. А призыв к джихаду находит отклик.

Во время холодной войны оба противника рассматривали бунт ислама против современности как второстепенное событие, которое можно использовать против главного врага. В 60-е и 70-е годы Советскому Союзу это удавалось. Террористов усердно готовили в советских спецшколах. Потом брежневское Политбюро сделало ложный шаг, начало афганскую войну, и роль покровителя моджахедов подхватила Америка.

Сегодня мы пожинаем то, что посеял Советский Союз. Боевики с советскими дипломами сражаются в Чечне. Если их выбьют оттуда, это, возможно, принесет мир Ставрополю, но не Москве. Террор - тактика противника, проигравшего полевую войну или вовсе не способного к ней. Французская армия разбила алжирцев на поле боя, но Франция отступила из Алжира, чтобы не перестать быть Францией, чтобы не превратиться в страну допросов с пристрастием и лагерей для террористов.

И третье: ислам - религия тех районов мира, которые можно назвать бедными и даже нищими, созерцающими "сладкую жизнь" "позолоченного миллиарда" из своих трущоб. Таким образом, "мусульманский интегризм" дает идеологическое религиозное прикрытие, своего рода, небесную санкцию бунту трущоб.

Как уже было сказано, мы пожинаем плоды роковых ошибок. Можно было не лезть в Афганистан. Можно было без войны договориться с Дудаевым. Мировой процесс деколонизации имеет свою логику, и трудно идти против течения. Да и стоит ли?

Но что было, того не вернешь. А что теперь есть? Есть очень слабая защищенность городов центральной России от актов террора. Придется к этому на время привыкнуть. В конце концов, этот террор не так страшен, как сталинский.

Давайте вспомним: только за 6,5 лет, с 1 января 1935 года по 1 июля 1941 года, было арестовано органами НКВД (не уголовников! не воров! честных людей!) 19 840 000 и около 7 000 000 расстреляно. Это официальная цифра из справки КГБ по запросу комиссии Шверника, созданной ЦК при Хрущеве для расследования провокационного

убийства Кирова и развязанного после этого террора. Сразу же вслед за отставкой Хрущева подлинная статистика была изъята, уничтожена и подменена другой, приуменьшенной в десятки раз. Об этом член комиссии, Ольга Григорьевна Шатуновская, успела опубликовать статью незадолго до своей смерти в 1990 году. Я лично знал Ольгу Григорьевну, неоднократно слышал от нее подробности дела Кирова и свидетельствую о ее железной памяти.

А мне часто вспоминается "Реквием" Ахматовой: как "ненужным привеском болтался возле тюрем своих Ленинград". Я там жил в это время и помню его. К сожалению, многие всё это хотят теперь забыть.

Сравнительно с этим, жертвы нынешнего террора не так велики, чтоб терять самим человеческий образ и начинать мстить за бандитов целым народам.

Да, действительно, у чеченцев болезненно обостренная память на зло и острота реакций, не смягченных цивилизацией. У чеченцев есть что вспомнить.

В конце 30-х годов горная Чечня, в полном одиночестве, никем не поддержанная, восстала против сталинского террора. Восставшие продержались несколько лет до самого прихода немцев. Когда немцев выбили, чеченцев, и восставших и невосставших, выселили в Казахстан, при этом несколько десятков тысяч погибло по дороге. В Казахстане и теперь сохранилась чеченская диаспора. Там есть готовая база для подготовки террористов. Если даже вся Чечня полностью будет под контролем, если даже всех чеченцев выселить из Чечни, всё равно - баз сколько угодно. Террористов можно готовить и в Афганистане, даже в Англии, у тамошних мусульман. По подсчетам демографов к 2025 году мусульмане составят 30% мирового населения. Это гораздо больше, чем русских, больше, чем христиан. И оккупация Чечни не помешает этому процессу.

Соблазн принудительного интегризма может быть преодолен только внутренней духовной интеграцией постхристианского мира. Надо решить задачу, поставленную Сент-Экзюпери, - связать нарастающую дробность новым священным узлом. Нужно достичь такого духовного, нравственного уровня, на котором поле цивилизации втягивает и подчиняет все свои нормы. Эта задача, поставленная в термин богословия, философии, культурологии, социологии, кажется невероятно трудной. Но в терминах сказки она очень проста: ежедневно бороться со зверем в себе самом, как это сделал Калмашапада, и никогда не забывать серебряную скрипку, никогда не переставать прислушиваться к ней.

ВЕДУЩАЯ: Сегодня в нашей программе были Григорий Померанц и Зинаида Миркина. Программа подготовлена совместно с Институтом Прав человека.

Вынужденные переселенцы. Проблема Бабицкого.

Эфир "Радио России" 8 февраля 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте.

Война - это всегда кровь, гибель, страдания, унижения людей, уничтожение их имущества. Может ли быть оправдание этому? Каждый раз, когда на Кавказе начинаются боевые действия, нам объясняют, что ведутся они для защиты прав и свобод граждан России, и это может быть единственным оправданием войны. В противном случае получается, что права и свободы граждан, их жизни приносятся в жертву чему-то более важному, более ценному. Но согласно статье 18 Конституции России, права и свободы человека и гражданина определяют деятельностью законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления. Таким образом, нет ничего более важного, более ценного, чем права и свободы граждан. Государство существует для гражданина, а не наоборот.

Но вот к нам на радио пришло письмо от гражданки России Чернобаевой Галины Сергеевны, бывшей жительницы города Грозного, а ныне вынужденной переселенки, которая проживает сейчас в городе Россошь Воронежской области. Это ее поправленные права должны были защищать наши войска в 1994-1996 годах, в первую чеченскую кампанию. Ее права должен был защищать весь государственный аппарат.

Я прочитаю выдержки из ее письма.

“Я всю жизнь до выезда из города Грозного проживала в доме, принадлежащем сначала моей бабушке, а затем моей матери. В 1994 году в результате военных действий мамин дом и мои вещи были сожжены. Выехав, я получила земельный участок, статус вынужденного переселенца и беспроцентную ссуду на строительство. В то время этой ссуды хватило на то, чтобы купить и привезти 8 тысяч штук кирпича. Я не стала бы получать эту ссуду, если бы не обещания руководства предприятия вынужденных переселенцев, где я работала, построить мне на этом участке дом. Но это обещание выполнено не было.

В 1996 году Администрацией города Россошь я была поставлена на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий. А в 1997 году общественная комиссия по жилищным вопросам при Администрации города Россошь исключила меня из списков на получение жилья. Основанием для этого послужило Положение о предоставлении вынужденным переселенцам долговременной беспроцентной ссуды на строительство жилья. Данное Положение было утверждено постановлением Правительства РФ от 28 января 1997 года за номером 106.

Я не знаю: по новой Конституции имею ли я право на жилье и право на возврат моего имущества и того имущества, что я получила бы по наследству, и того дома, где я жила и могла бы жить дальше, если бы не действия всех ветвей власти Российской Федерации.

Кроме того, в результате военных действий, я потеряла возможность получить когда-либо компенсацию по вкладу, сделанному в Сбербанке до 1992 года. Ведь мне пришлось снять и потратить эти деньги, уже обесцененные, чтобы проехать в Россошь, получить ссуду и жить здесь. А сберкасса, в которой были мои вклады, теперь уже уничтожена.

Таким образом, если мои “права человека” по нашим законам считаются все-таки нарушенными, прошу, если это возможно, помочь мне их защитить.”

Я попросила прокомментировать это письмо руководителя программы “Миграция и право” Правозащитного центра "Мемориал" Светлану Ганнушкину и адвоката из города Россошь Воронежской области Михаила Шершилова.

ГАННУШКИНА: Да, действительно, эта ситуация довольно распространенная. Люди потеряли деньги, полученные ими в качестве ссуд, в результате падения курса рубля, в результате инфляции, которая у нас в это время произошла и очень резко развивалась. И тут возникает такая правовая коллизия. Действительно, по закону человек, который однажды использовал какой бы то ни было способ льготного финансирования жилья, уже не может получить льготное финансирование иным способом. Что же остается ему делать? Ведь на те деньги, которые были получены им в качестве ссуды, он мог купить 4-5 квадратных метров этого жилья или некоторое количество кирпичей, как у автора письма. Я думаю, что правовой выход из этой ситуации есть. Он состоит в том, что мы не можем считать, что человек использовал льготное финансирование. Да, он пытался использовать, он получил ссуду, но эта ссуда не дала ему возможности действительно реально приобрести жилье. Она даже фактически ему не помогла в этом. Он остался при том, что было до получения ссуды. Мне кажется, что суды могли бы признать, что льготное финансирование использовано не было и что человек свое право на финансирование, поскольку его социальное положение осталось прежним, может использовать в дальнейшем. Да, снова в виде ссуды или в виде другого способа: субсидий, компенсаций и так далее.

КОРР.: Вообще, как рассчитывается ссуда?

ГАННУШКИНА: Принцип расчета ссуд зависит от того, какое конкретно постановление действует в это время. В 1992 году ссуда составляла очень небольшую сумму, как в абсолютных, так и в относительных величинах. Даже без учета того, что произошла инфляция, она покрывала очень невысокий процент реальной стоимости жилья. Позже было введено постановление №106 Правительства РФ, по которому ссуда стала составлять достаточно существенный, весомый вклад в стоимость жилья. Она в настоящее время рассчитывается (я в общих чертах назову), в первую очередь, исходя из 18 метров на человека. Эта величина умножается на число людей, членов семьи, которые получают эту ссуду. Но вот дальше начинаются некоторые хитрости, поскольку эта величина еще умножается на коэффициент с длинным названием, это как бы коэффициент целесообразности расселения людей в данной местности.

Как это происходит? Вам начисляется, сколько вы должны были бы получить, когда вы умножаете эти 18 метров на число людей и на среднюю стоимость жилья в данном регионе. И вы как бы получаете реальную стоимость жилья, которое вы могли бы приобрести действительно за те деньги, которые составляет ссуда. А дальше вот эту полученную величину вы еще умножаете на этот коэффициент, который в некоторых областях составляет максимально 70%, в некоторых 50%. Таким образом, государство готово вам финансировать эти определенные проценты от необходимой вам суммы.

А например, в московском регионе этот коэффициент составляет 5%, то есть Москва не считается регионом, который предпочтителен для расселения, и поэтому сюда просто никого не приглашают. Ну, а как следствие, поскольку 5% дать человеку - это просто издевательство над ним: он все равно должен фактически заплатить всю сумму, потому что где 95%, там и 5%, - и естественно, федеральная миграционная служба в Москве вообще не дает деньги на ссуду. Ведь дело же не только в том, на что вы имеете право, нужно же еще, чтобы кто-то имел возможность вам эти деньги дать. Поэтому вопрос с ссудами, естественно, связан с тем, есть ли в данном регионе, вообще, средства на ссуды,

переведены ли средства в эту регионально-территориальную миграционную службу. Сейчас идут, в основном, деньги на компенсации, а денег на ссуды вообще очень мало выделяется.

ШЕРШИЛОВ: К сожалению, эти обстоятельства, на которые указывает в письме гражданка Чернобаева, не единичны. Сейчас в моем ведении по аналогичным обстоятельствам находятся дела 8 семей, проживающих до настоящего времени в общежитии на территории Красного пахаря, в непригодной зоне. И парадоксальная складывается юридическая ситуация по определению значимых обстоятельств. Очевидно то, что данная сумма, во время получения ее вынужденными переселенцами, позволяла им приобрести 2-3 квадратных метра жилья. И, безусловно, это обстоятельство ни в коем случае нельзя считать исчерпывающим их право на льготное финансирование. Это не было льготным финансированием. И суд первой инстанции, Россошанский, правильно определил эти обстоятельства и указал в своем решении, подчеркнув это, что именно по этим обстоятельствам ни в коем случае нельзя считать данное финансирование льготным. И, следовательно, эти граждане имеют право на все, предусмотренные законом "О вынужденных переселенцах", льготы: на получение субсидий и другие положительные льготы финансирования в приобретении жилья.

К сожалению, областной суд недостаточно внимательно подходит к рассмотрению именно этих обстоятельств. В данном случае, в том деле, которое я веду, по 8 семьям, он неправильно определил это значимое обстоятельство и исказил его в своем решении. То есть первоначально районный суд установил, что это ни в коем случае нельзя считать льготным финансированием. А областной суд указывает, что районный суд правильно установил, что это является льготным финансированием. То есть произошло такое искажение, грубейшее искажение фактов, установленных судом. Сейчас я продолжаю ведение этого дела. И я убежден, что в конечном итоге будет дан положительный, справедливый, законный ответ и решение по этим обстоятельствам будет, несомненно, принято. Областная прокуратура будет рассматривать в порядке надзора.

ГАННУШКИНА: Я думаю, что мы, действительно, добьемся. Если не добьемся в прокуратуре областной, обратимся к Генеральной, в Верховный суд. Я думаю, что мы сможем настоять на том, чтобы эти люди смогли реализовать свое право на льготное обеспечение жильем.

ВЕДУЩАЯ: Напомню, что речь шла о правах вынужденных переселенцев, чье имущество было уничтожено еще в первой чеченской войне. Сейчас к этим вынужденным переселенцам добавились сотни тысячи новых, чьи права пока вообще никак не защищены.

ВЕДУЩАЯ: Прошедшая неделя "преподнесла" нам страшный сюрприз. Все радиослушатели, наверное, уже знают о беспрецедентном акте выдачи корреспондента Андрея Бабицкого членам каких-то чеченских вооруженных формирований в обмен на пленных российских военнослужащих.

Мы приведем в нашей передаче лишь ряд оценок этого происшествия. Их сделали разные люди и организации.

3 февраля в интервью ИТАР-ТАСС И.О. Генерального прокурора России Владимир Устинов сообщил, что "это был не обмен как таковой. Бабицкий был освобожден, поскольку за него просили полевые командиры и было принято во внимание освобождение троих военнослужащих из плена". По словам Владимира Устинова: "Решение об изменении меры пресечения было принято прокуратурой, и в отношении журналиста продолжает действовать подписка о невыезде из Москвы". Владимир Устинов сказал, что "в отношении Андрея Бабицкого пока продолжается доследственная проверка".

В этот же день начальник штаба Воздушно-десантных войск Российской Федерации, генерал-лейтенант Николай Стаськов заявил, что младшие сержанты Александр Шерстнев и Николай Заварзин были освобождены в ходе специальной операции военной контрразведки Объединенной группировки федеральных войск на Северном Кавказе. Стаськов подчеркнул, что освобождение десантников в Чечне не связано с обменом Андрея Бабицкого.

В этот же день министр обороны Российской Федерации Игорь Сергеев в программе "Здесь и сейчас" на телеканале ОРТ заявил следующее, я цитирую.

"Это инициатива бандитов поменять на солдат наших, на пленных. Бабицкий - не Шварцнеггер, Бабицкий - не банкир, ценили его за информацию. Значит, информация, которую давал Бабицкий, наверное, не всегда была объективной, мягко говоря. Я бы и десять Бабицких обменял на одного солдата, если попросили бы чеченцы". Конец цитаты.

В этот же день Глава Совета Федерации Егор Строев, отвечая на вопросы "Интерфакса", назвал ненормальной ситуацию, при которой журналистов меняют на солдат. Вместе с тем, он указал на ненормальность и того, что журналист, пусть даже западный, имел на руках аккредитации, выданные боевиками. Я цитирую.

"Я могу сказать только то, что видел по телевидению и то, как его меняли на российских солдат. Что будет дальше, тут разные версии. Может, его еще раз обменяют, но теперь уже на чеченского генерала", - сказал Строев.

По телефону в субботу 5 февраля я взяла интервью у известного адвоката Генри Резника, представляющего интересы семьи Андрея Бабицкого.

РЕЗНИК: Ситуация характеризуется полной неопределенностью. Вопросы многочисленные есть, ответов на них нет. Собственно, в настоящее время мы не можем быть уверены ни в чем. Нет полной ясности вообще в главном вопросе: жив ли Бабицкий. Нет уверенности в том, где он находится в настоящее время. И абсолютная неясность с делом, которое, судя по всему, должно было быть возбуждено.

Поэтому задачи защиты сводятся сейчас к тому, чтобы получить, во-первых, доступ к материалам этого дела, вне зависимости от того, где сейчас находится наш подзащитный. По той причине, что было задержание, оно должно было быть по закону определенным образом оформлено. Если было задержание, а затем, как оповестили, изменение меры пресечения, то после задержания была избрана мера пресечения - содержание под стражей. По подозрению, в каком преступлении, была избрана такая мера пресечения. И какова сейчас судьба этого уголовного дела. Потому что если оно возбуждено вне зависимости от того: поменяли Бабицкого, отпустили его, сопроводили его к какому-то месту нынешнего его нахождения, - дело должно получить разрешение. И поэтому неясно

абсолютно: прекращено ли оно, либо оно приостановлено, либо следственные действия по нему продолжаются.

Для меня, как профессионального адвоката, ясно, что по этому делу был учинен произвол. Ведь на протяжении длительного времени Бабицкому не было предоставлено возможности связаться со своими родственниками. Ему не была предоставлена защита, что также вытекает из требований закона. Но и в дальнейшем неясно, вообще, предъявлялось ли ему обвинение. Вроде как не должно было, но, с другой стороны, (и в этом есть определенные сомнения) могли подsunуть какого-то адвоката по назначению: в погонах или в штатском. По этой причине мы сейчас с Александром Яковлевичем Зозулей, вторым защитником Бабицкого, (это очень опытный адвокат, бывший работник военной юстиции) будем предпринимать все меры для того, чтобы были соблюдены все нормы, гарантирующие право на защиту.

Но главное все-таки сейчас - это убедиться в том, что Бабицкий жив. Покуда он не объявился, покуда он не связался с кем бы то ни было, не подал голос, - никакой нет уверенности в том, что с ним не произошло самого страшного.

Я немножко знаю Бабицкого. Это человек фанатически преданный своей специальности, как бы "ушибленный" журналистикой, и человек, которому не ведомо чувство страха. Если он дал добровольное согласие вернуться как бы в предшествующее состояние, то только с одной целью, чтобы продолжать свою профессиональную деятельность.

Значит, пока еще ни одного репортажа Бабицкого не было. Я могу сказать, что он сразу бы, если бы произошло так, как нам представляли, - он сразу же должен был принять меры к тому, чтобы начать функционировать как профессионал-журналист. Пока этого нет. Мы в тревоге за судьбу Андрея и стараемся со своей стороны сделать все для того, чтобы вот эту неясную ситуацию прояснить. И, конечно, будем добиваться привлечения к ответственности виновных в этом произволе.

ВЕДУЩАЯ: Я попросила Генри Резника прокомментировать мне слова исполняющего обязанности Генерального прокурора России Владимира Устинова, который сказал, что решение об изменении меры пресечения было принято прокуратурой, и в отношении журналиста продолжает действовать подписка о невыезде из Москвы. Владимир Устинов сказал также, что в отношении Андрея Бабицкого пока продолжается доследственная проверка. Вот, что мне ответил Генри Резник.

РЕЗНИК: То, что Вы мне сказали, звучит довольно странно, потому что, если, оказывается, идет доследственная проверка, то в таком случае нельзя было избрать никакой меры пресечения. Мера пресечения, как правило, избирается в отношении обвиняемого, в исключительных случаях она может быть и в отношении подозреваемого. Но эта мера пресечения действует не более 10 суток. Должно быть либо предъявлено обвинение, либо мера пресечения (любая мера пресечения) должна быть не изменена, а просто отменена.

Потом, Вы знаете, оказывается, что ситуация какого-то сумасшедшего дома. Как может действовать подписка о невыезде из Москвы, когда Бабицкий, по официальным утверждениям, передан туда, на ту половину, где у нас чеченцы сейчас действуют?! Я ничего не могу понять в этой ситуации по той причине, что одно с другим не совместимо.

"Зоны безопасности"

(Эфир "Радио России" 30 января 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Должно ли государство бороться с терроризмом? Уверена: абсолютное большинство наших радиослушателей скажет, что такая борьба является неременной обязанностью государства.

Но что такое - антитеррористическая акция? Это, прежде всего, повышенная избирательность действий силовых структур. Это удар именно по террористам и бандитам с целью - спасти жизни мирных жителей, оказавшихся в руках или под контролем террористов.

Думаю: именно это имел в виду министр иностранных дел России Игорь Иванов, когда недавно заявил в Страсбурге, что жители Чечни являются гражданами России, и забота об их безопасности является одной из приоритетных задач государства.

Исходя из вышесказанного, государственные органы России обязаны обеспечить мирным жителям возможность - покинуть те населенные пункты и районы в Чечне, где их жизни подвергаются опасности, создать вынужденным переселенцам приемлемые условия жизни в местах их временного пребывания.

Одним из таких органов, на которые возложена эта забота, является Федеральная миграционная служба России, чьи отделения действуют и в Чечне, и в Ингушетии.

Я недавно вернулась из Ингушетии и Чечни, где посещала места проживания вынужденных переселенцев. В Назрани, в помещении местной миграционной службы, я увидела объявление, чрезвычайно удивившее меня. Согласно ему приостанавливалась регистрация по форме № 7 граждан, прибывших из ряда районов Чечни, объявленных "зонами безопасности".

Здесь следует объяснить, что лишь при наличии у человека такой справки, он может просить о размещении его в одном из лагерей вынужденных переселенцев и регулярно бесплатно получать некоторые продукты питания. (Однако ни то, ни другое не гарантировано.) Лишь обладатели этой справки имеют право на бесплатный выезд в какой-либо регион России.

И вот лицам, выехавшим из "зон безопасности", - а такими зонами объявлены северные районы Чечни, населенные пункты ряда других районов, в том числе Шали и Аргун, - в такой регистрации отказывалось.

Но позвольте, в Шали и в Аргуне, за несколько дней до моего приезда в Назрань, происходили боевые действия. Что же это за "зоны безопасности"?

(Далее - разговор с жителями Шали)

КОРР.: Вы только что приехали из Шали?

ОТВЕТ: Мы до этого тут были.

КОРР.: А вы просто поехали туда?

ОТВЕТ: Сказали, что там всё уладилось, хотели вернуться.

КОРР.: То есть вы жили здесь, потом сказали, что Шали - зона безопасная, и вы вернулись?

ОТВЕТ: Да, вернулись. Вернулись 27 декабря до своего праздника, чтобы отпраздновать там.

КОРР.: Дом был целый?

ОТВЕТ: Да, дом был в Шали целый. А уже после нашего праздника, 10 января, они начали обстреливать. Это было утром около 9 часов. Обстреляли очень много жителей, т.е. мирного населения.

КОРР.: А как это было? Конкретно, Вы можете описать?

ОТВЕТ: Каждый находился у себя дома, потому что у нас был праздник. По улице ходило очень много народу: дети, женщины, старики. К нам прямо во двор попала какая-то граната, я не знаю, или ракета. К нам 10 женщин на праздник пришли, и эти 10 женщин прямо сразу упали. И я чудом спаслась. У нас около мечети в Шали девчонки собираются у речки. У нас же воды нет, света нет, газа нет, ничего нет. Речка большая, и девчонки собираются там: за водой приходят. И потом уже говорили: молодые девочки, которые спустились к речке, - кто без ног, кто без рук остались.

КОРР.: Это в то же время было?

ОТВЕТ: В то же время.

ВЕДУЩАЯ: Людям, бегущим из Шали, отказывали в регистрации по форме № 7 на основании приказа №110, который был издан Федеральной миграционной службой 17 декабря прошлого года.

После приезда в Москву я обратилась с рядом вопросов к руководителю этой службы Владимиру Каламанову.

КОРР.: Владимир, первый вопрос у меня будет: как Вы относитесь к этому самому приказу " 110. Ваше личное отношение. Почему он был издан?

КАЛАМАНОВ: Этот приказ был издан в тот момент, когда стала явно проглядываться тенденция возвращения людей в Чечню, причем в Чеченскую Республику стали возвращаться без всяких приказов и команд. Началось это со второй половины ноября. Как нам показалось, или вернее, как наши данные стали показывать: около 2 тысяч людей ежедневно стали возвращаться в Чечню. И смысла в дальнейшей регистрации людей по форме № 7, как нам тогда казалось, просто не было никакого. Оставались только южные районы и Грозный.

Смысл данного документа. На территории Ингушетии мы прекращаем делать форму № 7. На территории Чеченской республики мы форму № 7 ввели. В результате те люди, кто потерял свои дома, продолжают находиться под нашим протекторатом, то есть даже на территории Чечни. Пока так.

Эти районы, куда можно уже возвращаться, были обозначены после того, как поставили свои подписи все командующие, все руководство МВД, и нам было официально заявлено, что эти районы совершенно свободны от бандитов и что туда людям можно возвращаться. Это было 17 декабря.

ВЕДУЩАЯ: В конце декабря многие жители Шали вернулись домой. Но вот, что сообщило Российское информационное агентство "Новости" 10 января. Я цитирую:

"Командующий восточной группировкой войск на Северном Кавказе Сергей Макаров отметил, что накануне группа боевиков численностью около 500 человек прорвалась в Шали и захватила школу и здание администрации, а также еще ряд зданий. В результате проведенной операции, боевики были выбиты из села, их потери составили около 150 человек".

А вот что сообщил корреспондент телеканала НТВ Борис Кольцов из Шали 12 января:

"Вот остатки ракеты "Земля-Земля". Эту ракету российские военные применили для того, чтобы уничтожить главарей боевиков, которые вошли в Шали несколько дней назад. Местные жители утверждают, что при этом взрыве погибли также и мирные жители. Цифры погибших расходятся. Представители официальных властей утверждают, что в результате этого точечного удара погибли от 40 до 80 боевиков и всего 10-20 мирных жителей, которые почему-то пришли к боевикам. Собравшиеся местные жители говорили нам, что в результате этого удара погибло очень много простых зевак, пришедших поглазеть на боевиков. Здесь через два дня после взрыва до сих пор видны лужи крови, а также части одежды"

Картина событий, представленная правозащитниками на основании многочисленных опросов беженцев из Шали, в принципе не расходится с сообщениями военных и журналистов.

Говорит, недавно вернувшийся из Ингушетии и Чечни, член правозащитного центра "Мемориал" Александр Черкасов.

ЧЕРКАСОВ: Из многочисленных рассказов опрошенных нами беженцев складывается следующая картина. Люди действительно поверили, что Шали - это часть зоны безопасности. 8 января там уже начали давать пенсии, и 9-го января с утра старики уже поспешили на центральную площадь.

Они не знали, что в город вошли боевики и предъявили засевшему в комендатуре российскому ОМОНу ультиматум: в течение часа покинуть город. Они не знали, что произошло, когда над их головами разорвалась тактическая ракета, запущенная с военной базы Северной Осетии и вызванная заблокированным в комендатуре отрядом МВД России. Всего на центральной площади погибло около 150 человек. Обстрелы, бомбардировки продолжались до 12 января. Точное число погибших не известно, но их больше 200. Люди вновь в панике стали покидать свой город, пытаясь спастись из этой, так называемой, "зоны безопасности".

Такое ощущение, что федеральные войска действовали, совершенно забыв о мирном населении, находящемся в Шали. В свое время генералы, командующие военной операцией в Чечне, говорили, что если из села будет открыт огонь по федеральным войскам, ответному удару подвергнется всё село, если из дома будут стрелять, дом будет уничтожен. Но бандиты на то и бандиты, они всегда будут провоцировать. А если

операция называется антитеррористической, то ее главная задача - это спасение гражданского населения, ставшего заложниками террористов, а потом уже поимка и уничтожение самих террористов.

КОРР.: В этом случае можно ли говорить о том, что могут быть какие-то зоны безопасности для мирных жителей?

ЧЕРКАСОВ: Словосочетание "зона безопасности" уже стало привычным в устах представителей федеральной стороны. Оно подразумевает реальные гарантии безопасности гражданского населения. Либо они находятся в глубоком тылу, контролируемом федеральными силами, либо такие зоны создаются по взаимной договоренности воюющих сторон.

ВЕДУЩАЯ: Я продолжаю беседовать с Владимиром Каламановым.

КАЛАМАНОВ: У нас информация была несколько иная.

КОРР.: Какая?

КАЛАМАНОВ: О том что, в принципе, мирные жители практически не пострадали, а погибали там в основном боевики.

КОРР.: А откуда у Вас такая информация?

КАЛАМАНОВ: Из средств массовой информации, только из них. У меня другой информации пока не было.

ВЕДУЩАЯ: Но официальные источники сообщали следующее. Я цитирую.

РИА "Новости", 10 января. "По словам начальника штаба внутренних войск МВД Российской Федерации, генерал-полковника Бориса Максина, российские войска не вступают в контактный бой с противником. Огневое соприкосновение есть, но с учетом соблюдения мер безопасности, подчеркнул он. Проводится разведка, огневые точки противника гасятся артиллерией".

Интересно, когда в "зоне безопасности" артиллерия гасит огневые точки, расположенные в жилых кварталах, это не представляет угрозу для жизни и здоровья жителей? Можно ли было после этого считать Шали, Аргун, да и другие населенные пункты Чечни "зонами безопасности"? Конечно, нет оправдания действиям боевиков, ведущим к гибели мирного населения. Но недавно в Страсбурге европейские парламентарии укоряли власти России за неадекватное и несоразмерное применение силы. Может быть, события в Шали и являются примером таких неадекватных действий?

Конечно, люди должны возвращаться на родину. Свой дом греет, там лучше, чем в вагончике или палатке. А если дома больше нет? Я продолжаю свою беседу с руководителем Федеральной миграционной службы Владимиром Каламановым.

КАЛАМАНОВ: Мы будем делать все для того, чтобы содействовать этому процессу. Никаких насильственных мер сотрудники Федеральной миграционной службы предпринимать не будут. Но, конечно, будет идти настоящая проверка: можно находиться или нет в каких-либо населенных пунктах. Мы будем делать все для того, чтобы люди в большинстве своем, конечно же, возвращались. И вы знаете, люди, в принципе, говорят:

мы хотим как можно быстрее вернуться в Чечню. Я еще раз говорю: мы никакого отношения не будем иметь к насильственным мерам по передислокации.

Люди напуганы, по их мнению, отсутствием безопасности в некоторых районах Чеченской Республики. Есть, возможно, какое-то основание для этого. Но мы постоянно работаем с военными. Мы им неоднократно говорили, что если вы гарантируете, то вы должны людям доказать и показать. Люди не хотят жить где-то далеко от своих домов. Они хотят вам верить, следовательно, надо будет работать с людьми и доказывать. Нужно разъяснять каждый случай, который произошел, например, в том же Шали, чтоб стало ясно всем, что это сделано бандитами для того, чтобы напугать население и не допустить стабилизации обстановки в регионе.

Сейчас вот у меня брошены все силы миграционных служб, чтобы работать с людьми и с военными, не скрою, даже и с властью, чтобы этот вопрос решить как можно быстрее и приостановить эту негативную тенденцию.

ВЕДУЩАЯ: Владимир Авдашевич совершенно прав. Вот что происходит, когда принятые наверху решения, напрямую касающиеся судеб людей, - с этими людьми не обсуждаются. Так произошло с теми вынужденными переселенцами, которых практически насильственно переселили из лагеря в станице Слепцовской (Ингушетия) на территорию Чечни, в Серноводск. Говорит комендант городка вынужденных переселенцев.

КОМЕНДАНТ: Когда нас оттуда отправляли, для нас подготовили 17 вагонов. Они отдельно в конце стояли, в тупике. Вот эти вагоны к отправке и были подготовлены. Нам сказали, что там в основном серноводские, они и уходят. Эти вагоны получили продукты на три дня и отъезжали.

Нас привезли на Слепцовскую, на вокзал. Привезли все вагоны, в том числе и те вагоны, где я работала комендантом. Нам сказали, что через два часа вагоны оттянут, поставят на место. Там работа тяжелая была: людей-то много. И мы под валерьянкой уснули: и бывший комендант, и все. Отдыхали. И где-то к вечеру поднялась паника. Меня уже будят насильно. Вскочила. Говорю: в чем дело? Они говорят: "Ты знаешь, что цепляют паровоз на наши вагоны". "Как цепляют? Какой паровоз?". Выскакиваю. Там идет Беков Хамзат. Он представился заместителем Шойгу. Идет он, так машет рукой. Я говорю: "В чем дело? Вот я - комендант состава, я хочу знать, куда вы везете вагоны?" Он говорит: "На Серноводск". Я говорю: "А почему так, без предупреждения, без пайка, без ничего?" Он говорит: "А кто вы такие, чтобы вас спрашивать?" Я говорю: "Ну, мы тебе сейчас покажем, кто мы такие". И беженцы легли на рельсы.

Был скандал не оттого, что вагоны идут в Чечню, а потому что нас, как скот, вывозили оттуда, то есть неподготовленными, и не предупредив, куда везут вагоны. Это однозначная была картина.

КОРР.: Это какого числа было?

КОМЕНДАНТ: Это было 17-го декабря вечером. Я говорю: "Не поедут вагоны никуда". И беженцы тут вышли и говорят: "Вот один твой звук - и мы его на куски". Я говорю: "Ты понял, кто ты такой? Ты никто сейчас. А я с этими людьми три месяца работаю. И стоит мне сказать "фас", они тебя разорвут, отойди отсюда". "Я , - говорит, - вызову российских солдат, и мы, мол, вам покажем". А я говорю: "Вызови этих солдат! Мы все эти годы были под этими солдатами. Нам плевать, кого ты вызовешь!".

То есть обращение было как вот со скотами. И тогда мы не позволили. И когда стемнело, дали уже отбой. Там военные какие-то были, и кто-то сказал, что так нельзя вести ни людей, ни вагоны. И вагоны в ту ночь не поехали.

А на второй день, правда, он извинился. Тогда меня пригласили, там был и Т. Залимхан. Я спросила его: "Ты как считаешь, как себя ведет этот заместитель Шойгу?". И ответ мне был такой: "Он не прав!". Ну, и на второй день он там извинялся: "Вы понимаете, что у меня власть, вот мне сказали, да я не знал". Я говорю: "Вот так, это другая сторона...". Ну, и потом уже спросили: "Ты едешь?" Я говорю, еду. И тогда наши уже сели. Ну, и какая разница, где находиться! И мы приехали сюда.

КОРР.: Много было людей, которые не хотели ехать и покинули вагоны?

КОМЕНДАНТ: В ситуации этой паники было много. Почти все вагоны в момент освободились, потому что никто никому не объяснял, куда идут вагоны, то есть люди были не подготовлены. Некоторые вагоны, например, 12-й и 13-й были абсолютно пустые. А из остальных вагонов несколько человек вышло, как например, из нашего вагона семья вышла. Но затем остальные люди уже сюда приехали. Уже ехали следом, заселялись в вагоны и жили. В связи с событиями в Ермоловке, у нас заполнились все пустые вагоны. И на сегодняшний день, кроме аварийных двух под загрузку, у нас все вагоны заполнены.

КОРР.: Вы приехали. Здесь место было подготовлено? И в какой степени?

КОМЕНДАНТ: Нет. Вагоны просто поставили на станцию. Туалеты стояли, честно говоря. Газ стали проводить уже при нас, свет стали проводить. Ничего здесь подготовлено не было.

До сих пор Чечня не приняла эти вагоны. Мы же под юрисдикцией Ингушетии еще.

ВЕДУЩАЯ: Как живут люди в городке в Серноводске? Почему сегодня боятся возвращаться в Чечню?

(Далее - разговор с жителями городка в Серноводске.)

КОРР.: Вы откуда? Давно здесь?

ОТВЕТ: Мы из Грозного. Мы здесь уже десять дней.

КОРР.: То есть вышли 10 дней назад оттуда, из Грозного. А что с мальчиком Вашим?

ОТВЕТ: Он вообще у меня больной эпилепсией.

КОРР.: И Вы с ним сидели все это время в Грозном?

ОТВЕТ: Да, да, Ну, куда я его? Не могла выйти.

КОРР.: А простите, где Вы жили в Грозном?

ОТВЕТ: В Черноречье.

КОРР.: Вы тоже ходили под бомбами?

ОТВЕТ: Ну, конечно. Страшно. У меня 12 детей.

КОРР.: Сколько у вас..?

ОТВЕТ: 12 детей.

ВЕДУЩАЯ: Фактически в Серноводске объявлен "комендантский час".

(Продолжение разговора с жителями городка в Серноводске.)

ОТВЕТ: С шести часов вечера до шести утра существует у нас комендантский час.

КОРР.: А туалеты у вас вынесены. Да?

ОТВЕТ: Очень далеко. Я лично иду. Правда, пока еще ни в кого не стреляли, но я боюсь туда ночью идти. У нас туалет очень далеко. Когда мужчина выходит, мы очень боимся.

Нам говорят, что это зона военных действий, могут заходить в вагоны и проверять без конца.

КОРР.: Проверяли хоть один раз?

ОТВЕТ: Проверяли нас.

КОРР.: А кто вам сказал, что это зона боевых действий?

ОТВЕТЫ:

- Военные сказали.

- Вы понимаете, Урус-Мартан тоже был освобожден от всего этого. В Ермоловку все заехали, стали мирно жить, всё. Потом вдруг появляются боевики. Говорят, что появляются боевики. Опять начинаются военные действия. Вот из-за этого мы боимся, потому что это территория Чечни.

- Шесть часов это не время. Даже когда по естественным надобностям они выходят из корпуса, тут их солдат ловит: "Ложись, стрелять будем". Вот инцидент был позавчера. В отношении них было направлено оружие, заставляли их ложиться, пользуясь тем, что введен комендантский час.

- У нас, если это зона беженцев, мы можем создать здесь с этими солдатами свое дежурство или дружинников, чтоб совместно проверяли, чтоб немного эту напряженку снять. Сейчас уже все люди от боевиков отвернулись: надоели они все. Но если сейчас будут и с этой стороны нас ущемлять, то куда ж нам деваться?

ВЕДУЩАЯ: Плохо обстоит дело и с медицинским обслуживанием в Серноводске.

(Продолжение разговора с жителями городка)

КОРР.: Ну, хорошо, здесь, в этих вагонах, нет медпункта. Но в селе же есть больница. Она-то что не принимает? Не имеет возможности?

ОТВЕТ: Нет, конечно, возможности. У них ведь нет ни питания, ни обеспечения, ни зарплаты. Она просто функционирует как больница, название есть, номинально есть, но ничего не могут сделать.

КОРР.: И куда же в таком случае людей доставляют?

ОТВЕТ: Людей доставляют в станицу Слепцовскую. Но после четырех часов их уже невозможно провести. И вот с четырех вечера до 9 утра эти люди между жизнью и смертью находятся.

КОРР.: А на чём их доставляют?

ОТВЕТ: На попутном транспорте. Больные платят свои деньги, заправляя автомобиль скорой помощи, и тогда уже за свой счёт везут их в Слепцовскую.

ВЕДУЩАЯ: В конце концов, люди имеют безусловное право сами решать: возвращаться или нет в Чечню, туда, где, по их мнению, долго еще не будет безопасно. Об этом я беседую с Владимиром Каламановым.

КОРР.: Очень многие, те, которые находятся на территории Ингушетии, не хотят больше возвращаться в Чечню. Это понятно: первая война, вторая война...

КАЛАМАНОВ: Я назову цифры. Примерно - от 20 до 30 тысяч.

КОРР.: Но ведь они хотят получить статус вынужденных переселенцев. А у них не принимают документы.

КАЛАМАНОВ: Я этот вопрос еще раз хочу уточнить. Обязаны принимать документы у всех. В случае отказов незамедлительно сообщать в Центральный аппарат. Будем наказывать, если будут отказывать; я вот говорю через микрофон и надеюсь, что это дойдет до всех.

Но решение о выдаче статуса будет затянуто. То есть они даже отказывать не имеют права сейчас. Я услышал, вчера мне сообщили о том, что есть отказы. Нет! Решение по отказу - только после окончания военных действий.

ВЕДУЩАЯ: На сегодня все. Прочитать нашу передачу вы можете в "Интернете" по адресу: www.memo.ru

До свидания!

Традиции и права человека, часть 3

(Эфир "Радио России" 16 января 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

“Традиции и права человека” - этой теме мы уже посвятили ряд наших передач. Свои точки зрения высказывали известный философ Григорий Померанц и доктор исторических наук Андрей Зубов. А сегодня на эту тему рассуждает доктор юридических наук, член Совета по судебной реформе, член Комиссии по помилованию, генерал Сергей Вицин и сотрудница Института прав человека Татьяна Венславская.

ВЕНСЛАВСКАЯ: Сергей Ефимович, мы пытаемся соединить такие понятия, как права человека и традиции. Традиции уводят в века, в прошлое, а права человека - это, как нам кажется, относительно традиций понятие более молодое.

Судьбами народа, как теперь говорят социальные психологи, в большей степени руководят умершие поколения, нежели нынешние. Нынешние, живущие, расплачиваются за грехи прошлых поколений и получают благодарность за их благодеяния.

Что в далеком или близком прошлом нашей страны помогает нам сегодня, а за что мы должны расплачиваться? Сегодня психологическое состояние общества довольно тяжелое, следовательно, что-то наследственное, что мы не можем преодолеть, играет и сегодня такую роковую роль.

ВИЦИН: Да, Вы говорите об исключительно интересной проблеме, осознание которой в настоящее время особенно важно. Дело в том, что ушло, наконец, то время, когда мы полагали, что мы сами творим законы, творим по своему усмотрению, не оглядываясь на прошлое и не заботясь по существу о будущем.

Не лишним будет вспомнить, что до недавних времен в рамках наших марксистско-ленинских представлений считалось, что “нравственность - это не более чем то, что сегодня, сиюминутно нужно для победы пролетариата”. Это слова, произнесенные Лениным в речи “О задачах Союза молодежи” в 1918 году. Там он пообещал, что “через 15 лет вы, молодые люди этого времени, будете жить при коммунизме”. И еще он сказал, что “нравственно все, что помогает делу пролетарской революции”. Я цитирую почти дословно.

Если говорить о том понятии нравственности, что к нам пришло из нашей истории (давней и недавней), то ленинское отступление от него привело к трагичным последствиям, от которых настоятельно надо освобождаться. Ведь, по существу, то, что мы сейчас видим, это те негативные черты, которые, в основном, определяются самим процессом излечения общества от этого недуга. Дело в том, что если человек серьезно болен, то для его выздоровления могут понадобиться и годы, а для того, чтобы излечить целое общество, представления которого искажены такими политиканскими высказываниями, безусловно, нужны многие годы. И мы наблюдаем, как медленно и мучительно идет выздоровление нашего общества. Ведь мы видим до сих пор людей, которые идут к могиле Сталина с красными флагами, с портретами этого диктатора. Что это, как ни проявление того прошлого, что губительно действовало на нас тогда и продолжает губительно действовать сейчас.

Все мы в этом смысле, по выражению Пастернака, “у времени в плену”. Это плохо, в то же время это и хорошо. Хорошо, что те традиции, которые складывались столетиями, становятся в конце концов нормами закона.

Я берусь утверждать, что современная конституция - это первая конституция в нашей новейшей истории. Ведь конституции 18-го, 24-го, 36-го и 77-го годов не были конституциями в точном смысле слова. Они, вообще говоря, никому не были нужны. Они

нужны были только как декоративный элемент для того, чтобы и у нас было то, что есть у всех; и не более того. В ныне же действующей конституции (как бы к ней ни относились разные люди) указано, что высшая социальная ценность - это права и свобода человека. А в основе прав человека как раз те моральные нормы и моральные ценности, которые формировались веками.

Когда теперь говорят о том, что мы должны построить правовое государство, то я берусь утверждать: мы должны сначала восстановить это правовое государство, которое существовало в нашей стране, скажем, с 1905 года по 1918 год. Это странно звучит, и многие мои коллеги сразу выявляют оппозицию по поводу таких утверждений. Но Россия ведь была страной, где существовал парламент с 1905 года, где были документы конституционного значения, например, манифест 17 октября 5 года, где была независимая судебная система, которая принимала решения, не одобряемые не только официальной властью, но часто и обществом: вспомним, например, дело Засулич. Это была страна, где существовал суд присяжных, подлинно независимый суд, который мы сейчас пытаемся восстановить, где были мировые судьи, и где, наконец, была официальная оппозиция власти. И потому восстановление вот этих норм, этих традиций, очень важно.

Ведь давайте представим себе, что в те годы существовала большевистская фракция в Думе. Подумать только: люди, которые должны за антигосударственную деятельность нести уголовную ответственность - они ведь призывали к свержению строя, - они заседали в Думе!

КАСАТКИНА: Вы говорите, что есть оппоненты Вашей точки зрения. А каковы другие точки зрения?

ВИЦИН: Я заметил, что по этой проблеме почти никто не высказывается. Мы оцениваем наше прошлое, и недавнее, и далеко отстоящее в истории, довольно схематично. Но утверждать, что Россия 1905 - 1918 годов была правовым государством, пожалуй, никто ещё не решался. Однако я полагаю, что для этого есть достаточно аргументов. И мы сейчас, кстати, видим возрождение российского парламентаризма. Я полагаю, самое важное, что показали итоги прошедших выборов в Думу, это то, что в стране, фактически, уже сформировалась система преемственности власти законодательной: Думу сменяет Дума, которая всё же постепенно обретает черты авторитетного законодательного органа. В ней представлены различные социальные слои, различные социальные и политические силы.

Мы слишком быстро забываем свою историю. Даже представить себе лет 20 назад, что высшие лица в государстве будут избираться, что тут будут вот такие сложно сформированные интриги, баталии, - тогда никто не мог. Мы просто забыли о том, что была очень простая и удобная для того режима схема. Кстати, когда сейчас мы произносим слово "режим", это меня немножко смешит. Если в стране есть режим, об этом не говорят ни в аудиториях, ни в других официальных учреждениях. Ведь об этом боялись говорить даже на кухне. Никакого режима нет, пока об этом говорят на площадях и в парламенте, и в газетах, и по телевидению. Режим - это режим! Мы знаем, что это такое, из нашего прошлого. Тогда ведь трудно было представить, что в нашем недалеком будущем будет формироваться парламент и даже будет избираться первое лицо в государстве.

Итак, я повторяю, что тогда все решалось очень просто, и мы уже забываем это. Собиралось Политбюро, принимались решения, затем собирался Пленум, который подтверждал эти решения. Затем собирался Верховный Совет, который тоже подтверждал

эти решения. И все голосовали единогласно, и всем было будто бы хорошо. Но многие просто не понимали, что это путь, который ведет никуда. И он на самом деле привел к тому, что система рухнула.

ВЕНСЛАВСКАЯ: Вы говорили о нравственности, как о критерии прав человека, да?

Психологи тоже утверждают, что величие народа характеризуется, главным образом, уровнем нравственности. Если посмотреть в нашу историю, то благо, которым владела Россия: те нравственные критерии, идеалы, издавна присущие менталитету нашего народа и хорошо известные по русской литературе, - ведь все это, очевидно, хорошим должно отозваться сегодня? Вот что в истории нашей России нравственно? И на что мы могли бы опереться сегодня?

ВИЦИН: Мне сложно об этом говорить, поскольку я сформировался и вырос тогда, когда господствовал атеизм. Я не могу сказать, что я человек верующий, хотя, признаться, я порой завидую людям, если они верующие.

Но, безусловно, что нравственность российского народа была основана, конечно, на религиозных положениях. И это не удалось вытравить даже “воинствующим атеизмом”, теми дикими акциями, которые начались с 18-го года и продолжались до недавнего времени.

Кстати, в нашей стране вырождение религии: и христианской, и других конфессий, - это тоже поразительный процесс. Ведь все равно не удалось убить в людях приверженность, прежде всего, к нравственно- религиозным постулатам, не смогли большевики это сделать.

Но сейчас, конечно, меня удивляет и забавляет человек, стоящий во главе компартии, который держит свечку, и удивляют те религиозные деятели, которые каким-то образом выказывают ему внимание или даже уважение. Это странно, поскольку коммунисты делали все, чтобы разрушить церковь и те нравственные устои, которые несет она.

Известно, что можно не быть религиозным человеком, но придерживаться именно тех нравственных постулатов, которые несёт религия. Многие люди этого не сознавали и не сознают, но ведь на самом деле, то, что является благом для личности, становится благом и для общества. Общество постепенно осознаёт: если защищён человек, нравственный человек, то это основа благополучия всего общества. Раньше нас учили по-иному: “прежде думай о родине, а потом о себе”. Кажется, верный лозунг, но по существу он не верен, потому что, когда реализуется этот принцип, в конце концов, формируется государство вроде фашистской Германии или Советского Союза.

ВЕНСЛАВСКАЯ: Меня пугает сегодня жёсткое отношение в обществе к заключённым: нет милосердия, - и огромное количество людей в тюрьмах.

Я столкнулась с людьми-чиновниками, которые очень жёстко отзываются обо всех чеченцах: “будем спокойны только в том случае, если их не останется ни одного на земле”. Ведь в прошлом русский народ был более милосерден.

ВИЦИН: Да, это как раз последствие того, как нас пытались воспитывать и воспитали-таки в предыдущие десятилетия. Давайте вспомним, что великий пролетарский писатель Максим Горький в 36 году опубликовал памфлет “Если враг не сдается, то его уничтожают”. Это было проявление идеологии того времени: врага нужно найти и

уничтожить, и никаких других альтернатив нет. Так что, начиная с 29 года, наши тюрьмы и лагеря уже заполнялись миллионами людей, миллионами заключенных. Их обвиняли в самых нелепых преступлениях, которые сейчас просто трудно назвать преступлением.

Тогда уже были антирабочие и антикрестьянские законы. Давайте вспомним, что 26 июля 1940 года был принят указ “Об уголовной ответственности за самовольный уход с работы”, к которому приравнивалось троекратное опоздание на работу на 20 минут. Давайте вспомним, что в то же время была уголовная ответственность за не выработку минимума трудодней. Колхозникам не дано было право иметь паспорт, они не имели права покидать свою деревню, зато они обязаны были работать, и если они не выполняли этот минимум трудодней, - они шли в тюрьму. Сейчас об этом многие забыли.

У нас также была уголовная ответственность за так называемую спекуляцию. С этой точки зрения, нынешние улицы наводнены преступниками, потому что многие сейчас что-то перепродают или участвуют в валютных операциях. И таким образом наши тюрьмы заполнялись людьми, которые преступниками не были. Среди них даже оказывались люди, которые выращивали на своих огородах огурцы и потом их продавали, но, помните, эту индивидуальную деятельность считали преступной, так как надо было работать не на своем участке, а в колхозе.

Хотя это все уже история, однако, к сожалению, получилось так, что в настоящее время у нас в тюрьмах, в следственных изоляторах и в исправительных колониях сидит более миллиона человек. Но давайте из истории вспомним начало века. Почти 100 лет назад обитателей в тюрьмах России при той же численности населения, было в 10 раз меньше. Ведь, наверно, мы должны задуматься, что с нами случилось за этот исторический период, если в 1903 году в тюрьмах было 100 тысяч, а нынче более миллиона. Что с нами произошло?

ВЕНСЛАВСКАЯ: Что с нами произошло...

ВИЦИН: Мы одичали в нравственном отношении. Мы сформировали бесчеловечную карательную систему, которая продолжает функционировать.

Кстати сказать, что здесь тоже формируются и существуют свои традиции.

Я работаю в Комиссии по помилованию; и вот здесь у меня лежит один материал. Он был рассмотрен на Комиссии по помилованию вчера. Я процитирую. 14 декабря 97 года вечером нетрезвые Б. и В. проникли в сарай К. и похитили оттуда двух кур. Им дали 3 года лишения свободы. Вот, пожалуйста, та традиция Советского правосудия, которая неистребима до сих пор. Эта традиция существует и диктует нашим судьям такие приговоры. А потом, как следствие, мы объявляем амнистии и говорим, что в тюрьмах нет места. Ну, извините, если в тюрьмы помещать вот таких людей, которые украли коробку конфет, как, например, подросток, или вот двух куриц, или 40 килограмм картофеля, - то никаких тюрем не хватит. И в данном случае мы опять являемся свидетелями того, что эти идеи так называемого “социалистического правосудия” продолжают действовать. Именно, благодаря этим идеям, считается, что первое и основное средство для борьбы с преступностью - тюрьма, хотя на самом деле это не так. Мы должны понимать, что если в нашей стране за последние 20 лет около 20 или более миллионов человек побывало в тюрьмах, то каков же наш криминогенный потенциал. Ведь мы за какие-то пустяки направляем людей в тюрьмы, а потом ждем благополучной жизни. Мы сами за прошедшие десятилетия тщательно выращивали преступность, от которой сейчас

страдаем. Мы ее создавали сами этими нелепыми и бесчеловечными законами, бесчеловечной судебной практикой.

ВЕНСЛАВСКАЯ: А ведь раньше, в царское время, люди приходили с хлебом и яблоками на ту дорогу, по которой шли заключенные. Теперь же милосердия от людей не дождешься.

ВИЦИН: Вы правы, Татьяна Иосифовна. И мы можем обратиться к литературным источникам, чтобы вспомнить, что в тюрьму на Рождество, на Пасху несли огромное количество еды, всякой снеди. И это естественное проявление человеколюбия, которое присутствует в каждом. Но в нас его искусственно подавляли в течение многих десятилетий. “Главное - врага найти и с ним расквитаться” Вспомните такие определения, как “гнилой либерализм”, “буржуазный гуманизм”. И мы, в общем-то, добились определенных результатов. Надо ведь признать, что мы преуспели в “формировании нового советского человека”. А теперь, по выражению Чехова, уже “нужно из себя выдавливать” этого “советского человека”, часто лживого, жестокого и думающего, что он очень образован.

КАСАТКИНА: Вы сказали, что, несмотря на гонения на церковь, которые были все это время, сейчас, когда у нас есть относительная свобода, люди к каким-то нравственно-религиозным критериям возвращаются. Значит, в нас традиционно это жило все-таки. Но как же по отношению к заключенным? Ведь это тоже было в традиции русского народа?! Как же быстро мы это искоренили! Или это не было нашей традицией?

ВИЦИН: Я думаю, что это было нашей традицией. Но Вы знаете, существуют различные стороны натур человеческих, различные стороны национального характера. Естественно, и возрождаемся мы по-разному, с разной степенью успеха. И сейчас нельзя не заметить, что советские люди, российские люди, скорее восприняли внешнюю сторону религиозности, но за этим, конечно, последует возвращение к истокам, к подлинным, нравственным началам в народе, в душе народной. Это, конечно, произойдет не сразу. Но кстати, когда сейчас говорят, что упал нравственный уровень жизни, нравственный уровень населения, то с этим соглашаться тоже ведь нельзя. Дело в том, что как мы стали разнообразней по уровню доходов (конечно, множество людей живет в очень трудных условиях, а какие-то слои населения живут лучше, чем раньше), так произошло и расслоение. Вот такое же расслоение происходит и в сфере нравственности. Когда я вижу семьи, идущие в церковь с детьми, я понимаю, что в этом будущее нашей страны. Я вижу тех людей, которые уже не станут совершать преступления.

Нам также нужно понимать, что свобода - это свобода не только для благородного человека. Это в то же время и свобода для негодяев. Это одна из причин того, что у нас рост преступности такой, какой мы видим. Кроме того, мы должны помнить, что, по существу, любой переломный момент, любая эпоха социального неблагополучия приводит к росту преступности. Достаточно вспомнить начало 20-х годов или послевоенный период, после 45-го года. Эпоха переходная всегда приводит к росту правонарушений и преступности. А мы еще создали такую благодатную почву для этого!

ВЕНСЛАВСКАЯ: Мне кажется, что болезнь общества связана с проявлениями радикализма. В такие периоды мы обычно разрушаем очень быстро то, что накапливалось поколениями. Не болезнь ли это общества сегодняшнего?

ВИЦИН: По существу идеология нашего недавнего прошлого - это идеология экстремизма, она проявлялась и в лозунгах, и в ш্লягерах. “Мы все добудем, пойдем и

откроем”. Но дело в том, что эти идеи основывались, как мы уже отметили, на разрушении многого того, что следовало сохранять. И по-прежнему этот радикализм, конечно, сохраняется и в суждениях, и в действиях, и в поступках.

ВЕНСЛАВСКАЯ: Такое впечатление, что у нас “вечный бой, покой нам только снится”. По крайней мере, за мою жизнь не было периодов без войн. И нет ни одного поколения, которое бы выросло в мирных условиях. Вот, что страшит.

ВИЦИН: Видимо, это неизбежно, в связи с тем историческим периодом, который начался с 18-го года. Кончилась Гражданская война, начались необъявленные гражданские войны со своим населением. Мы превратились в огромный лагерь военнопленных, поскольку шла война с народом. И вот Гулаг - это лагерь военнопленных и пленных, представляющих мнимого, но противника. До сих пор мы видим людей (к сожалению, в основном старшего поколения), которые проявляют такую нетерпимость ко всему новому. Они ведь забывают как раз о тех традициях, о которых мы говорили, - традициях терпимого отношения к ближнему и к заблуждениям ближнего. Мы видим очень много людей, которые считают, что есть два мнения: его, личное и якобы только верное мнение, и мнение врага; то есть, опять-таки “кто не с нами, тот против нас”. Но ведь это нелепая сентенция. Может быть, разумнее ориентироваться на другое: кто не против нас, тот должен быть с нами.

ВЕНСЛАВСКАЯ: Сергей Ефимович, как Вы думаете, на что сегодня надо обращать внимание общественности, чтобы у людей все-таки теплые надежды появились?

ВИЦИН: Я думаю, что задача российской интеллигенции, прежде всего не забывать о ее предназначении, помнить, что все-таки интеллигенция - соль земли, хотя от Ленина мы слышали другое определение. “Это не соль земли, а дерьмо” - говорил Владимир Ильич. Тем не менее, деятели культуры, науки - это тот социальный слой, на который, видимо, можно рассчитывать, заглядывая в будущее. Хотя здесь тоже нельзя не увидеть определенного раскола. Если в начале демократических преобразований было странно видеть какого-то заметного деятеля науки, культуры в рядах левых, то сейчас мы наблюдаем там людей, несомненно, талантливых, но, осмелюсь сказать, с притупляющимся нравственным чувством.

ВЕНСЛАВСКАЯ: В России интеллигенция характеризовалась скромностью. А сейчас очень трудно найти или, может быть, не видны те, кто сохраняет эти качества, например, просто скромность в отношении к людям.

ВИЦИН: Да, Вы правы. Ведь подлинно интеллигентный человек не склонен афишировать себя и стремиться без нужды под свет рампы. По Пастернаку помните: “Быть знаменитым некрасиво”. Но, к сожалению, сформировалась новая историческая общность, “советский народ”, то есть реальное “достижение”, как у нас говорили, нашей прошлой власти. Сформировалась и новая советская интеллигенция, которая не желает сдавать своих позиций. Мне горько порой сознавать, что авторы, которых я, конечно, уважаю за литературу и талант, оказываются в стане левоориентированных. Это странно, конечно.

КАСАТКИНА: Мы говорим о традициях и правах человека. Но давайте еще затронем такое понятие, как универсальность прав человека. Ведь каждая страна Запада или Востока имеет свои традиции. Например, законы шариата, адат - это все-таки традиция, скажем, чеченского народа. Можно ли с одинаковой меркой, с точки зрения международного права, подходить, скажем, к этому народу или к китайскому народу с его

собственными традициями и даже законами? Можно ли в данном случае говорить об универсальности прав человека, которые все-таки в основном являются прозападными?

ВИЦИН: Интересная постановка вопроса, Татьяна Ивановна. Я понимаю, что в любом культурном обществе, в любом правовом государстве все конфессии должны быть равны. И это, конечно, государства светские, не религиозные. Однако не будем забывать, что какие-то традиции европейской цивилизации (и среди них религиозные) перешли на другой континент, на американский, пришли они и в Азию. И конечно, хотим мы того или нет, но большинство населения Земли живет в сфере представления европейско-христианской цивилизации. С другой стороны, если брать современные религии (это не моя специальность, я тут мало что знаю), - все они основаны на великих документах, которые несут огромный нравственный потенциал. Прежде всего, это, конечно, книга книг - Библия. Помните, она довольно долгое время была абсолютно запрещена. У нас никто не признавался, что у него есть дома Библия. Ведь, действительно, сжигали эти документы.

Так вот сейчас мы все чаще видим, что нормально развивающееся общество, нормально развивающиеся страны обнаруживают тенденцию к сближению с Западной Европой.

КАСАТКИНА: Что значит нормально развивающиеся?

ВИЦИН: Это значит - не в рамках тоталитарного режима, без той нетерпимости, которую несет тоталитарная идеология: “кто не с нами, тот против нас”.

Мы являлись свидетелями того, как страны послевоенной Европы постепенно, без всякого понуждения, сближались и образовали, в конце концов, и экономическое сообщество - Европейский Союз и Совет Европы, в который мы вступили.

Мне довольно часто приходится выезжать по такого рода проблемам в Страсбург. А сейчас даже речь идет о гармонизации законодательства этих стран, то есть уже сближаются правовые системы. Это вполне понятный и естественный процесс. В конце концов, я полагаю, что мы всё больше и больше осознаем себя, наш народ, как часть единого сообщества народов. А уж, что касается Европы, то мы видим, что Европа теперь не знает границ. Там вводится даже единая валюта, евро. Как она будет входить в жизнь, конечно, никто точно сказать не может. Тем не менее, мы знаем, что европейцы давно осознают себя единым сообществом.

Я осмелюсь все-таки предположить, что, несмотря на то, что история развела многие народы, бывшие в Советском Союзе, по разным углам, тем не менее, идет процесс сближения. Он продиктован не какими-то политическими соображениями, а естественным сближением, в том числе и теми же самыми традициями.

КАСАТКИНА: На тему “Традиции и права человека” сегодня рассуждали доктор юридических наук Сергей Вицин и сотрудница Института прав человека Татьяна Венславская.

До свиданья! До новых встреч.

Традиции и права человека, часть 2

(Эфир "Радио России" 9 января 2000 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Тема нашей сегодняшней передачи - **“Традиции и права человека”**. Что такое традиции? Можно ли дать им определение, и какое?

Об этом я беседую с известным философом Григорием Померанцем и ведущим научным сотрудником Института Востоковедения, доктором исторических наук Андреем Зубовым.

У микрофона Григорий Померанц.

ПОМЕРАНЦ: Традиции - это то, что передается нам из прошлого, как живой опыт и как опыт, записанный в языке и формах культуры. Они выполняют приблизительно ту же роль, что инстинкт у животных.

КАСАТКИНА: То есть некоторые консервативные формы, которые позволяют поддерживать общество в каком-то более или менее стабильном состоянии?

ПОМЕРАНЦ: Это те формы жизни (и хорошие, и плохие), которые мы получили уже в наследство от прошлого. Традиции не обязательно хорошие. Это просто совокупность того, что досталось нам в наследство. Человек отличается от животного тем, что помимо генной информации, для него очень большую роль играет информация культуры. Ведь традиции - это как бы культура прошлого, действующего в настоящем. И не случайно, слово “традиция” часто идет с прилагательным “культурная” - “культурная традиция”. Потому что культура имеет как бы два аспекта. Это есть нечто живое, существующее сейчас, но в то же время есть нечто уходящее своими корнями в очень глубокое прошлое. Вот новый подход к определению. Тот аспект культуры, который является как бы корнем, уходящим в прошлое, и есть традиция.

Конечно, часть традиций - это традиция законности, традиция права. И понятие “право человека” - это как ветвь на древе закона. Понятие “право человека” было бы невозможно без общего представления о правах. Это часть традиций, часть того, что входит в европейское понятие свободы, то есть это свобода, основанная на уважении к свободе другого существа, основанная на уважении к закону, гарантирующему данные свободы. То есть какая-то часть предания - это совокупность норм, гарантирующих свободу человека, защищающих его от насилия со стороны других людей.

Далеко не каждая культура это признавала. Например, традиционная китайская культура достигла очень высокого уровня, но понятия о правах человека в ней нет. И сейчас, я думаю, для китайца - это иностранное понятие.

Права человека, скажем прямо, - понятие западное. Оно вряд ли когда-нибудь могло родиться в России. Федотов об этом очень четко написал в одной своей очень хорошей статье. В ней он объясняет различие между европейским понятием свободы и русским понятием воли. Русское понятие воли означает: делай, что хочешь. С одной стороны, это воля разбойника, а с другой, - воля деспота. И русская история - это переход от периода разбоя (Смутное время, разинщина, пугачевщина) к деспотизму. Свобода же основана на очень жесткой школе закона. Прежде чем европейцы стали в массе увлекаться идеями свободы, они прошли через пару веков абсолютистской королевской законности, через которую Россия не проходила.

Русские императоры, даже носившие уже европейские мундиры, отличались от западных королей. Ни один европейский государь не позволил бы себе то, что позволил Павел I. Когда ему кто-то сказал, что он недавно говорил с одним значительным лицом, Павел перебил его словами, что “у нас есть только одно значительное лицо - то, с которым я сейчас разговариваю, и до тех пор, пока я с ним разговариваю”. Это уже не европейская традиция, а совсем иная.

КАСАТКИНА: Право человека не возникло как нечто спущенное сверху или явившееся снизу, сбоку и т.п. Оно явилось естественным развитием традиций определенных стран. Это так?

ПОМЕРАНЦ: Да, права человека сложились совершенно органично как результат развития правового сознания в западных цивилизациях.

КАСАТКИНА: Почему западных? Почему Россия выпала из этого поля? Почему развитие традиций в Китае пошло совсем иным путем?

ПОМЕРАНЦ: Вообще, каждая культура может держаться на каких-то гарантиях сохранения культуры. В китайской традиции это держится на уважении к документу. В Китае все написанное - священно. Даже черновики не выбрасываются просто так, тем более не используются в отхожем месте. Последователь учения Конфуция раз в год сжигает черновики на жертвеннике. В Китае никто не был гарантирован от того, что его не будут бить палками, не кастрируют и т.д. Но написанное слово - свято. В Индии гарантия культуры - неприкосновенность брахмана. Убить брахмана считается величайшим грехом. Ну а брахманы уже непосредственно являются носителями вершин индийской культуры.

В Европе гарантиями культуры были права верхнего класса. Меньшими правами обладал подданный. Никакими правами не обладал раб. Но римского гражданина, скажем, нельзя было наказать плетью. Рыцаря тоже нельзя было выпороть. Ему можно было отрубить голову за преступление, но выпороть его было нельзя. И вот это представление, что есть социальный уровень, на котором человек защищен от грубого насилия, оно в какой-то степени переносилось и на духовную элиту. Скажем, Спиноза или Лессинг не были дворянами, рыцарями, но представление о том, что духовную элиту тоже как-то защищает дух закона, существовало. И, кажется, Герцен заметил, что Спинозу не гнали сквозь строй, Лессинга не отдали в солдаты, как у нас было, например, с Полежаевым, Шевченко и т.д. И вот на этом фоне развиваются далее права человека.

С чего начались права человека на новом витке, уже после периода варваров? Все началось в Англии с гарантии лордам, что их нельзя казнить без суда. Это первое. Лорды были отнюдь не самым несчастным слоем английского общества. Наоборот, это был высший класс. Но они сумели себя защитить и отстаивать свое право. Постепенно это начало распространяться не только на лордов. И уже в XVII веке это распространилось уже на всех граждан. В таком же духе шло развитие всей Европы. Права, завоеванные себе феодальной знатью, постепенно распространились на всех граждан. Само обращение “мисьё” во Франции означает “мой сеньор”, “мой господин”. Так же и польское “пан”. Это не только условность. Господин - это обращение к каждому и распространение сверху вниз гарантий некоторых минимальных прав. Таков подход европейского развития; и так шаг за шагом это распространялось во всех областях.

КАСАТКИНА: Таким образом, получается, что понятие “права человека” для Запада естественно, и вытекло оно из западных традиций. Но оно чуждо, скажем, Китаю и даже России и является наносным, навязанным им.

ПОМЕРАНЦ: Для России это не более наносное, чем все прочее, что ввел Петр Великий. Уже в XVIII веке вестернизация обернулась правами человека, правда, только правами дворянина.

Мужиков же пороли и в 1905 году, хотя крепостное право было отменено. Ну, скажем, после того, как пожгут мужики какую-то усадьбу, карательная команда не расстреливала их, а порола, то есть продолжала действовать методами крепостного права. Считалось, что мужиков пороть можно. И во время гражданской войны казаки пороли шомполами своих пленников. Это показывает, насколько крепка традиция крепостного права. Конечно же, плохая традиция. Поэтому, когда вся масса из низших слоев, которые никакими правами не пользовались, которым давали “по морде” офицеры, прорвалась к власти, то с правами человека сразу стало совсем плохо. Но в интеллигенции нашей все-таки продолжала дремать традиция, идущая от Указа о вольности дворянства, от времен Екатерины Великой. Так что нельзя сказать, что понятие “права человека” нам совсем чуждо. Это чуждо тем, кто совсем не приобщился к европейской культуре, в которую Россия все-таки включилась.

КАСАТКИНА: Сейчас много говорят об универсальности понятия “права человека”. Но если с этих позиций рассуждать, то разве можно подходить одинаково к Германии, России, Чечне, Китаю и т.п.?

ПОМЕРАНЦ: Есть великие азиатские культуры, где гарантией культуры являются не права человека в западном смысле этого слова. Например, китайская и индийская культуры. Они ведь основаны не на европейских принципах защиты и гарантиях культуры, а на иных принципах. И я думаю, что пройдет значительное время, пока этот принцип прав человека, который я разделяю и которому сочувствую, сможет распространиться и в этих культурах, врасти в них.

Вообще, закон и нравственность - не совсем одно и то же. Это соприкасающиеся, но разные поля. Просто о нравственности в России всегда говорят. Вот только сейчас перестали говорить. И это ужасно, когда не хватает ни нравственности, ни закона. И то, и другое нужно. Нельзя считать, что на Западе - только холодный закон и нет никакой этики. Но ряд вещей на Западе решает закон, а в России решается (худо или бедно) - по совести. По-видимому, это связано с некоторой нашей архаичностью, в чем есть и своя хорошая сторона. Я уже говорил о воли. И должен сказать, что понятие воли включает в себя и хорошую сторону. Воля есть что-то живое, естественное. Выйти на волю - это выйти на воздух или, в народном понимании, “окунуться в природу”. Воля связана с восприятием широты русской равнины, с любовью к не городской жизни и т.д. Это нельзя совершенно зачеркнуть. Просто надо как-то уравновесить некоторые догосударственные традиции, которые у нас в чем-то живы, с современными юридическими гарантиями норм жизни.

КАСАТКИНА: Сейчас очень горячий вопрос в России - Чечня. Там существуют свои законы, закон шариата. Понятно, что это никак не соотносится с международным правом, а входит даже в противоречие с нашим Уголовно-процессуальным кодексом и т.д. Но это их традиции. Имеем ли мы право, вмешиваться в эту их жизнь и навязывать свое понимание (и не только российское, но как бы и международное), и тем самым разрушать

то, что, может быть, держало эту республику, это сообщество в состоянии какой-то стабильности?

ПОМЕРАНЦ: Если я не ошибаюсь, то чеченцы - очень недавние мусульмане. Там был адат, и у них в тотеме - волк. Это еще, в сущности, в основе своей, этнос до мировой религии. Их ислам достаточно недавний, и адат с кровной мезтью - отнюдь не мусульманский обычай, а обычай, прямо запрещенный Мухаммедом. Так что их шариат не столько традиция, сколько лозунг, лозунг антизападный, даже антирусский. Сейчас мы всюду сталкиваемся с контрнаступлением ислама на западную цивилизацию.

Западная цивилизация, особенно в своем последнем варианте, ставит вопрос identity, то есть чувства тождества с самим собой, чувства принадлежности к некоему целому. Западный человек уже как-то привык к существованию изолированного индивида, хотя страдает и он от этого. О таком страдании и изолированности человека достаточно много написано хорошей прозой, и философской, и художественной. Это, конечно, болезнь западной культуры. Запад уже привык так хронически болеть и хронически искать из этого выхода. Когда же это попадает в мусульманский мир, то рушится весь порядок. Ибо ислам - это не религия не от мира сего, которая может приспособиться к любому миру, отсылая к царству небесному. В этом смысле ислам резче противостоит Западу, чем, допустим, китайская или индийская традиция, где есть какие-то мистические глубины, куда можно уходить, не оставляя мир иллюзий, и в то же время существовать в таком мире, каков он есть. Кстати, вестернизация происходит легче на Дальнем Востоке, чем в странах ислама, которые, как правило, очень сопротивляются. Для вестернизации ислам просто должен быть отодвинут в сторону, как в Турции, что вызывает очень мощное сопротивление. Там же, где ислам более укоренен и не разболтан веками соприкосновения с Западом (Турция ведь отчасти европейская страна), - там, естественно, возникает контрнаступление. Это проблема, которую нельзя решить просто. Западная цивилизация сумеет с ней справиться, если она выйдет из своего собственного кризиса, кризиса разрушения ценностей. На самом Западе уже рухнула иерархия ценностей; помните, как говорил Осип Мандельштам: этот "ценности незыблемый оскал".

Постмодернизм - это признание того, что все лежит на одном уровне. Нет различия. "Я люблю химию, а ты любишь яблоки", - как было сказано в романе Тургенева "Отцы и дети". Вот на этом держится постмодернизм. Это очень захватывает и очень удобно, но для многих невыносимо. Это, я думаю, связано с тем (кстати, и не случайно), что число самоубийств в западных странах гораздо больше, чем в бедных и нищих странах. В западных странах человек - это как изолированный атом. А смысл жизни - это ведь чувство принадлежности к чему-то целостному и вечному. Называется ли это именем Бог или другим именем, но что-то священное, целостное и вечное, осознаваемое как что-то прорастающее в нас самих, придает жизни чувство смысла. Когда Лука из пьесы "На дне" Горького говорит, что человек живет для лучшего, он в какой-то степени выражает эту мысль. Жизнь человека имеет смысл, если человек живет для лучшего, для чего-то, что созревает в нем самом и что больше его самого. У переводчицы Зинаиды Александровны Миркиной есть такое соответствующее определение - "прорастание": "Я чувствую, что в человеке прорастает Бог". И вот это прорастание придает жизни смысл. Человек, оторванный от созерцания целого, теряет это чувство чего-то прорастающего в нем, и вместе с этим он теряет чувство смысла жизни. Уже некоторые чеховские герои это очень хорошо понимали. Вспомним, например, "Скучную историю". А у Льва Толстого Левин, начитавшийся материалистических брошюр, чуть не покончил жизнь самоубийством. Это не русская проблема, это западная проблема, которая в России тоже была пережита.

Для того чтобы размыть почву контрастности ислама, Запад сам должен стать другим. Он должен обрести заново духовную почву, по-видимому, благодаря определенному глубокому осовремениванию религии. Это я определил грубыми словами. Но, вероятно, надо освободить религиозные традиции от требования буквально верить в легенды и мифы, окутавшие реальность священного, и отделить то, во что верить можно и должно. То есть то, что некоторые люди переживают реальность Бога, реальность Христа - это бесспорно для меня. Но священное, истинное, надо освободить от легенд, которыми полно Евангелие и которые православный фундаментализм требует принять за факты. В результате человек оказывается перед выбором: или верить в то, во что верить невозможно, или остаться без единства веры, надежды и любви, ибо любовь и вера очень глубоко связаны. Чтобы чувствовать жизнь как любовь, идущую изнутри навстречу любви, идущей к нам, нужна вера в то, что другие люди это уже испытывали, что минуты, когда мы это чувствуем, не случайны и не иллюзорны. Такие благодатные мгновения просто попадают в известную традицию и смыкаются с духовным опытом людей, в этом превосшедших нас. Это легко сформулировать, но все же лучше прочувствовать.

Очень важна, с моей точки зрения, традиция поэтического пути к священному. Скажем, если говорить об исламе, то мы обычно забываем, что рядом с догматическим, воинственным исламом был суфизм. Очень свободомыслящий, основанный на непосредственном поэтическом чувстве священного в жизни и давший замечательную поэзию. И в наш век есть не только тоска, как у Кафки, по смыслу жизни, который оказывается за закрытыми воротами, как за воротами замка, около которого бродишь. Есть ведь и Райнер Мария Рильке, есть и другие прорывы к непосредственному чувству священного. Конечно, осмыслить все это очень нелегко, особенно в нашем техногенном мире.

Пока Запад остается таким, каков он есть, ислам выступает как защита религиозного смысла жизни от пошлой, вульгарной, развлекательной поп-культуры цивилизации. И не случайно, движение в Иране началось с американского фильма, который очень многих там возмутил. Этот факт было бы крайне опасно недооценить. Тогда не экономика сыграла роль. С экономикой было все в порядке: шах разумную реформу проводил. Для них невыносима была эта псевдокультура с акцентом на грубую плотскую радость, которая разрушала духовную жизнь. Даже в варварской реакции на это было нечто такое, что я способен понять.

КАСАТКИНА: В нашем разговоре принимает участие сотрудник Института прав человека Татьяна Иосифовна Венславская.

ВЕНСЛАВСКАЯ: Сейчас, к сожалению, человек не может слышать сам себя. Но для того, чтобы услышать то неосознанное, о чем мы говорим, он должен побыть сам в себе, а его все время крутят и выворачивают наизнанку.

ПОМЕРАНЦ: Я скажу о собственном опыте. Меня в юности захватили стихи Тютчева, некоторые страницы Льва Толстого и Достоевского, которые растормозили во мне тоску по целостному, вечному. И я пошел навстречу этой тоске, я вглядывался в нее и затем переболел ею. И так я дошел до чувства как бы выхода из темноты к свету. Обратный же путь - отодвинуть от себя это и искать развлечений от скуки, которая в этом случае гоняется за тобой. Тоска - это боль. Скука - скорее чувство некоторого отупения. Надо быть открытым боли, тогда будет и радость. Ребенок же переходит от ликования к слезам и от слез - к ликованию. Человеку взрослому эту открытость чувств и открытость боли, поскольку он видит ужасы жизни, надо в себе сохранять. И через открытость боли надо

прийти к открытости радости, которая глубже боли. Вот путь, который я лично прошел и который дал мне глубокое равновесие.

А противоположный путь - это путь через некое оупение чувств, защита от скуки в каких-то поверхностных подделках искусства, вроде громкой музыки, ярких красок и т.д. Но скука, “как за Онегиным хандра, как тенью верная жена”, идет за такими людьми, которые со скуки, в конце концов, иногда готовы принять что-то варварское, дикое. Помните, как говорил Горький: “на пустом лице и царапина - украшение”. Многие взрывы дикости в цивилизованных странах связаны с этим. Уже не только деспотизм вызывает взрывы бунта, но, как мы наблюдали в 1968 году, скука цивилизации со всеми гарантиями личных прав тоже вызывает бунт. Это протест против скуки цивилизации.

Первый же путь - путь через сознание своей оторванности к выходу в глубину, где эта оторванность преодолевается. Причем она есть и в ортодоксальных религиях, но у тех людей, которые обладают глубоким личным опытом. Я у Антония Блума нашел прекрасные слова, что **наш главный грех - это потеря контакта с собственной глубиной**.

ВЕНСЛАВСКАЯ: Лет 10 назад митрополиту Антонию Сурожскому в Лондоне, когда брали у него интервью, задали вопрос: что, по его мнению, первостепенно важно для России сегодня. Митрополит сказал, что “важно возродить веру в человека не как раба или работодателя, не как, скажем, научного гения или участника муравейника, а как неповторимую личность, которая только и может соотноситься с другими личностями”.

Что Вы можете сказать о рабстве, как о мировоззрении человека в России?

ПОМЕРАНЦ: Я могу только присоединиться к этой мысли Антония Блума. Но как уничтожить этого раба? Очевидно, это значит принять на себя ответственность за все, что произошло в стране. Не нужно считать того, что “лично со мной сделали”, так как это уже чувство раба. Вот со мной это сделали, и пусть мне дадут лучшее. Свободный человек считает, что он ответственен за все, что происходит в мире. И значит, он должен сам каяться за все, что сейчас происходит. Он должен признать свою вину в том, что страна находится в таком состоянии, и что от него зависит, чтоб государство стало лучше. А не от государства зависит, чтобы лучше стало мне. То, что это совпадает с западной традицией, не случайно, потому что достоинство личности и права личности - это все-таки, в общем, западная традиция, утвердившаяся, правда, не без потерь. Если в XVIII веке это еще связано с глубоким религиозным чувством - время Рембрандта и Эль Греко в живописи, Баха и старых итальянцев в музыке и т.д. - то потом общий поток культуры мельчает, хотя отдельные гении всегда прорывались в глубину. Человек слишком легко нашел удовлетворение в себе самом и потерял контакт с чем-то высшим, что прорастает в его душе.

Сейчас проблема в том, чтобы постараться привить вкус к глубине все-таки достаточно большому числу людей. Хотя это, конечно, и выглядит утопией. Надо стремиться к тому, чтобы открыть в себе глубину и держать себя открытым для нее, чтобы создать какой-то импульс возрождения, который может потом увлечь за собой других.

КАСАТКИНА: Это был взгляд известного философа Григория Померанца на проблему “Традиции и права человека”.

Несколько иная точка зрения у доктора исторических наук Андрея Зубова.

ЗУБОВ: Права человека ошибочно считают идеей, возникшей только после Великой Французской Революции или в эпоху Французского Просвещения, или немного ранее. Действительно, тогда они были артикулированы, тогда они были высказаны. Но, по сути своей, идея прав человека - это идея очень глубокая, очень древняя и, наверно, соизмеримая с самим человечеством, потому что она уходит своими корнями в принцип Богоподобия человека: человек - это образ и подобие божье. Бог свободен. Главное качество Бога - это абсолютная свобода. Поэтому человек, как образ и подобие Божие, также имеет свободу. Собственно, многие мыслители древности, не только, кстати говоря, христианские, но и в Индии, в Египте и в исламе, полагали, что человек по природе своей, по естеству своему, подобен Богу именно потому, что он свободен. То есть свобода - это главное качество человека. А если это так, то, соответственно, любые попытки эту свободу ущемить, сделать человека лишь орудием какого-то другого человека или какой-то другой системы - это преступление. “Благородный муж, - говорил Конфуций, - не подобен вещи”. В чем смысл этого замечательного изречения? Вещь используется. Ложка, например, используется для того, чтобы человек выпил чаю и размешал сахар. А вот человек не может быть использован. Человек - это не вещь. Например, когда начальник (Конфуций много думал об отношениях начальника и подчиненного) посылает своего подчиненного по тому или иному делу и требует от него исполнения того или иного, он должен всегда помнить, что это не говорящее орудие, а именно человек, образ Божий, это брат его, то есть человек с таким же духовным потенциалом, как и он сам. Это, разумеется, совершенно иначе выстраивает отношения. И, кстати говоря, это то, что сейчас вошло в западный лексикон под принципом *political correctness*, что означает политическую корректность, аккуратность или политическую правильность. Когда человек объявляет, что христианство - хорошо, а мусульманство - плохо, скажут, что он политически некорректен, потому что мусульман это оскорбляет. Можно говорить о том, что, с его точки зрения, догматы христианства совершеннее догматов ислама, но нельзя никогда унижать человеческую личность.

Кстати, и ранжировать людей по качеству, что делали нацисты или коммунисты, деля всех на людей первого и второго сорта, также, мягко говоря, политически некорректно. Не обязательно уничтожать людей физически, ведь можно, унизив их, уничтожить морально.

Политическая корректность на самом деле также коренится в принципе нравственного переживания человеческой личности как абсолютно бездонной ценности. И отсюда возникает идея прав человека. Права человека - это не права индивидуума, это права бездонной, Богоданной, Богоподобной личности. Когда происходила секуляризация в Западной Европе в XVIII веке, как раз во Франции, тогда человек как бездонная личность постепенно переставал переживаться самим собой. Он стал себя ощущать лишь как субъекта социального процесса. Вместо того, чтобы переживать себя как часть Божественного Вселенского бытия, как, если угодно, часть Бога (ведь, например, в молитве, христианин обращается к Богу - “Отец”, значит, он представляет себя как сына, и, следовательно, как сын он несет в себе качества Отца), человек перестал переживать свою Божественную бездонность, Божественную неограниченность. Он стал ощущать себя только как ограниченного во времени и пространстве субъекта общественных отношений и социальных процессов. Тогда-то и появилось понятие “прав человека”, как именно социального существа, то есть права-то остались, но ощущение внутренней духовной подосновы этих прав исчезло. Если угодно, человек лишился своего метафизического, своего Божественного основания. И поэтому просветители стали говорить о правах человека как уже о правах вот этой земной конечной личности. На самом деле, этот разговор о правах человека очень ценен тем, что он хотя бы практически сохраняет воспоминания об истинном призвании человека.

Интересно, что, как только человек перестает себя осознавать *абсолютной Божественной личностью*, как только он начинает говорить о своих правах в чисто социальном плане, тут же эти права начинают повсеместно и тотально нарушаться. Да, конечно, эти права нарушались всегда, уже с того момента, как Каин убил Авеля. Мы во всей истории видим тысячи нарушений. И в эпоху как бы христианской цивилизации и в Европе, и в России права человека нарушались. Но никогда они не нарушались так тотально, так сознательно, как это было в XIX-XX веках. Особенно в XX веке (сейчас мы подводим итог нашему веку) права человека на жизнь, на поиск истины, на внутреннюю (я уж не говорю, политическую) свободу - все эти права подверглись сознательному уничтожению и в коммунистическом, и в фашистском обществе. По сути дела, и во многих обществах, которые формально таковыми не являются, права также уничтожались. Человеку другой национальности, другой социальной группы, другой расы отказывалось в том, в чем признавались права предпочтительной расы, культуры. Люди оказывались равноправными по не зависящим от них обстоятельствам. Человек ведь не может изменить свою национальность, свое социальное происхождение или цвет кожи.

В этом смысле XX век показал, что без *метафизического измерения глубины человеческой личности (без переживаний духовной реальности личности) прав человека быть не может*. Они теряются. О правах говорят, но они ущемлены. Я приведу слова главного оппонента Конфуция Лао-Цзы, который сказал, что “в обществе, где все родственники в ссоре, начинают говорить о сыновней почтительности и об отеческой любви”. То есть там, где этого нет, об этом говорят, а когда это есть, то это так же естественно, как воздух. Если сейчас все говорят о правах человека, то это явный признак того, что эти права уже давно глубочайшим образом нарушаются и не соблюдаются.

Теперь мне хотелось бы перевести эту тему именно в сравнение культур. Поскольку сейчас на Западе говорят о правах человека, то иногда мы предполагаем, что они там есть и что там они понимаются, признаются и уважаются, а в других обществах их нет, и там они не признаются и не уважаются. И, скажем, как противоположность западному обществу, некоторые выставляют исламское общество, исламскую цивилизацию, полагая, что там якобы прав человека нет. Все это не совсем так. Дело в том, что существует уровень *метафизической глубины личности - переживаний личностью духовной реальности*. Существует и уважение к этой *метафизической глубине*. Оно есть всюду, где есть вера: в Индии, в мусульманском и христианском мире, в мире буддизма. Я не знаю религии, которая не уважала бы *метафизическую глубину человека* и которая не считала бы ее главной ценностью. Но дело в том, что чисто по своей цивилизации общества устроены различно. Соотношение человека, как индивидуума, и общества, как целого, различно в разных культурах. Почему в странах, вышедших из лона католичества, предположим, в Италии и Англии, совершенно разное отношение к человеку, как к индивидууму. В Италии подчеркивается в основном социальное отношение, а в Англии - более индивидуальное. Это загадка. Такая же, собственно говоря, загадка, как абсолютно разные характеры у двух сестер, рожденных от одних родителей, выросших рядом в одной семье, воспитанных в одних и тех же условиях и имеющих разницу в возрасте всего лишь 1,5 года.

В принципе, можем сказать так: в Старом Свете есть три типа отношений между человеком и обществом. Они формируют три типа отношений к проблеме именно прав индивидуума.

Первый тип - западноевропейский. Личность, человеческая индивидуальность, - это монада, нечто замкнутое. Человек один предстоит Богу. Как говорил Лютер, можно “молиться в сенном сарае, и молитва ничем от этого не будет хуже”. Это знают все, но

сказал это именно немец Лютер, а не, скажем, православный человек. Хотя православный человек с ним бы не спорил. Что человек предстоит Богу сам по себе - идея вполне каноническая. У апостола Павла можно найти слова: “Кто ты, что судишь чужого раба: пред своим Богом стоит он или падает...”. Тем не менее, эта идея наиболее близка сознанию западного человека. Отсюда главное отношение между западными людьми - это договор: договор на социальную самоорганизацию, договор на местное самоуправление и, соответственно, договор на уважение твоих индивидуальных прав. Ты уважаешь мои индивидуальные права, я уважаю твои индивидуальные права.

Второй тип, или иная идея, характерна для стран как бы среднего региона, куда входит и византийско-христианский регион, в том числе и Россия, и страны ислама, в равной степени. Здесь между ними нет разницы. Это представление о том, что человек до конца может раскрыться лишь в общении с себе подобными. Это некоторая идея собрания, или, как говорят у нас, соборности, или, как говорят мусульмане, единства. Конечно, человек остается индивидуальностью, личностью сам по себе. И ответ перед Богом несет Иван, Петр или Ахмет, но не общество в целом. При этом человек не может себя до конца раскрыть, оставаясь одним. Но он раскрывает себя не столько в договорных отношениях, сколько в отношениях, связанных именно любовью, связанных нравственной взаимной ответственностью. Посмотрите Ветхий Завет, который, кстати, является прекрасной книгой именно этой традиции, этой культуры. Ведь еврейский народ предстал там как некое единство. Один согрешил, а страдает весь народ. И ортодоксальный иудаизм до сих пор эту идею несет: народ - это как бы целое, а чей-то грех, равно и добродетель, бьет или, наоборот, окрыляет, исправляет, или возвышает весь народ. Соответственно, общество заботится о том, чтобы все люди были максимально совершенны.

Для Запада, особенно для современного Запада, кажется диким мусульманское отношение, предположим, к блуду. Если будет пойман человек, соблазняющий чужую жену, то он осуждается публично как преступник. Для западного же человека вмешательство в сферу интимных отношений кажется противоестественным и считается нарушением его личных прав. А для мусульманина и для средневекового человека (даже западной культуры) как раз блуд и прелюбодеяние - нарушение прав человека.

И, наконец, третий тип отношения общества к человеку. Этот тип характерен для Южной Азии. Индуистский случай, например, - это удивительное совмещение первых двух традиций. Великолепный французский культуролог, специалист по Индии Луи Дюмон обратил внимание на то, что в Индии сосуществуют два типа отношения общества к человеку. Обычный мирской человек, который живет в семье, имеет детей, который не разорвал своих отношений с миром и погружен в социальную жизнь как экономический субъект и как семьянин, подпадает под исламо-православную традицию харизмы, целостности. И, соответственно, если он из нее выпадает, то это считается оскорблением всего общества, и за это следуют строгие наказания.

Но Индия в то же время предполагает, что человек может разорвать с социумом и уйти от него. Человек может стать аскетом и отказаться от семьи, имущества, стать бродячим монахом, не имеющим ничего, кроме накидки и чашки для подаяний. Тогда он свободен, и любое его действие имеет право на существование. Он своими действиями, даже самыми необычными, не травмирует общество, а наоборот, его как бы созидает. Это очень сложно понять западному человеку, но это так.

Таким образом, в Южной Азии есть два религиозных представления о праве. Если ты хочешь быть в обществе, ты должен соблюдать его законы. Если же ты не хочешь соблюдать законы общества, то, пожалуйста, покинь его. В этом случае тебе следует

решиться оторгнуть себя от общества и стать внутренне свободным от него, естественно, по религиозным мотивациям, а не по мотивации современного московского бомжа. Мотивы здесь очень важны.

Можно сказать еще о четвертом типе отношений - дальневосточном. Он отличается от первых трех тем, что для него важнейшим является растворение человека не столько даже в социуме как в целом, сколько в природе, где социум всего лишь подструктура всего природного мира. Исламу и христианству не свойственен такой экологический подход. Ислам и христианство социальны и мыслят идеей общества, идеей человека в обществе, но не мыслят идеей человека в природе. А дальневосточный тип мыслит идеей человека и общества в природе, и, соответственно, нарушение определенной гармонии в природе вызывает турбуленции, которые могут погубить человека. То есть круг прав и обязанностей человека еще более расширяется.

Вот так, по-разному, различные традиции относятся к правам человека внешне. Но подчеркиваю, что речь шла только об отношении социальных традиций к широте понимания этих прав. Глубина же переживания, или осмысления человеком своего права на то, что он должен быть свободным, есть всюду. Это коренится в общих для всех культур переживаниях, то есть осмыслениях, **Божественной природы основания человека**.

КАСАТКИНА: Можно ли в этом случае говорить об универсальности прав человека?

ЗУБОВ: Безусловно. Но ни каких-то конкретных прав, потому что список этих прав в разных традициях разный.

Не надо предполагать, что список, данный западноевропейской культурой, универсален. Права варьируются. Но, безусловно, права человека - это общечеловеческая идея. Подчеркиваю: ни в одной традиции никто не имеет права вторгнуться во внутренний мир другого человека и принудить изменить его отношение к бытию, к миру. И если ты это делаешь, ты преступник при любой традиции. Возьмите, например, Индию. Там сосуществуют индуисты, мусульмане, буддисты и др. Да, временами возникают безумные воспалительные процессы, когда индуисты начинают бить мусульман, или мусульмане начинают бить индуистов, или когда они, объединившись, идут против буддистов и т.п. Но это болезнь, и общество понимает, что это плохо. Когда оно приходит в себя, то страдает от происшедшего. Так и в Европе был нацизм, коммунизм, но общества сейчас выздоравливают и понимают, что тяжело болели.

Безусловно, права человека - общечеловеческие ценности. Но всегда необходимо помнить, что как различаются языки народов, различаются во многом и религиозные традиции. Как разное дальневосточное, южно-азиатское и европейское искусство (живопись, музыка и т.п.), так же разное и понимание суммы прав и всевозможных спектров прав в разных традициях и культурах.

КАСАТКИНА: Тему “Традиции и права человека” мы продолжим в наших следующих передачах. А на сегодня все. До свидания! До новых встреч!

Традиции и права человека, часть 1

(Эфир "Радио России" 26 декабря 1999 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Тема нашей сегодняшней передачи - "Традиции и права человека". Что такое традиции? Можно ли дать им определение, и какое?

Об этом я беседую с известным философом Григорием Померанцем.

ПОМЕРАНЦ: Традиции - это то, что передается нам из прошлого, как живой опыт и как опыт, записанный в языке и формах культуры. Они выполняют приблизительно ту же роль, что инстинкт у животных.

ВЕДУЩАЯ: То есть некоторые консервативные формы, которые позволяют поддерживать общество в каком-то более или менее стабильном состоянии?

ПОМЕРАНЦ: Это те формы жизни (как хорошие, так и плохие), которые мы получили уже в наследство от прошлого. Традиции не обязательно хорошие. Это просто совокупность того, что досталось нам в наследство. Человек отличается от животного тем, что помимо генной информации, для него очень большую роль играет информация культуры. Ведь традиции есть как бы культура прошлого, действующего в настоящем. И не случайно, слово "традиция" часто идет с прилагательным "культурная" - культурная традиция. Потому что культура имеет как бы два аспекта. Это есть нечто живое, существующее сейчас, но в то же время есть нечто уходящее своими корнями в очень глубокое прошлое. Вот новый подход к определению. Тот аспект культуры, в котором он является как бы корнем, уходящим в прошлое, и есть традиция.

ВЕДУЩАЯ: Следовательно, традиции есть нечто консервативное? Очень часто в современном мире традиции приходится ломать, потому что они вступают в конфликт с существующими правилами развития мирового сообщества.

ПОМЕРАНЦ: Видите ли, конфликт здесь неизбежен, и он очень стар. Грубо говоря, развитие есть переход от примитивной ценности к очень сложному и грозящему развалом, разбегающемуся во все стороны современному обществу. Процесс развития - это процесс движения от простого к сложному. При этом те формы общества, которые сложились в прошлом, рано или поздно оказываются в противоречии с более сложной современностью. Когда эти сдвиги происходят медленно, то и общество постепенно приспосабливается к ним.

Современный же темп развития носит какой-то сумасшедший характер, поэтому в современных условиях мы не можем просто вступить в "след" своих предков, как вступают, например, австралийцы. Время от времени они кочуют с места на место, и при этом считается крайне важным буквально вступить в след предков, идти по той же тропе, наступить на тот же камень и т.д. А когда-то на эту тропу вступал тотем, мифический родоначальник. Таким образом, каждое их передвижение с места на место является как бы погружением в священное прошлое, в вечное. Но это при быстро меняющейся действительности не получается. Однако какой-то дух традиции, нам надо сохранить, потому что тот факт, что общество выжило и не развалилось, показывает, что было в нем что-то достойное, некий дух целого.

Современная проблема - сохранить некое “поле следов”, достойное жизни. Буквально вступить в “след” мы не можем, потому что сильно изменились обстоятельства. Но есть некое “поле следов”, которое для человека культурного связано все-таки с традицией литературы, философии, религии. “Поле следов”, проведенное Л.Н.Толстым, Ф.М.Достоевским, А.С.Пушкиным, П.И.Чайковским и т.д., - создает то живое наследие, которое мы пытаемся продолжать в уже современных условиях, в более сложных перекрестках с какими-то новыми вещами, которых тогда не было. Это, действительно, очень сложная проблема. С одной стороны, невозможно не потерять чего-то очень важного в преданиях, традициях. Но с другой стороны, буквально же повторять невозможно.

Это особенно остро сказывается в религиях, где есть попытки, скажем, удержать формулировки 2 - 1,5-тысячелетней давности без всяких перемен. Сейчас мы абсолютно не способны поверить в то, что Иисус Навин остановил Солнце.

Это все развалилось с открытием Коперника и было совсем уничтожено с недавним открытием 1924 года о существовании тысяч галактик, когда было доказано, что наша галактика не единая. В этой огромной вселенной, мне кажется, нельзя представить и плотское воскресение. Не в том смысле, как Лазарь был воскрешен и потом прожил еще несколько лет. Это, наоборот, вполне возможно. Такие экстрасенсорные нарушения привычек природы возможны, и некоторым людям с большой духовной силой они даются. Но что делать в вечности, по ту сторону пространства и времени, с мочевым пузырем, кишечником и т.д.? Словом, ряд утверждений, которые прочно вошли в состав религии, не выдерживает столкновения с современным взглядом на мир. Они предполагают рай, по которому Бог ходил и спросил Адама “А где ты?”, а Адам постыдился ему ответить. Это все для нас - чистая мифология, которая в образной форме что-то передает, но не может быть буквально воспринята. Но, несмотря на это, некий дух религии, по-моему, остается живым. Для меня совершенно реально то, что рассказал о себе Антоний Блюм. Совершенно неверующим 15-летним мальчиком при чтении Евангелия от Марка он почувствовал присутствие Христа. Такие вот вещи для меня совершенно достоверны.

Приблизительно тот же процесс происходит, когда мы вступаем во владения любой культурной традиции. Что-то в ней мы воспринимаем как свое, а что-то - как неудачную устаревшую формулировку. Зинаида Александровна Миркина, моя жена, в своей работе переводчика нашла такую метафору: “все религии основаны на переводе с Божьего языка на человеческий”. Однако эти переводы не всегда точны и не могут быть точными. Когда существовали изолированные друг от друга традиции, то представлялось совершенно очевидным, что Бог говорил с пророками какой-то определенной веры. Мы видим, что с одними Бог говорит на иврите, с другими - на арамейском, с третьими - на арабском, с четвертыми - на санскрите и т.д. И, естественно, приходит в голову, что какой-то духовный импульс на самом деле присутствует. Я его чувствую и в него верю. Воспринятый человеком он оформляется невольно в рамках языка и культуры того времени и всегда содержит элемент места и времени, который все-таки устаревает.

Затруднительность положения современного человека в том, что, отбрасывая устаревшее, он теряет и ту связь с целостным и вечным, которая придает его жизни смысл. Главное, что доносит до нас традиция, - это не отдельные формы, а тот дух целого, единого, который легче воспринимался при более примитивных формах жизни. Этот дух целого очень трудно уловить в нашем весьма усложнившемся техногенном мире, где мы все время нацеливаемся на какие-то частности, где мы постоянно или сочиняем инструкции о правилах пользования разными машинами, или эти инструкции выполняем. Так мы и

нацеливаемся все время не на единое, а на частное. Дух же целого утрачивается. Для того чтобы отвлечься от практики инструкций, надо отодвинуть ее в сторону и в искусстве, и в философии, и в понимании религиозных текстов. Надо почувствовать дух сквозь архаическую букву.

Конечно, часть традиций - это традиция законности, традиция права. И понятие "права человека" тоже выросло, как ветвь на древе закона. Понятие "права человека" было бы невозможно без общего представления о правах. Это часть традиций, часть того, что входит в европейское понятие свободы, то есть это свобода, ограниченная уважением к свободе другого существа, свобода, основанная на уважении закона, и т.д. То есть какая-то часть предания - это совокупность норм, гарантирующих свободу человека, защищающих его от насилия со стороны других людей.

Далеко не каждая культура эти права признавала. Например, традиционная китайская культура достигла очень высокого уровня, но понятия о правах человека в ней нет. И сейчас, я думаю, для китайца - это иностранное понятие.

Права человека, скажем прямо, - понятие западное. Оно вряд ли когда-нибудь могло родиться в России. Г. Федотов об этом очень четко написал в одной своей очень хорошей статье. В ней он объясняет различие между европейским понятием свободы и русским понятием воли. Русское понятие воли означает: делай, что хочешь. С одной стороны, это воля разбойника, а с другой, - воля деспота. И русская история - это переход от периода разбоя (Смутное время, разинщина, пугачевщина) к деспотизму. Свобода же основана на очень жесткой школе закона. Прежде чем европейцы стали в массе увлекаться идеями свободы, они прошли через пару веков абсолютистской королевской законности, через которую Россия не проходила.

Русские императоры, даже носившие уже европейские мундиры, отличались от западных королей. Ни один европейский государь не позволил бы себе то, что позволил Павел I. Когда ему кто-то сказал, что недавно он говорил со значительным лицом, император перебил его словами, что у нас есть только одно значительное лицо - то, с которым я сейчас разговариваю, и до тех пор, пока я с ним разговариваю. Это уже не европейская, а иная традиция.

Есть прусский анекдот о том, как Фридрих Великий хотел расширить свое имение. Для этого он должен был приобрести землю мельника, жившего по соседству. Мельник отказался. Фридрих лично пошел к нему: "Пойми, я же король. Я могу просто забрать твою землю". "Нет, - сказал мельник, - существует закон". Фридрих был настолько умен, что решил отступить и дать этому анекдоту войти в историю.

Понимания того, что существует закон, который выше короля, у нас никогда не было. А в рамках закона каждый человек, независимо от его ранга, имеет на что-то право. В России, в этой обстановке расшатанности, введение еще идей диктатуры и ничем не ограниченного насилия стало, конечно, безумно тяжелой болезнью. Это разрушило то, что кое-как было накоплено в двухсотлетнем процессе постепенного приобщения России к неким нормам большой цивилизации.

Я понимаю, что нам необходимо пройти через школу закона. Тот хаос, в котором мы оказались, отчасти связан с тем, что эту школу закона мы не проходили. Ведь советский период был скорее разрушением даже той скромной привычки к законности, которая сложилась в период последних десятилетий до революций. Законным было то, что решил Обком, Райком, ЦК. Никакой стройной системы законов не было. Был хаос указов,

распоряжений, в котором чорт ногу сломит. Один указ противоречил другому, и фактическим выходом было решение соответствующего 1-го секретаря. Когда же система Обкомов, Райкомов ЦК и прочих, находивших какие-то практические решения, была отброшена, мы просто погрузились в тину, потому что у нас нет привычки к законам. Мы привыкли нарушать их на каждом шагу.

ВЕДУЩАЯ:

Вы слушаете программу “Демократия, свобода, права человека”.

“Традиции и права человека”. Об этом рассуждает известный философ Григорий Померанц.

ПОМЕРАНЦ: Был анекдот об англичанке, которая вышла замуж за нашего московского интеллигента. Потом она готова была порвать с ним из-за того, что он оказался вором, так как принес со своей службы бумагу и еще какие-то мелочи. Брать по мелочам у нас не считается воровством. Само собой разумеется, что это якобы можно делать. И когда на этой основе мы заговорили о правах человека, то это выглядит как перенос “тропического растения” на русскую почву.

Во-первых, нужна общая система действующих разумных законов, которых у нас нет. Если наш бизнесмен честно заплатил бы положенные налоги, он тут же бы “вылетел в трубу”. Все сводится к тому, что надо самому бизнесмену решать, сколько отдать государству, а сколько оставить себе, чтобы совсем не разориться. Вспоминаются наши прежние колхозы. Если бы колхозники не крали с полей продовольствие, они вымерли бы с голоду. И такое у нас все время повторяется.

Во-вторых, нужна привычка - законы выполнять. И на этом фоне, естественно, имеет смысл борьба за уважение к человеку и его правам. Это все одно с другим связано, и нельзя отрывать одно от другого. Поэтому нам предстоят десятилетия кропотливой работы не только для достижения творческой свободы, но и привычки строго выполнять законы. Без этого современная жизнь невозможна. Без законов обходится общество, которое очень примитивно, для которого достаточно только знания, как поступал папа. Наше же общество очень сложное.

ВЕНСЛАВСКАЯ: Сейчас от некоторых политиков приходится слышать, что вот пройдет 40 лет, уйдут из жизни те, кто родился и жил при тоталитаризме, родится новое поколение, и жизнь изменится к лучшему. Водил же 40 лет Моисей еврейский народ по пустыне после египетского рабства, чтобы люди навсегда забыли прежнее рабство. Трудно поверить в то, что молодое поколение просто ждало, когда уйдет поколение, знавшее рабство. Наверняка, они пропитывались рассказами стариков. Иначе не дошли бы до нас псалмы тех времен и память о тех временах.

ПОМЕРАНЦ: Я решительно против мысли, что достаточно просто пройти какому-то времени, и все само собой встанет на место. Я пришел к противоположной мысли, что само собой у нас установится жизнь вроде колумбийской или никарагуанской с господством наркомафии и т.д. Это установится само собой. А чтобы было другое, нужно огромное усилие. Вообще, представление о том, что само собой рынок создает порядок, основано на предположении, что все страны похожи на Германию или на Швецию. Но есть же страны, как Колумбия, Никарагуа и т.д., где складывается совсем иная жизнь при той же рыночной экономике. С большим опозданием, в 1998 году это даже Гайдар наконец понял. По моему мнению, он человек умный в одной определенной области и

очень ограничен во всем остальном. Наконец он понял, что рынок без нравственных норм становится кошмаром. Я об этом уже говорил в “Общей газете”. Нельзя выиграть игру, если нет правил игры. Но откуда их взять? Мое глубокое убеждение, что система норм, на которых основано общество, связана чувством Священного. Если воспользоваться термином Сент-Экзюпери, “это Божественный узел, связывающий дробность мира”. Можно представить систему ценностей, как шалаш, созданный из прутьев, и на верхушке он связан этим Божественным узлом - чувством Священного. Я тут же перемену метафору. По отношению к чувству Священного, все остальные ценности сами собой располагаются по вертикальной оси: что-то выше, что-то ниже. Если потеряно чувство Священного, шалаш разваливается. Все оказывается на плоскости. Кстати, это очень соответствует духу постмодернизма. Запад может играть в эти игры, потому что там огромная инерция здоровых привычек. А у нас она разрушена. И в этой обстановке постмодернистское представление, что все на одном уровне, - для нас яд.

Нам необходимо восстанавливать вертикаль - представление о том, что на самой вершине что-то есть Священное, и по отношению к нему складывается, как сказал О.Мандельштам, “ценности незыблемый оскал”. Только, если мы это утвердим, можно будет утвердить и понятие чести, честности и т.д. Это не может сложиться само по себе. Человек держится на двух ногах только благодаря усилиям, иначе он упадет. И то же самое в моральной области. Нужно некоторое усилие, направляемое чувством, что есть вертикаль и что есть что-то, что превыше всего. И нам надо это восстанавливать. Нам не только сорока, но и трехсот лет не хватит, чтобы это восстановить, если не будет усилий. Есть же культуры гниющие, разлагающиеся, а потом совсем исчезающие.

Я поэтому совершенно не согласен с теми либералами, которые утверждают, что достаточно ввести рынок, многопартийность, и все будет хорошо.

ВЕДУЩАЯ: Традиции и права человека. Об этом сегодня в нашей передаче рассуждал известный философ Григорий Померанц. В передаче принимала участие Татьяна Венславская - сотрудник Института прав человека.

Всего вам доброго! До новых встреч в Новом году!

Свобода слова, свобода информации

(Эфир "Радио России" 19 декабря 1999 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

“Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом”.

Это цитата из статьи 29 Конституции Российской Федерации.

Свобода слова, свобода информации, да зачем они нужны? Этими свободами сыт не будешь. Это право бессмысленно болтать, возможность выпустить пар, и все. Не редко можно услышать подобные высказывания. Но обычно так говорят люди именно в условиях, когда эти самые пресловутые свобода слова, свобода доступа к информации существуют. Как только эти свободы оказываются реально ограниченными, общество быстро ощущает неблагополучие, дискомфорт.

Действительно, ни свободу слова, ни любую другую свободу нельзя съесть, одеть, поставить в квартире. Впрочем, любая свобода, прежде всего, является самостоятельной ценностью, ценностью духовной. И по моему глубокому убеждению, независимо от того, сыт человек или нет, живет он в особняке или ютится в сыром подвале, великим благом для него является возможность открыто и безбоязненно высказывать собственную точку зрения, узнавать чужие точки зрения, получать сведения о происходящих событиях из разных источников.

Свобода слова и информации являются одним из фундаментальных прав человека. Но вместе с тем, эти свободы имеют и чисто прикладную ценность. Они позволяют осуществлять обратную связь между государством и обществом, между властью и гражданином. Эти свободы являются важнейшим элементом системы контроля общества за деятельностью государственных органов власти. Только при наличии этих свобод мы можем быть уверены, что чиновник не утаивает важнейшую информацию, напрямую касающуюся нашей жизни. Только при наличии этих свобод общество может сформулировать свои претензии к власти и, в конце концов, сместить эту власть, если та не устраивает общество. Сместить легитимно, посредством осмысленно сделанного выбора.

Альтернативой этому являются государственные устройства, где власть сама решает за граждан, что те должны или не должны знать, где власть целенаправленно, самостоятельно и бесконтрольно формирует общественное мнение.

Сегодня в России многим именно такое государственное устройство представляется наилучшим, поскольку оно, с их точки зрения, обеспечивает столь желанную стабильность. Правда, при этом раньше или позднее период стабильности неизбежно прерывается бунтами и революциями. Но это где-то - в перспективе. А сегодня, избавившись от этих ненужных свобод, мы сможем снова, как это уже было в столь недавнем нашем прошлом, достичь всеобщей “гармонии”, в которой чиновник возьмет от гражданина на себя столь тяжелое для нас бремя постоянного осмысления событий и выбора. Нас не будет тревожить неприятная информация о бомбардировках мирных жителей, о голодающих учителях, об экологических катастрофах. И мы в едином патриотическом порыве будем во всем поддерживать свое правительство. Пока только

правительство, а потом, может быть, и партию, и правительство. Впрочем, находятся введливые люди, которые мешают воссозданию этой “гармонии”. Именно об этом наша сегодняшняя передача.

В чем состояла суть вашего иска? Почему вы обратились в суд?

НАУМ НИМ: Меня беспокоит, что наши лидеры, которые все время говорят о том, что принимают на себя бремя ответственности, разумеют под этим только то, что они берут какие-то большие полномочия. То есть, я действительно, хотел бы понять, что такое бремя ответственности. То, что они сейчас с удовольствием пользуются поддержкой, это какая-то шулерская игра. Ведь та поддержка населения, которая есть, это поддержка втемную, поддержка незнания. Мне бы хотелось точно знать, какими действиями те или иные чиновники, наши руководители, берут на себя ответственность. То есть информационное выражение их ответственности. И, конечно, по самым важным вопросам.

Важные вопросы для меня - это то, что сейчас происходит в Чечне. Если они называют это антитеррористической операцией, то, по крайней мере, приоритетом такой операции должно быть спасение мирных граждан. А если такого приоритета нет, то с терроризмом нужно покончить в один день. Основные вопросы, на которые должны дать ответы те, кто берет на себя ответственность за данные операции, - это вопрос спасения мирных жителей, занимаются они этим или нет. Какие жертвы среди мирного населения? В конце концов, мы должны знать, сколько должно погибнуть граждан Российской Федерации, чтобы обеспечить безопасность гражданам Российской Федерации. Вот я хочу, чтобы на эти вопросы мне точно и внятно ответили.

ВЕДУЩАЯ: Вы послали запрос в письменном виде?

НАУМ НИМ: Да, запрос был в письменном виде. И я хочу получить официальную информацию. Я подчеркивал, что я не так стремлюсь к достоверной информации, как к официальной, к той информации, за которую власть берет на себя ответственность. Если такая информация будет, это уже наше дело, дело общества, стремиться, чтобы эта информация становилась достоверной.

ВЕДУЩАЯ: Итак, Вы отправили этот запрос от вашего журнала. И что Вы получили в ответ?

НАУМ НИМ: На большинство моих вопросов можно найти ответы в многочисленных интервью премьера. Это была отписка, потому что на мои вопросы там нельзя было получить ответ. Там было пять пунктов вопросов. А за разъяснениями по остальным вопросам меня отсылали в ФСБ, МИД, МВД. Но я лишь прошу официальную точку зрения правительства и премьера, а не точку зрения какого-то департамента. Разногласие департаментов нам уже известно по разным поводам событий в Чечне, хотя бы по грозненскому рынку. И я хочу знать, за какую из этих информации отвечает премьер. Вот пусть премьер скажет, что было на грозненском рынке. Самовзрывание или налет, или вообще российские части ничего не делали и не несут никакой ответственности. Пусть нам скажут, тогда мы будем хотя бы знать, что ему предъявить. Вот это было основной целью моего запроса - получить официальное информационное выражение их ответственности.

ВЕДУЩАЯ: Это говорил главный редактор журнала “Досье на цензуру” Наум Ним. Иск был подан в Судебную палату по информационным спорам при Президенте Российской Федерации.

Но сначала немного о том, что такое - эта Судебная палата. У нашего микрофона исполняющий обязанности Председателя палаты Виктор Монахов и члены палаты Юрий Феофанов и Александр Копейка.

МОНАХОВ: Судебная палата возникла в 1994 году. Мы действуем вот уже 6-ой год. Она возникла как государственный орган для разрешения вопросов специальной юрисдикции, то есть вопросов так называемых информационных споров. Одним из обязательных участников информационного спора является то или иное средство массовой информации, а с другой стороны может быть государственный орган, как, например, муниципальное образование, с которым мы сейчас разбирались, либо правительство.

ВЕДУЩАЯ: Насколько обязательны ваши решения?

МОНАХОВ: Наши решения обязательны, на мой взгляд, ровно в той степени, насколько они обоснованы и опираются на нормы закона, на нормы журналистской этики. В отличие от обычного суда, мы в своих решениях опираемся не только на буквальные нормы закона, но и на нормы профессиональной журналистской этики. И вот в той степени, в которой нам удастся найти верные слова, обосновывающие нашу позицию, наши надежды и выводы, ровно в той же степени они обязательны. А если говорить о количественном параметре, то должен сказать, что Судебная палата располагается ровно посередине между Верховным судом и Конституционным судом. Реальный процент исполнимости наших решений гораздо выше, чем у этих коллег.

ВЕДУЩАЯ: Решения и, вообще, эти дела где-то публикуются или нет?

МОНАХОВ: Давайте мы подключим наших коллег, вот Юрия Васильевича Феофанова.

ФЕОФАНОВ: Публикуются в “Российской газете” тогда, когда мы в своем решении записываем, чтобы опубликовать в “Российской газете”, но они не всегда публикуют, к сожалению. Да и обязанности такой нет. Мы нашли компромисс, так как им сложно: газета загружена. Это ведь официальная газета, ей много очень документов приходится печатать. Мы пошли им навстречу, несколько изменили наше Положение Судебной палаты, в котором была записана “обязательная публикация”. Мы договорились, что будем публиковать наиболее важные решения. Вот на таких основах мы сотрудничаем.

ВЕДУЩАЯ: Каково же было решение суда? Об этом Виктор Монахов.

МОНАХОВ: Это решение оказалось очень “трудным орешком” для нас. Мы его “раскусили”, но не до конца. И основная проблема, на мой взгляд, заключается в том, что надо найти какую-то разумную грань между требованием закона о том, что информация о деятельности того или иного государственного органа должна представляться журналистам по их первому запросу, и потребностью этого органа решать какие-то иные вопросы, кроме удовлетворения этого законного журналистского интереса. Закон, к сожалению, устанавливает только одну границу, определяя, что нельзя давать журналиста. Это касается охраняемой законом тайны. Тут как бы ясно.

А вот что делать в той зоне информационной, где нет никакой секретности? Ведь слишком много возникает журналистского любопытства. Как это законное журналистское

любопытство удовлетворять? Какие ставить разумные ограничения для журналистского любопытства; вот здесь возникла самая сложная и спорная сторона этой проблемы, над которой нам еще предстоит поработать.

ВЕДУЩАЯ: Экспертом на заседании суда была Нина Колосова, сотрудница Института законодательства сравнительного правоведения, кандидат юридических наук.

КОЛОСОВА: Действительно, каждый гражданин и каждое средство массовой информации имеют право получать информацию. Но я бы хотела здесь отметить то, что правовая позиция и политическая позиция - это все-таки разные значения, если мы говорим о позиции официальных структур, в частности Правительства.

Если говорить о юридической позиции Правительства, то она выражается в распоряжениях и постановлениях Правительства, в иных актах, в частности, в заявлениях, обращениях. Юридическая позиция Правительства выражается и в протоколах, которые оформляют решения заседаний. Все, что мы перечислили, является юридически значимой позицией. Все остальное будет политической позицией. Она может быть выражена в ответе на запрос, она может быть выражена в интервью, каких-то ответах на вопросы в средствах массовой информации, но это будет только чисто политическая позиция. И поэтому если, при ответе на вопрос Правительство сослалось на то, что уже было где-то, мне кажется, в какой-то степени это было правильно. Единственное, они должны были указать, где это было. Потому что по значимости последствий, и политическая позиция, выраженная в ответе на этот запрос средств массовой информации, и позиция, которая выражена, предположим, в каком-то интервью, она политически значима. Она и юридически значима в том плане, что не имеет юридических последствий. Другое дело, что они все-таки не сослались на конкретные моменты, где бы содержалась вот эта информация, которая была запрошена. А то, что они должны давать ответы, это однозначно. Ответ они дали, но была отписка. И опять же, это пробел законодательства, что считать отпиской. Если дан формальный ответ, то вроде бы нормы закона выполнены. Но, предположим, гражданин может считать, что это отписка. Это действительно может быть отписка. А, может быть, гражданин просто недоволен, так как по его утверждению вопрос не решен, и он будет говорить, что это отписка, если он не получил тот ответ, который ждал. Значит, этот вопрос надо урегулировать: что же такое отписка. Они ведь не промолчали, ответ был дан. Но ответ по существу не устраивал.

ВЕДУЩАЯ: Тогда возникает такой вопрос. Вот я готовлю какой-то материал и даю запрос: прошу ответить на какие-то мои вполне конкретные вопросы. И у меня есть такая отписка, что в такой-то газете было такое-то интервью, а по телевидению было сказано то-то. Это дает мне право просто взять это интервью, интерпретировать все по-своему и просто привести его со ссылкой. Но ведь, понимаете, в интервью идет некий контекст. Не будет ли это вырыванием из всего общего текста каких-то отдельных фраз и отсюда другая интерпретация? Чтобы не было таких казусов, не правильнее было бы все-таки Путину или кому-то из его пресс-секретарей ответить на эти конкретные вопросы? И тогда не было бы таких коллизий, как вырывания какого-то фрагмента из общего текста и всевозможных интерпретаций?

КОЛОСОВА: Да, Вы правильно поставили вопрос. Может быть и так, что, действительно, легче повторить, чтобы не терять смысл той позиции, которая изложена, предположим, в интервью. Тут, видимо, следует подходить дифференцированно. Если задан какой-то конкретный вопрос, то можно сослаться на конкретный источник. А если задан неконкретный вопрос (например, о мнении Правительства по какому-то вопросу, мнению, которое выражено не в каких-то конкретных ответах, а скажем, в разных

интервью), то чтобы не было искажения смысла, действительно, нужно и здесь постараться отвечать конкретно. Даже пусть это будет повторение.

В принципе, запрос - это обычная практика в западных странах. А мы просто всегда забываем, что в нашем обществе все-таки еще только начинается становление демократии; и многие минусы, которые мы сейчас наблюдаем, мне кажется, это просто болезнь роста. Просто так из одного состояния, в котором мы находились ранее, сразу подняться до развитых стран - это просто нереально. Это касается многих прав и свобод граждан. Это касается проблемы ответственности, и даже проблемы мышления. Должно пройти какое-то время. Но мы: и юристы, и журналисты, - должны делать какие-то шаги для того, чтобы этот процесс ускорить.

ВЕДУЩАЯ: И еще об одном деле, которое рассматривала Судебная палата.

Город Кашира Московской области. Говорит редактор газеты “Диалоги” Андрей Голубев.

ГОЛУБЕВ: Обычно считают, что где-то в глубинке, далеко от Москвы, могут позволять себе местные чиновники все, что угодно. А у нас ситуация такая, что всего в 100 километрах от Москвы нарушается федеральное законодательство о средствах массовой информации.

ВЕДУЩАЯ: А в чем конкретно это заключается?

ГОЛУБЕВ: У нас уже полтора года не действует норма Закона “О средствах массовой информации”. У нас существуют средства массовой информации муниципальные и независимые: газета “Диалоги” и телеканал “Студия-5”. Вот уже полтора года газета “Диалоги” и телеканал “Студия-5” лишены возможности, не только получать информацию от администрации Каширского района и от Совета депутатов Каширского района, но даже присутствовать на их заседаниях. А по всем законодательным нормам, даже по местному регламенту Совета депутатов и по уставу Каширского района, такое право должно предоставляться всем гражданам нашего района.

ВЕДУЩАЯ: А Вы обращались непосредственно за информацией в письменном виде или в устном виде?

ГОЛУБЕВ: Разумеется, все эти полтора года мы занимались перепиской. Неоднократно обращались в администрацию района с просьбой аккредитовать телеканал “Студию-5” и газету “Диалоги” при Администрации и при Совете. Но на все эти письма получали отказы. Причем отказы не мотивированные, на наш взгляд.

И более того, год назад телеканал “Студия-5” по решению местной администрации был просто-напросто закрыт.

Сегодняшний иск повторный, потому что после решения Судебной палаты мы попытались, уже имея на руках решение, и это решение имелось у администрации, - попытались пройти на заседание Совета депутатов. Мы - это оператор телеканала “Студия-5” и журналисты газеты “Диалоги”. Но вновь не были допущены. Более того, я сам, Голубев Андрей Алексеевич, являюсь депутатом Каширского Совета. Когда я попытался заснять весь этот беспредел на видеокамеру, у меня эту видеокамеру местный глава, Ковалев Олег Иванович, просто-напросто вырвал силой из рук.

ВЕДУЩАЯ: Когда у вас был обрезан кабель, когда вам запретили?

ГОЛУБЕВ: Ровно год назад - 16 ноября 1998 года.

ВЕДУЩАЯ: И Вы после этого подали в Палату?

ГОЛУБЕВ: Первый наш иск был позже, потому что мы проходили все инстанции, начиная с местных судов и кончая органами Государственной Думы, Администрации Президента и прочее. Телевещание до сих пор не восстановлено, мы работаем на видеокассетах.

ВЕДУЩАЯ: Представителем ответчика на этом судебном заседании была Елена Ганичева, заместитель Главы Администрации Каширского района.

До этого иска ведь был еще один иск, который удовлетворен Палатой по информационным спорам.

ГАНИЧЕВА: На первом заседании мы не присутствовали, так как нас не уведомили. А теперь о втором заседании: речь идет о допуске средств массовой информации на заседания Совета депутатов. Совет депутатов является у нас коллективным органом, решение принимают сами депутаты. В течение двух лет правила аккредитации разработаны не были. Они могли бы разработать проект правил по аккредитации на территории Каширского района и внести этот проект на заседание Совета. Вот отсюда и вся эта напряженность, то есть эту проблему могли бы решить сами депутаты. Я считаю, что с нашей стороны нарушений нет.

ВЕДУЩАЯ: О решении Судебной палаты расскажет Александр Копейка.

КОПЕЙКА: Дело довольно простое, по нашему мнению. Нам приходилось не раз сталкиваться с этим. Дело в том, что не всегда власть любит допускать журналистов на свои заседания, особенно тех журналистов, которые высказывают критические замечания в их адрес. И вот мы столкнулись с таким примером на этом заседании. Кстати, мы уже рассматривали одно дело по Кашире. Тогда вот этим людям, которые сегодня присутствовали (это “Диалоги” и телекомпания “Студия-5”), было отказано в аккредитации. Хотя, как мы выяснили, никаких законных мотивов для отказа не было. И уже после нашего решения, когда журналисты попытались присутствовать на заседании Совета, который в данном случае рассматривал общественно важный, значимый вопрос для района, снова не пустили оператора и фотокорреспондента. Мотивировали это тем, что у них нет опять аккредитации, которую они им не дают, и тем, что их присутствие будет мешать ходу заседания и нарушать регламент. Но как мы сегодня выяснили, подобные действия Администрации не были основаны на законе “О средствах массовой информации”, а в основном это было мнение руководства, мнение самого Главы Администрации, что якобы “этих людей мы не хотим пускать”. Хотя опять же представители других средств массовой информации свободно присутствуют, ходят на все заседания Совета, на заседания исполнительной власти района, а вот эти два средства массовой информации как бы изгои.

Мы считаем, что здесь есть прямое нарушение закона, нарушение прав журналиста и ущемление свободы информации.

ВЕДУЩАЯ: Доступ к информации необходим. Необходим для того, чтобы мы могли трезво оценивать результаты деятельности тех, кто под покровом общих слов и пропагандистских лозунгов, выдаваемых в качестве фактов, закладывает невидимые миру мины под наше общее государство.

На сегодня все. Прочитать наши передачи вы можете в Интернете по адресу:
WWW.MEMO.RU. До свидания.

Выборы, закон, избиратель, часть 3

(Эфир "Радио России" 12 декабря 1999 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Через неделю выборы в Государственную Думу. Отдавая свои голоса народным избранникам, мы надеемся, что каждая статья, принимаемых ими законов, будет тщательно рассмотрена, и уж, конечно, наши с вами интересы будут учтены.

11 ноября этого года Верховный суд Российской Федерации вынес на рассмотрение Государственной Думы проект федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации". И вот наши депутаты принимают в первом чтении проект этого закона. Интересно, как же проходило голосование? Часть депутатов вовсе не голосовали, видимо, отсутствовали, другая часть дружно проголосовала "за". Против этого проекта никто не проголосовал. Чем же грозит нам, гражданам России, принятие этого закона?

Я попросила высказаться доктора юридических наук, члена Независимого экспертно-правового совета Владимира Миронова.

МИРОНОВ: Как известно, в настоящее время в первом чтении Государственной Думой принят федеральный закон "О внесении изменений и дополнений в ГПК РФ". Этим законом исключена статья 147 ГПК РСФСР. В данной статье предусматривается участие, по определению суда, представителей общественности трудовых коллективов, подчеркиваю, обладающих независимым мнением общественных организаций. Вот почему-то посчитали, что общественные организации в процессе не нужны, и их мнения вообще не стоит учитывать. Причем представители общественных организаций трудовых коллективов обладали, согласно этой статье, обширными полномочиями. Они имели право знакомиться с материалами дела, участвовать во всех судебных разбирательствах, представлять свои доказательства и участвовать в исследовании доказательств, задавать вопросы всем лицам, участвующим в деле, свидетелям, экспертам. Они имели право высказывать свое мнение по обсуждению всех вопросов, которые возникали в ходе судебного разбирательства. Теперь же, если это будет принято в таком виде, общественные организации таких прав будут лишены.

Буквально вчера мне пришлось разговаривать по поводу аргументации исключения этой статьи из ГПК РСФСР. Аргументация такова, что, во-первых, якобы данная статья практически не работает, поскольку найти общественных представителей, независимых от сторон, практически невозможно. Во-вторых, говорят, что в данном случае участвуют непрофессионалы. Но в любом случае, когда общественность участвует, у нее все равно заранее определена позиция. Если это уголовный процесс, как мы отмечали, мы уже заранее говорим: либо это общественный обвинитель, либо это общественный защитник. Поэтому, уже исходя из названия, мы определяем, какую позицию будет занимать представитель общественности в ходе судебного разбирательства.

В гражданском процессе тоже, конечно, представитель связан мнением общественной организации, которая направила его в суд. Но это вовсе не исключает эффективности его участия в этом процессе, поскольку он сам становится участником доказательственной проверки всех обстоятельств, которые уже имеются или возникают в ходе рассмотрения дела. И в результате этот представитель самостоятельно, хотя и будучи связан с

общественностью, дает заключение по поводу того, что ему известно по рассмотрению дела.

Говорить, что это не профессиональные люди, я бы тоже не стал. Потому что если посмотреть нашу организацию, Независимый экспертно-правовой совет, то это юристы высочайшего класса. Дай бог, чтобы судьи имели такую же квалификацию. Мне известна масса случаев, когда они выступали в процессе, не будучи связаны позицией сторон, но будучи связаны позицией закона. Как вот сейчас стало известно, у нас действуют 35 общественных юридических консультаций, представители которых, когда выступают, также не связаны позицией сторон.

Поэтому на самом деле это исключение я расцениваю не иначе, как желание судебных чинов уйти от контроля общественности в ходе проведения судебных разбирательств. У нас суд и так уже полностью независим от граждан, которые к нему обратились, он независим от общественных организаций, он уже косо смотрит на трудовые коллективы, я не говорю уже о профсоюзах. А суд смотрит только в сторону исполнительной власти, которая может что-то дать. Поэтому когда у нас начинает гражданин спорить с властью, то в данном случае защитить его может только общественность, только общественность может быть независимой и может дать независимое заключение, которое будет основано на нормах закона. А если мы сейчас все это пустим на самотек и предоставим это все решать судебным чиновникам... Я не буду сейчас приводить примеры, они есть. Вот посмотрите материал в журнале “Кадры”, № 11. Директора Адлерской птицефабрики увольняют, затем суд восстанавливает его на работу. Но после того, как руководитель Краснодарского края дает постановление, в котором говорит, что нельзя восстанавливать этого директора (прямо, прямым текстом), в судебных инстанциях отменяют свое решение и отказывают в иске. Без всяких законных оснований. Кто в данном случае может защитить? Только общественная организация, которая будет связана только позицией закона.

ВЕДУЩАЯ: Почему же депутаты все-таки принимают такие законы? Ведь они сами часто представители общественных организаций.

МИРОНОВ: Я думаю, что это просто первое чтение. На носу у нас выборы, более важные политические дела, поэтому просто не вникли в суть дела. Я надеюсь, что только в этом у нас проблема. А если люди посмотрят внимательно на эту статью, то, наверное, они вернутся и скажут, что общественность нам в ходе судебного разбирательства необходима.

ВЕДУЩАЯ: В связи с принятием в первом чтении проекта этого закона, общество “Инвалид детства” выразило протест. Он обращен и к Совету Федерации, и к председателю Государственной Думы, и к депутатам всех уровней. Я цитирую.

“Любого из вас могут оклеветать, смонтировать компьютерную графику, сфабриковать диагноз с соответствующей справкой. Кто, как ни общественные организации и трудовые коллективы, вступятся за нас? Кто, как ни профсоюзы, трудовые коллективы и общественные объединения всех форм, будет отстаивать наши права на труд, на образование, на медицинскую помощь, на жилье, на достойную, а не постыдную голодную жизнь в демократическом обществе? От произвола отдельных чиновников, различных криминальных структур, от насилия в семье и ряде детских учреждений всегда самых беспомощных: детей-инвалидов и сирот, выброшенных на улицу, без жилья, а также стариков и инвалидов, - защищали во всех инстанциях и судах общественные

объединения, ветеранские организации, профсоюзы и так далее. Как же, господа депутаты, вы могли принять эту антинародную статью?”

О том, в каких делах принимают участие общественные защитники, говорит Татьяна Коттер, правозащитница из города Обнинска Калужской области, депутат Обнинского городского собрания.

КОТТЕР: Я очень часто выступаю в судах, именно в гражданском суде, представителем жителей Обнинска и других городов по гражданским искам или жалобам. Почему я это делаю? Потому что масса людей, наших советских людей, не имеет никакого опыта участия в судах. И когда ко мне приходят на прием, - очевидно, что их права нарушены, достаточно подать жалобу в суд, чтобы получить то, что им нужно, - меня спрашивают: “А если мы не выиграем, меня не посадят?”. То есть люди даже не понимают разницы между уголовным и гражданским судом.

Какая-нибудь пенсионерка, которая работала во время войны, и которой отказали в повышении пенсии, потому что ей не было тогда 12 лет. То есть бредовое совершенно основание для отказа, а решается это дело только через суд. Какой-нибудь инвалид, которому отказали в льготе по оплате за телефон, потому что наши телефонисты не желают исполнять законы России. В данном случае можно действовать через прокуратуру, а можно непосредственно подавать в суд. Все эти люди сами в суд идти боятся, они не знают, что там говорить, им там плохо становится и так далее. Тут не нужно быть профессиональным юристом, тут нужно просто знать данный закон. Дела типовые, выигрышные в суде. Разница между мной и профессиональным адвокатом в том, что я ведь денег не беру за свое участие в суде. Я иду с ними и выигрываю это дело, они получают то, что надо. Я обеспечиваю им бесплатную юридическую помощь. Я совершенно уверена, что нужна бесплатная юридическая помощь: и на уровне бесплатных юридических консультаций, и на уровне того, чтобы кто-то просто написал жалобу или исковое заявление. И самое главное - это представительство в суде. Будет ли это делать депутат-правозащитник или студент-юрист (в порядке своей практики под руководством опытных адвокатов), я уверена, что нужны не только по ордеру адвокаты или профессиональные юристы, которым нужно платить большие деньги, но, безусловно, нужен целый отряд бесплатных представителей в суде.

ВЕДУЩАЯ: Вы слушаете программу “Демократия, свобода, права человека”.

Несмотря на то, что у многих людей работа депутатов не вызывает удовлетворения, тем не менее идти на выборы надо. Ну, а если мы не пойдем на выборы, что тогда? Об этом я беседую с разработчиками закона “О выборах” Владиславом Луценко и Виктором Шейнисом.

ШЕЙНИС: Я понимаю раздражение тех людей, которые видят многочисленные безобразия, которые творятся вокруг нас. Они знают: сколь мал эффект воздействия индивидуального усилия, сколь мало значимо участие в выборах одного единственного человека, когда у нас 100 миллионов избирателей. Из 100 миллионов единица - практически незаметная величина. Но я, тем не менее, очень рекомендовал бы и просил наших сограждан все-таки не пренебрегать тем правом, которое дает наша Конституция. Вопрос можно поставить так. А что будет, если не придешь не только ты, но не придут ещё тысячи и миллионы людей? Какую власть мы получим в этом случае? Кто придет, кто проголосует? И хорошо ли будет, если выборы вообще сорвутся из-за неявки граждан?

Один из моих сотрудников приводил характерный пример. Веселая история из жизни габровцев. Габрово - это веселый городок в Болгарии, где люди постоянно шутят. Вот шутка такая. Габровцам для какого-то совместного дела надо было наполнить бочку вина, чтобы кого-то напоить. Договорились, что каждый из жителей Габрово (а бочка была большая) принесет ведро или полведра вина и нальет в эту бочку, получится бочка доброго габровского вина. И каждый в отдельности решил так: вино хорошее, мое ведро чистой воды не изменит качества вина. Когда бочка была наполнена, выяснилось, что в ней одна только вода. И я думаю, если каждый из нас решил бы поступить таким образом, то мы бы получили поражение российской демократии на первых шагах ее развития. Да, действительно, от воли одного единственного человека зависит очень мало. Но из множества, из миллионов таких бюллетеней складывается общенародная воля.

И, кроме того, я могу сказать чисто практическую вещь. В некоторых округах может сложиться такая ситуация, при которой победа одного кандидата будет достигнута, учитывая то, что это однотуровое голосование с перевесом в несколько сотен или несколько десятков голосов. И вот, представьте себе, не хватило вашего голоса для того, чтобы избрать достойного кандидата, более достойного, с вашей точки зрения. Поэтому я думаю, что неучастие в выборах - это очень плохой выбор, который противоречит вашим собственным интересам.

ЛУЦЕНКО: Я хотел бы продолжить эту мысль. Если человек не приходит на выборы, он ведь отдает другим людям это право определить, кто будет в течение достаточно длительного периода руководить страной, в том числе и этим человеком. Но есть еще и материальный интерес вот какого плана. У нас по закону, если в связи с неявкой выборы не состоятся, будь то в федеральном округе или каком-то одномандатном, придется проводить повторные выборы в соответствующем избирательном округе. Повторные выборы - это дополнительные, лишние затраты из федерального бюджета, то есть из кармана избирателей, в том числе и тех конкретных людей, которые сочли, что им это не нужно и что им все равно.

ВЕДУЩАЯ: Избиратель пришел, но все равно есть разочарование в том, какая у нас была Дума, какие были приняты законы, - он берет и вычеркивает всех.

ШЕЙНИС: Здесь подход несколько иной. Мы не случайно ввели такую графу, которой нет в избирательном законодательстве у подавляющего большинства государств. Тем не менее, мы считали эту графу полезной. Для чего она нужна? В том случае, если на стадии до регистрации были отсечены все кандидаты, которые могли заинтересовать избирателей или, по крайней мере, большинство избирателей, если посредством различных махинаций сделано так, что выборы на самом деле идут без выбора, у избирателя есть оружие - голосование "против всех". Это оружие вложил ему в руки закон. Если количество голосов "против всех" в одномандатном округе будет больше, чем количество голосов, поданных за того кандидата, кто получил наибольшее количество голосов, то в этом случае будут проводиться новые выборы. Я думаю, что при определенных обстоятельствах избирателям придется воспользоваться именно этим оружием. Но в данной конкретной ситуации, на данных выборах, я думаю, что пользоваться этим оружием не надо, потому что оно сработает только в условиях массового возмущения людей и голосования огромной части избирателей в графе "против всех". Такая ситуация, как я уже сказал, может быть, если проведены предварительные нечестные мероприятия по отбору кандидатов. Но в реальной действительности у вас будет выбор. Поэтому не ленитесь, познакомьтесь с кандидатами, познакомьтесь с избирательными объединениями.

Что касается списочных кандидатов, списков, то я уверен, что они представляют в своем многообразии не только основные позиции, но даже оттенки тех позиций, которые существуют в России. Не переключайте свою лень на других, свое нежелание вникнуть в суть дела, свое нежелание найти достойных выразителей вашего мнения, ваших ожиданий, не переключайте это на графу “против всех”. По сути дела, эта графа в большинстве случаев будет означать просто пропажу вашего голоса.

Следите за той информацией, которую вы получаете, за рейтингами. Они, конечно, очень условные, они подвижны, неустойчивы и неточны. Но все-таки основной порядок величин они выражают. Есть примерно 5-6 или 7 объединений из 27, которые имеют шансы преодолеть барьер. Внимательно вчитайтесь в документы, вслушайтесь в выступления лидеров и выберите из них то объединение, которое вам ближе всего, которое соответствует вашим взглядам, которое способно, как вы сочтете, защитить ваши интересы.

ЛУЦЕНКО: Я хотел бы обратить внимание на такую вещь. У нас сейчас в ряде регионов выборы в Государственную Думу оказались совмещены с местными выборами. То есть это могут быть выборы губернатора, выборы мэров, выборы в какие-то местные органы самоуправления. И здесь в принципе может возникнуть некая коллизия, связанная с федеральным законом “О досрочном голосовании”. Это как-то применялось на предыдущих выборах в Государственную Думу, но сейчас практически отменено. Сейчас избиратель, который в день голосования не сможет проголосовать на своем избирательном участке, вправе получить на этом участке уже сейчас открепительное удостоверение, по которому он сможет проголосовать на любом другом избирательном участке.

ВЕДУЩАЯ: И только по федеральному?

ЛУЦЕНКО: Нет. Я обращаю внимание, что по федеральному округу это гарантировано на всей территории России. По одномандатному округу это гарантировано в пределах соответствующего одномандатного округа. Если исключить такие крупные субъекты, как Москва, Петербург и ряд других, в большинстве субъектов по 1-2 избирательных округа. То есть если человек не уезжает далеко от места своего постоянного жительства, в этом случае он в таких округах практически сможет получить оба избирательных бюллетеня. Но обращаю внимание, что на совмещенных с думскими выборами региональных выборах такой институт оказался не везде отменен. В той же Москве одновременно проходят выборы мэра, выборы советников районных собраний, на которых избиратель может голосовать только досрочно.

ВЕДУЩАЯ: Ну что ж, мы желаем всем вам, дорогие радиослушатели, в следующее воскресенье избрать достойных депутатов. А на сегодня все. До свидания, до новых встреч.

Выборы, закон, избиратель, часть 2

(Эфир "Радио России" 5 декабря 1999 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Мы продолжаем цикл передач на тему **“Выбор, закон, избиратель”**.

Через две недели - выборы в Государственную Думу. Каждому из нас будет предложено дать оценку деятельности тех людей, которые стояли последние годы у власти. Нам также нужно оценить и тех, кто претендует на то, чтобы стоять там в будущем. Наша с вами задача - избрать таких людей, которые работали бы именно на нас с вами, причем, работали бы добросовестно. В конце концов, именно подбор квалифицированных кадров является важнейшим условием нормальной работы любого человеческого коллектива, в том числе и государства. Именно мы с вами являемся работодателями для депутатов. И плох тот работодатель, который вдруг заявит: кого бы я ни нанял, все равно работа будет выполняться плохо, - мол, нет хороших работников, все обманщики, воры и лентяи. У такого работодателя, действительно, никогда ничего путного не получится.

Именно на нас с вами лежит ответственность за то, чтобы у власти в последующие годы находились люди, реально способные помочь нам добиться того уровня жизни, которого мы достойны. А значит, к предстоящим выборам нам нужно относиться не как к балаганному представлению, на котором мы можем наградить аплодисментами понравившегося клоуна, но как к серьезной работе, пусть не очень трудной, но требующей от нас ответственности и определенных затрат умственного труда.

Мне могут возразить, мол, на самом деле все уже решено, всё уже схвачено, важно не кто голосует, а кто подсчитывает. Так вот для того, чтобы оценку и выбор реально производили именно мы - избиратели, написаны весьма объемные законы, а в дополнение к ним принято еще множество постановлений, решений, инструкций. И опять же мне могут возразить, что закон - одно, а жизнь - другое.

Действительно, в нашем обществе, к сожалению, существует устойчивая и очень давняя традиция неуважения к формальному закону. Но у нас нет другого пути, как добиваться реального исполнения закона. Да, закон сам по себе лишь стопка бумаги. Необходимо воплощать его в жизнь. А это должны делать люди, в том числе мы с вами. И первое, что мы должны сделать, - это хотя бы узнать: какие возможности и какие права законом нам предоставлены. Нам нужно понять, каковы правила предстоящих выборов. Без этого вряд ли можно говорить о реальном выборе, сделанном нами ответственно.

Многие граждане активно участвуют в избирательной кампании. И, конечно же, возникает много вопросов. В Центральной избирательной комиссии организована “Горячая линия”. О том, как она работает, я беседую с ответственным работником ЦИК Ниной Толмачевой.

ВЕДУЩАЯ: Что такое “Горячая линия”, и когда она была образована? Много вам звонят?

ТОЛМАЧЁВА: “Горячая линия” избирателя образована была по инициативе нашего председателя ЦИК Александра Альбертовича Вешнякова, его распоряжением от 4-го сентября. Она создана в целях усиления общественного контроля над ходом подготовки к выборам в Государственную Думу РФ, для оказания информационной и консультативной помощи нашим избирателям в период проведения этих выборов. Работает она с 6 сентября

и будет работать по 25 декабря этого года, с 10 часов до 13 часов ежедневно, кроме выходных дней. Разумеется, в день выборов она тоже будет работать. Телефон “Горячей линии” избирателя - 206-84-16.

Кроме этого, в приемной Центральной избирательной комиссии есть телефон, который известен, по-моему, и в России, и далеко за ее пределами - 206-27-94. По нему звонят буквально круглые сутки. Если, предположим, мы не уходим вовремя с работы (а мы не уходим практически каждый день вовремя), то могут позвонить и в 9 вечера, и в 11 вечера, и задать вопросы, касающиеся избирательной кампании и предстоящих выборов в Государственную Думу.

ВЕДУЩАЯ: На сегодняшний день сколько звонков вы приняли?

ТОЛМАЧЁВА: На сегодняшний день мы приняли порядка 4 тысяч звонков от избирателей. Но основная масса этих звонков приходит к нам от жителей города Москвы и Московской области. Это естественно, поскольку не нужно дополнительно оплачивать телефонные разговоры. Но надо сказать, что и немало жителей почти со всей России уже позвонили на нашу “Горячую линию”, причем некоторые по несколько раз. Звонят не только из России, но и из стран СНГ, бывшего Советского Союза, из Америки, из Израиля и из других стран. Оттуда звонят жители, которые имеют наши паспорта, то есть они еще граждане Российской Федерации.

ВЕДУЩАЯ: Какие, Вы считаете, на сегодняшний день последние вопросы избирателей наиболее актуальные и важные?

ТОЛМАЧЁВА: Да, вопросы самые разные. Причем, вы знаете, как наша вся предвыборная кампания делится на какие-то этапы конкретные, то и вопросы меняются. Раньше, когда только была создана “Горячая линия” избирателя, много вопросов задавалось о нарушении порядка сбора подписей, задавали вопросы о местонахождении той или иной окружной избирательной комиссии или же границах того или иного избирательного округа. А сейчас, уже на этапе финишном, когда идет предвыборная агитация за тот или иной блок, за то или иное избирательное объединение, за того или иного кандидата по одномандатному округу, - поступает от избирателей масса вопросов и информации уже о нарушениях порядка предвыборной агитации. Нередко даже избиратели города Москвы задают вопросы о том, что испытывают чувство “голода” информационного, то есть у них нет биографий кандидатов в депутаты по одномандатным избирательным округам, или нет даже их программ. То есть избиратели не хотят вслепую идти на выборы, а хотят обладать какими-то сведениями об этих кандидатах.

В законе говорится о том, что кандидат может агитировать за себя с момента его официальной регистрации, когда он имеет удостоверение о том, что является зарегистрированным кандидатом в депутаты. И там масса у нас статей, которые говорят, предположим, о том, что он издает листовку с биографическими сведениями, с программами. Эта листовка должна иметь все объективные сведения о том, кто ее издавал. И образец этой листовки обязательно должен быть в окружной избирательной комиссии, которая внимательно знакомится с текстом, прежде чем массовым тиражом выпускать эту листовку в округе. Необходимо проверить: всё ли соответствует закону, есть ли исходные данные этой листовки.

ВЕДУЩАЯ: Если нет исходных данных, то это нарушение порядка?

ТОЛМАЧЁВА: Это нарушение порядка предвыборной агитации.

ВЕДУЩАЯ: В вашем журнале регистрации звонков я прочитала, например, о таком звонке, что блок “Отечество” в Москве по определенному адресу открыл 26 ноября бесплатную юридическую консультацию. Человек, который звонил, спрашивал: является ли это нарушением порядка предвыборной агитации. С Вашей точки зрения, является или нет?

ТОЛМАЧЁВА: Это не только с моей точки зрения, но и в законе сказано. Это все-таки благотворительная деятельность, если мы даем бесплатную юридическую консультацию. И это, конечно, нарушение порядка предвыборной агитации. Мы эти сведения, которые поступают на “Горячую линию” от избирателя, обобщаем ежедневно и делаем это достоянием нашего руководства. И еженедельную даем информацию нашему руководству ЦИК и всем членам ЦИК, и руководителям структурных подразделений.

ВЕДУЩАЯ: Многие вопросы, дорогие радиослушатели, задаете вы и в письмах. Сегодня на некоторые из ваших вопросов ответят разработчики Закона “Об избирательном праве”: депутат Государственной Думы, член Комитета по законодательству Виктор Шейнис и эксперт этого комитета Владислав Луценко.

И мой первый вопрос о статусе зарегистрированных кандидатов в депутаты. Отвечает Виктор Шейнис.

ШЕЙНИС: Что касается общего положения, то кандидата можно снять с регистрации в том случае, если он нарушает закон. Все случаи нарушения закона, разумеется, если речь идет о серьезных нарушениях, передаются на рассмотрение соответствующей избирательной комиссии, которая и принимает решение. У комиссии не очень великий диапазон тех санкций, которые она может принимать. Она может выдвинуть предупреждение, может снять с регистрации.

Что касается государственных служащих, то закон достаточно недвусмысленно на этот вопрос отвечает. Все лица, находящиеся на государственной службе, а также журналисты, которые работают в средствах массовой информации, обязаны на время избирательной кампании уйти в отпуск. Это оплачиваемый отпуск из средств государственного бюджета, но находиться на службе они не могут. Исключение сделано только для тех лиц, которые занимают государственные должности категории “А”. Это - президент, руководители субъектов Федерации, депутаты, еще целый ряд категорий высших должностных лиц, которых Закон “О государственной службе” относит к категории “А”. Законодатель исходил при этом из того, что нельзя на время избирательной кампании прекращать их деятельность.

ВЕДУЩАЯ: Еще один вопрос, который наиболее часто встречается. Что такое избирательный фонд?

ЛУЦЕНКО: Избирательный фонд - это, грубо говоря, некоторая “тумбочка”, в которую одни люди кладут деньги, а другие: люди, организации, конкретный кандидат или избирательное объединение, - вынимают и тратят на свою избирательную кампанию, будь то сбор подписей или агитация. Физически эта “тумбочка” располагается в Сберегательном банке. То есть у каждого кандидата, у каждого избирательного объединения, блока есть открытый, по согласованию с соответствующей комиссией, счет в Сберегательном банке, на который приходят эти поступления, и из которого осуществляются расходы. Только с этого счета может производиться расходование средств на избирательную кампанию.

ВЕДУЩАЯ: От кого поступают средства на счет кандидата или блока? Это известно?

ЛУЦЕНКО: Естественно, они должны быть известны. Законом предусмотрен достаточно большой перечень реквизитов, которые должны подтверждаться перечислением в избирательный фонд. Например, для гражданина требуют полного перечисления данных: ФИО, год рождения, адрес. Для юридического лица - более подробные реквизиты. В частности, должны быть сведения о наличии в уставном капитале доли государственного участия и доли иностранного участия.

ШЕЙНИС: Если уставной капитал предприятия более чем на 30 процентов сформирован за счет иностранных фондов или государственных фондов, то такое предприятие не имеет права жертвовать в избирательный фонд. Избирательный фонд кандидата формируется из 4 источников. Первый источник - его собственные средства. Они ограничены определенной величиной минимальных зарплат. Во-вторых, это то, что он получает от избирательной комиссии. Тут сравнительно немного. Третье - это то, что ему может дать его избирательное объединение. И в четвертых, это взносы юридических и физических лиц. Такое дарение ограничено определенным количеством минимальных зарплат.

Кроме того, есть еще ограничитель, который установлен для общей величины фонда. Он ни в коем случае не может быть превышен. Общая величина такого фонда для кандидата составляет 1 миллион 680 тысяч рублей.

Для избирательного объединения существует три источника. Первый - это собственные средства избирательного объединения. Второй - это то, что оно получает от государства (тоже небольшая величина). А третий источник - это то, что избирательное объединение получает от физических и юридических лиц. Соответственно всего около 42 миллионов рублей предельной величины.

ВЕДУЩАЯ: А теперь процедура получения открепительных удостоверений. Здесь есть какие-то новшества по сравнению с прошлым законом?

ШЕЙНИС: Нет, принципиальных новшеств здесь нет, если не считать того, что установлен срок, в течение которого могут быть получены открепительные удостоверения. Установлено, что открепительное удостоверение выдается только лично гражданину или по доверенности. Доверенность должна быть заверена нотариально. Исключение для тех граждан, которые находятся в лечебных учреждениях, и в этом случае доверенность может быть заверена администрацией лечебного учреждения. Есть еще категория граждан, которые находятся в местах лишения свободы, но приговора суда ещё не было. Они имеют право участвовать в голосовании, и соответственно они могут претендовать на то, чтобы получить открепительное удостоверение по месту жительства. Такое открепительное удостоверение выдается на основе доверенности, заверенной администрацией этого учреждения.

Необходимо иметь в виду, что открепительное удостоверение действует только при голосовании по федеральному округу для всех тех граждан, которые голосуют не в пределах своего одномандатного избирательного округа. Иными словами, я уезжаю из Москвы в Ленинград. Я в этом случае могу получить открепительное удостоверение, и мне в Ленинграде выдадут бюллетень для голосования по федеральному округу. Мне не дадут бюллетень по соответствующему одномандатному округу, ибо мое голосование не должно влиять на выбор тех граждан, которые постоянно или преимущественно проживают в данном округе. Все граждане, которые возьмут открепительные удостоверения, не должны обижаться на то, что им дадут только один избирательный

бюллетень. Исключением может быть такой случай, когда, предположим, человек, получивший открепительное удостоверение, голосует в пределах одного и того же одномандатного избирательного округа, но на другом участке.

ЛУЦЕНКО: Открепительное удостоверение избирателю обязаны выдать в любом случае. Я просто слышал уже о прецедентах, которые были в Москве буквально на прошлой неделе. В участковую избирательную комиссию пришел человек, который как раз собирался ехать в Петербург. Ему сказали: “Раз вы едете в Петербург, то никакого открепительного удостоверения мы не дадим, поскольку это другой избирательный округ”.

Эта проблема вызвана непониманием того, что у нас в стране есть не только одномандатные избирательные округа, но и общефедеральный избирательный округ, где все имеют право голосовать именно таким способом.

ВЕДУЩАЯ: То есть в воинских частях будет проходить голосование только по федеральному округу?

ШЕЙНИС: Нет. Для воинских частей установлен следующий порядок. Если эта часть постоянно дислоцирована на территории данного избирательного округа, то граждане, состоящие на военной службе, включаются в списки избирателей. На думских выборах они голосуют и по одномандатному, и по общефедеральному округу. Естественно, что так голосуют все офицеры и прапорщики, которые живут на квартирах. Солдаты, которые живут в казармах, тоже, как правило, должны голосовать на общих избирательных участках, находящихся поблизости от расположения их части. Отдельные избирательные участки для воинских частей создаются только в том случае, если они находятся в каких-то отдаленных от населенных пунктов районах.

ВЕДУЩАЯ: Вот еще один из вопросов, который часто задают на “Горячей линии”. Участие в жеребьевке кандидата на эфирное время. Кандидат в депутаты вовремя не был оповещен, или что-то случилось. Короче говоря, он не смог придти на жеребьевку. Имеет ли он право - обратиться потом и получить это эфирное время или полосу в газете?

ШЕЙНИС: Видите ли, закон непосредственно такую ситуацию не регулирует. Он устанавливает порядок, при котором до жеребьевки все кандидаты и представители избирательных объединений и их полномочные лица должны быть оповещены о проведении жеребьевки. Если такое оповещение не состоялось, то в данном случае может быть оспорена сама жеребьевка. Хотя уже сейчас, конечно, поздно оспаривать, но теоретически она могла быть оспорена.

Если кандидат не явился по своим причинам, на мой взгляд, возможны два варианта. Либо, скажем, жеребьевка производилась таким образом, что на отсутствующих были оставлены какие-то места, что законом прямо не предусмотрено. Однако в порядке инициативы, такая норма могла быть предусмотрена. Тогда отсутствующие должны принять свой жребий, вытянутый чужими руками.

Возможен и несколько другой вариант. Предположим, жеребьевка за отсутствующих не производилась, но в пределах времени, отведенного на предвыборную агитацию, есть какие-то резервные места. Тогда они могут настаивать на том, чтобы резервные места были предоставлены им вечерним временем в соответствии с законом.

ВЕДУЩАЯ: А закончить передачу мне хочется словами ответственного работника ЦИК, Нины Толмачевой, к которой я присоединяюсь.

ТОЛМАЧЁВА: Мы можем пожелать нашим дорогим и уважаемым гражданам России обязательно прийти в день выборов на свои избирательные участки, несмотря на то, что нередко мы и испытываем чувство информационного “голода”. Ведь, действительно, у многих иногда нет возможности купить ту или иную газету, тот или иной журнал, который рассказывает о предстоящих выборах. Но мы всех очень ждем на избирательных участках. Проявите активность, потому что от каждого голоса, то есть от каждого из нас зависит: какие итоги будут у выборов в наш парламент, какая будет наша Дума 21 века.

ВЕДУЩАЯ: На сегодня все. До свидания, до новых встреч.

Жертвы событий в Чечне

(Эфир "Радио России" 14 ноября 1999 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Как угодно можно назвать то, что сейчас происходит в Чечне, - антитеррористическая акция, война. Только там, где стреляют - кровь, слезы, увечья, искалеченная жизнь.

КОР.: Какие в основном это ранения?

Гл. врач Замдиев: Все осколочные ранения. Ни одного пулевого ранения у нас не было. И поступил мальчик с ранением от снайпера в районе конечности. Поступили с рынка города Грозного, после взрыва. У нас лежат с ампутацией обеих конечностей двое больных: один мальчик с отрывом бедра, еще у одного отрыв голени. Женщина с гангреной поступила, ампутировали ей бедро. Отрыв пятки, осколочное ранение черепа, открытые переломы.

КОР.: То есть, в основном, 50 человек - это женщины и дети?

ЗАМДИЕВ: Старики, женщины и дети.

ВЕДУЩАЯ: Это интервью я взяла у главного врача Сунженской республиканской больницы № 2 Магомеда Замдиева.

В больницах Ингушетии я видела много детей и женщин с ампутированными руками и ногами. Это страшно.

А вот другая сторона антитеррористической акции. К матерям приходит груз № 200. В городе Южно-Уральске 12 человек уже похоронили, 4 пропали без вести. Матери обращаются в общественные организации с просьбой помочь им узнать о своих сыновьях.

И вот Наталья Гусева из города Златоуста Челябинской области из клуба "Деловая женщина", Мария Соболев из областной организации "Женская деловая сеть" и журналистка Елена Москаленко отправились в Ростовский госпиталь.

Репортаж Елены Москаленко.

КОР.: Ростовский госпиталь переполнен. Мальчишки, оказавшись здесь, на войну больше не хотят. Война - это страшно. Рома Лотарев до войны работал на заводе в Белебее. Ему нет еще 20. Год "учебки", 2 месяца войны, и нервы не выдержали. Врачи твердо поставили диагноз: сумеречное расстройство. Теперь палата за забором и колючей проволокой. Война продолжается во сне. Красно-черные картины Ботлиха, когда человек - это мишень, а кровь постоянно смешивается с землей. Рома убежден, что дома ему станет легче. Дома - мама, папа, брат. Ему-то Рома уже не позволит идти в армию. Смерть товарищей белебеевский паренек не забудет никогда. Встречи во "мраке-психушке", пожалуй, были самыми тяжелыми. Здесь оказываются не только наркоманы. Многие из ребят не выдерживают постоянного напряжения. Не готовые воевать, мальчишки готовы

покончить жизнь самоубийством. Нередки в госпитале суицидальные попытки. Война иногда становится рецидивом.

ЛОТАРЕВ: С головой у меня стало не в порядке из-за переживаний, поэтому и попал сюда в Ростовский госпиталь.

КОР.: Как, по-твоему, война - это страшная вещь?

ЛОТАРЕВ: Война - это страшная вещь, которая уносит молодые жизни ребят. Я это все узнал на себе, потому что я лежу с такими же ребятами, как и я. Я понимаю все прекрасно.

КОР.: Как ты думаешь, это оттого, что вы такие неподготовленные и молодые туда попадаете?

ЛОТАРЕВ: Да. Это из-за нашей неподготовленности и от непрофессионализма.

КОР.: Курганец Владимир Исаков был готов покончить жизнь самоубийством. Любимая девчонка не дождалась. Сначала писать перестала, потом и вовсе другого нашла. Вот и ненавидит Вова войну: она отняла у него самое дорогое на свете - любовь. Да и не один такой Владимир Исаков. Как говорят сами ребята, “невесты здесь кончаются”. Не хватает мужества у девчонок, а значит, тыл - это тоже война.

Война - потому что полупустые штабы и воинские части: все силы брошены на передовую. Но и здесь в тылу - постоянная боевая готовность. Здесь тревога за товарищей и чувство стыда оттого, что сидишь в штабах. Но нет здесь у мальчишек сожаления о том, что попали в армию. В полку связи Северо-Кавказского военного округа внутренних войск МВД России мы встретили двух карабахских мальчишек - Рината Кашапова и Виталика Евсеева.

КАШАПОВ: В армию надо идти.

КОР.: Почему?

ЕВСЕЕВ: Там научишься чему-то. А если кто-то не идет, он даже морально не подготовлен.

КОР.: Есть, по-вашему, какие-то слабые места, которые можно изменить сегодня?

ЕВСЕЕВ: Не знаю.

КОР.: Проблема неуставных отношений, “дедовщина”, - она ушла в прошлое?

КАШАПОВ: Да, “дедовщины” сейчас нет. Надо профессионально научиться здесь чему-нибудь.

КОР.: Ты бы своим мальчишкам чего бы мог пожелать?

КАШАПОВ: Чтобы все шли служить. И дальше легче им будет после армии.

КОР.: А если, допустим, придется попасть на войну? Считаешь, что после войны легче будет в жизни?

КАШАПОВ: Я не знаю.

КОР.: Поехать на передовую Ринат и Виталик готовы хоть сейчас. Только вот родителей жаль, если что случится. Но ответственность они чувствуют за собой. Связь на войне - это главное. И может, совсем скоро Ринату и Виталику придется выехать на замену товарищей, а пока в тылу они ждут своего часа. Ожидание - это тоже война.

В Ростовском госпитале мы встретили Алешу Кирсанова из Кунашакского района Челябинской области. В армию его призвали в мае. В августе он был уже тяжело ранен, подорвался на mine.

КИРСАНОВ: Я разведчик.

КОР.: Наверное, романтично?

КИРСАНОВ: Да, не так уж. Что там романтического? Постоянно - впереди, мы самые первые везде были. Я там ничего не боялся. Не так уж было страшно.

КОР.: Книжку, смотрю, читаешь: “Палач. Час расплаты”.

КИРСАНОВ: Интересная.

КОР.: Туда возвращаться сильно хочется?

КИРСАНОВ: Нет, конечно.

КОР.: Ты какие-то для себя уже вынес уроки из войны?

КИРСАНОВ: Конечно. Чтобы больше никто туда не попадал, чтобы все выжили.

КОР.: Теперь Алеша поправился и готовится поехать домой. Но знает, что произойдет это не скоро. Его еще ждет тяжелая операция. Алеша разводит руками и показывает, что у него на ноге огромная дыра. Сам рядовой Алексей Кирсанов оценивает все достаточно критично: сам виноват, воевать не готов. А вот кто виноват, если не научили этим заниматься, да и в разведку послали?!

ВЕДУЩАЯ: А ведь, когда призывали Алешу, еще действовал Указ Президента за номером 1356, подписанный им еще в 96 году. Согласно этому Указу, попасть в зону военных конфликтов и вооруженных действий можно было только после годичного обучения и обязательно добровольно. В октябре Президент подписал другой Указ № 1366. А по новому Указу достаточно прослужить лишь полгода, и солдата уже можно отправлять в зону вооруженных конфликтов. И его желания совсем для этого не нужно. Только вопрос: а хватит ли нашим (в большинстве своем физически не очень-то крепким) ребятам полгода для того, чтобы идти воевать с бандитами, прошедшими хорошую подготовку?!

В результате поездки трех женщин в Ростов в штабы Северо-Кавказского военного округа войск МВД и Министерства обороны им удалось организовать акцию “Материнская

почта” - связь с полевыми частями и командирами штаба с одной стороны и мамами - с другой.

И еще одна сторона антитеррористической акции.

Тысячи женщин, детей, стариков вынуждены были покинуть свои дома в Чечне из-за бомбежек и обстрелов. Почти 200 тысяч людей оказалось на территории Ингушетии. (Для справки: население Ингушетии составляет 300 тысяч.) Так как же живут эти вынужденные переселенцы из Чечни?

Последующие интервью я взяла в городке Карабулак, где они временно размещаются.

Любовь ДАЦАЕВА: Я приехала из Урус-Мартана. Я уже 15-ый день в вагонах нахожусь.

ВЕДУЩАЯ: Сколько вас в семье?

ДАЦАЕВА: Нас семеро. Пять детей у меня. Годика еще нет моей девочке, 4 годика, 6 лет, остальные чуть постарше.

ВЕДУЩАЯ: Какие у вас здесь условия? Есть ли у вас здесь, где помыться, постирать белье?

ДАЦАЕВА: Никаких условий у нас здесь нет. Бань нет. Извините, но мы все со вшами, с гнидами ходим, грязные. Но этот вопрос никто не поднял.

ВЕДУЩАЯ: Скажите, а как с питанием?

ДАЦАЕВА: Единственное, мы получаем нормально хлеб. Детям хоть бы сгущенку дали бы, хоть молоко дали бы. Правда, на этой неделе молоко один раз получили. Питания горячего у нас нет. Один раз дали суп, и то мы понесли обратно: из-за этого кислого супа у нас заболели дети. Заболели у них животы, мы обратились даже к врачу.

ВЕДУЩАЯ: Скажите, медпункт есть у вас?

ДАЦАЕВА: Да.

ВЕДУЩАЯ: А лекарства?

ДАЦАЕВА: Есть. На это жалоб нет.

ВЕДУЩАЯ: Воду привозят? Нормальная вода?

ДАЦАЕВА: С водой у нас большая проблема. Мы с ведрами ходим, привозим. Питьевую воду, нам проводники говорят, не пейте, пожалуйста, если можете, доставайте себе питьевую воду.

ВЕДУЩАЯ: Откуда же вы достаете?

ДАЦАЕВА: Спасибо этим людям, которые поселились с той войны.

ВЕДУЩАЯ: Это те, которые из пригородного района Северной Осетии?

ДАЦАЕВА: Да. Вот им спасибо, приютили, дали свой газ, дали кухню, дают готовить.

КАНТЕМИРОВА: Я из Грозного. Кантемирова Хава. В лагере мы с 29 октября.

ВЕДУЩАЯ: Как часто здесь раздается пища?

КАНТЕМИРОВА: Один раз в день. В обед.

ВЕДУЩАЯ: Сколько раз вам уже раздавали?

КАНТЕМИРОВА: Вот второй раз раздаем.

ВЕДУЩАЯ: В чем задержка?

КАНТЕМИРОВА: Продукты питания были на складе, все было. Единственное - не включен газ, и воды не было. В этом была задержка.

ВЕДУЩАЯ: Теперь Вы человек как бы при котле. Вы надеетесь, что теперь Вы сможете кормить, поить каждый день?

КАНТЕМИРОВА: Надеюсь. Если будут условия, надемся.

ВЕДУЩАЯ: Поскольку Вы работали в “Красном кресте”, Вы понимаете, что значит санитарный контроль за пищей. Здесь можно его обеспечить?

КАНТЕМИРОВА: Можно.

ВЕДУЩАЯ: Вместе с представителем Правозащитного Центра “Мемориал” Олегом Орловым мы беседуем с комендантом городка.

МИРЖУЕВ: Я комендант Миржуев Исмаил Хаджимурадович. Работаю с 1 ноября.

ОРЛОВ: Как Вы оцениваете общую ситуацию с вагонами, со снабжением, с питанием, с санитарным состоянием?

МИРЖУЕВ: Питание пока в столовой готовят. Горячее даем, хлеб - ежедневно, сухой продукт, макароны, масло, чай, сахар. А условия у нас, видите: некоторые вагоны уже вышли из строя, из города Минеральные воды приехали слесари, делают уже.

А остальные вопросы: уголь, вода, свет, - это снабжали из МЧС. Они не справлялись с обеспечением. Теперь они деньги перечислили нашей администрации. Уже начали уголь возить, водой обеспечивать полностью.

ОРЛОВ: То есть Вы считаете, более или менее благополучная ситуация?

МИРЖУЕВ: Да.

ОРЛОВ: А мы прошли все вагоны, говорили со многими людьми, были на кухне, и нам сказали, что сейчас, по сути, только второй раз дают горячую пищу. Что не было газа. То есть за месяц была горячая пища один раз, но там был борщ, и нам сказали во многих вагонах, что его вечером приготовили, утром раздали, а он уже скис, и это все.

МИРЖУЕВ: Это неправда. Люди начинают кушать только после пробы наших врачей. В тот день санэпидстанция была, наши врачи взяли пробы.

ОРЛОВ: Когда это было?

МИРЖУЕВ: В тот день, когда вам сказали, что отравление было.

ОРЛОВ: Это был первый раз раздачи горячей пищи?

МИРЖУЕВ: 3-4 дня назад.

ВЕДУЩАЯ: То есть 3-4 дня назад первый раз дали горячую пищу. Значит, сейчас дают только второй раз горячую пищу? Мы сейчас только были на кухне у вас. Люди в вагоне ее готовить не могут, без горячей пищи в таких условиях, ослабленные, они тоже долго жить не могут.

МИРЖУЕВ: Горячую пищу они начали регулярно готовить 3-4 дня назад.

ОРЛОВ: 3-4 дня назад впервые, за все время существования здесь, была выдана горячая пища. Сегодня люди, по ряду причин, получают ее лишь второй раз. Можно ли это считать нормальным, и в чем причина? Чем мы можем помочь?

МИРЖУЕВ: МЧС должно было установить, подключить газ, котлы, и водой должны были обеспечить, углем должны обеспечить, электричеством.

ОРЛОВ: На сегодняшний день вы этим обеспечены или нет?

МИРЖУЕВ: Они перечислили деньги нашей администрации, вчера завезли 4 машины угля, выделили уже 4 машины-водовоза, чтобы ежедневно воду возили. А сегодня поехали 4 машины за углем опять в Слепцовск.

ВЕДУЩАЯ: Кандидат медицинских наук, заслуженный врач РФ Магомед Арсануков является заместителем начальника Департамента организации медицинской помощи при Минздраве России. Я встретила с ним в Ингушетии. По его данным в городках уже много случаев педикулеза. Все больше появляется больных чесоткой. Около 85 % жителей городков страдает острыми респираторными заболеваниями. Я и сама видела завшивленных детей. Возрастает количество заболеваний дизентерией.

ВЕДУЩАЯ: Эпидемий пока нет. Удастся ли их предотвратить и можно ли их предотвратить в этих условиях. Что нужно сделать?

АРСАНУКОВ: Эта проблема очень серьезная. В Чечне, в Ингушетии эпидемия не остановится, она пойдет вглубь России.

ВЕДУЩАЯ: Скажите, а есть смертные случаи? Как дети себя чувствуют здесь? Ведь многие женщины еще беременные приехали, с грудными детьми.

АРСАНУКОВ: За период военных действий на территории Ингушетии родилось 453 ребенка. 12 мертвыми родились, 7 умерли из этих новорожденных. Но родители скрывают, поэтому четкой статистики нет. Я делал обходы по палаточным городкам и знаю, что многие новорожденные дети умирают. И дети более взрослые умирают. Они здесь не фиксируются, родители пытаются их увозить через все эти кордоны, чтобы похоронить дома.

ВЕДУЩАЯ: Сами матери скрывают?

АРСАНУКОВ: Все равно никто не поможет. А по обычаю чеченцев, нужно похоронить на своей земле и в своей деревне, на своих кладбищах. Очень много таких случаев.

ВЕДУЩАЯ: Нам говорят, что нет гуманитарной катастрофы, а Вы как считаете, есть или нет?

АРСАНУКОВ: Я не хотел бы в часть этой политики лезть, но как врач я Вам скажу. Гуманитарная катастрофа... Я не совсем понимаю, что они говорят. Но, как врач, я могу охарактеризовать все это, как трагедию. Больше трагедии не может быть, когда весь народ бежит от бомб через эти кордоны, по 3-4 суток стоят на этом морозе. Поток в Ингушетию увеличился. И когда говорят: заехало 8 с половиной тысяч, выехало 4 тысячи, - это неправда.

ВЕДУЩАЯ: Да, сейчас желающих уехать очень много, не хватает только транспорта, чтобы их перевезти.

АРСАНУКОВ: Я могу однозначно сказать: им легче там под бомбами умереть, чем здесь от мороза. Они уезжают не потому, что им хочется, просто они вынуждены. Дети умирают у них на глазах, взрослые мерзнут. Это ослабленные люди. Вы заходили в палатки? Сыро, холодно, это же нечеловеческие условия! Я много лет работал в местах заключения, там условия были намного лучше: хоть тепло было, их раз в неделю насильственно купали, заставляли, и три раза, регулярно, хоть какую еду, но горячую давали.

ВЕДУЩАЯ: А здесь одноразовое питание?

АРСАНУКОВ: Одноразовое. Один раз дают. Но и то, многие люди не кушают такую пищу. Я сегодня смотрел пищеблок. Я бы не сказал, что там неаккуратные люди, все там чисто. Однако совершенно не соответствует вкусовым качествам эта пища; я не кулинар, но сколько я ни спрашивал людей, они не хотят эту пищу кушать.

ВЕДУЩАЯ: Многие вынужденные переселенцы из Чечни хотят покинуть переполненную Ингушетию.

По данным миграционной службы республики Ингушетия на 13 ноября: “В центры временного размещения из Ингушетии выехало 38 человек. В регионы России к родственникам и знакомым выехали по железной дороге 13 тысяч 807 человек. В Грузию - 1846 человек. В северные районы Чечни - 7764 человека”

Вместе с представителем Правозащитного Центра “Мемориал” Олегом Орловым я беседую с руководителем МЧС Ингушетии Валерием Куусом.

КУУС: Сейчас мы вывозим людей в северные районы, тех, кто проживал там, у кого там родственники. Мы людям помогаем уехать. Сегодня уехало 150 человек. Каждый день, вот и сейчас колонну мы поставили грузовиков, они вывозят.

ОРЛОВ: Что происходит в северных районах?

КУУС: В первую очередь, люди должны возвращаться в свое жилье. Если есть здесь жители Наурского района, Шелковского района, Надтеречного, и нет у них возможности вернуться домой, значит, в первую очередь, нам надо их вернуть домой. Во вторую очередь, - тех, у кого есть родственники. Такому человеку не нужна палатка, он придет и будет в доме жить. Вот этих людей надо возвращать. Рассматривается вопрос о том, чтобы сделать какие-то места компактного проживания, городки сделать палаточные. Мы, исходя из опыта, считаем, что это нецелесообразно: делать палатки где-то там и людей тащить, допустим, отсюда туда. Какой смысл? Как вариант, мы предлагаем на севере поставить железнодорожный состав: меньше затрат будет и дешевле. Если не нужен он, его зацепил тепловоз и утащил.

ОРЛОВ: Еще один вопрос. Кстати, представители миграционной службы нам подтвердили этот факт, что вроде бы есть сложности с выездом машин чеченских?

КУУС: Да, потому что они чеченские.

ОРЛОВ: То есть нарушение законодательства. И не выпускают ни в Осетию, ни в Кабарду?

КУУС: Самолетом, поездом ты можешь выехать, а на машине своей ты не выедешь.

ОРЛОВ: Вот не пускают, стоит милиция, а на что она ссылается?

КУУС: Сержант, который там стоит, говорит: “У меня нет приказа”. Вот и все. Что с него возьмешь? Начальники большие тоже ссылаются все выше и выше. И на этом круг замкнулся.

ВЕДУЩАЯ: Значительные усилия, предпринимаемые и МЧС, и Миграционной службой, и, конечно же, Ингушскими властями для обеспечения беженцев из Чечни, позволяют пока лишь не допустить резкого и неконтролируемого ухудшения обстановки. Не хватает палаток и вагонов, а имеющиеся не отапливаются должным образом. Уже сейчас многие железнодорожные вагоны переполнены. В некоторых плацкартных вагонах, в купе, рассчитанных на 6 человек, живут по 12-16 человек. Во многих палатках на 10 местах проживают 20 и более человек. Я видела палатки, в которых на 10 спальных местах проживало 30 человек.

Но особую опасность представляет надвигающаяся зима. Не хватает дров и угля для отапливания палаток и вагонов. В ряде вагонов отопление не работает или испортилось. Не хватает воды, необходимой для работы отопительной системы. Три дня холодов, обрушившихся во второй декаде ноября на Ингушетию, буквально поставили многих вынужденных переселенцев на грань выживания. Наступают новые холода. Что будет с ними?

Можно, как угодно, называть то, что сейчас происходит в Чечне: антитеррористическая акция или война, - но там, где стреляют, там кровь, слезы, увечья, искалеченная жизнь.

Правозащитная организация считает, я цитирую:

“военная операция в Чечне является вооруженным конфликтом немеждународного характера. Федеральное руководство, называя, вопреки очевидности, вооруженный конфликт в Чечне “антитеррористической операцией” (в прошлый раз это было - “уничтожение бандформирований”), -федеральное руководство пытается вывести происходящее из контекста гуманитарного права, а тем самым из-под международного контроля. Между тем, Группа содействия ОБСЕ до сих пор имеет мандат на наблюдение за соблюдением прав человека и норм гуманитарного права в зоне конфликта. Все соответствующие международные организации должны обратить самое пристальное внимание на происходящее на Северном Кавказе и в России в целом”

На сегодня все. Прочитать наши передачи вы можете в интернете по адресу:
www.memo.ru

До свидания! До новых встреч.

Дети России. Какими они вырастут

(Эфир "Радио России" 14 ноября 1999 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Тема нашей передачи сегодня - **“Дети России. Какими они вырастут”**.

И сначала я расскажу о нескольких случаях обращения с детьми.

Челябинск. По моей просьбе наш корреспондент из Челябинска Елена Москаленко взяла интервью у эксперта Наблюдательного совета по защите прав детей при Городской Думе, члена Комиссии по правам человека при Губернаторе области Владимира Вафина.

КОР.: Владимир Александрович, а как у нас в Челябинске обстоят дела с правами ребенка?

ВАФИН: Никак не обстоят. Все знают о том, что существует Конвенция по правам детей, существует и Декларация. Но это только знание того, что они существуют. Когда я начал ребятам читать курс лекций по правам ребенка, и они узнали очень многое, вот что стало итогом. Подростка, которому я объяснил, что его права защищены, когда он попадал в органы милиции, его там били больше всех именно за то, что он знает эти права. А прокуратура, когда разговор идет о том, вдруг начинает недоумевать: о какой декларации вы говорите? И вот, к примеру, конкретно об одном уголовном деле, которое до сих пор и продолжается. Там учитель географии одной из школ Челябинска, госпожа Синельникова, в течение какого-то времени жестоко обращалась с детьми. Дети, не выдержав этого, написали заявление, которое было передано в прокуратуру района. И что получилось? Следствие ведется уже второй год. В итоге эта учительница была все-таки уволена из школы, но после еще одного факта жестокого обращения с ребятами. И ребята не могут доказать свою правоту, не можем доказать и мы, взрослые. Все, что можно было доказать, доказываем. А прокурор заявляет, что нет состава преступления.

Вы слышали, наверно, эту историю, когда в Москве однажды человек выбросил кота. Человека осудили на полтора года. Кот вернулся потом. Но, тем не менее, тот человек платил штраф. А мы не можем защитить права детей, судя по тем печальным фактам, которые имеются в городе Челябинске.

В моем районе существовала 14-ая школа, где обучались ребята из трех поселков: Каштак, деревни Казанцево и села Новое поле. На сегодняшний день эти ребята вынуждены учиться в школах Металлургического района, потому что был проведен эксперимент, в итоге которого ребят-старшеклассников из 14-ой школы вывели, оставив там только детей до 5 класса. И вы представьте, что ребята теперь поднимаются в 6 часов утра для того, чтобы по хозяйству быстренько что-то сделать, сесть на автобус и приехать в школу. Но не в 94-ую, которая должна была принять этих ребят, они ездят в другую школу, которая им экономически выгодна, чтобы не платить лишних денег. Таков эксперимент, который устроили взрослые. В итоге пострадали, прежде всего, дети.

КОР.: Вы говорили о том, что у нас в городе идет необъявленная война против детей. На основании каких еще примеров можете это доказать?

ВАФИН: Даже взять такую ситуацию. Существовал детский приемник-распределитель, который отвечал своим требованиям. Он принимал и распределял детей. Приезжайте туда и посмотрите: там висит вывеска о том, что это - "Центр временной изоляции для правонарушителей". Вот даже начиная с этой вывески. Как можно назвать правонарушителем ребенка, который был взят из семьи, где родители - пьяницы, алкоголики и не следят?! Почему он является правонарушителем? Я уже молчу про те факты, о которых ребята рассказывают: как с ними обращаются в этом детском приемнике-распределителе. Я его так называю по старинке.

КОР.: Интересно, насколько по школам обстановка криминогенная, что касается соотношения “учитель и ученик”?

ВАФИН: Ко мне обратились ребята с просьбой защитить от учителя, который, по их рассказам, бьет детей головой об парту, оскорбляет, унижает, надевает сумки на голову ребятам, оскорбляет их родителей. Естественно, был разговор с учителем, разговор был и с директором, просили переговорить с детьми, чтобы пришли к какому-то “чистому листу” взаимоотношений, извинившись перед детьми. Учитель категорически отказывается извиняться перед детьми. Потом я приглашаю представителей из районного Управления народного образования, которые просят не допускать таких фактов. Но опять же, 15 мая 1998 года, она снова ударила ребенка.

КОР.: Насколько часты эти случаи в Metallургическом районе города Челябинска?

ВАФИН: Дело в том, что когда я пришел к начальнику образования и сказал об этом факте, она мне заявила: “Это один учитель, а у меня, знаете, сколько учителей?!” Я говорю: “Почему же Вы держите таких учителей, которые так жестоко обращаются с детьми?”

-“А кто придет в школу? У меня нехватка кадров”

То есть, Вы понимаете, они готовы принять даже таких, так называемых, “педагогов”. Какова же ситуация с тем делом? Прокуратура месяц занималась этим делом. В итоге детей заставили отказаться от своих показаний, то есть на них давили. И результат прокуратуры, что нет состава преступления.

ВЕДУЩАЯ: 4 года назад был создан в Челябинске подростковый милицейский клуб. Его учредителями стали Администрация города и Управление внутренних дел. Этот клуб был создан для беспризорников и трудных подростков. Главой стал майор милиции Игорь Бараев, а воспитателем - капитан Алексей Филатов.

Елена Москаленко продолжает тему.

КОР.: Дело намеревалось быть благим. Видимо, следуя по стопам великого педагога Макаренко, трудных подростков и беспризорных решили воспитывать трудом. Хотели, как лучше, получилось слишком не по-детски.

“Орел 6-го легиона, пусть кровь твоя досталась псам...” Эту песню мальчишки разучивали до трех часов ночи. Кровь, пот, мозоли им должны были быть не в тягость. Кроме этих испытаний, на их долю достался и марш-бросок длиной в 42 километра (35 - пешком, 7 - бегом), синяки, раны от лопат, истертые от дорог кроссовки, виселица и плакат “Дорога в ад”.

1-й ПОДРОСТОК: Когда мы шли в строю, меня, лично, ударили три раза. Два раза лопаткой и прикладом от автомата, деревянным игрушечным.

КОР.: За что?

1-й ПОДРОСТОК: За то, что я немного вышел из строя. “Не в ногу идешь”. Сказали, что листья от березы настелят, а мы, вообще, спали на голой земле. Они все молодые, пацаны, лет по 13, с оружием ходят. В лагере еще был Кривоспицкий из Чечни, и сказал, что он, если кто не будет слушаться, повесит или убьет вообще.

ВЕДУЩАЯ: Мальчишка, подвешенный за руки, провисел на виселице час. Другой от побоев 45 минут пролежал без сознания. Может, у детского страха глаза и велики, но есть и другая сторона - дети, которым нравятся “волчьи драгуны”, “черные береты”, очевидно, те, которым приходится выбирать между улицей и подростковыми играми в “боевиков”.

ДЕВОЧКА: Им не нравится работать: они привыкли есть много, отдыхать много, каждый день спать много и вставать в 12. А надо привыкать, они ведь мужчины, вырастут... Им нужно привыкнуть, чтобы они не были сопляками.

КОР.: Вот вы скажите, взрослые отчего “встали на уши”?

2-й ПОДРОСТОК: Потому что им сказали, что этот лагерь - не “Солнышко”. Им говорил Игорь Александрович, что это не лагерь для отдыха.

КОР.: Со времен античности говорят, что истина там, где обе стороны по-своему правы. Правы и те, и другие подростки, но между ними слезы и замешательство родителей.

Наверное, закон самосохранения Чарльза Дарвина стал здесь главным: если не бьешь ты, бьют тебя, в том числе, и взрослые. Вместо пряника и труда - кнут.

По какой-то злой случайности в лагерь попали и больные дети. Но это далеко не весь список взрослых нарушений. За дело взялась прокуратура. Заместитель прокурора города Челябинска Сергей Мозжерин.

МОЗЖЕРИН: Прокуратурой и городским Управлением внутренних дел все факты будут проверены, будет допрошен каждый из воспитанников, каждый из них будет освидетельствован на предмет наличия у них телесных повреждений. От них будут получены объяснения о механизме происхождения этих телесных повреждений. Не исключается возможность их получения и от воспитателей (естественно, эту версию будем проверять), и от ребят старшего возраста.

КОР.: Даже прокуратура сегодня далека от оптимизма. Многие заявления пострадавших подтвердились. Идут проверки, после которых будут заведены уголовные дела.

Майор Игорь Бараев и капитан Алексей Филатов находятся в розыске. Но то, что случилось, это что - желание, благодаря кнуту, сделать парней мужественными или это милицейский беспредел?

ВЕДУЩАЯ: Впрочем, некоторым детям пребывание в лагере понравилось. И именно это вызывает у меня опасения. Кого мы растим? И почему воспитанием подростков занимаются люди, не имеющие специального образования?

Нижний Тагил. По телефону я связалась с председателем Правозащитного центра, журналистом Михаилом Золотухиным.

ЗОЛОТУХИН: 20 октября областная Дума приняла постановление об исполнении областного закона “О защите прав ребенка”. В данном постановлении, в части “Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Свердловской области”, отмечено, что существует целый комплекс проблем, например, возросли различные факторы семейного неблагополучия. Существующая сеть социальных и образовательных учреждений не отвечает потребностям детей. В ряде муниципальных образований не отработаны методы взаимодействия различных ведомств, направленных

на профилактику безнадзорности и правонарушений, а также на реабилитацию несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Несвоевременное выделение средств на опекунопособия приводит к тому, что содержание детей-сирот в приемных семьях не позволяет реализовать принцип приоритетности семейной формы устройства детей-сирот.

В нашей области увеличивается число безнадзорных детей-подростков, занимающихся бродяжничеством. За последние 2 года, например, находились в розыске, как без вести пропавшие, самовольно оставившие постоянное место проживания, около 4 тысяч подростков. В Главном управлении Внутренних дел Свердловской области в начале этого года на учете по делам несовершеннолетних состояло около 14 тысяч человек.

Финансирование областного закона “О защите прав ребенка” и программ, разработанных по его реализации, осуществляется частично. Но и те деньги, которые выделяются, хотелось бы мне отметить, часто идут не туда, куда бы следовало: в частности, в Екатеринбурге не по целевому назначению использованы средства из областного бюджета за прошлый год, в сумме около 2 миллионов рублей. Вместо того чтобы, например, направить эти деньги в соответствии с законом “О бесплатном обеспечении детей 1-2-го года жизни”, - деньги эти были направлены на содержание муниципальных служб, на финансирование администрации города, на проведение так называемых оздоровительных мероприятий в администрации города и так далее.

В Свердловской области, также я хотел бы отметить, по сути дела, процветает насилие взрослых в отношении детей. По информации пресс-службы областной прокуратуры, более 5 тысяч детей за последние 2 года стали жертвами насилия взрослых. А в прошлом году прокуратурой области было предано суду 108 убийц и 612 насильников детей.

В Екатеринбурге была введена в прошлом году должность детского правозащитника, которую занимает Зинаида Ароновна Судакова. Она отмечает, что права детей часто и преимущественно нарушают их родители. Также идут с жалобами на работников милиции, учителей, воспитателей, которые позволяют себе рукоприкладство в отношении детей.

ВЕДУЩАЯ: Генеральная Ассамблея ООН 20 ноября 1959 года провозгласила Декларацию прав ребенка, призвав все государства к соблюдению указанных в ней норм и принципов.

В 89 году Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о правах ребенка, которую Россия ратифицировала в 90 году и обязалась ее выполнять.

Одно из основных требований Конвенции - приоритетное и наилучшее обеспечение прав и интересов ребенка всеми государственными, частными, административными, судебными и законодательными органами.

Основные права ребенка, которые согласно Конвенции государства обязаны выполнять, - это право на охрану здоровья детей, право на воспитание и образование, права детей в семье, в том числе, имущественные и жилищные права, защита детей от всех видов эксплуатации, гарантии прав личности несовершеннолетних при привлечении их к ответственности за правонарушения.

Но на деле ни о Конвенции, ни об этих правах толком никто ничего не знает.

Ну, а дети - тем более. И замечательно, что есть общественные организации, которые оказывают юридические консультации и часто в буквальном смысле спасают детей, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации.

Я беседую с исполнительным директором программы “Право ребенка” Любовью Кушниц.

Где наиболее часто наблюдается жестокое обращение с детьми, и кто обращается к Вам?

КУШНИЦ: В равной мере: как в семьях, так и в детских учреждениях. Например, к нам обратился воспитатель одного из интернатов и рассказал о том, что отец мальчика, который посещает этот интернат, практически постоянно избивает ребенка, применяет какие-то совершенно не человеческие методы его воспитания. Запирает его, заставляя выучить его то-то, то-то и то-то, и если он не выучил, то держит ребенка взаперти под замком, потом еще и избивает его так, что ребенок ходит весь в синяках и боится идти домой, даже на выходные. И как они ни беседовали с отцом, как они с ним ни разговаривали, он говорит: “Это мой ребенок, я за него отвечаю, я его воспитываю, и не лезьте”. Вот такая была позиция отца. И воспитатель просто в отчаянии обратился к нам: “Помогите, жалко ребенка, а не отдать мы не имеем права: не лишен же отец родительских прав. Всякий раз, когда отдаем ребенка, знаем, что отдаем его на выходные дни, как на муку. Но все же мы работу соответствующую провели.

ВЕДУЩАЯ: А что вы имеете право сделать в этом случае? Как охраняет ребенка закон?

КУШНИЦ: В этом случае мы, прежде всего, обратились к отцу и напомнили ему о том, что ребенок его, и он, естественно, несет за него ответственность. Но у ребенка тоже есть права, и напомнили ему о 156-ой статье Уголовного кодекса, которая предусматривает наказание за жестокое обращение к ребенку. И мы обратили внимание его на эту статью и на его ответственность, как родителя.

ВЕДУЩАЯ: А результат?

КУШНИЦ: А результат превзошел все ожидания. Мы не запугивали отца, это было хорошее, доброе письмо, в котором мы ему рассказали то, о чем человек просто не знал. Ведь этот отец не был алкоголиком и не был монстром каким-то, он просто так понимал свои обязанности.

ВЕДУЩАЯ: А матери нет?

КУШНИЦ: Матери нет у этого ребенка. Отец просто не знал, что существуют другие методы. Ему это надо было рассказать, и мы ему объяснили. После чего звонит счастливый воспитатель и говорит, что мальчик сказал: “Папа стал таким добрым, стал такой хороший”. И все, конфликт был исчерпан.

ВЕДУЩАЯ: А много таких счастливых концов?

КУШНИЦ: Наверное, не так много. Как мы поняли из опыта работы: с детьми работать легче, чем со взрослыми.

ВЕДУЩАЯ: И в школах, и в детских домах, очевидно, есть эта проблема. Ведь там мы очень часто встречаемся с жестоким обращением к детям.

КУШНИР: К сожалению, да. Совсем недавний случай, когда сами дети к нам обратились с просьбой, защитить их от издевательств со стороны милиции. Я пока не называю это учреждение, потому что следствие идет, и оно еще не закончилось. Это в Московской области. Дело в том, что работники этой школы-интерната нашли очень легкий способ, как они считали, воспитания детей. К тем детям, которые провинились: опоздали на урок, нагрубили, прогуляли и так далее, - когда набиралось у них, по мнению их воспитателей, достаточное количество проступков, то эти самые воспитатели приглашали работников милиции к себе в интернат. И с ведома, и согласия работников интерната, в его стенах милиция избивала детей. Это неслыханно, но это происходило. Дети показали, что в телевизионной комнате это происходило. Есть письменное обращение, есть устный рассказ, записанный на пленку. В присутствии прокурора, помощников, в присутствии официальных лиц они подтвердили свои показания. Целый ряд работников милиции был в этом деле замешан. Совершенно поражает позиция администрации школы-интерната, которая, конечно же, знала, что происходит. Поражает позиция учителей, когда мальчик рассказывает нам в присутствии представителей разных организаций, в присутствии прокурора, - рассказывает о том, что на расправу их вызывали с уроков. Приходят, зовут, мальчик спускается в телевизионную комнату, там начинаются с ним разборки, которые заканчивались, как правило, побоями. А в это время воспитатель выходил из этой комнаты, делая вид, что он не знает, что тут происходит. Потом ребенка заставляли вытереть слезы и говорили, что если ты сейчас будешь еще плакать, то еще больше получишь. Ребенок возвращается в класс, садится за парту и не может сдержать слезы, он рыдает, плачет. При этом учитель не подходит и не спрашивает: куда тебя вызывали, почему ты плачешь, что случилось.

ВЕДУЩАЯ: А какого возраста были дети?

КУШНИР: Это были дети от 12 до 16 лет, мальчики, в основном. Я так поняла, что учитель не спрашивал не случайно; не потому, что у него черствое сердце. Учитель не спрашивал потому, что он знал, где был ребенок и почему он плачет. И почему молчали они все, тоже известно. Просто люди боятся, боятся сказать, выступить, потому что у нас сейчас боятся последствий, так как все может быть: избиение, увольнение с работы, просто-напросто оскорбление, - то есть любая форма мести. И боятся этого сейчас, и молчат, к сожалению.

Мы обратились в самые высокие инстанции по этому поводу. И к великому сожалению, факты подтвердились, и возбуждено уголовное дело, сейчас идет следствие.

ВЕДУЩАЯ: Скажите, пожалуйста, как преподаватель, почему сейчас возникла проблема защиты прав ребенка, детей. Была ли у нас эта проблема при СССР? Ведь, наверное, ничего не изменилось, люди-то те же. Или мы тогда не обращали на это внимание? Может быть, просто сейчас мы стали об этой проблеме говорить открыто?

КУШНИР: У меня достаточно большой стаж работы - около 30 лет. Я очень люблю детей и много с ними работала. Тогда об этом просто мало говорили. Но проблемы были, к сожалению.

ВЕДУЩАЯ: В сентябре этого года в Женеве на специальном заседании Комитета ООН был рассмотрен II-й Государственный периодический доклад РФ о реализации в нашей стране Конвенции по правам ребенка. Правозащитная организация "Право ребенка" представила альтернативный доклад. Хочется надеяться, что Российское правительство когда-нибудь услышит голос правозащитников.

Из недавней истории. В 1993 году Комитет ООН уже рекомендовал правительству России принять закон о ювенальной системе. Однако в течение 6 лет так ничего и не было сделано.

Сколько же еще можно надеяться и ждать?

Выборы, закон, избиратель, часть 1

(Эфир "Радио России" 7 ноября 1999 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Нет особой нужды напоминать вам, дорогие радиослушатели, о том, что на нас неотвратимо надвигаются выборы, в первую очередь, выборы депутатов в Государственную Думу России. Каждому из нас будет предложено дать оценку деятельности уже стоящих у власти и претендующих на то, чтобы там стоять. Мы должны указать, кого именно мы сочтем достойным нести ответственность за управление нами последующие 4 года. Наша с вами задача - выбрать таких людей, которые за эту самую зарплату работали бы именно на нас с вами, а не просто этой зарплатой и прочими сопутствующими приятностями наслаждались.

Для того, чтобы эту оценку и выбор производили именно мы, избиратели, написаны объемные законы. А в дополнение к ним принято огромное множество постановлений, решений и инструкций. Казалось бы, всё должно быть в порядке. Отнюдь. Закон сам по себе - это лишь стопа бумаги. Воплощать закон в жизнь должны, в конечном счете, люди. А у людей есть свои интересы и предпочтения. К сожалению, и это необходимо отметить: в нашем обществе существует устойчивая и очень давняя традиция неуважения, если не сказать, пренебрежения к написанному, то есть формальному закону. Насколько эта традиция сильно эксплуатировалась и углублялась за годы советской власти не стоит упоминать. Перечень и анализ примеров “тянут” на многотомный труд. И все же, чтобы не быть голословной, напомним выражение “качать права”. А вы подумайте, как оно воспринимается: как позитивная оценка или как негативная? Кстати, применительно к выборам есть еще довольно известное высказывание, приписываемое “отцу народов”: “Не важно - как голосуют, важно - кто считает”.

Могу упомянуть и совсем недавнее высказывание одного из членов Совета Федерации насчет того, что раньше было заранее известно начальству: кого именно изберут в начальники на выборах. “А чем это было плохо?” Вот такие люди нередко и занимаются исполнением законов. Впрочем, как раз для начальников это было совсем даже не плохо.

Поэтому, чтобы законы работали, необходимо участие в процессе их реального применения тех людей, которые убеждены, что общество может иметь человеческое лицо лишь в том случае, если неуклонно и наравне соблюдаются и дух, и буква формального писаного закона. Причем независимо от того, что именно считает полезным для себя, для “своих”, для страны, для человечества тот, кто применяет этот закон. Это остается верным и, в основном, всегда применимым для тех стран, в которых традиция буквалистского, формального соблюдения законов намного более прочна. В таких странах наиболее ярко обычные рядовые граждане проявляют себя именно во время выборов.

Всем известно, что на выборах делят власть. Власть, кроме того, что она для многих привлекательна сама по себе, означает еще и деньги. И ради сочетания того и другого, будет немало охотников пойти на что угодно, если мы с вами их не остановим. Именно мы с вами и представляем последнюю линию обороны в этой борьбе за власть и деньги.

В нашем “круглом столе” сегодня принимают участие разработчики Закона “Об избирательном праве”: депутат Государственной Думы Виктор Шейнис, эксперты Олег Каюнов и Владислав Луценко, а также Майя Гришина, начальник Отдела федерального законодательства о выборах и референдумах Правового Управления Центризбиркома.

Первым на мой вопрос будет отвечать Виктор Шейнис.

ВЕДУЩАЯ: Кончилось сейчас все то, что касается регистрации депутатов, блоков. Кто-то еще не зарегистрирован, идут судебные процессы и так далее. Мы ждем выборы, но

оказывается, что вот там-то и там-то возможно применение “грязных технологий”, каких-то подлогов. Ну и что теперь избиратели должны делать?

ШЕЙНИС: Я думаю, что именно сейчас избирателям необходимо узнать, кто претендует на его голос. Узнать основательно, узнать со всей степенью дотошности, для того, чтобы сделать выбор. Именно для этого дается месяц с лишним на проведение агитации, на ознакомление избирателя с его кандидатами и с теми избирательными объединениями, которые будут претендовать на места по федеральному избирательному округу. Я думаю, что исправления, которые внесены в избирательную систему, уже доказали свою целесообразность, свою действенность. Ибо, если на прошлых выборах до избирательного бюллетеня, в конечном счете, дошли 43 избирательных объединения и избирательных блока, то сегодня уже очевидно, что их будет примерно вдвое меньше. Когда окончательно завершится процесс регистрации, мы узнаем, сколько их будет, но сегодня уже очевидно, что их будет не более 20-ти или 20-ти с небольшим.

ВЕДУЩАЯ: Какие здесь могут быть “грязные технологии”? Что вообще здесь ожидает избирателя? Ведь можно, действительно, узнать, кто депутат твой?

КАЮНОВ: Здесь уже несколько раз говорилось, что надо избирателю все-таки полагаться на свой здравый смысл. Это не есть крик отчаяния тех, кто занимается законом или разработкой его, или применением. Дело все в том, что закон - это всего лишь то, что помогает пользоваться своим здравым смыслом. Например, в предыдущих версиях закона, который использовался на ранее проводившихся выборах, ограничения финансирования были достаточно слабые, это постепенно совершенствуется. Но все это, тем не менее, можно было заметить. Неоднократно наблюдалось, что в тех случаях, когда тот или иной кандидат совершенно явно расходовал очень большие деньги на свою избирательную кампанию, он все-таки оказывался в числе проигравших. То есть его ставка на то, что он может затрачивать большие деньги и оболванивать избирателя, - она проваливалась. Избирателям это, естественно, не нравилось: здравый смысл срабатывал. Чтобы меньше нагружать избирателя подобного рода наблюдениями, в закон, что на данный момент было ещё можно, постарались ввести такого рода ограничения.

Но остались другие вещи, которые более трудно реализуемы в законе. Например, различные формы давления начальства. То есть часть выявляемых законным образом способов давления начальства, так или иначе, законом пресекаются. Почему, в частности, из средств массовой информации специально выделяются те, которые имеют хоть какое-то отношение к начальству. Именно потому, что ими легче всего манипулировать начальству.

Но, тем не менее, как хорошо известно, есть другие формы, гораздо труднее вылавливаемые юридически значимым путем. В принципе, люди это способны увидеть, это практика показывает. Конечно, поскольку сейчас сильно ограничена возможность злоупотребления деньгами, будут использоваться другие формы злоупотребления. По мере того как они будут становиться массовыми, в закон, в дальнейший вариант, конечно, будут вноситься какие-то способы их пресечения. Но избирателю их можно будет увидеть уже сейчас, по мере того как они будут изобретаться. И это не требует каких-то сверхъестественных усилий, судя по тому, как это люди раньше видели. Надо полагаться на свои мозги.

ВЕДУЩАЯ: На мой вопрос отвечал Олег Каюнов. Следующий вопрос адресован представительнице Центризбиркома Майе Гришиной.

Как можно зарегистрировать “двойников”? Такой, кажется, отсев идет от Избирательной комиссии, они тщательно рассматривают каждую кандидатуру.

ГРИШИНА: Двойники так же соблюдают закон, как и тот кандидат, к которому этого “двойника” приклеивают. Поэтому есть процедура выдвижения. Если ее соблюдать, если есть какая-то сумма денег, надо соблюсти все формальности и можно зарегистрироваться. У того двойника есть такое же избирательное право быть в бюллетене. Другое дело, что он потом не использует фактически свои права и часто не участвует в агитации, не заполняет и не использует свой избирательный фонд. Это тоже закон не запрещает. Во всяком случае, на “двойников” избирателя сейчас трудно будет поймать.

Я бы хотела сказать о том, какая роль избирательных комиссий по новому закону. Она более активная, чем по прошлому закону, по прошлым кампаниям. В частности, это касается такой нормы, как обязанность и право комиссии информировать избирателей о зарегистрированных кандидатах, о кандидатах из федеральных списков. То есть проверка достоверности сведений. Эта работа развернулась сейчас, в момент, когда уже представлены для регистрации документы: декларация о доходах, сведения об имуществе, другие какие-то сведения, о гражданстве, о судимостях, - которые либо были представлены, либо нет. Все это будет проверяться не только сейчас, в те 10 дней, которые предшествовали регистрации, и которые некоторый эффект давали, но и после регистрации. Поскольку это длительный процесс, закон позволяет в тот момент, когда выявляется недостоверность, - пусть даже она предоставлялась раньше регистрации, но выявилась она уже после, - снимать кандидата с регистрации. Кроме того, информировать избирателей о кандидате, если даже сведения представлены достоверные. Комиссия должна проинформировать всех избирателей о различных параметрах кандидата. В частности, даже дать публикацию сведений об имуществе. По-моему, это довольно действенная норма и достаточно интересная в данной избирательной кампании.

ВЕДУЩАЯ: Это новая норма?

ГРИШИНА: В выборах депутатов это новая норма. Применялось это на выборах в президенты. В законе была такая норма, там были некие сведения, довольно небольшие, которые публиковались из декларации. Но там было не так много кандидатов, и самое главное - никакой проверки тогда не было. То есть то, что кандидаты представят, то и публиковалось. На том закон тогда ставил точку. Сейчас, конечно, полномочия расширены, и ответственность комиссии тоже значительно увеличена.

ВЕДУЩАЯ: Что Вы еще можете подчеркнуть для избирателя? Кроме того, что перечислили, что сейчас еще может быть, что мы называем “грязными технологиями”?

ГРИШИНА: У меня, например, информация набирается по мере того, как идет избирательная кампания. Для того чтобы моделировать эти “грязные технологии”, надо как-то сосредоточиться и что-то придумывать. Времени на это нет у избирательных комиссий, да и у тех, кто законы пишет, насколько я понимаю.

Новшества. В связи с ужесточившимися нормами закона относительно того, как финансировать избирательные кампании (то есть исключительно из избирательного фонда), если раньше можно было обходить как-то эту норму, то сейчас довольно трудно. Вот два кандидата регистрируются, и один у другого становится доверенным лицом. И вот есть попытки использовать бесплатное эфирное время, печатные площади (и платные тоже) и средства избирательного фонда от одного кандидата другому кандидату. Но мы произунали закон и нашли там запрет на это. То есть изобретателям “грязных технологий”

сейчас намного труднее будет, потому что закон стал большой. Иногда даже те нормы, которые мы писали как бы в общем, - они вдруг начинают применяться в тех ситуациях, о которых мы не могли еще подумать. В результате получается, что мы нашли выход, основанный на законе, который запрещает производить такие манипуляции.

ВЕДУЩАЯ: Вы слушаете программу “Демократия, свобода, права человека”. Тема нашей сегодняшней передачи - “Выборы, закон, избиратель”.

На мой следующий вопрос отвечает Владислав Луценко.

ВЕДУЩАЯ: Скажите, пожалуйста, если кандидат зарегистрирован официально, а ему не дают возможность выступить в газете, по радио или на телевидении. Здесь какой-то существует закон?

ЛУЦЕНКО: Существует двойной статус. Во-первых, есть те телеканалы, которые заявили о том, что будут давать эфирное время за плату. Они должны за равную плату давать всем поровну, естественно, и всем, кто платит, если еще остается время. Государственные телеканалы дают, соответственно, какой-то объем бесплатного времени и резервируют тот же объем времени для продажи за плату.

Что касается газет, то тут сложнее для кандидата. То есть если газета заявила, что готова продавать печатную площадь, то заранее объявила расценки. В законе было предусмотрено, что газета вправе отказывать каждому конкретному кандидату, если просто работникам редакции или ответственному ее лицу этот кандидат не нравится, не симпатичен. Но речь идет о частных газетах, а не о тех, которые живут за счет налогоплательщиков. То есть теоретически тут получается довольно странная ситуация, когда какая-то газета, заявив, что она будет продавать, или не продаст вообще, или продаст кому-то одному. Это как раз вполне возможно. Но это такой двойственный статус тех газет, которые реально не живут за счет средств налогоплательщиков.

ВЕДУЩАЯ: А теперь мнение Виктора Шейниса.

ШЕЙНИС: Мне кажется, самое главное подспорье для избирателя - это его собственный здравый смысл и нравственное чувство.

Вот представим, что в каком-то округе конкурируют несколько кандидатов. Один кандидат выступает и рассказывает о том, что он собирается делать, или, если он уже был депутатом, что он сделал за время избирательной кампании. Другой кандидат или наемное перо, наемный диктор данного кандидата, в основном занимается тем, что выливает “ушаты помоев” на другого кандидата. Поэтому я бы, прежде всего, рекомендовал отнестись с величайшим подозрением ко всякого рода компроматам. Да, действительно, подчас в органы законодательной власти, в Государственную Думу, идут люди не вполне честные и не вполне чистые. Но гораздо чаще мы сталкиваемся с попыткой оболгать, облить грязью порядочных, хороших, разумных людей.

Конечно, есть в законе целый ряд норм и положений. Если государственная газета или государственное телевидение опубликовало какое-то сообщение, которое дискредитирует данного кандидата, то по закону кандидат имеет право на ответ в такое время, когда избиратель еще может на это отреагировать. Но весьма вероятно, что грязь будет выливаться в частных изданиях, в каких-нибудь подметных листовках.

Кстати, о листовках. Когда вы их получаете, посмотрите внимательно: кем они выпущены, кто выступил заказчиком и изготовителем, даже каким тиражом выпущены эти листовки. Очень часто это листовки, которые пойдут вне избирательного фонда, которые будут, по сути дела, формой фальшивой дискредитации определенных кандидатов. Я, прежде всего, рекомендовал бы с величайшей осторожностью относиться к этому. Подобные формы применяются и на всенародно известных программах телевидения. Не случайно Центральная избирательная комиссия приняла решение обратиться в государственные органы по поводу компании ОРТ и передач господина Доренко, которые выходят далеко за рамки всякой этики: и журналистской, и человеческой.

ВЕДУЩАЯ: Тему продолжает Олег Каюнов

КАЮНОВ: Сейчас наступает, по существу, узловой этап предвыборной кампании. До этого был подготовительный этап, то есть определялось, кто будет участниками. И на том этапе какие-то моменты, связанные с “грязными технологиями” могли бы быть, но они носили чисто вспомогательный характер. Тем более что сейчас существует избирательный залог, на тот как раз случай, когда не дает прорваться начальство. Но теперь, когда те, кто хотел, прорвались, и они стали официальными участниками избирательного процесса, вот тут и начинается поле “грязных” избирательных технологий. Суть проста - ввести, так или иначе, избирателя в заблуждение в отношении себя или своих противников.

Можно привести наиболее известное. Например, звонки в 3-4 часа ночи с предложением проголосовать за такого-то кандидата. Но естественно, ни один здравомыслящий человек от такого звонка не будет склонен к мысли проголосовать за данного кандидата. Скорее даже это вызовет раздражение. Поэтому очевидно, что в таких случаях звонят именно противники данного кандидата.

Аналогичный прием, когда на лобовые стекла машин прочным клеем приклеивают здоровенные листовки в пользу какого-то кандидата. Таких уловок достаточно много. Основная защита от них - это, в первую очередь, конечно, здравый смысл избирателя.

Разумеется, в законе предпринята попытка - отсеять наиболее очевидные случаи “грязных технологий”.

ВЕДУЩАЯ: А как вы можете отсеять ночные звонки или, скажем, приклеенную агитацию на автомашине?

КАЮНОВ: Теоретически в отношении автомашины можно, потому что вряд ли кандидат даст расклеивать кому-то листовки в таком виде. Скорее всего, это подложные листовки, но и это тоже не на 100 процентов. Со звонками, конечно, проблематичней: в конце концов, человек может сказать это лично от себя. В законе, естественно, отсеивались только те вещи, которые можно как-то юридически определить. Например, широко описанный прием “грязных технологий”, использованных в Петербурге на недавних выборах, - это использование “двойников”. Когда наряду с известным человеком в том же самом округе регистрируется однофамилец или полный тезка, или с такими инициалами, чтобы он стоял впереди него в бюллетене, поскольку в алфавитном порядке идут. Авторы подобного рода уловок надеются на то, что человек, дойдя до этой фамилии в бюллетене, поставит крестик напротив нее. Похоже, правда, что эта уловка не очень-то срабатывает, но, во всяком случае, шума она наделала много. Она не сработает именно в том случае, когда человек руководствуется все-таки здравым смыслом и проявляет определенное внимание к тому, что он делает.

Резюмируя все сказанное, можно отметить, что именно сейчас, после того, как регистрация окончена, после того, как участники определены, команды вышли на поле, вот теперь и начинается вот эта самая “нечистая игра”. И опять же, помимо того, что сделано в законе, основная форма защиты от нее - это здравый смысл самого избирателя. Будьте бдительны!

ВЕДУЩАЯ: Уважаемые радиослушатели, послушав все это, вы вообще можете укрепиться во мнении, что политика - грязное дело и, вероятно, решите не участвовать в выборах вовсе, то есть позволите формировать власть другим людям. Но это и будет ваш выбор. Так или иначе, но от вашего выбора вам никуда не уйти. И если он будет именно таков, то не стоит жаловаться на творящееся в стране, ведь вы отказались даже попытаться повлиять на это.

Вы слушали программу “**Демократия, свобода, права человека**”. Сегодняшняя передача была посвящена теме “**Выборы, закон, избиратель**”. В нашем “круглом столе” принимали участие разработчики закона “Об избирательном праве”: депутат Государственной Думы Виктор Шейнис, эксперты Олег Каюнов и Владислав Луценко, а также начальник Отдела федерального законодательства о выборах и референдумах Правового управления Центризбиркома Майя Гришина.

На сегодня все. До свидания.

Неизбирательное применение силы федеральными войсками в ходе вооруженного конфликта в Чечне

(Эфир "Радио России" 31 октября 1999 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Сегодня в нашей программе: **неизбирательное применение силы федеральными войсками в ходе вооруженного конфликта в Чечне.**

Прошло больше месяца после начала бомбардировок федеральной авиацией Грозного и других крупных населенных пунктов Чечни.

Сообщая о ходе боевых действий на Северном Кавказе осенью 1999 г., официальные лица Российской Федерации, а также и СМИ, которые основываются на высказываниях этих же официальных лиц, подчеркивают отличия происходящего от чеченской кампании 1994-1996 гг. Наряду с малыми потерями среди федеральных войск, отмечается избирательность их действий, применение высокоточного оружия с целью уничтожить террористов при минимальных жертвах среди мирного населения. По-видимому, именно эти представления обеспечивают поддержку действиям правительства со стороны, как населения, так и политической элиты России.

На эту тему приводим несколько высказываний политиков в средствах массовой информации.

Евгений ПРИМАКОВ: “Точечные удары, если они осуществляются действительно точечным образом, если применяется высокоточное оружие (а я уверен, что его следует применять и оно применяется, наверное, уже), то тогда жертвы среди мирного населения минимальны” (*"Эхо Москвы", Интервью, 01.10.99; 15:35*)

Сергей СТЕПАШИН: “... И главная задача сегодня, которая должна стоять перед войсковыми подразделениями, перед внутренними войсками, наряду с уничтожением баз боевиков, в основном, - это высокоточное оружие, артиллерия, авиация и специальные операции ...” (*Телеканал ТВ6, Обозреватель, 10.10.99; 19:55*)

ВЕДУЩАЯ: Именно о таких способах ведения боевых действий постоянно говорят чиновники, включая премьер-министра ПУТИНА:

“Владимир Владимирович ... выразил свое искреннее восхищение выучкой и умением летчиков и с особой теплотой отозвался о российских оружейниках, которые создали ... высокоточное оружие, которое позволяет сейчас наносить удары непосредственно по базам скопления боевиков и избежать ненужных жертв среди мирного населения. (*ОРТ, "Новости", 20.10.1999, 12:00*)

ВЕДУЩАЯ: Насколько же верны эти слова ПУТИНА? Даже цитируемые выше политики сомневаются в их реальности:

Сергей СТЕПАШИН: “... давайте будем объективно оценивать боеспособность и возможность наших, в том числе, вооруженных сил, и того, что мы называем высокоточным оружием, космической разведкой. В течение последних 5-7 лет на эти самые технические разработки гроша ломаного, прошу прощения, не выделялось. (*НТВ, "Герой дня", 05.10.99. 19:40*)

ВЕДУЩАЯ: Российские военные и чиновники много говорят о применении в Чечне высокоточного оружия. Об этом, впрочем, мы знаем только с их слов. Однако и сообщения средств массовой информации из Чечни, и свидетельства беженцев, и даже простое сопоставление официальных заявлений должностных лиц РФ и представителей Министерства обороны позволяют усомниться в “точечном” и избирательном характере действия федеральных войск.

РАКЕТНЫЙ ОБСТРЕЛ ГРОЗНОГО 21 ОКТЯБРЯ 1999г.

Около 18:10 21 октября 1999 г. в некоторых районах Грозного прогремели взрывы. Один из них произошел на Центральном рынке среди прилавков, где идет торговля кожаной одеждой и продуктами питания. В телевизионных репортажах на следующий день были показаны разрушения на рынке и деформированные металлические обломки. По словам очевидцев, это были остатки ракет “земля-земля”.

По сообщению корреспондента радио “Свобода”, один из взрывов произошел во дворе родильного дома. Погибли 13 рожениц, 15 новорожденных, а также 7 человек, ожидавших автобуса на остановке. Среди них была жительница Грозного Наталия Эстимилова.

ЭСТИМИЛОВА: Минут 20 пятого по местному времени, то есть 20 минут шестого по Москве, я закончила монтаж на телевидении. Было светло, когда я села в автобус. Вслед за мной село еще несколько человек, так что нас в автобусе было человек семь. Я видела, как дорогу переходили (это было последнее, что я видела) трое девушек и молодой парень. Потом я не помню: слышала я взрыв или нет, - но я помню, что от здания роддома на нас понеслось страшное бурое облако. И мы все бросились из автобуса к развалинам дома, который стоял рядом. Но здание это очень прочное, старое, кирпичной кладки. Впереди меня бежала одна женщина и мужчина. Вдруг он споткнулся и упал. Мы забежали, где развалины, и потом были еще взрывы.

Я потом уже поняла, что по мне были, видимо, удары осколков кирпичей, и увидела царапины на руке. Это, видимо, тогда произошло. И как только мы туда заскочили, туда занесли девочку лет 12, у которой было очень много касательных ранений.

Наутро я должна была уезжать в Назрань: у меня была договоренность с моим знакомым, что его водитель меня отвезет на автостанцию. Он рассказал, что они до 12 ночи возили раненых в 9-ю больницу. Они насчитали 75 трупов и около 150 раненых. Я его спросила: в военной форме были среди них? Он сказал: “Я не думаю, потому что это были женщины в основном и дети”.

От него я узнала, что ракеты ударили еще и в поселке Калинина. Это часть Грозного. Причем, что самое подлое, это такая мирная часть Грозного, куда во время обстрелов, например, в августе 1996 года, когда была сильнейшая бомбежка, там выходили беженцы, именно в поселок Калинина. И три дня мы пережидали там. Он, правда, тогда тоже обстреливался, но не до такой степени. Так вот он говорил: оттуда привезли пятерых очень тяжело раненых детей, которые пошли за водой. Вот в этот момент они и попали под обстрел.

ВЕДУЩАЯ: По словам заведующего отделением реанимации 9-й городской больницы города Грозного, только туда, именно в реанимацию, поступило 70 человек раненых.

На следующий день начальник оперативного управления чеченских вооруженных сил Мумади САЙДАЕВ говорил о 137 погибших и свыше 250 раненых. По его словам,

взрывы произошли на рынке, возле бывшего почтамта, близ резиденции МАСХАДОВА, и в поселке Калинина в Ленинском районе, а за несколько секунд до взрывов над Терским хребтом, севернее Грозного, были видны яркие вспышки, озарившие небо.

Комментарии должностных лиц РФ.

В течение дня 22 октября должностные лица разного ранга дали к происшедшему накануне, как минимум, пять существенно различных комментариев.

Руководитель Российского информационного центра Александр МИХАЙЛОВ в интервью утренней программе “Новостей” телеканала НТВ заявил, что ни одного боевого вылета на Грозный самолеты федеральных сил накануне не совершали, не применялись и тактические ракеты “земля - земля”. МИХАЙЛОВ не исключил, что взрыв в Грозном стал результатом теракта, подготовленного самими боевиками.

Руководитель Центра общественных связей ФСБ Александр ЗДАНОВИЧ в интервью на “Радио России” заявил, что Федеральная служба безопасности РФ не имеет отношения к взрывам в центре Грозного, в том числе, на городском рынке, заметив однако, что у ФСБ “имелись данные о том, что на рынке складировалось оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества. Более того, боевики, считая, что по скоплению людей не будет нанесен удар ни авиацией, ни артиллерией, складировали там большое количество боеприпасов. Поэтому мы не исключаем, что мог произойти самопроизвольный подрыв боеприпасов, приведший к гибели людей”.

На пресс-конференции в Хельсинки Председатель Правительства РФ Владимир ПУТИН сказал:

"Могу подтвердить, что, действительно, имел место какой-то взрыв в Грозном на рынке. Но хочу обратить внимание представителей прессы на то, что имеется в виду не просто рынок в общепринятом смысле этого слова, имеется в виду рынок вооружений. Так это место в Грозном называется. Это база оружия, склад оружия. И это место - один из штабов бандформирований. Мы не исключаем, что взрыв, который там произошел, является результатом столкновений между противоборствующими группировками".

Наконец начальник Организационно-мобилизационного управления Генштаба РФ, генерал-полковник ПУТИЛИН заявил:

"Никакие удары в это время по Грозному не наносились, и вооруженные силы к этому делу не причастны. В связи с тем, что Грозный в настоящее время не контролируется Вооруженными силами России, подтвердить объективность первого заявления, которое было сделано, объективной возможности пока не представляется".

Командующий группировкой войск “Запад”, генерал-майор Владимир Шаманов в прямом эфире программы “Глас народа” на вопросы корреспондентов, что же произошло в Грозном 21 октября, ответил так.

ШАМАНОВ: У нас принципиальная установка, и мы жестко договариваемся: мы по населенным пунктам огневое поражение не наносим.

Второе. Исходя из объективного контроля, отдельные удары наносятся в основном авиацией по заранее разведанным и, как минимум, из трех источников подтвержденным целям. Поэтому я ответственно заявляю, что сегодня те удары, которые наносятся, наносятся по объектам боевиков.

Я скажу достоверно, как происходило это событие. Я в это время отдыхал. Ко мне постучался начальник радиоэлектронной борьбы и говорит: “Товарищ командующий, большой радиоперехват в северных направлениях Грозного”. Я сразу прибываю в центр радиоперехвата, где шли перехваты о том, что полевой командир убит, брат полевого командира ранен, требуется срочная помощь. В общем, работало порядка 40-50 корреспондентов. Чувствовалась большая паника, чувствовалось, что удар был нанесен настолько точно, что противник, террорист, находился в растерянности, причем в мощнейшей. Но это могли быть ракетные удары, примененные авиацией или сухопутными войсками, или высокоточным оружием.

ВЕДУЩАЯ: А вот, что говорит журналистка из Грозного, очевидец событий Наталья Эстимилова.

ЭСТИМИРОВА: Когда мы говорили с людьми, было ясно, что ведется война не с террористами, не с “ваххабитами”, а с мирным населением. Я, например, вижу в этом то, что войну против террористов превращают в войну народную. И мы собрали массу свидетельств этому.

Люди рассказывают так. К ним приехал брат Шамиля Басаева (это было 6 октября) и потребовал, чтобы ему дали 20 парней в его отряд. Мусульманский судья и старики отказали. Они сказали: “Мы не хотим туда идти, наши ребята не хотят туда идти”. Он ушел, а на следующий день их бомбили.

Из Замай-Юрта рассказывали так. Проходили утром боевики, они проходили через село часов в пять, а потом весь день кружили самолеты. А люди уже привыкли к ним, выходили и просто “глазели”. И вот вдруг самолеты ударили совершенно неожиданно для людей. В Замай-Юрте, в центре села, молодежь собралась, вот по ним-то и ударили. Это были люди, которые не собирались воевать.

ВЕДУЩАЯ: Таким образом, высшие должностные лица РФ и руководство Генштаба не только лгали, пытаясь скрыть причины взрывов в Грозном, но и несут прямую ответственность за массовую гибель гражданского населения.

Нам говорят, что сейчас армия другая, не та, что воевала в Чечне в 94-96 годах. Об этом я беседую с лидером фракции “Яблоко” Григорием Явлинским.

ВЕДУЩАЯ: У меня такой вопрос по поводу Вашего выступления на телевидении. Вы сказали, что армия у нас такая, какая есть, и она сейчас требует, безусловно, поддержки. Это так?

ЯВЛИНСКИЙ: Смысл моих слов заключался в том, что наша армия никогда не готовилась к подобного рода операциям. События 1994-1996 годов показали, что наша армия не готова воевать в таких условиях и решать такие военные задачи. Кроме того, правительство не находит нужным до сих пор принять соответствующие законодательные решения, которые бы поставили армию в легальное положение. До сих пор не принято решение в отношении чрезвычайного положения ни в Чечне, ни в Ставропольском крае, ни в Дагестане, ни в Ингушетии, нигде. Очень тяжелое впечатление оставляет, скажем,

обстрел российскими вертолетами нашего собственного ОМОНа. Вы знаете, сколько людей погибло? 35 человек! Очень неприятное впечатление остается от каких-то глупостей, которые мы слышим в ответ на взрыв на рынке в Грозном. Политики, принимающие решения, должны понимать: именно такую армию они направляют на боевые действия на Северном Кавказе. Именно такая армия получает их приказ. Это армия, это не пустые слова. Это наше “детище”. Вот оно у нас такое - как умеет, так и воюет.

Конечно, со всем тем, что я сказал, согласиться невозможно. Конечно, это вопрос не к солдатам и офицерам, это вопрос к генералам, которые преступно провели кампанию 1994-1996 годов; боюсь, что и сегодня не сильно поднялись они в своих знаниях и умениях. Но это наша с вами армия. И никакой другой армии у нас сегодня нет. Никто другой защищать нас от бандитов и агрессоров не будет.

Понимая все это, мы заявляем: да, мы поддерживаем наших солдат и офицеров, которые отдают свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины. Но мы спрашиваем у политиков, отдают ли они себе отчет, когда принимают решения, что именно такая армия продвигается сейчас к Грозному, именно такая армия идет к широкомасштабной войне в Чечне. Вопрос этот сегодня самый важный.

ВЕДУЩАЯ: Правильно ли я поняла? Говоря о безусловной поддержке армии, Вы говорите о том, что Вы не можете поддержать тех политиков, которые бросают такую армию, делающую “ковровые” бомбежки или бомбящую рынок в Грозном, нанося потери мирному населению?

ЯВЛИНСКИЙ: Да, я могу сказать, что я поддерживаю российских солдат и офицеров и буду их поддерживать всегда. Я отвожу лично от них всякое обвинение. Я говорю сегодня о другом. Когда премьер-министр отдает указание такой армии штурмовать Грозный, перейти Терек и двигаться на юг Чечни, то именно он и несет ответственность за то, что там происходит, а не эта армия.

ВЕДУЩАЯ: А можно ли вообще говорить о возможности ведения нашими войсками такой операции, которая сейчас идет в Чечне?

ЯВЛИНСКИЙ: Дело в том, что в Чечне сформировались крупные военно-криминальные отряды, против которых нам нечего выставить. У нас ничего, кроме нашей вот такой армии, нет. Сегодня все это вместе составляет очень драматическую ситуацию в стране. Кроме Вас, к сожалению, до сих пор никто ни разу по существу еще не задал этого вопроса. На сегодня это просто драма нашей страны. Там серьезные военно-криминальные формирования, которые реально угрожают нашей свободе, жизни и безопасности. Но противопоставить им мы можем только ту армию, которая у нас есть. И как российский политик я буду поддерживать нашу армию, наших солдат и офицеров.

Другой вопрос - это мой разговор с политиками в Москве, которые принимают соответствующие решения. Что касается другого выхода (я раз говорил и еще раз повторяю), военного решения там нет, есть только решение политическое. Оно состоит из двух основных частей. Путин обязан разговаривать с Масхадовым, Путин обязан добиваться понимания у местного населения. Определенные шаги в этом направлении делаются. Когда мне говорят, что Масхадов ничего не контролирует, то я отвечаю: да, он не контролирует бандитов. Но население его избирало. Если вы хотите найти общий язык с населением (а иначе вам бандитов не победить), вы должны разговаривать с Масхадовым.

ВЕДУЩАЯ: Это была точка зрения Григория Явлинского.

На этом мы заканчиваем нашу передачу. Всего вам доброго.

Экология

(Эфир "Радио России" 10 октября 1999 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Последние 20 лет в отношении человечества к природе проявляется, наконец, осознание, что мир наш хрупок, что мы сами разрушаем основу существования и нынешнего, и будущего поколения. Все меньше остается не отравленных, чистых рек и озер, все больше появляется территорий, где даже воздух становится опасным для жизни. Однако все больше и больше людей пытаются противостоять этому.

Вот что сообщают наши корреспонденты из разных регионов России.

Я беседую с Николаем Щуром, руководителем областного Фонда "Экология" в городе Снежинск Челябинской области.

ЩУР: Что касается рыбы в Алабуге, ситуация совершенно простая. Район дотационный. Основные деньги идут из челябинского областного бюджета. А есть еще целевые деньги. Они идут из федеральной целевой программы по реабилитации населения, пострадавшего от взрыва на "Маяке" в 1957 году. Там деньги очень большие и очень хорошие. На сегодняшний, 1999 год, из этой программы Каслинскому району выделено 1 073 000 рублей. И уже выплачено 842 тысячи, то есть район уже получил эти деньги. Вот эти денежки хорошо прилипают к рукам главы администрации и той компании, которая рядом с ним, в том числе, в эту компанию входят областные структуры, то есть областная администрация, Управление по чрезвычайным ситуациям. Мы напали, видимо, именно на такой момент, что эти деньги... "уходят". Они "уходят", их нет.

КОР.: Что значит: вы "напали"?

ЩУР: Мы напали совершенно случайно. Мы вдруг узнали, что из радиоактивного озера Алабуга рыба поставляется в детский дом. Алабуга находится на ВУРСЕ (восточно-уральском радиоактивном срезе) после 1957 года. То есть когда произошел взрыв, и ветер все понес на северо-восток, вот это облако попадало на землю в виде радиоактивных осадков. А они упали, в том числе, и на Алабугу. Поэтому озеро это, все его дно представляет собою смесь со стронцием, цезием и другими радиоактивными элементами, может быть, и плутонием. Поэтому рыба, питающаяся придонными организмами и растениями, которые возвращены на этом дне, естественно, радиоактивна. То есть превышение уровня радиации - в 10 раз примерно, по сравнению с предельно допустимыми нормами, принятыми в России, (а у нас эти нормы гораздо больше, чем за рубежом). Так в этой рыбке превышение даже наших норм - в 30 раз(!).

Это озеро находилось в ведении Каслинского рыбозавода. А затем обманным путем: с нарушением федерального закона, областного закона и так далее, - забрали это озеро и отдали сначала якобы государственному рыбноводному заводу (есть в Каслинском районе еще один завод, который занимается разведением рыбы), а тот завод тут же, мигом, отдал озеро в руки частному лицу. Частное лицо - это родственник главы администрации. Вот этот человек стал оттуда рыбу вылавливать и поставлять ее в детские дома. И не просто так поставлять. Глава администрации города Касли написал распоряжение, по которому обязал(!?) детские дома, детские сады и больницу принимать эту рыбу в пищу.

КОР.: Вы видели это распоряжение?

ЩУР: Да, я привез его копию, могу Вам дать в руки, пожалуйста, читайте. Вот это он все написал. И деньги из федеральной программы стали давать этому предпринимателю Мочалину. Деньги на все, что угодно. А Мочалин гасил кредиты, которые ему предоставляла Каслинская администрация, вот этой самой радиоактивной рыбой. То есть он не деньгами возвращал, а возвращал рыбой. В торговлю он эту рыбу дать не мог, поскольку ее бы никто не взял: нет сертификата, но есть письма, запрещающие это все, есть письмо от ветеринарного врача, который категорически запрещает употреблять в пищу эту рыбу. Однако абсолютно без всяких документов рыба отправлялась в детские сады и больницы города Касли. А газеты писали бодрые рапорты в духе советских времен о том, какой, оказывается, хороший Мочалин, что он уже более тонны поставил рыбы в счет погашения своих кредитов. Он еще поставлял, якобы и на благотворительной(!) основе, все ту же рыбку... радиоактивную. Самое смешное, что 17 июня этого года заместитель Главного санитарного врача Челябинской области Кравцова, она же руководитель Уральского радиологического центра, выдала сертификат, что рыбу можно поставлять, и даже написала, что рекомендуется(!) поставлять рыбу в больницу, детям и в другие организованные коллективы общепита. Вы знаете, этому практически никто не верит: во-первых, это уголовное преступление, даже никаких сомнений нет, но это и просто такой абсурд, кощунство, цинизм!

КОР.: Где у Вас доказательства, что эта рыба - радиоактивная?

ЩУР: Я рыбу из Алабуги отдал в "Green peace", который сейчас проведет уже ни от кого не зависимые исследования рыбы на радиацию. А до этого у нас есть уже почти 40-летний опыт исследования этой рыбы, ее же постоянно исследовали в лаборатории радиологической. И всегда все анализы говорили о том, что рыба - радиоактивная. Сотни таких анализов. У меня есть последние данные за июль 1999 года.

ВЕДУЩАЯ: О неблагоприятной ситуации в Астрахани уже давно известно. Говорит президент Центра экологической политики России, профессор Алексей Яблоков.

ЯБЛОКОВ: Астраханский газоконденсат. Там дело в том, что под огромным давлением этот газовый конденсат добывается с глубины 1000-1500 метров, и в нем очень большое количество серы, сероводорода. Сероводород - такой яд, который действует мгновенно, и смерть наступает мгновенно. Были случаи, когда по несколько человек погибало: выхлопом накрывало какую-то соседнюю деревеньку, и те, кто попадал под это ядовитое облако, все погибали. Шум был большой, но это все было в 70-х годах.

ВЕДУЩАЯ: Наш корреспондент Владимир Попов из Астрахани сообщил, что в газете "Горожанин" опубликована статья, в которой приведены страшные цифры. *Только первая очередь Астраханского газо-перерабатывающего завода ежегодно выбрасывает 2 миллиона 270 тысяч тонн токсических веществ...* Автор статьи Эдуард Великанов - президент региональной Астраханской медико-фармацевтической ассоциации, доктор медицинских наук, профессор - утверждает, что при таких обстоятельствах через несколько лет Астраханская область окажется на грани экологической катастрофы.

Я попросила Владимира Попова взять интервью у автора этой статьи.

ВЕЛИКАНОВ: Да, действительно, эта цифра на слух воспринимается очень сложно, потому что она просто фантастическая. 2 миллиона 270 тысяч тонн газов ежегодно выбрасывается в окружающую атмосферу. Эта цифра совершенно официальная, и никто ее не опровергает. Это действительно так. Это - официальные данные. Соответствующим образом при таких мощных выбросах страдает здоровье населения и города, и области.

Очень плохо у нас с состоянием здоровья детских контингентов. Резко возросли бронхо-легочные заболевания, растет аллергизация населения, бронхиальные астмы и так далее, и так далее.

В таких случаях принято, что ущерб, причиненный здоровью населения, от таких мощных загрязняющих выбросов в атмосферу, должен быть компенсирован тем предприятием, который делает эти выбросы. А таким загрязнителем является Астрахань-Газпром со своим предприятием - Астраханским газоперерабатывающим заводом. Но, к моему большому сожалению, на сегодня такой информацией я не располагаю, чтобы, действительно, такой ущерб здоровью гражданам, то есть астраханцам, каким-либо образом был компенсирован.

ВЕДУЩАЯ: В рамках программы разоружения были подписаны между США и Россией соглашения об утилизации оружейного плутония.

Об этом - наш корреспондент из Воронежа Павел Манжос.

МАНЖОС: Именно тогда два государства решили утилизировать лишний, то есть не идущий на нужды обороны, оружейный плутоний. Остекловывание оружейного плутония и ставших ненужными боеголовок ракет и захоронение их на больших глубинах в земле взяла на себя американская сторона, а именно Министерство энергетики США.

Министерство же атомной энергетики России планирует использовать переработанный оружейный плутоний на отечественных АЭС. Именно таков сценарий так называемой МОКС-программы, изложенной в докладе "Совместные российско-американские исследования вариантов обращения с плутонием". Этот доклад был подготовлен в сентябре 1996 года для президентов двух стран. МОКС - это английская аббревиатура, используемая для обозначения смеси оксида урана-238 и плутония. В соответствии с этим сценарием, для заполнения МОКС-топливом будут использованы действующие в настоящее время и строящиеся реакторы типа ВВЭР-1000 и ВВЭР-640, а также реакторы типа БН на Белоярской АЭС.

Согласно графику, представленному в докладе, первым в списке реакторов, запланированных для модернизации МОКС-топлива, стоит пятый энергоблок Воронежской АЭС. Сжигание МОКС-топлива на этом реакторе должно начаться в 2001 году, а всего планируется утилизировать 2,8 метрической тонны плутония. При этом в англоязычной версии доклада точно названы программы, которые будут вовлечены в МОКС-программу России. Российская же версия доклада, по неизвестным причинам, не содержит таких данных. Наверное, именно поэтому на протяжении трех лет она не была известна россиянам, с которыми Минатомэнерго затеяло игру вокруг статей Венской конвенции и Всеобщей декларации прав человека, гарантирующих каждому человеку право на жизнь. А вспомнить об этом праве есть прямой резон, поскольку плутоний, даже переработанный, является радиоактивным элементом, одним из наиболее опасных для человека. Его важнейший изотоп - плутоний-239 используется при создании ядерного оружия.

Сотрудники Центра ядерной экологии и энергетической политики, Социально-экологического союза, Центра экологической политики России, а также Института проблем энергетики и окружающей среды США установили, что, попадая в биосферу, плутоний-239 включается в не контролируемые биохимические циклы. Радиационная активность плутония связана с его альфа-активностью, которая в 200 тысяч раз превышает

альфа-активность у того же урана-238, основного топлива для сегодняшних ядерных реакторов на российских АЭС.

Первыми о готовящейся МОКС-программе для России узнали активисты из Социально-экологического союза. Их первый визит к Министру атомной энергии Евгению Адамову подтвердил опасения экологической общественности. Как сообщили руководители Социально-экологического союза Алиса Никулина и Владимир Сливяк, Адамов заявил, что, в рамках выполнения межправительственного соглашения, на российских АЭС, в целях утилизации оружейного плутония, действительно, будут использоваться реакторы типа ВВЭР-1000, и первым в их ряду должен стать реактор Нововоронежской АЭС.

КОР.: Я пришла в Центр экологической политики России, где президент этого Центра, профессор Яблоков дал мне интервью.

ЯБЛОКОВ: 14 процентов территории России - это экологически неблагоприятные зоны. Там всегда что-то случается, там стабильно плохая экологическая обстановка, которая влияет на состояние не только окружающей среды: плохие леса, плохие поля, загрязненные воды, - но уже фундаментально влияет и на здоровье человека. Во всех этих местах экологический компонент нашего здоровья не 20-30 процентов, как в среднем по миру, (Всемирная организация здравоохранения считает, что 20 процентов нашего здоровья напрямую связано с окружающей средой), - но в этих местах не 20, а 30-40, и даже 50 процентов нашего здоровья связано с окружающей средой.

В Москве или других больших городах это явно видно на здоровье жителей больших магистралей. Сейчас известно совершенно точно, где проходит больше транспорта, там больше сердечно-сосудистых, легочных заболеваний, аллергий и так далее. И, кроме того, там постоянно происходят какие-то неприятности. Причем, количество этих экологических аварий, катастроф, инцидентов увеличивается по разным причинам. Одна причина - изношенное оборудование. Давно не обновлялись фонды. Люди в погоне за деньгами тратят средства на основное производство, но стараются не тратить на очистные сооружения: есть объективные причины.

80 процентов промышленности в Советском Союзе была военной. При переходе в другую ипостась, рыночную экономику, нам столько военной промышленности не нужно. Огромное количество всяких заводов и фабрик остановилось совершенно правильно: нам не нужно столько военной промышленности. Многие города построены около военных предприятий. Закрывается какое-то военное предприятие, а на него были задействованы все очистные сооружения, скажем, муниципальные. Предприятие закрывается - автоматом перестают очищаться сточные воды каких-то маленьких городов. В результате этого, несмотря на спад промышленного производства, уровень загрязнения водоемов не уменьшился, а увеличился.

Другая же причина увеличения загрязнения водоемов в том, что ведется массовое незаконное строительство по берегам водоемов. Идет самозахват земель, и эти самые "новые русские", "средние русские" или какие там угодно, пользуясь ослабленной государственной властью, нарушают еще сталинские, еще царские указы о том, что около рек, водоемов, которые имеют питьевое значение, нельзя строить. Тут два примера: либо самозахват земель, либо коррупция мелких чиновников, которые незаконно дают разрешения на такое строительство. Кроме того, во время советского периода было наделано столько много всяких "тайных захоронений", что мы порой сталкиваемся с ними то тут, то там. Недаром известна пословица, что "Советский Союз имеет непредсказуемое

прошлом”. В отношении всяких экологических проблем эта пословица оправдывается буквально каждые полгода.

КОР.: Что Вы имеете в виду?

ЯБЛОКОВ: Какие-то загрязнения - радиоактивные, причем многие из них, остаются секретными. Химическое оружие было произведено в огромном количестве. Где оно? Оно затоплено, захоронено, сожжено в самых неподходящих местах, и никто этого не знает, как мы ни кричим: давайте, раскройте нам это. Только кое-что сейчас нам удалось... Общественности, в частности, хотя бы удалось поставить эту проблему. И Министерство обороны уже принимает эту проблему, как проблему. Но что, действительно, было до нашего крика “как”?

“40 тысяч тонн химического оружия существует, значит, надо под международным контролем с помощью других стран организовать безопасное уничтожение”. Вот это - официальная проблематика.

А мы говорим: ребята, ведь было произведено не 40 тысяч тонн, было произведено в 3-4 раза больше. А где это оружие? Мы знаем и верим, что оно не где-то спрятано или скрыто военными, нет, оно уничтожено, но экологически опасными методами. В России есть сотни мест, где это было сделано. В Пензе скрываются где-то, еще где-то. Страшно опасные старые “загрязненные” места, связанные с уничтожением химического оружия. Как Вы думаете: сколько таких мест? Мы знаем 3-4 места, но по нашим расчетам таких мест должно быть сотни.

Сейчас очень интересная фаза развития экологического движения. У нас в конце перестройки было массовое экологическое движение, когда мы, сотни тысяч человек, могли выходить на улицы по соответствующим причинам. Сейчас этот период массового экологического движения как-то ушел в сторону, потому что в общественном сознании экологическая проблематика, конечно, отодвинута экономическими и ежедневными жизненными проблемами. Но в больших городах она снова выходит на первое место.

Тут год назад был очень интересный опрос. Шла кампания по увеличению сбора налогов. Людей спросили: что бы вы сделали с деньгами, которые будут получены дополнительно, если удастся собрать дополнительные налоги? Что бы вы сделали? 94 процента сказали: отправили бы на экологию. Это первый такой звонок. Хотя нет, первый прозвучал тогда, когда мы, москвичи, выбирали мэра.

Мэр в своей предвыборной программе выдвинул два приоритета: борьба с преступностью и борьба за чистую Москву, за экологию. И 92 процента москвичей поддержали его именно потому, что он выбрал эту программу. Другое дело, что они ни ту, ни эту программу как следует не осуществляют.

Решить экологическую проблему может только Правительство. Никогда экологические проблемы никакими общественными силами не решались. Правительство для того и служит народу, чтобы решать проблемы, которые возникают. Если по-умному, то наша задача - привлечь внимание Правительства к решению экологических проблем, какие-то идеи дать, показать, как их решать. Сейчас профессиональное экологическое движение как раз это и делает. Даже вот на примере ввоза на территорию России радиоактивных отходов на переработку и хранение. 72 общественных организации, по инициативе нашего центра, подписали это заявление, направленное Президенту, в Правительство и в Государственную Думу. Там подробный анализ, почему мы считаем, что **нельзя**

использовать территорию России для хранения, захоронения и переработки иностранных радиоактивных материалов и отходов.

Мы три дня назад получили ответ, что наше обращение получено и внимательно рассматривается. То есть диалог существует.

КОР.: Я помню, что когда-то была даже фракция экологов у нас в парламенте. А сейчас кого-то выдвигаете Вы или общественная организация?

ЯБЛОКОВ: Накануне парламентских выборов несколько представителей экологических организаций заявили о том, что они участвуют в парламентских выборах. Мне кажется, гораздо выгоднее и результативнее “давить” на все политические партии и говорить: включите лозунги экологические, дайте нам гарантии, тогда мы обеспечим вам поддержку.

КОР.: Что вы делаете со Снежинской, вот с этой зараженной рыбой? Наш корреспондент из Челябинска говорит о том, что государственной организации запретили использовать озеро, где находится эта рыба. Но у детских домов, детских садов просто нет денег. А коммерсанты пользуются этим, вылавливают рыбу и продают. Вот здесь может существовать какой-то контроль? И кто должен осуществлять этот контроль?

ЯБЛОКОВ: Система у государства отлажена. Другое дело, что она не используется, но она существует. Она была создана. Все, что касается человека, влияния среды на человека, - это Санитарно-эпидемиологический надзор. К сожалению, он сейчас стал существенно слабее, чем раньше. Если такие случаи становятся известны, надо обращаться в Санитарно-эпидемиологический надзор. И там они имеют право (у них есть полномочия) снимать эти продукты питания с продажи или использования, а людей, которые их продают, наказывать.

КОР.: Это уголовно наказуемо?

ЯБЛОКОВ: Это зависит от того, что и как. Скажем, если бабушка продает клюкву, то ее ягоды конфисковали и все; никакого уголовного преступления быть не может. А если какой-то бизнесмен, которого уже однажды предупредили, что этого делать нельзя, продает все-таки и второй раз, то я уверен, что можно завести уголовное дело о массовом отравлении. Правда, до сих пор такого случая не было. Но нужен прецедент, прецедент который бы помог нам строить гражданское общество. А мы опять упираемся в то, что у нас нет гражданского общества.

ВЕДУЩАЯ: Опыт “зеленых” многих стран Западной Европы показывает, что неправительственные организации, нацеленные на защиту основных прав граждан, могут добиться каких-либо успехов, лишь объединив свои усилия.

Тревожная ситуация, сложившаяся в последнее время в сфере соблюдения экологических прав граждан, инициировала проведение совещания правозащитных и экологических организаций.

“Экология и права человека в современном мире” - под таким названием с 7 по 9 ноября в Подмоскowie проходило совещание, на котором рассматривался широкий круг вопросов по данной проблеме. В совещании приняли участие 53 представителя из 31 региона России. Эту встречу организовали Национальный демократический институт и Центр экологической политики России.

В работе совещания приняли участие Социально-экологический союз, Московская Хельсинская группа, Союз "За химическую безопасность", Ассоциация экологических журналистов Санкт-Петербурга и другие правозащитные и "зеленые" организации. Среди участников совещания были узники совести Александр Никитин и Григорий Пасько, другие известные экологи и правозащитники.

В своем заявлении для прессы участники совещания отметили следующее:

“Органы государственной власти фактически уходят от ответственности перед обществом за экологические правонарушения, за бездействие или прямое потворство нанесению ущерба здоровью граждан, окружающей среде, расхищению национальных природных ресурсов.

Участники совещания считают, что предание гласности и неотвратимое наказание должностных лиц, виновных в неисполнении и нарушении законов, связанных с правами человека, с эколого-правозащитной деятельностью, должны стать в Российской Федерации необходимой нормой. Участники Совещания обращаются к экологическим и правозащитным организациям России с предложением создать постоянно действующий **ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРИБУНАЛ** для оценки противоправных действий организаций и лиц в сфере экологии и экологических прав граждан.

Принято решение создать межрегиональное объединение - правозащитную коалицию **“ЭКОЛОГИЯ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА”**.

На этом мы заканчиваем нашу передачу. Всего вам доброго. До новых встреч в эфире.

События в Дагестане и в Чечне

(Эфир "Радио России" 3 октября 1999 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Всех нас сегодня очень волнуют события, происходящие на Северном Кавказе.

Об этом наша сегодняшняя передача.

28 сентября в Москве прошла пресс-конференция группы представителей общества "Мемориал", которые в течение двух недель находились в Дагестане. Целью их поездки был сбор сведений о ситуации в области соблюдения прав человека и норм гуманитарного права в зоне вооруженного конфликта.

Вот что, в частности, сказал на этой пресс-конференции Сергей Ковалев, председатель российского общества "Мемориал".

КОВАЛЕВ: Версия, которая имела распространение здесь, в Москве, и которая мне, например, казалась весьма правдоподобной, а именно: протест против известных кавказских коррупций и злоупотреблений властью приводит к тому, что местное население Дагестана симпатизирует уж лучше "ваххабитам", чем вороватым чиновникам, - эта версия оказалась, к счастью, неверной. Ни вторжение со стороны Чечни, ни действия местных религиозных экстремистов не поддержаны населением Дагестана. Подавляющее большинство на стороне, республиканской администрации, плохой или хорошей, но той, которая противодействует этому вторжению, и на стороне федеральных сил. Это несомненный факт, и это резкое отличие от того, что происходило в Чечне в 94-96 годах.

После пресс-конференции я встретила с членом Правления общества "Мемориал" Олегом Орловым, который мне рассказал следующее.

ОРЛОВ: Мы посетили много пунктов Дагестана, говорили со многими и разными людьми: с представителями властей, правоохранительных органов и с ополченцами, и просто с жителями Дагестана. Мы говорили с людьми разных национальностей, разных политических воззрений, в том числе, с людьми, относящимися прохладно к нынешним властям Республики Дагестан. При этом мы не встретили хоть сколько-нибудь заметной поддержки тех сил, которые вторглись в Дагестан из Чечни, и вообще, поддержки той идеологии, которую эти силы проповедуют. Важно также подчеркнуть, что боевые действия в Дагестане коренным образом отличались от того, что происходило в Чечне в 94-96 годах.

Главное отличие, которое оказалось определяющим, заключается в том, что федеральные силы в Дагестане, действительно, опирались на поддержку абсолютного большинства населения. И солдаты, и офицеры чаще всего чувствовали себя именно освободителями, а это определяло и их действия, действия федеральных сил, и их взаимодействие с местным населением.

Теперь о том, что касается Новолакского района. Муссировались слухи и все время повторялась точка зрения, что чеченцы-акинцы, проживающие в регионах Новолакского и Хасавюртовского районов, являются чуть ли не "пятой колонной" тех вторгшихся сил, во главе которых стоял Басаев. Мы не увидели ничего подобного. Мы встретились с самой решительной отрицательной оценкой со стороны чеченцев-акинцев действий Шамиля

Басаева и тех сил, которыми он командует. Если бы было хоть какое-то заметное выступление чеченцев-акинцев в их пользу, то это привело бы к катастрофическим последствиям. Но этого, слава Богу, не произошло. Более того, по крайней мере, в двух селах Новолакского района, которые мы посетили, где чеченцы-акинцы составляют большинство, они оказали посильное сопротивление вошедшим туда отрядам боевиков.

В селе Ахар жители после того, как боевики вошли в это село, собрались на площади перед мечетью и довольно резко потребовали от боевиков выйти из села. Небольшая группа молодежи (такие действительно нашлись), кто заявил о поддержке боевиков и готовности сражаться вместе с ними, - была изгнана жителями села. Естественно, изгнать боевиков жителям не удалось. Боевики их просто не послушались, расположили огневые точки непосредственно в селе и начали оттуда вести огонь по вертолетам. После этого жители покинули село. В результате боев село было сильно разрушено.

Рядом находится село Шушия, также населенное чеченцами-акинцами. Там еще более интересная ситуация: жители создали свой ополченский отряд. Вначале они помогли милиционерам, которые находились на посту на границе, и спасли их. Они смогли их вывести за пределы зоны, оккупированной боевиками. В течение двух суток они не допускали в свое село боевиков. Через двое суток, опираясь на превосходящие силы, боевики зашли в село и, фактически, произвели "зачистку" этого села, при этом разоружив ополченцев. После этого жители села Шушия также покинули село, которое, как и село Ахар, было разрушено в результате боев.

Эти два рассказа мы получили не только от чеченцев-акинцев. Независимо от этого, совсем в другом месте, мы получили такие же сведения от лакцев, населяющих это село. Причем это было место компактного расположения беженцев. То есть у нас были два источника информации, которые абсолютно не зависели друг от друга.

Боевики, занявшие Новолакский район, вели себя, мягко говоря, - недостойно. Были грабежи, преследовали милиционеров, представителей администрации, проводилась массовая реквизиция транспортных средств, в том числе, и личных транспортных средств.

Вопиющий случай, который мы специально исследовали и который, кстати, описывался в средствах массовой информации, - это убийство в селе Кевчар шестерых наших захваченных военнослужащих. Мы встречались с людьми, которые пытались спасти этих военнослужащих. Здесь очень важно сказать о позиции местного населения. Люди пытались прикрыть своими телами и спасти группу милиционеров и военнослужащих, которые до этого в течение длительного времени оборонялись на окраине села. Они завели их в село, но потом боевики, прочесывая село, обнаружили этих шестерых военнослужащих и милиционеров. Но семерых других военнослужащих местным жителям все-таки удалось спасти и переправить потом в зону, занятую федеральными силами. А тех шестерых военнослужащих - жестоко казнили: пятерым перерезали горло, одного при попытке к бегству застрелили. Мы говорили со свидетелями этого, с людьми, которые пытались спасти этих солдат.

Что произошло дальше? Боевиков, наконец, выбили из этого района, а дальше начали происходить тоже печальные и достойные самого жесткого осуждения, события. Ополченцы, которые, в большинстве своем, не воевали непосредственно на линии сопротивления с боевиками, а обеспечивали тыловое прикрытие федеральных сил, начали действовать уже после "зачистки" района от боевиков. Они приступили, я бы даже не сказал "к разграблению", к настоящему погрому, они громили дома чеченцев-акинцев. Те дома, которые мы посетили (у нас есть фотографии), не только разграблены, но и все, что

еще осталось, было разбито, уничтожено, загажено. На данный момент нет ни одного дома чеченца-акинца в Новолакском районе, который не подвергся подобному варварскому погрому. Некоторые дома поджигались. Далее ополченцы попытались осуществить аналог этнической “чистки”. Поскольку все население, в абсолютном большинстве, покинуло район, они пытались не пропустить назад чеченцев-акинцев. Таким образом, создалась очень опасная и напряженная ситуация. Однако к чести республиканских властей Дагестана, (мы сами это видели) они начали предпринимать быстрые оперативные и жесткие меры, чтобы исправить ситуацию. Ситуацию удалось изменить к лучшему. Количество насилия резко уменьшилось, поджоги прекратились, акинцы смогли вернуться домой. Правда, все их дома были уже разгромлены к этому моменту. Подобные действия не пользуются поддержкой на уровне районных и сельских властей.

Что же касается расследований преступлений, то, с одной стороны, проводится серьезное детальное расследование преступлений вторгшихся боевиков и ищутся их пособники, однако преступления, совершенные ополченцами, в том числе, против чеченцев-акинцев, практически не расследуются. Власти как федеральные, так и местные, по нашему мнению, не желают их расследовать.

Мы - свидетели нескольких случаев жесточайшего обращения ополченцев с милиционерами, чеченцами-акинцами по национальности, и дагестанскими милиционерами, которых обвиняют в преступлениях. По крайней мере, один случай нами зафиксирован. Это жестокое убийство: несколько дней человека убивали...

ВЕДУЩАЯ: Это было мнение правозащитников. Но практически одновременно с ними в Дагестане находилась и группа депутатов. Говорит депутат Государственной Думы, член фракции “Народовластие”, генерал Безбородов.

БЕЗБОРОДОВ: С 13 по 16 сентября мы были в Дагестане: депутаты Шекочихин, Арбатов и Безбородов, а также представители разных фракций и депутатских групп. Нам удалось встретиться с властями, исполнительными и законодательными, посетить ряд населенных пунктов, районов, встретиться с общественностью, населением мирным и побывать в наших частях. Встречались мы и с личным составом, с теми, кто проводил операции.

Сам дух личного состава, профессиональные качества, конечно, выше, чем были в 1994-1996 годах. Это радует. Это значит, что мы все-таки извлекли уроки из той трагедии, когда неподготовленный личный состав бросался на выполнение боевых задач в Чеченской Республике.

Что касается технического оснащения: вооружения и техники. Я считаю, что не по вине личного состава и не по вине, я подчеркиваю, командиров, даже не по вине Министерства обороны все это у нас в таком плачевном состоянии, когда выбиты ресурсы и не хватает запчастей. Это уже политика государственная. Ведь Министерство и радо бы оснащать военной техникой, вооружением, но на это нет денег.

На более высоком уровне, мы считаем, стало взаимодействие между силовыми структурами: Министерством обороны и внутренними войсками. Ведь это было тоже одним из самых слабых мест при боевых действиях 1994-1996 гг. Но сегодня надо избежать двух крайностей: решения вопросов только чисто политическими методами, без учета той угрозы, которая сложилась реально, или же только одними военными методами и средствами, не прибегая к политическим. Очевидно, сегодня необходимо совмещение и

комплекса военных действий, (что сегодня ведется, будем считать, успешно), но при этом и не отвергать весь комплекс мер политических.

КОРР.: Неоднократно сообщалось, что в Дагестане наземным операциям наших войск предшествовали мощные удары с воздуха. При этом СМИ сообщали также, что под эти удары попадали наши же военнослужащие. Имеются ли у Вас какие-то данные?

БЕЗБОРОДОВ: Я должен сказать, что к этой информации надо относиться очень критически. Почему? Не вина авиации, не вина авиационных подразделений, что сегодня, может быть, действительно, при нанесении ударов по переднему краю, как мы говорим, были случаи, когда под поражение попал наш личный состав. С точки зрения целеуказания, авиация выполнила ту задачу, которая перед ней стояла. Но там, вероятно, была несогласованность в скорости продвижения личного состава, не учет скорости продвижения сухопутных подразделений. Да, действительно, случаи такие были. Но в целом, я должен сказать, авиация работает “на голову выше” с точки зрения целеуказания, с точки зрения работы по целям.

КОРР.: Надо полагать, что сейчас бомбардировки, которые идут по Чечне, они, действительно, достигают каких-то своих точек?

БЕЗБОРОДОВ: Я должен сказать, что в 1994-1996 гг. я практически не покидал Чеченскую Республику. Я увидел там также и необоснованные действия нашей авиации во время боевых операций в Чеченской Республике, когда просто уничтожались селения. Была ли в этом необходимость? Я считаю, что не в полной мере. Очевидно, совершалось это для того, чтобы просто переломить общественное сознание, для того, чтобы общественность настроить против боевиков. Этого не получилось. Скорее, получилось наоборот: народ увидел, что мы несем с собой разрушения, а боевики не страдают. Поэтому общее такое негодование было, если не говорить, о ненависти к присутствию федеральных сил. Сегодня все наоборот. Население воспринимает федеральные силы как защиту. А авиация и сегодня работает “точно”, работает, прежде всего, по экономическим целям, подрывая потенциал боевиков. Мы считаем, что население сегодня практически не страдает.

КОРР.: Все мы дружно осуждали бомбежки нефтеперерабатывающих заводов, мостов в Югославии. Вот сейчас все проводят такую аналогию. Но с другой стороны, что делать, как бороться с террористами?

БЕЗБОРОДОВ: Действительно, если смотреть сегодня в тактическом плане, то можно какую-то аналогию провести. Но там уничтожался экономический потенциал государства, как такового. Не против бандитов экономика подрывалась, а подрывалась экономика цивилизованного, суверенного государства. А сегодня ведь ясно, что на территории Чеченской Республики весь экономический потенциал работает на бандформирования. Поэтому, конечно, сегодня заинтересованы подорвать потенциал террористов, их экономический потенциал, боевой.

КОРР.: Другая цель... И поэтому оправдано такое применение... А нельзя было сделать какой-то жесткий кордон вокруг Чечни? Ведь сейчас, если войска начнут входить (а они уже начали входить), будут потери и среди наших российских военнослужащих.

БЕЗБОРОДОВ: Я считаю, что до наземных операций дело не дойдет. Достаточно тех действий, которые мы сегодня проводим авиацией, подрывая боевой и экономический

потенциал этих бандформирований. Это с одной стороны. А с другой стороны, сегодня ситуация даже в самой Чеченской Республике - это не ситуация 1994-1996 годов.

Народ (а его больше, чем боевиков и террористов), - он устал от своих же боевиков и террористов. И сегодня народ созрел для того, чтобы гнев возмущения населения Чеченской Республики при определенных условиях восстал против них. Просто есть сегодня боязнь. Боязнь в чем? Ведь когда в декабре 1994 года мы входили в Чеченскую Республику, нас население встречало очень хорошо, так как оно считало, что пострадают боевики. Когда же оно увидело, что боевики не страдают, а страдает мирное население, которое испытывало двойной гнет: разрушения от наших войск, и от боевиков, и тот же страх и ужас, который вносили и те, и другие, - то поэтому они и восстали против нас. Вот сегодня уже все понимают, что такой образ жизни, конечно, насажден сегодня боевиками, с которыми надо бороться.

ВЕДУЩАЯ: А что думают по поводу начавшейся военной операции в Чечне правозащитники? Насколько, с их точки зрения, оправданы удары с воздуха по базам боевиков на территории Чечни? Говорит Олег Орлов.

ОРЛОВ: Они не просто оправданы, они должны наноситься. Но именно по базам боевиков. А мы видим, что удары наносились и наносятся все больше по населенным пунктам. И не просто по населенным пунктам, а часто именно по гражданским объектам. Вот эти “точечные” удары, которые нам обещались в 1994 году, (мы помним: какие они были “точечные” в Кара-Махах и Чабан-Махах), - и вот такие же сейчас наносятся по жилым кварталам. Если в Кара-Махах и Чабан-Махах страдали, к сожалению, наши военнослужащие, то сейчас от этих ударов страдают и гибнут чеченские женщины и дети. И понятно, что гибель мирного населения, вообще, не может никогда быть оправдана. Но ведь надо понимать, что подобные действия, подобные удары, сейчас страшно расширяют базу поддержки террористов. Подобные действия порождают новую, страшную вспышку ненависти, не просто к российским военным, а к России в целом. Следствием этого будет длительная тяжелейшая война с громадными потерями как среди мирного населения, так и среди военнослужащих, в том числе, и российских военнослужащих. А взаимное уничтожение, последующее вслед за этим, сделает неизбежной войну на уничтожение.

России нужна такая война? Россия и так находится в тяжелом положении, и она готова вынести такую войну? Я думаю, что такими способами терроризм, в принципе, не побеждают. Такая война порождает только новый терроризм, порождает длительную партизанскую войну, справиться с которой будет почти невозможно. Я думаю, к моему глубокому сожалению, что политические деятели, принимающие решение о наземной операции, вот эти все последствия просто не принимают в расчет. Они думают не о последствиях, а думают о рейтингах. Вот говорят часто, что сейчас война, идущая на Кавказе, якобы это коммерческая война. А я думаю, она другая, она - рейтинговая.

ВЕДУЩАЯ: Кто должен воевать в “горячих точках” Северного Кавказа? Можно ли, оправдано ли направлять туда солдат срочной службы? Может правильнее, чтоб там воевали лишь военнослужащие, заключившие контракт? Об этом я спросила у депутата Николая Безбородова.

БЕЗБОРОДОВ: По контракту люди не идут. Им нужно платить большие деньги, а у нас их нет. Здесь можно сделать только единственное. Сейчас указ президента есть. Он ввел указом 1237 “Положение о воинской обязанности и военной службе”, где говорится, что в “горячие точки” посылать нужно военнослужащего, отслужившего не менее 6 месяцев, но

при этом не просто отслужившего, а прошедшего соответствующую боевую подготовку в “учебке”. Потому что можно 6 месяцев ... сидеть, ничего не делать.

КОРР.: Как это проконтролировать?

БЕЗБОРОДОВ: Это контролируется соответствующими приказами, распоряжениями Министра обороны, начальника Генерального штаба, директивами о том, что, прежде всего, посылаются подготовленные лица.

КОРР.: Ваша точка зрения: можно за 6 месяцев обучить солдата. Ведь формирования Басаева, Хатаба, они действительно высоко квалифицированные. А 6 месяцев для наших солдат, да еще которые пришли в армию истощенные физически..? Не будет ли это “пушечным мясом”?

БЕЗБОРОДОВ: Конечно, задача непростая - за 6 месяцев подготовить высокого профессионала. Но если учебно-боевой процесс будет поставлен; нам можно сравнить с советским периодом обучения в учебно-боевых подразделениях, если будет поставлено на такой же уровень, то за 6 месяцев можно подготовить так, что солдат не будет “пушечным мясом”. Конечно, я с вами согласен, сравнивать профессионала, террориста-боевика, зрелого мужчину и нашего солдата, конечно, нельзя. На один уровень их ставить нельзя.

КОРР.: А солдат имеет право отказаться?

БЕЗБОРОДОВ: Прошедший соответствующую боевую подготовку за шесть месяцев (это - минимум) и написавший рапорт, что не против, что его туда пошлют. То есть если рапорт он пишет. Потому что если откажется...

КОРР.: А если мать возражает, жена возражает? Ведь парня могут и заставить написать.

БЕЗБОРОДОВ: Я бы не хотел, чтобы был тот цинизм со стороны наших командиров или, может быть, то лукавство, что пускай пишет, но при этом давят на него... Если мать против, и если жена не желает, то безусловно, будет проводиться индивидуальная соответствующая беседа с солдатом.

ВЕДУЩАЯ: На этом мы заканчиваем нашу передачу. Всего вам доброго! До новых встреч в эфире.

Участники ядерных испытаний

(Эфир "Радио России" 29 августа 1999 г.)

ВЕДУЩАЯ: Пятьдесят лет назад, 29 августа 1949 года, на Семипалатинском полигоне было осуществлено испытание первой советской атомной бомбы. В связи с этой датой, в средствах массовой информации появилось немало воспоминаний о том, как создавалось и впервые испытывалось советское ядерное оружие.

Однако обычно вспоминают ученых, конструкторов, разведчиков, государственных деятелей. Большинство из них получили за проделанную ими, действительно, важнейшую и труднейшую работу награды, звания, чины. Но ведь в создании этого оружия принимало участие и громадное количество простых людей.

Сегодня мы расскажем о судьбах некоторых таких людей. Эти люди незаметно жили и до сих пор живут между нами. Долгие десятилетия они не могли никому, даже своим близким, рассказать о своем участии в создании, как тогда говорилось, "ядерного щита" Родины.

Наш **воронежский корреспондент Павел Манжос** беседует с участником первого испытания советской ядерной бомбы, ветераном подразделения особого риска, инвалидом Великой Отечественной войны **Иваном Жерлыкиным**.

КОРР: Иван Александрович, с чего началась Ваша служба на Семипалатинском полигоне?

ЖЕРЛЫКИН: Служба началась с отбора людей по подходящим автобиографиям в 1947 году. После отбора в городе Киеве нас направили на обучение в Москву, в научно-исследовательский химико-физический институт. После этого, когда мы получили свои специальности (я, в частности, получил специальность дозиметриста), нас в составе особой группы, в 35-40 человек, отправили эшелоном в район расположения Семипалатинского полигона. Это от Семипалатинска в степи - примерно 150 километров.

29 августа 1949 года произошел первый в Советском Союзе взрыв. Как он происходил? Личный состав, который обслуживал весь полигон, был вывезен за пределы самого полигона на 30-40 километров. В частности, как раз и наш личный состав, который находился в землянках, был вывезен на машине в степь. Там были открыты и приготовлены для этого щели с накатами. Поместили нас туда, выдали нам очки со светофильтром, на всякий случай, и приказали ждать взрыва в этой щели. Произошел отсчет, и приказали закрыть глаза в это время. Прогремел взрыв небывалой силы, он был похож на раскаты грома, но, наверное, еще мощнее, так как сравнить этот звук нельзя ни с чем. После того, как гром произошел, вспышка света была; конечно, сразу, ее не было видно, так как у нас в противоположную сторону была щель открыта для обозрения, а еще у нас были светофильтры. Но все равно, вспышка была такая, как говорится, озарившая полнеба багровым светом. Потом все вышли, раздалась команда "по машинам". Сели на машины и хотели двигаться по старой дороге, по которой мы приехали, но это сделать было невозможно, так как огромный столб дыма, похожий на гриб, тянулся на нас ветром. Нам пришлось делать громадный крюк.

КОРР: Скажите, а была ли у вас какая-либо защита от радиоактивного излучения?

ЖЕРЛЫКИН: От радиоактивного излучения защиты не было никакой, кроме так называемой дезактивации. Это обмывание душем от пыли, которая могла быть на верхней рабочей одежде при посещении полигона.

В 1949 году я еще находился и работал на полигоне до демобилизации, то есть до 1950 года. После демобилизации я не имел права даже лечащим врачам рассказать о том, где я находился, что делал, кем был, потому что я имел секретную подписку о неразглашении военной тайны на 25 лет. И часто у всех, пребывающих там после взрыва, не только у меня, были головные боли и другие симптомы, которых не было до этого, так как мы были молодые, здоровые люди. Но мы не имели права сказать врачам об этом, так как нас сдерживала подписка.

КОРР: И когда же стало можно говорить о вас вслух?

ЖЕРЛЫКИН: Говорить можно стало по прошествии не только 25 лет, а значительно позже. Возникла необходимость обнародовать деятельность тех людей, тех подразделений, которые были на полигоне, в связи со взрывом на Чернобыльской АЭС, так как люди должны были подлежать лечению: они облучались. Был издан Указ Президента Бориса Николаевича Ельцина, и был выпущен закон о защите этих людей и были предоставлены необходимые льготы.

КОРР: Есть ли проблемы у ветеранов особого риска в получении льгот, статуса ветерана?

ЖЕРЛЫКИН: Все болезни, которые ветераны особого риска получили после полигона, (в частности, я после 1950-го года сделал семь операций), - они медицинскими комиссиями не подтверждены в том, что они получены именно от облучения. Несмотря на то, что мы все время находились под воздействием облучения на Семипалатинском полигоне, все же эти наши болезни относят к старости. В связи с этим, у нас до сих пор многие люди болеют, но нет подтверждения медицинской комиссии, что их болезни получены от облучения.

Приходит человек в больницу, в настоящий период ему требуются необходимые медикаменты. Но врачи говорят: “Вот у нас есть необходимый список, мы не можем вас удовлетворить, так как у нас есть указания. А остальные, если вы хотите приобрести, кроме этого списка, должны быть за наличный расчет”. Согласитесь, разве всегда можно приобрести необходимые лекарства при данной пенсии?

ВЕДУЩАЯ: Командование, к сожалению, безжалостно кидало солдат под атомный гриб. Известно, например, что наш великий полководец Георгий Жуков руководил первыми крупными учениями, в ходе которых войска занимали местность сразу после произведенного на ней атомного взрыва. Подобное отношение к солдатам сохранялось и в шестидесятых годах.

Павел Манжос беседует с **Владимиром Кирилловичем Корвяковым**.

КОРР: Владимир Кириллович, расскажите, как все это было? Когда, в какой момент времени застиг вас ядерный взрыв на полигоне Капустин Яр?

КОРВЯКОВ: Я был участником двух ядерных испытаний. Один, который был 6 сентября 1961 года, второй 6 октября 1961 года.

Один из них я своими глазами видел, и он до сих пор стоит в моей памяти. Время ядерного взрыва было известно накануне. Запуск ракеты был произведен в назначенное время. День был солнечный. И все было наглядно видно со стороны. Ракета пошла на наших глазах, достигла определенной точки, и вдруг произошла яркая вспышка. Такая вспышка, которая затмила даже солнце. Сразу ударило по глазам. Закрыв глаза и определенное время не мог понять, что произошло. После того, когда открыл глаза, увидел над головой этот ядерный гриб, который разрастался на наших глазах. После этого прошло определенное время, и ударила воздушная волна. В нашей казарме посыпались стекла, нас пригнуло к плацу.

После этих ядерных взрывов мне еще пришлось служить два года. И понятно, что служба проходила на зараженной территории. Никто нас не обследовал, никаких проверок с нами не проводили. И таким образом, служба моя дошла до логического завершения, я уволился. И об этом ядерном взрыве только вспоминал в своей голове, потому что при увольнении в запас мы дали подписку о неразглашении военной тайны на 25 лет. И об этом не знал никто, даже жена и дочь.

КОРР: И каковы же были для вас последствия этих ядерных испытаний?

КОРВЯКОВ: Почти сразу, через несколько недель, я понял, что волос мой активно начал меня оставлять. Я начал быстро лысеть. Появилась утомляемость, боль в голове. После увольнения в запас, уже в 1965 году врачи признали у меня активную стенокардию сердца. И чуть позже врачи обнаружили поражение желудочно-кишечного тракта. Достаточно сказать, что на момент ядерного взрыва я обладал огромной силой. Я начал терять силу, начал терять энергию, и на сегодняшний день состояние здоровья очень плохое. Врачи признали более 40 заболеваний различных систем: и иммунная система подавлена, а мой гепатит перешел в фазу цирроза печени.

Мы на сегодняшний день - участники ядерных испытаний. Однако не всем еще подтвердили статус ветерана подразделений особого риска. В этом, конечно, проблема на сегодняшний день не только у меня. Буквально несколько дней назад разговаривал с председателем медицинской комиссии относительно состояния своих дел. Там самый тривиальный вопрос. Из-за отсутствия кворума врачей с октября месяца документы лежат без движения, и выписать удостоверение не представляется возможным. Но если бы речь была только обо мне. Очень странно, в преддверии 50-летия этого события более двух тысяч человек по России ждут такого же подтверждения, которого жду и я. Достаточно сказать, что у нас по России более 49 регионов, которые имеют такие же региональные отделения, где находится большое количество инвалидов и людей престарелого возраста. Они выброшены за борт.

Ни врачебной помощи, ни материальной помощи, ни социальной защиты никакой мы на сегодняшний день не имеем.

КОРР: Владимир Кириллович, что включает в себя статус ветерана подразделений особого риска? Что он дает человеку?

КОРВЯКОВ: Во-первых, человек имеет право получить один раз в течение года бесплатное лечение, бесплатную поездку в любой конец России, квартирные льготы, льготы по лечению и покупке лекарств и выдаются два или три минимальных оклада на питание.

КОРР: Когда же был принят первый Закон о ветеранах подразделений особого риска? И вообще, когда же приоткрылась завеса над Вашей тайной?

КОРВЯКОВ: Проблема рассекречивания возникла после чернобыльской катастрофы. Закон о ветеранах подразделений особого риска вышел в 1993 году, где нас приравнивали к чернобыльцам, и как бы по совокупности, мы этим законом пользуемся на сегодняшний день.

Но вот на протяжении трех последних заседаний Думы обсуждался вопрос о ветеранах подразделений особого риска. И, наконец, последнее заседание дало положительный результат, и закон о ветеранах отдельно, независимо от чернобыльцев, принят в первом чтении.

КОРР: Чего бы Вам хотелось пожелать своим товарищам по несчастью, ветеранам подразделений особого риска?

КОРВЯКОВ: Конечно же, здоровья пожелать хочу своим коллегам по несчастью. Естественно, я хочу им пожелать, чтобы они хотя бы попытку сделали пробиться через эти заслоны. Через свои местные военкоматы можно выйти на областной военкомат и на нашу структуру. Пользуясь случаем, что меня могут услышать по нашей Воронежской области, сообщаю адрес нашего офиса: площадь Ленина, 5, комната номер 8. И телефон я хотел бы дать свой и нашего председателя. Председатель - Новиков Иван Викторович, телефон - 45-54-14. Мой телефон домашний - 14-10-35.

ВЕДУЩАЯ: Без использования дармового труда заключенных на добыче урановой руды, ее переработке, на строительстве атомных объектов, на заводах и в конструкторских бюро наша страна вряд ли смогла бы догнать США в страшной ядерной гонке в конце сороковых годов.

О судьбе одного из таких участников создания советского атомного оружия рассказывает председатель Тульского отделения общества “Мемориал” Сергей Львович Щеглов.

ЩЕГЛОВ: В Тульской области, в Туле, живет такой человек, который несколько лет (в 40-ых - начале 50-х годов), провел в так называемом спецконтингенте. Первоначально в 1946-ом он был арестован по 58-ой статье за антисоветскую агитацию и получил три года. Формально срок его закончился в 1949-ом, но за это время своего заключения он был переброшен в составе других таких же заключенных на строительство подземного завода в Челябинской области, так называемый Челябинск-40. И там они строили под землей вот этот самый завод, где создавалось атомное оружие. В конце концов, они узнали, что здесь должно твориться. И оружие это было испытано там.

После окончания срока их не отпустили на свободу, хотя срок кончился, а продолжали, формально освободив, держать в тех же самых бараках, за той же самой колючей проволокой. Потом, после того, как испытана была атомная бомба, их отправили в бухту Ванино и оттуда на Колыму.

Иван Сергеевич Игумнов, так зовут этого человека.

ВЕДУЩАЯ: На Колыме они работали и были в лагере?

ЩЕГЛОВ: На Колыме они на золотом прииске работали. Использовались тоже в качестве заключенных. А когда они задавали вопрос о том, что, мол, “срок- то у меня кончился”, то

получали в ответ: “Срок кончился, но мы тебя освободить не можем до особого распоряжения”. Эта формула была известная. И держали их в заключении, фактически, без всякой возможности выйти куда-либо, написать кому-либо: режим был самый жесткий.

Это продолжалось до смерти Сталина, ну а потом началась все-таки более или менее массовая реабилитация политических заключенных. Тогда их освободили, и Игумнов смог вернуться в свою Рязанскую область, где родился и откуда он был арестован.

А когда этот процесс реабилитации, уже в 90-е годы, расширился, он получил реабилитацию за первоначальный свой срок, с 46 по 49гг. И он сейчас живет вот с этой справкой о реабилитации политической. Но ведь он отбыл семь лет и естественно задает вопрос: “А как же те четыре года, которые я работал и был в спецконтингенте?”. На все эти его вопросы, из всех инстанций, куда он только ни обращался, в том числе, и в Конституционный суд, в высшую инстанцию, - ему отвечали, что понятие “спецконтингент” в наших законах отсутствует, и поэтому ставить вопрос о реабилитации человека, бывшего в спецконтингенте, нет юридических оснований.

ВЕДУЩАЯ: Прокомментировать этот рассказ я попросила сотрудника Научно-информационного и просветительского центра общества “Мемориал”, одного из авторов выпущенного этим обществом в прошлом году фундаментального справочника “Система исправительно-трудовых лагерей в СССР” **Сергея Сигачева**.

СИГАЧЕВ: Человеку, о котором было рассказано Сергеем Львовичем, в общем, довольно крупно не повезло. Дело в том, что, вообще, на атомное строительство приказом Министерства внутренних дел было запрещено привлекать осужденных за контрреволюционную деятельность. Но летом 1948 года случилась страшная авария на этом заводе - просто провал строительства. И в виде исключения, разрешили привлекать на это строительство заключенных за контрреволюционные преступления. Наш герой, видимо, в это время туда и попал.

А дальше ему не повезло еще больше. 14 июля 1949 года Совет министров принял решение, согласно которому люди, освободившиеся со спецстроительства (таких было четыре крупных строительства), - люди с этих строителей должны были, для сохранения государственной тайны, не домой возвращаться, а отправляться этапом на Колыму. Правда, там они не были за колючей проволокой, отправляли их туда под конвоем, но там они были уже якобы в качестве вольнонаемных, но на самом деле, в общем-то, ссыльными, потому что они были привязаны к определенному месту, к определенной работе, которую им назначали. Но главное - у них не было никаких документов. В результате этого произошли некоторые странные казусы, уже не с нашим героем, а вообще. С Дальстроя, с Колымы стали приходиться запросы: а что делать, люди не могут ни жениться, ни зарегистрировать детей, у них нет документов. Документы им, правда, потом стали выдавать, но без права покидать территорию Дальстроя.

Но самое-то интересное заключается в следующем. Ну ладно, туда отправляли бывших заключенных - в основном, это были бытовики, политических было немного, - вроде бы эти люди совершили преступления. Но ведь туда же, на Колыму, отправили и часть тех, кто их охранял, то есть людей, призванных на срочную службу, попавших в охрану, в конвойные войска. Имевшим несчастье родиться в приграничных зонах или живших на оккупированных территориях, - им тоже не разрешили возвращаться домой и тоже отправили.

Формально тот человек, о котором рассказывал Сергей Львович, реабилитирован за то, за что был осужден. А на Колыму он попал без всякого осуждения. То есть его вроде бы реабилитируют, как бы сказать, за преступление. Выясняется, что преступления не было, человека реабилитируют. В данном случае к нему не было никакого судебного решения, никакого даже внесудебного решения не было принято. То есть он ни в чем не был виноват, это просто государство таким способом сохраняло свои тайны.

ВЕДУЩАЯ: В конце этой передачи мне хочется задать чисто риторические вопросы. Неужели Россия навсегда обречена на то, чтобы добиваться побед ценой безжалостного отношения к своим сынам и дочерям? Обречены ли мы с вами, абсолютное большинство простых граждан России, быть щепками при рубке леса? А как вы думаете? Пишите нам.

Дело Игоря Бернакевича

(Эфир "Радио России" 18 июля 1999 г.)

ВЕДУЩАЯ: 9 июля Верховный суд России признал жертвой политических репрессий **Игоря Бернакевича**, отправленного в 1937 году в спецприемник НКВД после расстрела его отца и ареста матери. Ранее такие же решения в отношении Бернакевича были вынесены и нижестоящими судами: Тушинским межмуниципальным и Московским городским. Однако Генеральная прокуратура пыталась опротестовать эти решения.

Верховный суд не согласился с доводами прокуратуры и оставил решения нижестоящих судов в силе. Тем самым в России создан первый прецедент признания ребенка репрессированных родителей, лишённого жилья и насильственно помещённого в детский дом, жертвой политических репрессий.

В 1937 г. семилетнего Игоря Бернакевича после ареста его родителей выселили вместе с сестрой и бабушкой из квартиры в г.Уфе без предоставления другого жилья. Вскоре после этого органы НКВД поместили детей в приемник отделов трудовых колоний НКВД, а затем этапировали в детский дом города Советска Кировской области, где они и находились до достижения ими совершеннолетия.

Говорит Игорь Бернакевич.

БЕРНАКЕВИЧ: В феврале 1937 года ночью пришли и арестовали отца. Уходя, он сказал: "Ждите, я не виновен и я вернусь". Мы оставались с семьей, ждали отца.

ВЕДУЩАЯ: А кто был Ваш отец?

БЕРНАКЕВИЧ: Он был инженером на Южно-Уральской дороге.

ВЕДУЩАЯ: А мама работала?

БЕРНАКЕВИЧ: Мама в Наркомпросе была инспектором. Мы прекрасно жили на деньги, которые присылал отец.

ВЕДУЩАЯ: Сколько вас было в семье?

БЕРНАКЕВИЧ: Я, моя сестра, на два года старше, бабушка и мать. В октябре, 30-го, ночью пришли и забрали мать. Нас утром уже выкинули на улицу. У нас на руках только часть вещей и документ о том, что без права предоставления жилплощади. И мы пошли снимать койку. Снимали на окраине города койку и ждали отца и мать, потому что они обещали вернуться.

Весной 38 года, когда мы заканчивали в школе учебный год, НКВД нас забрал у бабушки и поместил в приемник-распределитель НКВД. Это была детская тюрьма, мы оказались за решеткой. Были там несколько месяцев.

В июле месяце нас с группой таких же детей изменников Родины этапировали на пароходе в город Советск, в специальный детский дом. Сопровождал нас сотрудник НКВД. Когда мы прибыли туда, вскоре начался учебный год.

Первый учебный день кончился тем, что меня до полусмерти избили, раздели. Я остался в одном нижнем белье, избитый. Ночью меня воспитательница разыскала и увела к себе домой.

ВЕДУЩАЯ: Кто бил-то Вас?

БЕРНАКЕВИЧ: Били уголовники. Их специально держали для подавления нашего контингента.

ВЕДУЩАЯ: А Вы с сестрой были в одном детдоме?

БЕРНАКЕВИЧ: Да, но это было два разделенных дома. Передо мной как раз избили, тоже до полусмерти, Славу Грика, моего одноклассника, с которым мы приехали в детский дом. Его ставили на четвереньки к стене, из которой торчали гвозди, били его, раскачивали и тыкали в гвозди. Когда он пришел весь в крови, я побежал за воспитательницей. Меня перехватили, отвели на сеновал, излупили и бросили. Нас били каждый день.

ВЕДУЩАЯ: Сколько Вам было тогда лет?

БЕРНАКЕВИЧ: Восемь, сестре - десять. Потом кое-какое проявилось потепление, изменился состав, забрали куда-то этих уголовников. Перед войной уже более-менее спокойно было жить. Ну а во время войны воспитательницы были ссыльные.

ВЕДУЩАЯ: А где была Ваша бабушка?

БЕРНАКЕВИЧ: С ней мы не имели связи, но когда нас этапировали, она каким-то чудом узнала время и место. Мы сидели на пароходе, а она кидала яблоки в иллюминатор. У второй ее дочери, которая жила тоже в Москве, арестовали мужа. Ей посоветовали сбежать, она бросила своего отца и дочку. Бабушка поехала к своему мужу и к своей внучке, чтобы жить, так как ее лишили жилья. Она пристроилась там. Потом наша тетя спокойно приехала; прошли год, два, и так она осталась в Москве.

Когда мама приехала из лагеря, у нее в документе было минус 39 городов, и уж, конечно, в Москве она не имела права жить. Не имела она права также жить ни с сестрой, ни со мной. Я был в Федоскино (сорок километров от Москвы), сестра училась в Москве, в техникуме. Мать сняла угол в комнате 18-ти метров, где ютилось 5 семей репрессированных. Битком была набита комната. Каждый революционный праздник мать забирали в тюрьму...

ВЕДУЩАЯ: Бернакевич обратился в январе 1998 года в суд. Тушинский межрайонный суд, а затем и президиум Московского городского суда вынесли решения в пользу истца. Однако прокуратура не согласилась с такими решениями. Сначала и.о. прокурора города Москвы, а затем и заместитель Генерального прокурора направили в суды свои протесты.

В борьбе за его законные права Бернакевичу помогало общество “Мемориал”. Член правления этого общества **Олег Орлов** представлял интересы жертвы политических репрессий в Верховном суде России.

ОРЛОВ: Дети репрессированных родителей, в том числе и те дети, у которых оба родителя, в соответствии с оперативным приказом НКВД 00486 1937 года, были репрессированы, а сами они помещены в детские дома, - до сих пор не признавались

жертвами политических репрессий. Они считались просто пострадавшими от репрессий, так как их родители пострадали.

Мы придерживаемся другой точки зрения, по которой дети репрессированных родителей, помещенные, согласно приказу, в детские дома, - сами являются прямыми жертвами политических репрессий, поскольку по отношению к ним применялись репрессии.

Прокуратура пыталась оспорить два решения суда в пользу Игоря Александровича Бернакевича.

Выдача под опеку этих детей могла проходить только под особым контролем НКВД. Выход этого ребенка из детского дома (после окончания учебы, после достижения совершеннолетнего возраста) мог осуществляться только при наличии особого решения НКВД. Этот порядок сильно ограничивал права ребенка. Нужно было специальное разрешение, и это свидетельствует об ограничении его прав. С этим согласился суд. Но самое большое недоумение вызывает в протесте прокуратуры то, что о таком важнейшем виде репрессий, как о лишении жилищной площади даже не упоминают. Человека выгнали, а прокуратура не хочет об этом вспоминать. Слава Богу, что суд отнесся отрицательно к доводам прокуратуры и не поддержал их протест.

Решения Тушинского межмуниципального суда и президиума Московского городского суда, на наш взгляд, действительно были нацелены на возмещение морального и материального ущерба, причиненного Игорю Алексеевичу Бернакевичу в результате прямых политических репрессий. И главное здесь, именно моральное возмещение, признание самого факта репрессий есть уже признание государством своей вины перед этим человеком. Для большинства жертв политических репрессий именно это является важнейшим аспектом реабилитации.

Тем большее недоумение вызывает позиция прокуратуры. На чем же она основывается? Прокуратура утверждает, что в законе перечислено, какие дети могут быть признаны жертвами политрепрессий, что якобы это только те, которые вместе с родителями находились в местах лишения свободы (в ссылке, высылке, спецпоселении). Да, по отношению к таким детям закон прямо указывает: они являются жертвами политрепрессий. Но почему прокуратура при этом искажает текст закона - не понятно. В законе не сказано “лишь те дети”, и суды совершенно справедливо отнесли к Бернакевичу не как к ребенку, а просто как к малолетнему, но гражданину нашего государства, по отношению к которому были применены репрессии. А именно: лишение его жилой площади, помещение в спецприемник НКВД для малолетних преступников, а затем помещение в детский дом под постоянный надзор НКВД.

Прокуратура, сначала Московская, а затем и Генеральная, формулирует: “помещение Бернакевича в детский дом не является фактом политических репрессий, а свидетельствует о том, что в отношении детей осужденных, в отличие от иных детей, существовал несколько иной порядок регистрации и размещения”. Очень странное определение. Словами “несколько иной порядок размещения” прокуратура пытается просто замаскировать сущность вопроса. Можно ведь и спецпоселения назвать “несколько иным порядком регистрации и размещения”. А по существу, в оперативном приказе НКВД 00486 1937 года, в пункте 1 говорится прямо о репрессировании семьи.

Таким образом, вся семья репрессировалась, а дети помещались в детские дома прямо сотрудниками НКВД. Органы НКВД должны были проводить проверку персонала этих домов; дети учитывались, как и осужденные, в административно-хозяйственном

управлении НКВД. Более того, на сотрудников НКВД налагалась прямая обязанность постоянно следить за политической благонадежностью и даже за учебой этих детей. Как показывают архивные документы, такое особое наблюдение велось систематически и непрерывно. Но более того, в каких же детских домах могли размещаться дети? Оказывается, они могли размещаться в домах “иных республик и областей, а не тех, где жили до ареста их родители”. Кроме того, эти дома должны были находиться вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Минска, приморских городов и пограничных городов, что уже само по себе является ограничением прав ребенка.

Специальными циркулярами НКВД устанавливался особый режим выдачи, если кто-либо решался взять такого ребенка под опеку. Проводилось специальное обследование этих людей, на них искали компромат, и если находили, то ребенок должен был изыматься от этих людей.

ВЕДУЩАЯ: А что же такое только что упоминавшийся оперативный приказ НКВД № 00486 1937 года? В этом приказе отражается вся “людоедская” сущность сталинского режима.

Вот цитаты из него:

“С получением настоящего приказа приступите к репрессированию жен изменников родины, членов право-троцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категории, начиная с 1-го августа 1936 года. В отношении каждой намеченной к репрессированию семьи производится тщательная ее проверка, собираются дополнительные установочные данные и компрометирующие материалы. На основании собранных материалов составляются: подробная общая справка на семью, включающая подробные установочные данные на каждого члена семьи; компрометирующие материалы на жену осужденного; характеристики, в отношении степени социальной опасности детей старше 15-ти летнего возраста, именные списки детей до 15 лет, отдельно дошкольного и школьного возраста”.

Далее детей распределяли: кого отправляли в колонии и лагеря, кого в детдома под надзор НКВД, а меньшинство отдавали пожелавшим взять их родственникам.

По просьбе “Мемориала” права Игоря Алексеевича Бернакевича, также на безвозмездной основе, взялся защищать один из самых известных адвокатов России **Генри Резник**. Мы разговаривали с ним после окончания судебного заседания.

ВЕДУЩАЯ: Расскажите, пожалуйста, для широкой аудитории о правовой стороне этого дела.

РЕЗНИК: Я еще раз порадовался за Верховный Суд России, который оказался на высоте.

Сам протест был абсолютно не состоятелен, и он может быть мною оценен только как реакционный. Он настолько не состоятелен, что опровергает сам себя, в силу внутренних противоречий. То есть изначально заявленная позиция Генеральной Прокуратуры опровергается в этом же протесте. Абсолютно не состоятельный аргумент относительно процессуальных нарушений.

Но главное то, что позиция, занятая протестующим прокурором, сводилась к тому, что никакими международными правовыми актами: никакими конвенциями о защите жертв

преступлений и злоупотреблении властью, даже конвенцией о защите прав ребенка, международным пактом - руководствоваться не надо. Оказывается, все это, простите, просто шелуха. Руководствоваться, по его мнению, необходимо некоторыми соображениями целесообразности, которые выражаются в том, что вот с этими людьми, с этой несчастной частью оставшихся детей делиться сейчас самыми мизерными льготами вообще просто не стоит. Льготы-то там какие, Вы же прекрасно знаете... Значит, не надо эти оставшиеся полторы тысячи людей (в данном случае по подсчету их приблизительно полторы, две тысячи) признавать непосредственно жертвами репрессий, не надо им компенсировать тот вред, который был им причинен. Вот, собственно говоря, позиция не только противозаконная, но, по-моему, она еще и безнравственная.

ВЕДУЩАЯ: Но дело еще и в том, что создан прецедент?

РЕЗНИК: Сейчас создан прецедент, безусловно. Это - решение суда, которое освящено авторитетом Верховного суда. Наконец признано, что репрессии применялись не только к взрослым людям, но и к маленьким людям, к детям. Дети не только придают к своим родителям, если их отрывали от семей, отправляли в спецприемники. Ведь устраивался тотальный контроль над их мыслями, значит, в данном случае это нарушения прав, которые записаны в очень многих документах. Общество должно признать, что такого рода репрессии имели место и по отношению к детям. До сих пор это является кровоточащей раной.

Известно, что некие силы, возглавляемые коммунистами, очень хотят забыть об этом кошмаре. Но придется покаяться.

Вот в такой своеобразной форме я могу расценить сейчас это решение суда, как некое правовое покаяние и как восстановление хотя бы остатка справедливости.

ВЕДУЩАЯ: На этом мы заканчиваем нашу передачу. Всего вам доброго!

До новых встреч в эфире.

Заложники

(Эфир "Радио России" 11 июля 1999 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте! Тема нашей сегодняшней передачи - "Заложники".

На войне, к сожалению, неизбежна гибель или пленение солдат. Однако ужасно, что в последние годы обычной практикой становится захват и пленение мирного гражданского населения, в том числе, женщин и детей. Особенно это распространено сейчас на Кавказе и в Закавказье.

Практика взятия заложников имеет давнюю историю. В заложники брали и в древности, и в средние века. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона давал такое определение: "Заложник - человек, взятый в качестве залога для обеспечения договора". В случае, если одна из сторон договор не выполняла, то другая сторона убивала находящегося у него заложника. В частности, такая практика была распространена на Кавказе и в Закавказье. Такое заложничество широко использовала и администрация Российской империи в период Кавказской войны в XIX веке. Так известный генерал Ермолов, обращаясь с ультиматумом к чеченцам, живущим в долине перед Терекком, писал: "В случае воровства на линии селение обязано выдать вора. Если скроется вор, то выдать его семейство. Если не будут выданы родственники, аулы ваши будут разрушены, семейство распродано в горы, аманаты, то есть заложники, повешены". Таким образом, те, кто считал, что несут цивилизацию, действовали самым диким, варварским образом. В своей политике Ермолов широко использовал практику взятия в заложники детей. Пушкин в "Путешествии в Арзрум" писал: "В крепости я видел черкесов-аманатов, резвых и красивых мальчиков, они поминутно проказят и бегают из крепости. Их держат в жалком положении, они ходят в лохмотьях, полунагие, в отвратительной нечистоте, на иных - деревянные колодки".

Горцы также часто похищали русских офицеров и чиновников с целью получения выкупа. А ныне эта дикая практика возродилась.

Теперь речь уже идет не о взятии заложников для обеспечения выполнения договора. Сейчас на Кавказе и в Закавказье заложниками называют захваченных мирных граждан с целью получения за них выкупа, обмена их на пленных или таких же заложников. Захват мирных граждан стал выгодным бизнесом.

Еще до чеченской войны, осенью 1994 года, офицер объединенной следственной группы в зоне ингушско-осетинского конфликта, полковник МВД Юрий Никитин в интервью газете "Труд" отмечал, что нередко преступные группировки включают в себя людей разных национальностей. Преступники никакой неприязни по национальному признаку друг к другу не испытывают, их связи намного эффективнее, чем у государственных структур. И вот, по прошествии 5 лет на Северном Кавказе действуют разветвленные преступные организации, состоящие из представителей разной национальности, специализирующиеся на похищениях людей. Печально и то, что подчас захват заложников и их содержание в неволе осуществляется при прямом участии государственных структур. Об этом говорили на прошедшей недавно Межрегиональной конференции "Проблемы похищения, заложничества, продажи людей и перспективы правозащитной деятельности" в Кабардино-Балкарском Государственном Университете в городе Нальчике. Конференция проводилась под патронажем МВД Российской Федерации, Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, президента Кабардино-Балкарской Республики. Конференция осуществлялась в рамках пилотного

проекта "Культура мира в России. Год 2000". В ее работе принимали участие: правоцентристская коалиция "Правое дело", миротворческая миссия на Северном Кавказе, Правозащитный центр "Мемориал" и Международная кафедра ЮНЕСКО, название которой - "Образование и воспитание в духе культуры мира и права человека", при Кабардино-Балкарском Государственном Университете.

Анализ уголовной статистики за последние 4 года свидетельствует о росте количества преступлений, связанных с похищением людей. Если в 1995 году было зарегистрировано 272 случая, в 1996 году - 338, в 1997 - 1140, то в 1998 году - уже 1415. В истекшем году правоохранительными органами раскрыто 853 факта похищения. По статье 127 Уголовного кодекса Российской Федерации "Незаконное лишение свободы" выявлено 1008 преступлений, раскрыто 889, по фактам захвата заложников (статья 206 Уголовного кодекса) выявлено - 69, раскрыто - 53. За 5 месяцев текущего года на территории России без учета Северо-Кавказского региона зарегистрировано 570 преступлений, больше, чем за весь 1996 год: 462 - с незаконным лишением свободы и 30 - с захватом заложников. Такова официальная статистика, представленная на конференции **Михаилом Сунцовым, начальником Этнического отдела Главного управления по борьбе с организованной преступностью МВД Российской Федерации.**

Михаил Александрович, Вы занимаетесь проблемой заложничества; почему сейчас у нас это одна из самых острых проблем?

СУНЦОВ: В последнее время похищение людей и захват заложников - это достаточно актуальные виды преступления, которым органы МВД и правопорядка придают особое значение. Развитие данной ситуации, то есть роста такого рода преступлений, произошло в конце 80-х, начале 90-х годов. Похищение людей, мы считаем, выросло из квалифицированного вымогательства имущества, денежных средств. Когда-то раньше была статья о вымогательстве. Тогда не использовались определенные экстремистские методы получения денег. Но когда поняли, что похищение людей – это более эффективное средство, как возможность нажима на родственников, на близких и знакомых, даже на какие-то организации, средство с целью понуждения исполнения определенных действий, - то, к сожалению, был отмечен рост совершения такого рода преступлений в Российской Федерации. В основном, конечно, мы сталкивались с этим в Москве, а потом уже эти преступления распространились по разным регионам России. Есть, например, группа организованная, участники которой совершают похищения именно с целью вымогательства денег.

Северный Кавказ - это отдельная тема. Явно видно, что похищение людей на Северном Кавказе, захват заложников осуществляется на фоне последствий вооруженного конфликта в Чеченской Республике. До этого в регионе были отдельные случаи, но они как бы не выделялись из палитры всего российского пространства. Сейчас эти процессы трансформировались. Рост наблюдается почти на 37%, хотя раскрываемость увеличилась на 200 с лишним процентов данной категории дел. То есть мы научились бороться с этими преступлениями.

Проблема на сегодняшний день состоит в том, что если раньше были отмечены похищения на самой территории Чеченской Республики, и какие-то все-таки меры там предпринимались, то после того, как закончились военные действия и произошли изменения внутреннего политического статуса Чечни, она стала выстраивать забор с внешней территории. А это преступление, связанное с похищением людей, распространилось за пределы административной границы. И мы сейчас четко обозначаем ряд таких регионов Северного Кавказа, которые по похищению людей стоят на первом

месте. Это - Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия. Однако в этих республиках еще есть и определенные районы, наиболее пораженные. В основном, это приграничная зона.

Административная граница - не государственная граница, это не укрепленный район. Только в последнее время в районе Ставропольского края, в Курском районе, после серии набегов с убийствами сотрудников милиции, работавших в мобильных отрядах, что-то наконец стали делать. Но поставить на каждом метре солдата или милиционера невозможно. Сказывается, к сожалению, и высокая степень коррумпированности самих сотрудников, которые несут охрану. Ведь всех заложников провозили либо окольными дорогами, где все равно преступники когда-либо должны были попасться мобильным группам, обеспечивающим безопасность, либо через сами посты за определенную плату. Это нам доподлинно известно. Фактически, похищение людей - это сейчас бизнес. На территориях до административной границы сформировались преступные группы, которые совершают первую часть операции - похищение, потом перепродают на территории Чечни, где уже цена возрастает в десятки раз. Таким образом, на территории Чечни подобный бизнес становится главным как раз для бандформирований. И тому есть причины: разрушенная экономика - на 85% производство не работает, и, кроме того, военизированное население, до зубов вооруженное. Вот поэтому похищение людей стало профессиональным бизнесом.

ВЕДУЩАЯ: Как бороться-то с этим явлением?

СУНЦОВ: Я могу сказать так, что правоохранные органы максимально стали перестраивать внутреннюю работу. Мы организовали несколько систем в МВД по предотвращению таких фактов. Первое, к чему, к сожалению, пришлось прибегнуть - мы рекомендовали представителям государств и посольств ограничить въезд сюда, чтобы меньше было потенциальной возможности красть приезжих людей. Хотя, в принципе, это искусственно все.

Второе. Это перестройка произошла в МВД, в структуре Главного управления по борьбе с организованной преступностью. Было создано подразделение в Москве, ориентированное на Северо-Кавказский регион, и одно из направлений - похищение людей и захват заложников. Прямым соподчиненным подразделением Главного управления в Москве является структура Северо-Кавказского направления по борьбе с оргпреступностью. При данной структуре создали специализированное Управление по борьбе с похищением людей со структурными подразделениями во всех республиках.

Сейчас в рамках эксперимента Управление по борьбе с организованной преступностью, территориальное, в субъектах Северо-Кавказского региона, выведено из подчинения МВД УВД. То есть это первый шаг к созданию федеральной структуры. Такой же эксперимент идет в Уральском и Западно-Сибирском регионах. Вертикальная соподчиненность по данной линии дает нам возможность, когда информация проходит, максимально быстро реагировать на похищения, то есть работать по горячим следам и соответственно с профессиональным подходом к этому делу.

Мы все-таки надеемся на то, что правоохранные органы в Чечне быстрее поднимутся из разрухи и начнут работать. Пока они там не наведут порядок, мы отсюда, с внешней стороны, не сможем противостоять тому, что там есть. В настоящее время МВД укрепляет административные границы. Вы знаете, что сокращено количество пропускных пунктов: от 64 до 10. Мы надеемся, что это в определенной степени сузит те дырки, по которым уходят туда люди, когда похищают. На наш взгляд, пока еще слабо поставлена работа в Ингушетии. Это одна из крупных дыр, где совершаются похищения людей в

самой Ингушетии с последующим перевозом их в Чечню. В начале года мы предложили так называемую трехуровневую систему взаимодействия органов правопорядка в регионе по борьбе с похищением людей.

Первый уровень - это межреспубликанский, то есть региональный. Это когда главы подразделений должны периодически выстраивать работу в масштабах Северо-Кавказского региона. Второй уровень - межрайонный, городской. Третий уровень - это работа в самих следственных оперативных группах. Опять же под эгидой прокуратуры, поскольку данный вид преступления является подследственностью прокурорских подразделений. Поэтому мы очень тесно работаем в контакте с Главным управлением Генеральной прокуратуры на Северном Кавказе. Определенные успехи есть. Вот за 5 месяцев подразделениями службы по оргпреступности задержано 34 организованные группы, которые занимались в Северо-Кавказских республиках похищением людей, захватом заложников. Это и много, и одновременно мало. Мы наращиваем вот эту систему противодействия. Хотя, в принципе, есть ряд и негативных фактов.

Не надеясь на быструю помощь правоохранительных органов, что в принципе, здесь быстро и не бывает, разные организации и частные лица иногда все-таки продолжают платить деньги за своих похищенных сотрудников и родственников. Тут просматриваются два момента. С точки зрения родственников, это единственный выход. С точки зрения борьбы с таким проявлением, как похищение людей, это называется - пойти на уступку террористам. В последнем законе, принятом буквально недавно, законе о терроризме, к преступлениям террористического характера как раз и относятся похищение людей и захват заложников.

На территории Чечни действует более 60 бандформирований, уже установленных. Чечню они поделили на зоны влияния. Это мы четко можем сказать. Например, о зоне влияния Хаттаба. Он традиционно находится в Сержень-Юрте, а это влияет на те процессы, которые связаны с похищением людей в Западном Дагестане.

ВЕДУЩАЯ: Все-таки у Вас какая-то надежда есть, что этот процесс можно прекратить?

СУНЦОВ: Пока процесс прекратить нельзя теми силами и средствами, которыми мы работаем, хотя вроде бы система и выстроена. Я думаю, что мы максимально, на правительственном уровне должны решить вопрос, в каком же статусе и правовом поле должна находиться Чеченская Республика, надо ли помогать и надо все-таки максимально определиться: кому мы помогаем. Президент, законно избранный, с точки зрения влияния на ситуацию, получается там формальный. Система правопорядка развалена до такой степени оттого, что там работает половина бандитов. То есть они сами воспроизводят эти преступления. Мы четко знаем о том, что без участия правоохранительных органов там тоже не бывает "громких" похищений.

ВЕДУЩАЯ: Михаил Александрович, вы сказали, что наши органы правопорядка тоже участвуют в похищении людей и способствуют этому. А кто-нибудь понес ответственность? Прошли какие-то имена... Люди понесли за это наказание?

СУНЦОВ: Я могу сказать, что буквально недавно в Ингушетии нашим подразделением задержан один из участников серийных похищений, некий такой Арсамахов. В настоящее время с ним ведутся работы, он подозревается в организации ряда похищений и в Ставропольском крае, и в Ингушетии. И параллельно задержан один из сотрудников милиции, который оказывал, правда, другой преступной группе содействие, аналогичную поддержку. Именно в этом направлении сейчас будет проводиться активная работа,

потому что мы чувствуем, что появилась дыра, которую мы никак не можем заштопать. А дыра, понятно, какая... Ведь в организации похищения людей участвуют сотрудники низших звеньев, которые проводят через посты и не проверяют документы, то есть тем самым создают элементарную и нужную преступникам систему: украсть-то они могут и сами, а вот проехать мимо или выехать они не могут. Плюс, конечно, если сотрудники оказывают еще и консультативную помощь - это в два раза хуже, потому что они знают тактику наших оперативно-розыскных мероприятий. Да, такие сотрудники есть, и мы тоже знаем об этом.

Поэтому мы взяли сейчас два направления: борьба с бандформированиями и противодействие тем бандформированиям, которые внезапно проникают на территорию с чеченской стороны, уничтожение их. Плюс, конечно, разбираться надо в своей системе. Но, на мой взгляд, нужно еще плотнее выстраивать взаимодействие между МВД Чечни и МВД России.

ВЕДУЩАЯ: Тему продолжает Сергей Попов, заведующий отделом по делам национальностей правительства Ставропольского края, президент Ассоциации конфликтологов Ставропольского края, бывший заместитель руководителя рабочей группы при Президенте РФ по розыску без вести пропавших и освобождению насильственно удерживаемых лиц.

Что сейчас способствует тому, что заложников становится больше и больше? И как можно избежать этого?

ПОПОВ: Слабая государственность Российской Федерации. Не количество силовых структур и финансовое обеспечение, а слабая государственность. Это не одно и то же. Вот причина сейчас этой проблемы заложничества, которая разрастается как снежный ком. Понижение иммунитета у общества. Конфликтологией называется онемение сострадания. То есть люди возмущаются повышением цен, введением новых налогов, приведением кассовых аппаратов, предприниматели выходят на массовые акции протеста. А сообщения о захвате заложников, об убийствах на границе уже не вызывают ответ общества. Вот это самое тревожное, что сейчас, в данный момент существует. Ведь с заложничеством нужно бороться на едином дыхании государственных структур и общественного мнения, причем очень жесткого общественного мнения по этому поводу.

Если дело касается заложничества, связанного с захватом в Чеченской Республике, разрешать надо эти болезненные проблемы Чеченской Республики на государственном уровне со всей сложностью того клубка, который сейчас образовался. К сожалению, это сейчас не делается.

ВЕДУЩАЯ: А пока солдатские матери сами ищут пропавших сыновей.

ПЕРЕПЕЛКИНА: Он пропал 10 августа 1996 года в центре Грозного во время последнего штурма. Никаких достоверных сведений я о нем не имею, хоть, собственно, прошла, наверное, все инстанции, мне известные, мыслимые и немыслимые. Несколько раз я была в Чечне, в Москве много раз была, во всех кабинетах власти побывала, в тех, о которых раньше и представления не имела, честно говоря. Я такая простая мать, старая мать... Таких матерей мало, как я. Мне уже 67 лет. Мальчик пошел со 2-го курса университета, я сама вузовский преподаватель. Я узнала, что он мог не пойти в армию. Но случилось так, что пошел...

ВЕДУЩАЯ: В каких войсках Ваш сын служил? Где он был призван в армию?

ПЕРЕПЕЛКИНА: Он был артиллерист, 204 полк, 205 бригада, знаменитая.

ВЕДУЩАЯ: У вас остается надежда, что он жив?

ПЕРЕПЕЛКИНА: Я точно ничего не могу сказать и знать. Дело в том, что когда ходишь по развалинам Чечни, по селам, по Грозному, все равно какие-то отголоски старых событий находишь. И нашла я людей, которые сказали, что мой мальчик жив. Но где? Что с ним? Никто мне сказать не может, может быть, не хочет, может быть, не может. Не знаю. И ничего достоверного я о нем до сих пор не знаю.

ВЕДУЩАЯ: Это была Перепелкина Римма Петровна из города Курган. Может, кто-нибудь знает что-то о судьбе ее сына?

К нам, на конференцию, пришла приятная весть - освобожден один из заложников. Я говорю с председателем Комитета солдатских матерей из города Екатеринбурга Диной Салохиной.

Сейчас освобожден очередной заложник. Много их было у вас в Екатеринбурге?

САЛОХИНА: Вообще, наша область одна из самых неблагополучных областей по количеству участников чеченской войны - более 12 тысяч, по количеству погибших - более 200 и по количеству без вести пропавших по области на сегодняшний день числится 21 человек. И вот эти мальчики, которые сейчас находятся в заложниках, - они захвачены были уже после боевых действий. Я думаю, может быть, командиры отправили их куда-то, а там их просто захватили.

ВЕДУЩАЯ: Это уже после окончания войны?

САЛОХИНА: Да, это после окончания войны. Вы знаете, но сам факт освобождения!.. Мне трудно говорить, потому что это и радость, как материнская, ведь все это я воспринимаю для себя очень близко: и как мать, и как председатель комитета. Я уже не первого пленного везу и не первой семье помогаю. И такое чувство! Трудно даже представить и передать, как мать встретит и узнает своего сына. А сейчас она знает, что он находится в заложниках и не предполагает, что она буквально через несколько дней его увидит. А, возможно, и завтра.

ВЕДУЩАЯ: А сколько еще людей находится в заложниках... Так хочется надеяться, что все они окажутся на свободе.

Наша передача закончена. Всего Вам доброго! До новых встреч!

Ставропольский край

(Эфир "Радио России" 4 июля 1999 г.)

ВЕДУЩАЯ: В эфире программа: "Демократия, свобода, права человека". У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Ставропольский край - тема нашей сегодняшней передачи.

Криминальное давление, исходящее из Чечни, дестабилизирует обстановку в сопредельных с ней регионах. Последнюю неделю обстановка в Курском районе Ставропольского края вновь серьезно обострилась. Жестокое убийство бандитами четырех милиционеров из числа местных жителей приграничных казачьих станиц вызвало в Ставрополье новую волну массовых выступлений населения. Звучат ультимативные требования - "вооружать граждан, передать казачьим формированиям функции не справившихся сил МВД". В крае фактически началась этническая чистка. Чеченцев изгоняют из ряда населенных пунктов Курского района. Подобные действия, кроме того, что сами являются грубейшим нарушением прав граждан России, тяжело отразятся на положении русских, которые еще остались в Чечне. К сожалению, власть демонстрирует неспособность поддерживать конституционный порядок, противостоять как криминальному давлению из Чечни, так и ответным противоправным действиям. У федеральной власти отсутствует какая-либо последовательная политика по отношению к Чечне и прилегающим к ней территориям. Теперь, как и ранее, в периоды обострения обстановки, и федеральные, и местные власти не успевают за событиями. Если в их действиях и есть какая-нибудь логика, то она навязана ситуацией и подчас лишь усугубляет кризис. Продуманная концепция прикрытия границы внутренними войсками и милицией до недавнего времени вообще отсутствовала. Только сейчас она, по-видимому, вырабатывается. В район границы направляются дополнительные силы. Однако подобные меры необходимо было принимать до того, как произошли последние трагические события. В этих условиях решением главы администрации Курского района и губернатора Ставропольского края на территории Курского района был введен ряд мер ограничительного характера. Введены ограничение передвижения граждан, транспорта и товаров, ограничение пребывания и проживания граждан.

Я почти дословно процитировала открытое письмо, направленное Правозащитным центром "Мемориал" Президенту России. Правозащитников "Мемориала" очень тревожит обстановка на Северном Кавказе и они, начиная с 1992 года, непрерывно отслеживают ситуацию в этом регионе, часто выезжая туда. Далее в письме говорится (цитирую):

"У нас не вызывает сомнения уместность введения подобных ограничительных мер на территории района, сопредельного с Чечней. Вместе с тем, в соответствии с законодательством Российской Федерации, такие меры могут вводиться на территории края или в его части лишь федеральными органами власти и лишь в условиях чрезвычайного положения. То, что это было сделано районным и краевым руководством, - тревожный симптом распада конституционного строя России. Ситуация, сложившаяся в Курском районе Ставропольского края, требует от руководства России экстренных и чрезвычайных мер. Нельзя и дальше ограничиваться полумерами. Нельзя мириться с криминальным террором. Нельзя также допускать, чтобы прерогативу федеральной власти брали на себя краевые, районные и даже станичные власти. Вынужденные

ограничения ряда прав и свобод граждан в Курском районе Ставропольского края нужно ввести в рамки закона. Ведь речь идет об угрозе существования Российской Федерации".

У нашего микрофона один из авторов письма, **член Совета Правозащитного центра "Мемориал" Александр Черкасов.**

ЧЕРКАСОВ: В апреле 1999 года ряд депутатов Государственной Думы направили в Совет безопасности Российской Федерации предложение ввести в Курском районе Ставропольского края чрезвычайное положение. В ответ депутатам было сказано, что чрезвычайное положение вводиться там не должно, потому что оперативные меры принимаются. И вообще, для того, чтобы облегчить работу Совету безопасности, нужно принять новый закон о чрезвычайном положении, проект которого был внесен в 1997 году. Этот проект дает исполнительной власти существенно большие, по сравнению с ныне действующим законом, полномочия, освобождая их от излишнего контроля.

Складывается впечатление, что некоторые структуры исполнительной власти игнорируют действующий в настоящее время закон о чрезвычайном положении. В свое время в Чечне в ходе боевых действий чрезвычайное положение введено не было, что лишило федеральные войска законных оснований, ясной мотивации и четких ограничений в действиях. В конце концов, именно это привело их к поражению.

Совсем недавно, в ходе дебатов по импичменту Президента в Государственной Думе, ФСБ представила туда справку, в которой утверждала, что в настоящее время никакой закон о чрезвычайном положении в Российской Федерации не действует и не существует. Действительно, принятый в начале 90-х годов закон предусматривал утверждение чрезвычайного положения палатами Верховного Совета Российской Федерации, что, очевидно, стало невозможным после 1993 года. Однако с тех пор чрезвычайное положение в Пригородном районе Северной Осетии неоднократно продлевалось указами Президента Российской Федерации, которые утверждались Советом Федерации России. Так что правоприменительная практика на этот счет есть. Ясно, почему исполнительная власть хочет избежать законодательных ограничений чрезвычайных мер. Но совсем недавно и власть законодательная пошла по тому же пути.

21 июня 1999 года в первом чтении был принят Федеральный закон "О дополнительных мерах по обеспечению общественной безопасности в Ставропольском крае". По этому закону ряд полномочий по обеспечению общественной безопасности и регулированию прав граждан, находившихся в совместном ведении федеральной и региональной власти, переданы Государственной Думой власти Ставропольского края так же, как и возможности дополнительного нормотворчества и дополнительных ограничений прав человека.

ВЕДУЩАЯ: А какова же позиция краевых властей? Для того, чтобы ее более точно представить, я встретила с губернатором Ставропольского края **Александром Черногоровым**, одним из тех, кто предложил проект нового закона о Ставропольском крае на рассмотрение Государственной Думы.

Александр Леонидович, сейчас Вы предлагаете принять федеральный закон, то есть существует проект федерального закона "О временных мерах по обеспечению общественной безопасности в Ставропольском крае". Скажите, пожалуйста, почему не воспользоваться тем законом, который уже есть, - Законом "О чрезвычайном положении" от 1991 года?

ЧЕРНОГОРОВ: Меняется время, Конституция, условия, и поэтому те законы, которые были приняты в 1991 году, - они естественно работали в то время. Но что мы имеем сегодня? Давайте учтем реалии нынешнего дня: практически каждодневные теракты, убийства, захваты заложников, угоны скота. Такого в 1991 году у нас в Ставропольском крае не было.

Необходимо учесть и то, что наш край является жемчужиной и житницей России, а это значит, что на курорты Кавказских Минеральных вод многие люди со всех уголков Российской Федерации хотели бы сегодня спокойно ехать и нормально отдыхать там. В настоящий же момент все это составляет большую проблему и для курортов, и для всего края. У нас в крае проживает 3,5 миллиона жителей. И самое главное - надо сегодня гарантировать полностью уставные нормы Конституции Российской Федерации, прежде всего, право человека на жизнь.

ВЕДУЩАЯ: Что вы считаете недостаточно в Законе "О чрезвычайном положении", чтобы использовать нормальный правовой путь?

ЧЕРНОГОРОВ: Во-первых, недостаточно правового статуса в Чечне. Тогда не было той ситуации, которая сложилась на сегодняшний день в Чеченской Республике. Чеченская Республика находится сегодня в составе Российской Федерации. А на территории Российской Федерации и на территории Чечни не действуют федеральные законы Российской Федерации и Конституция Российской Федерации. Изменились положения после определенных событий, и это надо приводить в соответствие. Сегодня надо четко определяться Президенту, парламенту, нашей Государственной Думе и Совету Федерации со статусом Чеченской Республики.

ВЕДУЩАЯ: А причем тут Закон "О чрезвычайном положении" и статус Чечни? Ведь Закон "О чрезвычайном положении", насколько я знаю, позволяет в каком-то отдельно взятом регионе, где действительно существует тяжелое положение (Ставропольский край относится, конечно, к такому региону), - ввести какие-то элементы чрезвычайного положения.

ЧЕРНОГОРОВ: Дело в том, что действующий Закон "О чрезвычайном положении" предусматривает субъективные особенности. А мы сегодня: я, как член Совета Федерации и губернатор Ставропольского края, Председатель Государственной Думы Селезнев, председатель Комитета по безопасности Илюхин, депутат от нашего края Говорухин, - мы ведь внесли в Государственную Думу Российской Федерации законопроект о дополнительных мерах по обеспечению общественной безопасности в Ставропольском крае. Не о чрезвычайном положении, а о дополнительных мерах по обеспечению общественной безопасности в Ставропольском крае. Ведь сегодня у Ставропольского края с Чеченской Республикой общая граница составляет 114 км границ. В настоящее время надо четко определиться, как досматривать технику, когда применять оружие, в каких случаях. Посмотрите, когда сегодня происходят все эти убийства, потери и т.д., мы не можем своевременно применить оружие, потому что ни чем не оговорено, ни в каком законе не предусмотрено. В том же законопроекте, который мы внесли, предусматривается право контрольно-пропускных пунктов, таможенной службы, досмотровых площадок и т.д.

ВЕДУЩАЯ: Организация каких-то вооруженных отрядов... А вот вы не боитесь, что они могут в какой-то определенный момент выйти из-под контроля? Удержите вы ситуацию?

ЧЕРНОГОРОВ: Это не организация вооруженных отрядов. Это, прежде всего, принятие мер, которые бы позволили препятствовать возрастанию фактов терроризма, межнациональной напряженности по всему периметру границ. Представьте себе, что сегодня самый главный вопрос в повестке дня - это национальный вопрос. На территории края проживает свыше 100 наций, народностей и национальностей. Сегодня бегут ведь не только из Чечни, сегодня бегут из Дагестана, бегут из Армении, Азербайджана, Грузии.

ВЕДУЩАЯ: Вот в этом проекте закона предполагается ограничение прописки.

ЧЕРНОГОРОВ: В том числе, да. Ограничение прописки по нормативным квотам в Российской Федерации. Мы сегодня исчерпали свои лимиты, резервы, исчерпали из-за притока населения.

ВЕДУЩАЯ: Я знаю, что в Ставропольском крае существуют разные точки зрения на вопрос о возможности формировать части, охраняющие административную границу с Чечней, из местных жителей. Если, скажем, в вооруженном конфликте начнут погибать местные жители, то не боитесь ли Вы того, что может разгореться месть?

ЧЕРНОГОРОВ: Честно говоря, я боюсь. Я боюсь мести, я боюсь всего, что лишает жизни людей.

ВЕДУЩАЯ: А теперь другой вопрос. Сейчас появились сведения о том, что чеченцев изгоняют. Уже 26 чеченских семей изгнаны с территории Гилюгаевского сельсовета.

ЧЕРНОГОРОВ: Действительно, такие моменты есть. Я давал поручение разобраться с этим. Но не изгоняют, чеченцы сами уезжают. Они тоже боятся кровной мести, особенно после расстрела казаков, которые пошли служить в органы внутренних дел, с оружием охраняли собственную землю и на собственной ставропольской земле были убиты преступниками. Конечно, сейчас у населения вызревает недовольство и т.д.

ВЕДУЩАЯ: Ситуацию, сложившуюся вокруг Ставропольского края, я попросила прокомментировать **старшего научного сотрудника Центра по изучению и предупреждению конфликтов Института этнологии и антропологии Российской академии наук, кандидата исторических наук Александра Осипова.**

Можно ли было обойтись без этого нового законопроекта, а использовать только Закон "О чрезвычайном положении" 1991 года?

ОСИПОВ: Согласно действующей Конституции, без этого законопроекта не только можно, но и нужно было бы обойтись. Ведь с одной стороны, есть Закон "О чрезвычайном положении", который принят в 1991 году и который не противоречит статье 88 Конституции Российской Федерации. Кроме того, он уже применялся после принятия ныне действующей Конституции 1993 года. И в этом законе в свое время были достаточно четко прописаны процедуры установления чрезвычайного положения и были предусмотрены довольно гибкие формы и рамки использования режима чрезвычайного положения. И это единственное, согласно Конституции, законное основание для ограничения прав и свобод человека в таких условиях, какие, в частности, сейчас существуют в приграничной зоне Чеченской Республики. Законопроект, который внесен в Государственную Думу и прошел уже первое чтение, предусматривает одну деталь, которая противоречит ныне действующей Конституции. А именно: передачу исключительных полномочий Федерации её субъекту по части ограничения прав и свобод человека, как гражданина. Поэтому, с правовой точки зрения, ответ совершенно понятен:

проблема должна решаться на тех путях, которые предусмотрены Конституцией и Законом "О чрезвычайном положении".

ВЕДУЩАЯ: А почему, с Вашей точки зрения, вносится вот этот проект закона? Ведь сейчас ситуация в Ставрополье в достаточной степени тяжелая, мы это знаем. И значительно проще было бы именно сейчас ввести там чрезвычайное положение, используя уже существующее законодательство. Ведь этот проект закона прошел только первое чтение в Думе, второе будет где-то 15 сентября. Ситуация-то может ухудшаться. Вот с Вашей точки зрения, почему нужен этот проект сейчас? Почему вы пошли по такому пути?

ОСИПОВ: Из многих заявлений, которые делали высшие должностные лица Ставропольского края, понятно, что органы власти этого края хотели бы получить особые полномочия по части регулирования миграционных потоков, ограничения права граждан на свободу передвижения, выбора места жительства и ограничения перемещения груза через административную границу. Об этом много говорилось. И тяжелая ситуация на границе с Чеченской Республикой используется как повод для выдвижения таких требований. На самом деле, когда такие требования выдвигаются, смешиваются совершенно разные проблемы. Например, проблема обеспечения правопорядка на границе с Чеченской Республикой в Курском районе. Это особое положение, которое должно, очевидно, решаться на путях особого режима охраны административных границ, возможно, на путях какого-то ограничения прав граждан на свободу передвижения. Законный путь для этого - введение чрезвычайного положения. Эти проблемы остальных районов края, в общем-то, не касаются.

Есть другие обстоятельства, которые власти Ставропольского края не совсем корректно трактуют. Например, есть экономические проблемы, социальные проблемы, которые, на самом деле, являются общими для многих регионов, и их искусственно и неправомерно увязывают с внешней миграцией. По интенсивности этой миграции Ставропольский край в Российской Федерации не лидирует. И надо сказать, что по темпам роста населения Ставропольский край сейчас где-то в середине вот этой самой таблицы регионов Российской Федерации. Насколько я помню, в 1996 году общий рост населения в крае составил примерно 7,5 тысяч человек, население 2 млн. 700 тысяч. Это совершенно незначительный рост. И говорить о том, что миграционный приток усугубляет социально-экономическое положение, просто некорректно при сравнительно незначительных объемах этого притока. Другое дело, что вот такие утверждения используются для манипуляции общественного мнения. Действительно, раздаются голоса, утверждающие, что огромный приток беженцев-переселенцев, которые дезорганизуют рынок жилья, вносят большой "вклад" в преступность и в безработицу. Но эти утверждения не подтверждаются никакими фактическими данными. Это просто манипуляция общественным мнением. И вот взвинчивая атмосферу вокруг ситуации в приграничье, некоторые должностные лица пытаются таким образом решить свои проблемы.

ВЕДУЩАЯ: Вот сейчас будут создаваться вооруженные формирования для защиты границ. Как Вы на это смотрите? И на ведение порядка?

ОСИПОВ: Если вооруженные формирования создаются в соответствии с действующим законодательством, под строгим контролем властей, то в этом ничего плохого нет. Если эти действия предусматривают создание формирований, деятельность которых не регулируется федеральным законом, и если они подчиняются не законной власти, а каким-то общественным организациям, или имеют фактически двойное подчинение, это не нормально. Насколько я знаю, личный состав роты патрульно-постовой службы,

которая набирается в Курском районе из местных жителей, служит в приграничных сельсоветах нормально, без проблем. И это, наверное, один из путей решения проблем, которые там существуют. Контрактный полк, также набирающийся из местного населения, тоже, наверное, способ защиты тех жителей, которые считают себя подвергающимися угрозе со стороны Чеченской Республики. Хуже, если это будет выливаться в создание каких-то полуобщественных формирований (будут они себя называть казачьими или как-то по-другому), и которые не будут реально контролироваться властью. Вот это может привести к довольно тяжелым последствиям, потому что это будет канвой распространения нелегального оружия; эти формирования могут заниматься не той деятельностью, которая для них предусмотрена. Могут быть тому и другие последствия.

ВЕДУЩАЯ: А не вызывает ли у Вас опасение, что, если будет принят проект этого закона, то многие другие регионы у нас, где ситуация не вполне благополучна, пойдут по такому же пути?

ОСИПОВ: Безусловно, так оно и будет.

ВЕДУЩАЯ: Наше государство изыскало возможность для направления в Югославию хорошо оснащенной и подготовленной бригады. Тем более, федеральное руководство обязано найти средства для того, чтобы порядок на нашей собственной территории охраняли военнослужащие, не хуже подготовленные и достаточно хорошо оплачиваемые. Если же у России средств для этого нет, то все-таки приоритетом для нашего федерального руководства должна быть защита прав и самой жизни граждан России.

На сегодня всё. До свидания.

Амнистия

(Эфир "Радио России" 27 июня 1999 г.)

ВЕДУЩАЯ: В эфире программа: "Демократия, свобода, права человека". У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Сегодня мы будем говорить об амнистии.

Проявляя гуманизм в отношении отдельных категорий лиц, совершивших преступление, не представляющее большой общественной опасности, в соответствии с пунктом "е", части 1, статьи 103, Конституции Российской Федерации, - Государственная Дума приняла закон об амнистии.

У нас в студии **Андрей Похмелкин, старший советник юстиции, кандидат юридических наук.**

Андрей Валерьевич, вот сейчас принят закон об амнистии. У меня к вам первый вопрос. Чем обусловлена необходимость амнистии?

ПОХМЕЛКИН: Вообще, амнистия - это всегда проявление гуманности со стороны государства. Но в наших конкретных условиях принятие закона об амнистии чаще всего связано с необходимостью хоть каким-то образом нормализовать обстановку в тюрьмах и колониях. Они переполнены, условия содержания там бесчеловечные. Поэтому время от времени государству просто необходимо использовать этот клапан для того, чтобы хоть каким-то образом разрядить там ситуацию.

ВЕДУЩАЯ: А какой принцип положен в основу амнистии? На кого она распространяется?

ПОХМЕЛКИН: Амнистия в общем традиционна, традиционен круг субъектов, на которые она распространяется. Это женщины, инвалиды, несовершеннолетние, лица, участвовавшие в боевых действиях по защите Отечества. На мой взгляд, этот круг мог бы быть, конечно, более широким. И тогда бы амнистия смогла бы действительно послужить задаче нормализации обстановки в тюрьмах и колониях.

ВЕДУЩАЯ: А кого, вы считаете, нужно было бы еще включить?

ПОХМЕЛКИН: С моей точки зрения, вполне можно было бы распространить амнистию на лица, впервые осужденные за преступление, где законом предусмотрено наказание, например, до 5 лет лишения свободы. На мой взгляд, вполне это можно было бы сделать без какого-либо риска для серьезного ухудшения криминальной обстановки.

ВЕДУЩАЯ: Здесь, по-моему, так и есть, освобождаются те лица, которые осуждены на срок до 5 лет. Или это только касается женщин?

ПОХМЕЛКИН: Это, во-первых, касается женщин. Во-вторых, лиц, осужденных за преступление, совершенное по неосторожности. На мой взгляд, амнистию можно было бы распространить и на людей, совершивших умышленное преступление, за которое законом предусмотрено наказание не свыше 5 лет.

ВЕДУЩАЯ: А какое количество людей в результате амнистии будет освобождено?

ПОХМЕЛКИН: Вы знаете, я слышал самые различные данные. По официальным данным Минюста - 90 тысяч человек. Я думаю, что эти данные несколько преувеличены. Но в любом случае, мне кажется, амнистия, конечно, благо. На мой взгляд, всегда благо. За 20 лет моей работы в правоохранительной системе в адвокатской практике, я не помню ни одного случая, чтобы амнистия приводила к резкому ухудшению криминальной ситуации. Я думаю, что это подтвердят и работники исправительно-трудовых учреждений и других правоохранительных органов.

Но каждый раз, как мне кажется, мы слишком робеем, принимая амнистию. Каждый раз, как мне представляется, круг лиц, которых можно освободить от наказания, мог бы быть более широким. Любую амнистию надо рассматривать всегда в контексте нашей уголовной политики в целом. А она у нас очень часто развивается по замкнутому кругу.

Вот идет рост преступности. На рост преступности абсолютно истерическая реакция - ужесточение наказания. Причем ужесточение наказания происходит, как правило, в отношении к тем людям, к которым это не стоит применять. Рецидивистов же часто в данном случае не затрагивают. (Потом уже спохватываемся.) Колонии и тюрьмы переполнены - надо освобождать. Ну, невозможная обстановка: массовый беспорядок, эпидемии! Но когда принимается акт амнистии, потом снова все идет по кругу. Несвязанный с самим фактом амнистии рост преступности у нас вновь порождает истерическую реакцию в виде ужесточения наказания. И в результате снова необходимость нормализовывать обстановку.

ВЕДУЩАЯ: А люди уже пострадали, отсидели и уже надломлены.

ПОХМЕЛКИН: Разумеется. То есть не было бы необходимости в принятии такого рода актов или они носили бы в общем совсем другой характер, имели бы совсем другое значение, если бы мы твердо исходили из того, что мера наказания в виде лишения свободы - это мера вынужденная и должна применяться в крайних случаях, когда уже другие формы уголовно-правового воздействия не эффективны. А, к сожалению, у нас реакция на рост преступности часто бывает абсолютно неадекватной и непродуманной.

ВЕДУЩАЯ: Андрей Валерьевич, у меня еще такой вопрос по поводу военнослужащих. Там есть статья, я сейчас процитирую: "освободить от наказания в виде лишения свободы, независимо от назначенного срока, а также от наказаний, несвязанных с лишением свободы, осужденных, проходивших службу в составе действующей Армии, либо принимавших участие в боевых действиях, по защите Отечества".

Означает ли это, что если человек, действительно служивший в армии в ходе боевых действий по защите Отечества, уже после этого совершил преступление, то он автоматически освобождается?

ПОХМЕЛКИН: Да, но только за исключением случаев, предусмотренных этим же законом об амнистии, когда он совершил тяжкое преступление. В этих случаях он не освобождается. А во всех остальных - да, независимо от того, когда он совершил это преступление: во время прохождения службы или после. Действительно не имеет значение. Важно установить только один факт, что он когда-то участвовал в боевых действиях по защите Отечества.

ВЕДУЩАЯ: Я знаю, что попадают под амнистию больные туберкулезом. А СПИДом? Не вошли сюда?

ПОХМЕЛКИН: Насколько мне известно, такое предложение было. Но оно не воспринято законодателями. Я, честно говоря, не знаю, существует ли такая проблема. Но проблема туберкулеза носит просто угрожающий характер, характер эпидемии. Хорошо, что хоть первый раз наконец-то государство не только обратило внимание на эту проблему, но и предприняло попытку ее решить. Раньше этого не было. Это очень ценная новация, с моей точки зрения.

ВЕДУЩАЯ: Концепция данной амнистии понятна, и ее можно только приветствовать. Но вот мне не понятна такая вещь. Обратимся к пункту 7 этой амнистии. Согласно ему прекращаются многие уголовные дела, находящиеся в производстве органов дознания, предварительного следствия, судов. Имеются конкретные люди, пострадавшие, например, от изнасилования, скажем, без угрозы убийства или увечья. То есть налицо здесь истязания, злостное хулиганство, нанесение тяжких телесных повреждений и т.д., - а дела прекращаются. Люди, совершившие только что эти преступления, завтра выходят. Как, с вашей точки зрения? Ведь на самом деле человек не понес никакого наказания? Как на это будет смотреть общество? Как будет смотреть потерпевший на это? Не оказывается ли, что в данном случае депутаты совершают не столько акт гуманизма, сколько, может быть, издевательство над людьми, которые потерпели?

ПОХМЕЛКИН: Нет, я с вами не могу согласиться. Причем принципиально не могу согласиться. Во-первых, освобождение от наказания - не значит освобождение от возмещения ущерба, причиненного потерпевшему, в том числе, и в форме морального вреда. От них, по крайней мере, не освобождают. Потом все-таки общество, государство уже отреагировало на это преступление, возбуждено уголовное дело, идет следствие. Возможно, даже человек находится под стражей, или в отношении его избрана другая мера пресечения. То есть отрицательная реакция, вообще-то, уже выражена. И я в свое время, работая следователем прокуратуры и прокурором, надзирающим за следствием, неоднократно сталкивался с ситуациями, когда преступление носит ситуативный, случайный характер, и нет необходимости доводить это дело до суда. Даже той реакции со стороны органов расследования вполне достаточно для того, чтобы человек понял, осознал неправомерность своего поступка. И я не помню случая, чтобы амнистия рождала бы рост рецидивной преступности. Поэтому, мне кажется, что ваши опасения лишены основания.

ВЕДУЩАЯ: Я на это смотрю с точки зрения потерпевшего. Изнасиловали девушку, она встречает этого насильника, уже освобожденного, скажем, через 15-20 дней, через месяц. Можно это назвать безнаказанностью за совершение преступления?

ПОХМЕЛКИН: Нет, безнаказанность все-таки предполагает те случаи, когда государству или обществу вообще неизвестно о совершении этого преступления. Либо же человек уходит от уголовной ответственности за счет взятки, за счет коррумпированных связей. А когда же общество или государство проявляет акт гуманности, мне представляется, что здесь о безнаказанности говорить нельзя. Да, проблема потерпевшего всегда существует. И когда формулируется уголовная политика государства, личность потерпевшего должна учитываться всегда. Но учитываться должны не только интересы потерпевших; и не случайно потерпевшему не дано право судить. И судят незаинтересованные лица. Когда я в процессе своей профессиональной деятельности: и работы в прокуратуре, и занимаясь адвокатской практикой, - отстаивал необходимость более гуманного отношения к правонарушителям, то сталкивался с аргументом: ну а как же потерпевший, а если это там у тебя дочь, сын... и т.д. Потерпевшему не дано право судить именно потому, что он потерпевший. Но в случае принятия акта амнистии органы предварительного следствия,

прекращая уголовные дела, должны сделать все для возмещения ущерба потерпевшего, в том числе и морального ущерба.

ВЕДУЩАЯ: Что касается дезертиров из армии. Мы знаем, ситуация в армии очень тяжелая, очень многие ребята просто бегут вследствие невероятно тяжелых условий в армии. Вот коснулась их амнистия? И в какой степени?

ПОХМЕЛКИН: Только в том случае, если эти лица были осуждены за дезертирство на срок до 5 лет лишения свободы и отбыли не менее одной трети назначенного наказания. Для лиц, в отношении которых пока только расследуются уголовные дела, амнистия не распространяется.

ВЕДУЩАЯ: А вообще, возможен какой-то юридический выход для этих лиц, которые убежали из армии? Такого в амнистии нет?

ПОХМЕЛКИН: Этого в амнистии нет. Мне кажется, это специальная, очень острая проблема, которую нужно решать отдельно.

ВЕДУЩАЯ: А каким образом ее нужно решать?

ПОХМЕЛКИН: Возможно, объявлением амнистии специально в отношении этого круга лиц. Но если уж говорить радикально, то реализацией альтернативной службы или профессиональной.

ВЕДУЩАЯ: Мне кажется, этот пункт вначале вызвал очень отрицательные реакции, в частности, у Министерства обороны. Потом уже, с очень большим трудом в амнистию все-таки вошел этот пункт, по которому освобождаются лица, уже какую-то часть отсидевшие после дезертирства из армии.

ПОХМЕЛКИН: Да, и слава Богу, что восторжествовало это. Принято специальное постановление о порядке применения амнистии, где определен, во-первых, круг органов, которые занимаются применением амнистии, где разъясняются те или иные понятия, сформулированные в законе, и определены сроки применения амнистии. И если говорить уже о практических шагах, которые могут предпринять родственники тех людей, которые сейчас отбывают наказание, кто подпадает под амнистию, то следует обратиться в соответствующий орган. Прежде всего, к администрации исправительно-трудового учреждения. Подать туда заявление, подчеркнуть, акцентировать внимание на том, что они помнят о человеке, который находится в местах лишения свободы. И что они будут следить за тем, как эта амнистия будет применяться. То есть обратиться в соответствующие компетентные органы.

ВЕДУЩАЯ: Андрей Валерьевич, как вы оцениваете роль общественных организаций в разработке этого проекта закона об амнистии? Вообще, нужно ли общественным организациям вмешиваться в это? Я знаю, что в проекте этого закона они очень много сделали.

ПОХМЕЛКИН: Мне кажется, это очень позитивная ситуация. Безусловно, законы должны писать профессионалы. Но законотворчество будет ущербно, если не учитывать общественное мнение, которое очень часто выражается деятельностью правозащитных и других общественных организаций. Так что я не только не вижу в этом ничего страшного, я считаю, что это абсолютно нормально.

ВЕДУЩАЯ: Роль общественных организаций действительно была весьма значима для принятия этого закона. И это была конкретная работа по внесению ряда существенных поправок и, конечно, по поддержке самого закона. Одной из таких организаций был Комитет солдатских матерей России. Я беру интервью у члена Комитета - **Валентины Мельниковой**.

Сейчас принята амнистия. Как она касается военнослужащих, которые находятся в местах заключения?

МЕЛЬНИКОВА: Амнистия 22 июня, к нашей большой радости, распространяется и на военнослужащих. К сожалению, вначале наши военные власти требовали, чтобы никто из солдат и офицеров не был амнистирован. Но нам удалось объяснить депутатам, что столько совершается нарушений прав человека в воинских частях, столько людей подвергаются избиениям, пыткам, жестокому обращению, что они просто вынуждены бежать. А по нашему законодательству они сразу становятся преступниками.

Депутаты приняли аргументы Комитета солдатских матерей, и в этой объявленной амнистии мы можем увидеть, что военнослужащие также могут этой амнистией воспользоваться. В первую очередь, это те солдаты, которые находятся в дисциплинарных воинских частях. Дисбаты, как их в просторечии называют, не являются местами лишения свободы. А по амнистии от 22 июня могут воспользоваться этим постановлением как раз те, кто не лишен свободы. Поэтому мы надеемся, что дисбаты наши освободятся.

Что тут важно? Важно, чтобы солдат обратился к командиру такой дисциплинарной воинской части или к военному прокурору с заявлением, в котором он просит применить к нему амнистию. Не надо сидеть и ждать, пока это решение само по себе упадет ему на голову с неба. Надо заявить: прошу применить ко мне амнистию. Если мальчик не может сам и не знает еще про эту амнистию, у него есть друзья, у него есть родные, мама, папа, бабушки, дедушки, они должны позаботиться о том, чтобы из дисциплинарного батальона солдат вышел. Они также могут обратиться либо к командиру, либо тоже в военную прокуратуру с письменным заявлением, в котором нужно написать, что в такой-то дисциплинарной воинской части содержится военнослужащий, прошу применить к моему сыну, внуку, мужу, брату эту амнистию. И тогда будет как бы стимул. Родственники могут проследить за тем, чтобы эта амнистия была применена. Можете сообщить солдату, что он должен сделать, что он должен заявить о применении амнистии. Конечно, это не будет за один день. Но применяться эта амнистия будет в течение 6 месяцев. И надо сделать так, чтобы за 6 месяцев успеть освободить всех, кто может по этой амнистии быть освобожден.

Вторая большая группа солдат, которые также могут воспользоваться амнистией, - это те, кто осужден условно. Это же наказание условное бывает и у тех, кто, допустим, уклонился от призыва на военную службу. Этот контингент у нас тоже по этой амнистии может воспользоваться. И тогда с него наказание снимается.

И я хочу обратить внимание на то, что амнистией могут воспользоваться только те военнослужащие, кто осужден за не тяжкие преступления. Если же преступление тяжкое или особо тяжкое, то осужденный по таким статьям вообще не подлежит амнистии независимо от всех остальных обстоятельств: болен, здоров и т.д. Значит, это нужно учитывать.

ВЕДУЩАЯ:

Обращаем внимание наших слушателей. Из раздела 11-го Уголовного кодекса Российской Федерации "Преступление против военной службы" к тяжким и особо тяжким, умышленным преступлениям относятся: часть 2 статьи 333 "Сопrotивление начальнику и преступление, совершенное с оружием группой или повлекшее тяжкие последствия", статья 334 "Насильственные действия в отношении начальника". А также части 2 и 3 статьи 335 "Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими", часть 2 статьи 338 "Дезертирство с оружием", часть 2 статьи 346 "Умышленное уничтожение или повреждение военного имущества", часть 3 статьи 349 "Нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих".

Валентина Мельникова продолжает.

МЕЛЬНИКОВА: К сожалению, иногда так складывается судьба, что самовольно оставивший часть солдат, что-то совершает еще по дороге. Здесь тоже нужно обязательно внимательно посмотреть. Если то, что он сделал, не является тяжким преступлением, то и это тоже ему прощается государством, потому что амнистия - это прощение.

Еще много будет зависеть от военных судов в отношении к военнослужащим, от того, какие решения будет принимать суд и какое наказание будет назначено. Если сейчас идет следствие, допустим, по преступлению, которое совершил солдат, например, дезертир, и суд сочтет возможным назначить или условное наказание, или направление в дисциплинарную воинскую часть, то в таком случае амнистия может быть применена после того, как вынесет свой приговор суд. Все это не совсем просто, но хотелось бы привлечь внимание вот к чему. Если военнослужащий (сюда, кстати, входят и прапорщики, и офицеры) попал в такое тяжелое положение, что ему пришлось самовольно оставить часть и даже дезертировать, чтобы и семья, и сами эти военнослужащие знали: надо как следует прочитать текст амнистии и воспользоваться, может быть, рекомендациями, которые дают правозащитные организации. То есть надо максимально использовать свои возможности на эту амнистию.

Возвращаюсь к решениям военных судов. Если суды будут принимать во внимание все те страшные условия, в которых находятся солдаты в частях, все те причины, которые вызывают бегство солдат или, возможно, драки, или связанные с какими-то имущественными делами преступления; и эти суды сочтут возможным применять наказание, не связанное с лишением свободы, - тогда во время амнистии наши дисциплинарные воинские части так и останутся пустыми. Наверное, будет также правильно и хорошо обратиться и к военным судьям тоже.

ВЕДУЩАЯ: Амнистия - это прощение. И хочется надеяться, что те, кого простили и кто скоро выйдет на свободу, - не совершат новых ошибок.

На сегодня всё. До свидания. До новых встреч.

Содружество независимых государств и права человека

(Эфир "Радио России" 20.06.99)

Ведущая: Содружество Независимых Государств. А каковы, собственно говоря, основания у этого Содружества? Лежит ли в его основе уважение к правам граждан тех стран, которые в него вошли? Является ли это Содружество сообществом свободных наций или, может быть, наоборот - это построенное на круговой поруке содружество правителей призвано защищать не свободы граждан, а интересы власть предержащих? Во всяком случае, взаимодействия между странами СНГ в некоторых аспектах оказываются весьма эффективными.

Об этом говорят депутат Государственной Думы **Юлий Рыбаков** и руководитель программы "Горячие точки" Правозащитного центра "Мемориал" **Валентин Гефтер**.

ГЕФТЕР: Касательно традиции: у нас с большинством стран СНГ существуют договора о правовой помощи или Минская многосторонняя конвенция о правовой помощи, на основании которой уголовные дела, возбужденные в одной стране СНГ, могут быть переданы в другую страну для поимки обвиняемого. Выдающая сторона не решает вопросы по существу на основании этих правовых документов, о которых я сказал, она смотрит только за соблюдением некоторых элементарных условий, на основании которых можно или нельзя выдать данного обвиняемого в ту страну, где он будто бы совершил правонарушение.

Если речь идет о таких случаях, как случай с Абсандзе, бывшим министром финансов и заметной политической фигурой периода Гамсахурдия, то здесь нужно говорить вот о чем. Те правонарушения, которые вменялись ему в вину грузинской стороной, формально являются той причиной, по которой он может быть выдан. Единственное, из-за чего был очень сомнительный вопрос о его выдаче (до этого один раз уже наша Генпрокуратура отказывала в выдаче его), - это российское гражданство Абсандзе. Как известно, российских граждан мы не выдаем для уголовных преследований в другие страны. Случай с Абсандзе был связан с тем, что он получил гражданство в одном из российских регионов, на Сахалине. Ему выдали сначала временную регистрацию, а потом уже и гражданство там. И будто бы через какое-то время МВД наше обнаружило, что это было сделано с некими формальными нарушениями. У нас есть очень большие сомнения в этом. Были ли правовые основания лишения Абсандзе гражданства России без суда только из-за того, что МВД сомневалось в чистоте выдачи ему паспорта своими же службами. А лишение гражданства России уже означает, что он, таким образом, формально остается гражданином Грузии, и потом его выдадут. К сожалению, выдача была настолько скорой, что мы не успели возбудить ни судебного, ни вообще, никакого юридического процесса, который бы подверг сомнению право только одной МВД ликвидировать, аннулировать данное ему ранее российское гражданство.

Второй момент заключается в следующем. Уже после выдачи обвиняемого в ту страну, где он будто бы совершил правонарушения, остаются ли эпизоды и статьи УК, за что его преследуют, теми же, за которые его выдавала российская сторона. У нас есть четкие сведения о том, что ему добавили один очень серьезный комплекс правонарушений, связанный с февральским (1998 года) покушением на президента Шеварнадзе. Хотя мы тогда получали подтверждение устно и были просто уверены в момент его выдачи, что этих эпизодов в его будущем уголовном преследовании не будет. Первоначально, естественно, прокуратура Грузии и не запрашивала выдачи по этим моментам.

РЫБАКОВ: Наличие такого обвинения, вероятно, могло бы послужить поводом для более серьезной оценки тех обвинений, которые были предоставлены грузинской стороной. Вполне возможно, что при наличии подобных тяжких околополитических обвинений в его адрес, могло последовать и иное решение, а не то, которое было принято ранее. В крайнем случае на это можно было бы надеяться. Но этого не произошло, потому что такого обвинения в том реестре, который был представлен грузинской прокуратурой, не было.

ГЕФТЕР: Более того, ведь нам неизвестно, и поэтому мы считаем, что этого, может быть, и не было? Запросила ли грузинская сторона уже потом у выдававшей стороны, то есть у России, разрешение на то, чтобы добавить такие существенные, принципиально новые моменты обвинения? Если нет, то тогда в Грузии вообще не имеют право сейчас судить Абсандзе по этим эпизодам обвинения, которые в запросе о выдаче не фигурировали.

РЫБАКОВ: Случай с Абсандзе - это ситуация, которая может повториться с любым человеком, получившим российское гражданство, живущим здесь, вынужденным эмигрировать из своей страны и однажды уже оказавшимся там за решеткой. Всегда будет опасность возвращения в ту страну, откуда он был вынужден уехать, и будет опасность политической расправы над ним там же, на родине. Это связано с отсутствием закона об экстрадиции или с наличием каких-то иных законодательных норм о порядке лишения гражданства, которые позволили Прокуратуре с подачи Министерства внутренних дел аннулировать гражданство, по сути дела, бессудным путем. Случай с господином Абсандзе не единственный случай подобного рода. Это целая цепочка аналогичных ситуаций, когда наша Прокуратура выдает людей или, во всяком случае, игнорирует их заявки о предоставлении им политического убежища или статуса политического беженца и идет на поводу у прокуратуры бывших республик Советского Союза, выполняя их заявки. По-видимому, здесь расчет на то, что в свою очередь, и они выполняют, когда подобные заявки по возвращению уголовных или политических преступников представит им Российская прокуратура. Ведь по сути дела, идет торговля между Прокуратурами, когда те или иные политические или профессиональные интересы заставляют их торговать потенциальными обвиняемыми или потенциальными преступниками в своих ведомственных интересах.

ГЕФТЕР: Не столько идет торг между прокуратурами, по крайней мере, с российской стороны, сколько, главным образом, имеет место нормально не прописанная ситуация, которая и позволяет нашей прокуратуре относиться к вопросу выдачи людей, как-то связанных с политикой, очень формально. А политэмигранты, политбеженцы оформить свое пребывание в России законным образом практически не могут. Это очень сложно. Политубежище получить почти невозможно, потому что Указ о политическом убежище просто безобразный и направлен на то, чтобы не давать политического убежища. Получить статус "беженца по политическим мотивам" несколько легче, но практически тоже не реализуется. Таким образом, многие убегающие и потенциально преследуемые никак не оформляют законным образом свой статус политбеженца. И таким образом, Прокуратура их уже выдает только на основании того, что никакого у них официального статуса нет. Она ведь специально не торгует ими. Но отсутствие статуса толкуется в пользу запрашивающей стороны. И отказать формально бывает очень трудно, тем более наша Прокуратура, конечно, не заинтересована в том, чтобы ссориться с Прокуратурами других стран СНГ. Это понятно. Поэтому обвинения к ним не столько обвинения, что они буквально торгуют, сколько то, что правовая основа экстрадиции недоделанная, недописанная нормальным образом, не публичная, приводит к тому, что люди по политическим мотивам все-таки выдаются.

Ведущая: Давайте вспомним нашу передачу, вышедшую в эфир в конце февраля этого года. Тогда мы говорили, что любого человека, надеющегося найти в России убежище от политических преследований на своей родине, могут выдать в качестве "подарка" приезшему министру. Почему мы сочли возможным это утверждать? Ведь официальная позиция российских властей состоит в том, что наша страна выдает не политэмигрантов, а либо просто уголовников, либо террористов и путчистов. Но случается, что истина случайно проскальзывает в высказывания высоких представителей власти. Они то ли по неосторожности, то ли по недомыслию проговариваются. И вот три с половиной месяца назад Сергей Степашин, тогда еще Министр внутренних дел России, встречался в Москве со своим коллегой из Грузии. И на заключительной пресс-конференции он вдруг заявил следующее. Я цитирую: "Некоторые лица, уехавшие из Грузии, продолжают свою деятельность, направленную против президента Грузии и суверенного Грузинского государства. Мы эту деятельность будем пресекать. Никому не позволено использовать Москву для своей политической арены, выступая против суверенного государства, являющегося членом Содружества Независимых Государств. Это принципиальная позиция Министерства внутренних дел России". Конец цитаты. Заметьте, господин Степашин говорил не о подготовке переворотов или террористических актов. Заниматься подобной деятельностью, и правда, никому не должно быть позволено. Нет. Тогдашний министр внутренних дел нашей страны говорил именно о политической деятельности, мол, не позволено использовать Москву для политической арены. А почему, собственно говоря? Где и в каком законе запрещено на территории России действовать политическим организациям, критически оценивающим положение в соседних странах? Где запрещено издание газет, критикующих президента соседних стран? Представляю, в какую дрожь эти слова бросили многих людей из стран, возникших на территории бывшего СССР, в которых политическая оппозиция подавляется, а инакомыслие запрещено? Эти люди приехали в Россию, страну, провозглашающую уважение к правам человека, к свободе слова. А теперь и тут им угрожают!

Власти разных стран по-разному реагируют на критику правозащитников. Подчас, их высылают из страны, задерживают и

даже сажают в тюрьму. Но вот власти Туркменистана превзошли всех. В ответ на критику они решили подвергнуть изоляции свою собственную страну вместе со своими гражданами. И что тоже небезынтересно, нашли в этом даже понимание у своих коллег в России. Но по порядку.

Правозащитный центр "Мемориал" совместно с Центральным азиатским бюро по правам человека в конце прошлого года выпустили доклад, в котором описали крайне неблагоприятную ситуацию с правами человека в Туркмении. Тогда же доклад был привезен в Ашхабад членами делегации известной правозащитной Международной организации "Human Rights Watch" во время их официального визита в Туркмению. Он был представлен в ряд государственных структур. Но после того, как доклад был передан также одному из граждан этой страны, кого местные власти подозревают в неблагонадежности, сотрудник "Human Rights Watch" Александр Петров немедленно был депортирован из страны. Позже, уже весной этого года, авторов доклада, граждан России Виталия Пономарева и Николая Митрохина в Туркмению попросту не пустили. Но в этих действиях не было ничего неожиданного. Так обычно действуют все режимы, грубо попирающие права собственных граждан. Они не желают, чтобы правда о положении в стране стала достоянием гласности.

Но вот следующий шаг туркменских властей был неординарный. Они первыми из стран СНГ ввели визовый режим для въезда в страну граждан других стран Содружества и

выезда из Туркмении собственных граждан в любую другую страну. Официальная позиция - борьба с наркотиками и бандитизмом. Но истинную причину такого шага туркменских властей сообщило в своем ответе на запрос Правозащитного центра "Мемориал" Российское Министерство иностранных дел. Я цитирую: "Из разных источников к нам поступала информация о том, что именно действия Пономарева и Петрова подтолкнули власти Туркменистана к введению с июня сего года в отношениях с Россией визового режима, затрагивающего интересы тысяч российских граждан". Конец цитаты. Комментирует **Виталий Пономарев**.

ПОНОМАРЕВ: Говорить, что только из-за меня и моего коллеги Николая Митрохина ввели визовый режим в Туркменистане - это некоторое преувеличение, хотя есть прямая связь. 7 марта мы попытались въехать в страну. А с утра 9 марта уже было принято решение о том, что Туркменистан выходит из визового режима, то есть непосредственно об этом инциденте на границе было доложено первым лицам государства. И это типичный пример такой вот неадекватной реакции, которую и в прошлом Туркменистан проявлял по отношению к деятельности правозащитных организаций. Но если говорить более серьезно, то здесь мне видятся более глубокие причины введения визового режима в отношениях с государствами СНГ. Конечно, версия, которую туркменские власти официально излагают, что главная цель визового режима - поставить барьер для проникновения в страну криминальных элементов, она не выдерживает критики. Северная сухопутная граница Туркменистана очень дырявая такая, там большим потоком идут контрабанды, наркотики. И я вот, в частности, когда в марте был на Мангышлаке, я разговаривал с водителями КАМАЗов, которые за 200 долларов сдавали свои машины в аренду всем желающим для перевозки любых грузов через государственную границу Туркменистана, минуя всякий официальный контроль. То есть в принципе криминальные элементы как и раньше использовали эти дыры на границе, так и сейчас они продолжают их использовать. А причина введения визового режима, конечно, не связана с криминальными элементами. Это политическая причина, в первую очередь. И непосредственным поводом, который подтолкнул туркменские власти на введение визового режима, было заявление нескольких политэмигрантов о том, что они намерены вернуться в страну и принять активное участие в намеченных на декабрь выборах в Туркменский парламент. Туркменские власти были очень обеспокоены такой возможностью. Ведь пока действовал безвизовый режим, они не имели никаких формальных оснований для того, чтобы воспрепятствовать возвращению в страну вот этих людей из эмиграции.

Вторая причина, которую тоже стоит отметить, это то, что усилилась международная критика со стороны Запада в связи с многочисленными случаями депортации правозащитников (журналистов, в частности). Когда меня и моего коллегу Николая Митрохина депортировали из Туркменистана в марте этого года, нам показали список из 25 фамилий российских журналистов, кому был запрещен въезд в страну. Но опять-таки отсутствовали какие-либо правовые основания для такого рода действий. И чтобы улучшить имидж в глазах Запада, власти решили создать подобные основания.

И наконец, здесь еще один момент, очень важный. Надо напомнить, что Туркменистан - едва ли не единственное государство в СНГ, где существует для выезда за рубеж разрешительный порядок, который до введения визового режима не распространялся на поездки туркменских граждан в страны СНГ. И сейчас, когда визовый режим введен в отношении всех стран, любой гражданин Туркменистана, который желает, например, поехать в Москву, он должен доказывать перед туркменскими спецслужбами необходимость такой поездки. Он должен получать специальное разрешение, без которого он просто не может покинуть эту страну. И конечно, сейчас туркменские власти получили

все правовые основания создавать преграды для поездок тех людей, которых они подозревают в политической нелояльности.

КАСАТКИНА: Является ли Содружество сообществом свободных наций? Или, может быть, наоборот - это построенное на круговой поруке содружество правителей, призвано защищать не свободы граждан, а интересы власть предержащих?

А теперь - Белоруссия. С этой страной Россию связывают отношения более тесные, чем с другими странами СНГ. Предстоит дальнейшее сближение, в том числе, и в правовых вопросах. Кто к чьим стандартам будет приближаться: Белоруссия к российским или Россия к белорусским? Во всяком случае, гражданам России должно быть интересно, что же происходит в Белоруссии, поскольку возможно распространение белорусского опыта и на Россию. Об этом говорит Валентин Гефтер.

ГЕФТЕР: Конкретным поводом моей двухкратной поездки за последние две недели в Белоруссию послужил первый по-настоящему серьезный процесс, связанный с уголовными преследованиями по политическим мотивам в Белоруссии. До этого противостояние Лукашенко с политической оппозицией в основном было все-таки на уровне преследований или внесудебных, или путем административных преследований. Борьба же с коррупцией и всякими другими антигосударственными преступлениями носила характер президентских втыков или заключений под стражу, которые пока еще не завершились громкими процессами. А здесь произошло событие на стыке разных аспектов преследований. Это следствие убийства, почти 2 года назад, в октябре 1997 года, руководителя Контрольной службы в Могилевской области Миколуцкого. Это после теракта, в результате которого он погиб на лестничной площадке дома, где он жил. Довольно громкая и широкая проводилась кампания президентских структур, президентской вертикали и по поиску преступников, конкретных исполнителей, и по поиску заказчиков или предполагаемых преступников. Среди предполагаемых упоминались фамилии тогда же арестованных министра сельского хозяйства Леонова, председателя колхоза Старовойтова, которого, кстати, на днях осудили на 2 года за хозяйственные преступления. А вот конкретные исполнители через некоторое время были найдены. Это группа из 4-х человек, будто бы группа, я подчеркиваю, возглавлявшаяся бывшим работником КГБ Могилевской области Валерием Ткачевым, которому инкриминировали руководство "бандформированием", как это говорит следствие, с целью убийства Миколуцкого и подготовки других незаконных действий. И один из главных эпизодов - приготовление к покушению на президента Лукашенко. Не буду сейчас рассказывать, как долго и с какими нарушениями длилось следствие. Важными этапами его стало, во-первых, то, что самый главный обвиняемый Ткачев через 2 месяца после начала следствия погиб в тюрьме при невыясненных обстоятельствах. Считается, что это было самоубийство, но правозащитники и многие из людей, знающих дело, подвергают это большому сомнению.

Во-вторых, оставшиеся трое молодых людей, один из которых проходил еще по предыдущему уголовному преследованию Ткачева, а двое других, совсем молодых и не производящих никакого впечатления серьезных террористов, остались и были объединены вот в это якобы "бандформирование". Следствие было закончено, адвокаты менялись непрерывно, местные могилевские адвокаты на суде у некоторых подследственных выбывали просто несколько раз. Наконец дело слушалось в Верховном Суде Белоруссии в первой инстанции, что, замечу сразу, не позволяет подавать кассацию, потому что только в порядке надзора можно рассматривать. 11 июня я присутствовал на зачитке приговора. Процесс был закрытым, с самого начала до конца, кроме зачитывания приговора, это заняло 15 минут. Замечу, что те статьи УК, по которым обвиняли этих трех

ребят, включали в себя наказания вплоть до смертной казни. На процессе прокуратура не потребовала этого. Она потребовала очень большие сроки. Но статьи это включают. В последние 2-3 месяца общая ситуация в Белоруссии характеризовалась как всем известными альтернативными президентскими выборами, жестким противостоянием оппозиции и обиженного Лукашенко. Сопровождалась эта избирательная предвыборная кампания, как мы знаем, арестами одного из кандидатов, бывшего премьер-министра Чегеря, исчезновениями двух известных людей, которые находились при этом или под следствием, или под домашним арестом. Тамара Винникова, бывший председатель Народного национального банка, просто исчезла из своей квартиры, где она содержалась как бы под домашним арестом. (Вопрос: А сейчас она где?) Неизвестно, вот уже два месяца о ней ничего неизвестно. Исчез бывший министр внутренних дел Юрий Захаренко, который был на свободе, но по нему было возбуждено дело за какое-то мелкое правонарушение. Он тоже исчез. Борьба сопровождается вот такими страшными процессами, не побоюсь сказать, напоминающими 37-й год.

КАСАТКИНА: На сегодня всё. Теперь вы можете не только слушать наши передачи, но и прочитать в Интернете по адресу: www.memo.ru. До свидания. До новых встреч

Проблемы экстремизма

Эфир “Радио России” 6.06.99 г.

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

В последнее время в обществе вновь вспыхнула дискуссия о политическом экстремизме и способах борьбы с этим явлением. Серьезным толчком к этому стали публичные антисемитские высказывания депутата Государственной Думы генерала Макашова. Дума внесла в эту историю свой вклад: отказалась должным образом оценить эти высказывания. Усилились разговоры о том, что пора искоренять фашистскую пропаганду, обрушившись на ее распространителей всей силой закона. Власть, кажется, проснулась и, наконец, обратила внимание на проблему фашизма и экстремизма в нашей стране. И тут тон задала Москва.

15 января 97 года Московская городская Дума приняла Закон “Об административной ответственности за изготовление, распространение и демонстрацию нацистской символики на территории города Москвы. А недавно и Московская областная Дума приняла подобный законопроект. В конце прошлого года было запрещено проведение в столице съезда скандально известного общественно-политического движения “Русское Национальное Единство”. Затем в конце апреля этого года Бутырский суд столицы вынес решение о ликвидации московской организации РНЕ.

Но так ли нова для России тема - “политический экстремизм”? Об этом говорит историк, руководитель программы Научно-просветительского центра общества “Мемориал” - “История диссидентского движения” Александр Даниэль.

ДАНИЭЛЬ: Ничего нет нового под луной. И вопрос о том, можно ли и должно ли прибегать к арестам и судам за пропаганду чужденоненавистнических взглядов и концепций, тоже не нов. Тридцать лет назад этот вопрос уже вставал перед советскими правозащитниками.

В то время, в конце 1960-х гг., большинство либеральных интеллигентов полагало, что те люди, которых советская власть преследует за инакомыслие, — это, в основном, тоже либералы, воодушевленные демократическими или, на худой конец, марксистскими и социалистическими идеями. Такое предположение казалось довольно логичным. В самом деле, те, кто в условиях советского режима решился отстаивать свое право на свободу мысли и слова, разве не должны разделять, по крайней мере, саму концепцию прав человека? А ведь права человека — это и есть основа либерализма и демократии.

Оказалось, что все не совсем так. 1960-е годы были временем, когда независимая мысль, задушенная десятилетиями диктатуры, начала вырываться из-под спуда наружу: через самиздат, через анонимные и псевдоанонимные публикации в зарубежной печати. Единомышленники находили друг друга, образовывали компании и кружки, пытались сделать результаты своих идейных исканий доступными для окружающих. Но сами эти результаты далеко не всегда соответствовали ценностям либеральной демократии.

Весной 1968 года московские правозащитники начали выпускать собственный машинописный информационный журнал — “Хронику текущих событий”. И уже в первом своем номере “Хроника”, вслед за сообщениями о знаменитом процессе Гинзбурга и Галанскова, людей, отстаивавших прежде всего идеи свободы, поместила подробный отчет о другом судебном процессе — суде над членами подпольной ленинградской

организации “Всероссийский социально-христианский союз освобождения народа”. Эта организация ставила перед собой задачу заменить существовавший в СССР строй чем-то вроде теократического православного государства, основанного на началах так называемого персонализма. Союз строился строго конспиративно, с разбиением на “тройки” и прочими аксессуарами, взятыми из истории русского революционного движения, а его программа не исключала насильственного свержения советской власти в результате так называемой “народной революции”.

Конечно, идеи, вдохновлявшие в то время Игоря Огурцова, Евгения Вагина, Михаила Садо, Леонида Бородина, Вячеслава Платонова и других руководителей Социально-христианского союза, не были фашистскими или даже шовинистическими. Но и либеральными их назвать трудно. Их методы тоже вряд ли можно назвать экстремистскими. “Народная революция”, к счастью, осталась только фразой на бумаге, а в основном они занимались тем же, чем и прочие диссиденты - распространением литературы. И не какую-нибудь “Майн Кампф” они распространяли, а вполне приличные книги: Владимира Соловьева, Бердяева, даже Джиласа, хотя он и марксист.

Но так или иначе, 23 человека были осуждены и получили сроки: от года до пятнадцати лет. И у “Хроники текущих событий” не возникало сомнений, что эти люди подверглись политическим преследованиям за распространение своих убеждений, и что долг правозащитников — как можно шире распространить информацию об этом вопиющем нарушении прав человека.

А вот годом позже стало известно о другой группе инакомыслящих, и вокруг них уже развернулась серьезная полемика. Я имею в виду дело так называемой “группы Фетисова — Антонова” в Москве. Я просто процитирую сообщение об этом деле из “Хроники текущих событий”:

“Идеи ФЕТИСОВА и его последователей представляют собой критику советской политической, экономической и социальной системы с позиций крайнего тоталитаризма и шовинизма. В работах ФЕТИСОВА историческое развитие человечества изображалось как борьба порядка и хаоса, причем хаос воплощался в еврейском народе, две тысячи лет наводившем в Европе беспорядок, пока на пути этого хаоса не встали германское и славянское начала: тоталитарные режимы ГИТЛЕРА и СТАЛИНА, - ФЕТИСОВ и его единомышленники считают их исторически необходимым, положительным явлением. В экономическую программу группы входила, в частности, деиндустриализация Европейской части СССР, перенос промышленности и массовое переселение рабочих в Сибирь, восстановление патриархально-общинных порядков на территории Европейской России”.

Не правда ли, до боли похоже на идеи “лимоновцев”, “баркашовцев” и прочей современной публики?

ВЕДУЩАЯ: Весной 68 года Фетисов и Антонов были арестованы и помещены в психиатрические больницы специального типа в Ленинграде и в Казани. Александр Даниэль продолжает.

ДАНИЭЛЬ: “В свете этого вызывает огорчение распространившийся в Самиздате документ “Своя своих не познаша”, по поводу которого “Хроника” отступает от своего обычного правила не давать оценок.

Этот документ дважды порочен. Во-первых, вместо минимально серьезной критики, автор документа ограничивается насмешками над “очевидной глупостью фетисовских идей”, которые могут проникнуть лишь “в девственно чистые и ни разу еще по-настоящему не мыслившие головы”. “Хроника” считает, что столь радикальная антидемократическая программа заслуживает столь же радикальной, но абсолютно серьезной научной критики, которая могла бы поколебать некоторых приверженцев ФЕТИСОВА, увлекающихся какой-то одной стороной этой программы и не осознавших ее общей направленности. Во-вторых, можно считать этичной полемику с людьми, находящимися в заключении, вернее с их идеями, которые продолжают распространяться и воздействовать. Но выразить удовлетворение по поводу того, что власти отправили твоего идейного противника “в желтый дом”, - безнравственно. Это значит уподобиться тому же ФЕТИСОВУ, который считал, что СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ следовало бы расстрелять. Автор документа “Своя своих не познаша” не назвал себя, анонимность же приводит к тому, что документ выглядит выражением точки зрения каких-то кругов демократической интеллигенции, каковым он, надо надеяться, не является”.

Так писала “Хроника текущих событий” ровно 30 лет тому назад. Теперь-то ясно, что авторы “Хроники” ошибались: статья “Своя своих не познаша” была именно выражением точки зрения каких-то кругов демократической интеллигенции. Посмотрите, как распространен этот подход сегодня к проблеме экстремизма в сегодняшней демократической прессе.

Кто был прав? Анонимный автор самиздатовской статьи или правозащитники, выпускавшие “Хронику”? Пусть об этом судят наши слушатели. Я только хотел сказать, что наша сегодняшняя полемика совсем не нова: ей уже, по меньшей мере, тридцать лет.

А что касается членов фетисовского кружка, то их дальнейшая судьба тоже любопытна. Все они освобождены из “психушек”. Михаил Федорович Антонов является довольно заметной фигурой. В начале 1970-х он публиковался в журнале “Вече”, самиздатовском органе тогдашних национал-патриотов. Он организатор и бессменный председатель так называемого “Союза духовного возрождения отечества”. А этот Союз – неперемное составляющее всех национально-патриотических объединений. Между прочим, на президентских выборах 1991 г. Антонов был одним из доверенных лиц генерала Макашова.

ВЕДУЩАЯ: Закон города Москвы “Об ответственности за распространение нацистской символики” предусматривает ответственность в виде штрафа в размере от 20 до 100 минимальных окладов либо арест на 15 суток, либо два месяца штрафных работ, а для иностранных граждан - выдворение за пределы России. В феврале 97 года этот закон вступил в силу, но за все это время он пригодился только один раз. Измайловский суд приговорил задержанного на рынке продавца значков со свастикой к одним суткам ареста.

Нацисты опасны действиями, а не символами. Альберт Макашов не носит повязку со свастикой, но это не мешает ему выкрикивать лозунги, которым аплодируют нацисты. Но так ли уж безобидна нацистская символика? И вообще, играет ли символика какую-либо роль? Об этом говорит **врач-психиатр Анна Басова**.

БАСОВА: Символика играет огромную роль в жизни каждого человека. Вся наша жизнь, в той или иной степени, построена на символах. Символом может быть любой предмет, знак, изображение, которое, кроме своего обычного, повседневного значения, еще несет некий скрытый смысл. Антропологи и психологи, считают, что символы – это механизмы,

высвобождающие в человеке различные эмоции: гнев, ярость, боль, возбуждение и так далее.

Каждый символ, кроме своего обычного значения, которое мы легко видим, имеет обычно еще два. Во-первых, некое значение, стоящее на границе сознания, которое человек способен осознать. Ну, скажем, мальчишка, бравирующий нацистским символом; он может не думать в этот момент о том, какую культурную нагрузку несет этот символ. Он может просто хотеть шокировать родителей, бабушку и дедушку, или просто похулиганить и нарисовать свастику на почтовом ящике. Но символ этого знака вполне доступен для его понимания. А во-вторых, как правило, существует еще скрытое значение, которое недоступно пониманию человека и связано как бы с мистическим значением этого символа, с более древним, донацистским.

Каждый символ далеко не безобиден. Пользуясь тем или иным символом, человек в некоторой степени настраивает, программирует себя на определенный характер поведения. Ну, например, что такое форма? Форма, кроме своего бытового, утилитарного значения, это еще символ, символ гражданского долга, с одной стороны. Человек, надевший форму, сразу и достаточно резко меняется. Он готов повести себя так, как штатский человек не поведет. С другой стороны, форма - это символ власти, и человек, надевший форму, уже чувствует себя властью, соответственно он ведет себя на улице и с другими людьми. Точно так же и крест. Когда человек носит крестик, просто как украшение, он не думает, что в некоторой степени он подсознательно будет вести себя все-таки как человек верующий, с уважением относящийся к этому символу. Это же относится и к свастике. Несмотря на ее более древнее культовое значение (она там была символом плодородия, символом четырех стихий, символом устойчивости мира), она имеет определенную культурную нагрузку. Используя свастику, нося свастику, человек будет вести себя так, как это обуславливает свастика, как это обуславливает ее культурная нагрузка. В данном случае у человека может проявиться и жестокость, и национальная нетерпимость, и презрение к другим расам и нациям и так далее.

КОРР: Значит, эта символика действует на подсознательном уровне, да?

БАСОВА: ...На полуподсознательном. Скажем, человек способен это осознать. То, что действует на подсознательном уровне, мы чаще всего вообще не можем осознать. А тут это на грани сознания и подсознания. Это значит, что человек уже внутренне готов принять значение этого символа. Если же человек не готов, то у него этот символ вызовет отвращение, страх, презрение, брезгливость. Он не воспользуется.

ВЕДУЩАЯ: Похоже, за борьбу с политическим экстремизмом взялись серьезно. Наконец-то на рассмотрение в Думу передан проект закона “О политическом экстремизме”, который разрабатывался в Министерстве юстиции.

Я беседую с **руководителем Департамента по делам общественности и религиозных объединений Минюста России, государственным советником юстиции 3-го класса Владимиром Томаровским.**

Какие цели преследует этот закон? И нужен ли этот закон сейчас? Что не хватало в законодательстве, которое действует в настоящее время в России, для борьбы с политическим экстремизмом?

ТОМАРОВСКИЙ: Закон разрабатывало Министерство юстиции. А в рабочей группе участвовали представители федеральных ведомств и МВД, и ФСБ, и Миннаца. Будем

говорить, это плод коллективного труда, потому что цель этого проекта Федерального закона заключается в том, чтобы не допустить применение насилия при решении политических задач, защитить конституционный строй в Российской Федерации от попыток его насильственного изменения. Одна из задач проекта – охрана установленных Конституцией Российской Федерации прав человека и гражданина от нарушений, совершаемых по политическим мотивам, предотвращение насильственного захвата или насильственного удержания власти, защита суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации.

Почему возникла нужда в таком Законе, не могли бы мы решать все эти проблемы, опираясь на прежние законодательные акты?

Действительно, такие законодательные акты существуют. То, что делали и делается сегодня в отношении противодействия политическому экстремизму во всех его проявлениях, это делалось на основе существующего законодательства. Прежде всего, здесь, видимо, следует упомянуть, что у нас есть Конституция Российской Федерации, несколько статей в Уголовном Кодексе Российской Федерации, в Гражданском Кодексе, которые направлены на то, чтобы противодействовать проявлению экстремизма. Вы знаете, что в 95-м году был издан Указ Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина №310 “О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлением фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации”. В этом указе содержатся правовые основы борьбы с политическим экстремизмом, ставится конкретная задача перед государственными органами, в чьи обязанности входит пресечение незаконной неконституционной деятельности и противодействие экстремистским, националистическим, шовинистическим проявлениям. Таким образом, определенная какая-то правовая основа для этого существовала, и ею пользовались. Но были и пробелы, которые затрудняли возможность, действовать более эффективно, результативно, будем так говорить. Не было дано определение “политического экстремизма”. Все это затрудняло работу тех органов, которые осуществляли противодействие, и судов, когда они рассматривали дела, связанные с нарушением норм, провозглашенных Конституцией.

Поэтому вот этот закон одной из первоочередных задач делает попытку - определить понятие “политического экстремизма”.

КОРР: И как Вы его определяете?

ТОМАРОВСКИЙ: Политический экстремизм определяется как деятельность общественных объединений, иных организаций, должностных лиц и граждан, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации. При этом возникает нарушение прав и свобод граждан в политических целях, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, разжигание социальной расовой и национальной религиозной розни. Вероятны также нарушения суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, иное применение насилия для достижения политических целей. Могут применяться публичные призывы, в том числе, и через средства массовой информации, к совершению в политических целях противоправных деяний.

Вот, мне кажется, наиболее емкое определение на сегодняшний день. И это, как говорится, родилось в результате коллективного труда, коллективного разума.

ВЕДУЩАЯ: А еще какие были пробелы в законодательстве, которые не позволяли эффективно работать.

ТОМАРОВСКИЙ: Здесь хочется сказать, что закон как бы аккумулирует в себе все то, что разрознено находилось в каких-то элементах в других правовых актах. Проект закрепляет правовые основы и принципы противодействия политическому экстремизму. Вводится новый самостоятельный правовой институт противодействия политическому экстремизму, запрещения экстремистского общественного объединения по решению суда, предусматривается уголовная ответственность за продолжение деятельности либо воссоздание запрещенного по решению суда общественного объединения. Устанавливается ответственность общественного объединения за деятельность их структурных подразделений и действия их должностных лиц и других членов и участников, а также за публичные призывы и заявления, связанные с проявлением политического экстремизма, если указанные действия и призывы были допущены ими с согласия или одобрения общественного объединения. Если объединение не причастно к действиям, связанным с проявлением политического экстремизма, оно обязано публично выразить несогласие с экстремистскими действиями своих должностных лиц, других членов и участников. В противном случае, может быть поставлен вопрос перед судом о запрещении такого общественного объединения.

Если проще сказать, то решение: является ли человек (персонально какое-то лицо) или должностное лицо, или общественное объединение экстремистским, - решение такое выносит суд. Он определяет. И только после этого принимаются уже какие-то санкции.

ВЕДУЩАЯ: Интересна реакция тех, против которых направлен законопроект “О политическом экстремизме”. Говорит Борис Беленкин, заведующий библиотекой общества “Мемориал”.

БЕЛЕНКИН: В нашей коллекции современной политической документации национал-экстремистские издания составляют отдельный раздел. В нем представлено 340 названий периодических изданий и свыше 300 книг и брошюр. Кроме того, в коллекции около 1000 документов, свидетельствующих о деятельности национал-патриотических организаций.

Что же касается цитирования высказываний авторов данных изданий, то это займет несколько дней. Но посмотрим, как откликнулись в одном из последних номеров газеты “Я - русский” на проект, о котором Вы говорите. Главное опасение у автора газеты вызвала возможная перспектива запрещения слова “жид”. Я цитирую: “...Видимо, будет запрещена, как экстремистская, значительная часть русского народного эпоса. Например, былина “О битве Ильи Муромца с Жидовином поганым”. В случае принятия этого закона Госдумой, под запрет попадет и часть русской литературы, в частности Достоевский, который писал: “Жиды погубят Россию, жиды будут пить народную кровь и питаться развратом и унижением народным”. Будет изъят и Пушкин...” Далее: “...и в то же время будут строиться синагоги, будут свободно тренироваться боевики “Бейтар”, чеченские убийцы будут торговать людьми и их органами, азербайджанские спиртогоны будут травить людей ядовитой водкой, цыгане будут красть наших детей, таджики и афганцы завалият Москву героином, а казахи - анашой. Фальшивые правозащитники на улицах Москвы будут собирать подписи за свободную раздачу наркоты...”

И в конце статьи: “...а мы, русские люди, будем бороться с оккупантами родины нашей многострадальной под русским крестом в славных рядах русских патриотов. Мы

считаем, что битва Ильи Муромца с Жидовином поганым уже началась. Русь пробудись!”

ВЕДУЩАЯ: Это еще раз доказывает, насколько необходим закон, позволяющий бороться с подобного рода высказываниями. Впрочем, надо ли ждать принятия нового закона? Ведь бороться можно, используя уже имеющееся законодательство, было бы желание. Но, к сожалению, пока еще никто не понес ответственность за подобного рода высказывания.

На сегодня все. До новых встреч в эфире. Всего вам доброго!

Проблемы армии

(Эфир “Радио России” 30 мая 1999 г.)

У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Каждый гражданин имеет определенные обязанности перед государством. В частности, одной из таких обязанностей является служба в армии. Но несет ли государство какие-либо обязательства перед теми, кто пришел служить в армию.

Всем уже давно известно, как много военнослужащих гибнет в армии в наше, так называемое, мирное время. Причины гибели российских мальчиков-солдат разные: или несчастные случаи, или, что ужасает, но о чем часто приходится слышать, — неуставные отношения. А исход всегда один — трагедия и одиночество матерей.

Родителям погибших военнослужащих практически невозможно добиться расследования причин смерти сыновей и привлечь виновных к суду и ответственности. Много таких жалоб поступает от несчастных родителей в Комитеты солдатских матерей.

Вот, что мне рассказали в Фонде “Право матери” **пресс-секретарь Фонда Валерия Пантюхина и Вероника Марченко — его председатель.**

Марченко: По независимым данным независимых экспертов-правозащитников у нас в армии гибнет каждый год около 3-4 тысяч человек. По данным же Военной прокуратуры — около 2 тысяч. Здесь имеются в виду те уголовные дела, которые были возбуждены военными прокуратурами различных уровней. Но это не значит, что все они были доведены до суда. Большая часть из них, безусловно, закрывается из-за отсутствия состава событий, если не находят виновного в этой смерти. Возбуждение уголовного дела по факту смерти военнослужащего, к сожалению, превращается чаще всего в некую формальную процедуру.

Пантюхина: Получат ли что-то родители погибшего: зависит от формулировки причины гибели мальчика. И здесь как раз мы сталкиваемся со случаями дискриминации семей погибших. Если мальчик погиб при исполнении обязанностей военной службы, его родители будут иметь право на льготы, которые на практике также сводятся к нулю заявлениями властей об отсутствии финансирования. Что же это за льготы? Это пенсия по потере кормильца в размере 94 рубля в месяц, страховка, единовременное пособие, которое родители погибшего могут ждать годами, и пособие на погребение и на установку памятника, которое реально не покрывает этих расходов. Но даже эти льготы имеют не более 15% семей погибших.

Формулировка “самоубийство” экономически выгодна государству, она дает ему возможность сэкономить на семье погибшего солдата. Наличие же неуставных отношений необходимо доказать. Это, как правило, трудно и зависит от желания сослуживцев и других свидетелей рассказать правду. Однако, если такое дело доходит до суда, то родители реабилитируют честное имя сына. Они также получают возможность пользоваться всеми льготами, а кроме того, могут взыскать по суду с воинской части компенсацию за моральный вред и материальный ущерб, понесенный ими в связи с гибелью сына.

Ведущая: Известен ли вам случай, что где-нибудь на территории России были установлены памятники или какие-то памятные знаки тем ребятам, которые погибли в результате неуставных отношений?

Пантюхина: Нет, такого еще ни разу не слышали, не видели.

Ведущая: О том, как обращались с ее сыном в армии рассказывает Надежда Банникова.

Банникова: Моего Сережу взяли в армию 24 мая 1996 года. Он закончил машиностроительный колледж. Мы живем в Екатеринбурге. Сережа с дороги начал писать, что его отправляют в Морфлот, что их (500 человек) везут в Санкт-Петербург. Попал он в Ломоносовку, в учебку. Писал, что очень тяжело, что “здесь дурдом хуже, чем на зоне”... Он написал, что присяга у них будет 13 июня. И я к нему поехала. Он у меня один. А 17 июня его забрали в другую часть, в Кронштадт на катер, который стоял на ремонте. Я стала получать от него хорошие письма. Оказалось, он стал писать под диктовку. Это я узнала позднее.

Но я всему верила. Потом писем не было. И вдруг через месяц, 25 сентября получаю от него письмо из госпиталя. Он уже писал корявым почерком: “Здравствуй, мама! Я лежу в госпитале. Меня избили на корабле. У меня дыра в голове, левая рука и нога не работают. Приезжай, привези вещи, значит, одежду. Привези последние мои письма и приезжай скорее. Будут делать операцию.”

Первое, что я увидела — он сидел на кровати, полусогнутый, видимо устал лежать. Он находился там уже целый месяц, а мне никто не сообщал, пока я не получила от него письмо. Голова его с правой стороны была вдавлена, как мячик, весь оброс...

Стала я разговаривать с врачами. Они сказали, что у него парализована левая сторона, был сломан череп, делали трепанацию черепа, удалили гематому, видимо в армии подвергался избиениям, попал под дедовщину...

Все это я узнала, что они над ним делали... Мне рассказали сестры и следователь, который занялся этим делом. Поступил он в госпиталь в тяжелейшем состоянии, можно сказать, групп. Все очень удивлялись, что остался жив.

Ведущая: Да, сын Надежды Банниковой, хоть и стал инвалидом, но все же остался жить. А сколько детей никогда не вернется домой после таких издевательств!

И вот в Воронеже родители тех, кто не вернулся из армии, объединились. Объединила их не только трагедия, но и сильное желание создать свой памятник, чтобы придти, поплакать и поклониться своим детям, которых не уберегли в мирное время. Их поддержали другие общественные организации. Начиная с 94 года стал обсуждаться вопрос о месте установления памятника военнослужащим, погибшим в советской и российской армиях в мирное время.

В то время власти пошли навстречу общественности. Для создания памятника был организован конкурс. Тогдашний губернатор Александр Ковалев выделил для этого средства. Жюри конкурса, утвержденное городской администрацией, по итогам обсуждения представленных проектных предложений решило определить местом размещения памятника сквер на улице Орджоникидзе. Руководство города постановило предоставить Воронежскому областному отделению Движения “Солдатские матери России” этот земельный участок в аренду сроком на один год

для проектирования мемориального комплекса. Переговоры с Воронежской епархией Русской православной церкви, а они были необходимы, поскольку предполагаемое место находится неподалеку от Покровского собора, - увенчались согласием церкви.

Но в 98 году ситуация резко изменилась. Новые городские власти, пришедшие в результате выборов на смену прежним, вместо памятника на улице Орджоникидзе, решили возвести пантеон-часовню в другом месте — у Коминтерновского кладбища, подальше от центра города. На месте же, где предполагалось разместить памятник, городские власти решили построить коммерческий колледж.

Мнение общественности раскололось. Одни организации (“чернобыльцы-ликвидаторы” и “афганцы”) согласились на такое изменение места расположения памятника. Другие - нет.

Но чем внимательнее я знакоилась с материалами, тем очевиднее становилось, что спор фактически идет не о месте расположения памятника, а о правомочности самого существования подобного памятника.

Вот, что рассказывает **наш корреспондент в Воронеже Павел Манжос**.

Корр: Итак, мнения по данной ситуации разделились. Я взял интервью у **Михаила Степучева, члена правления Воронежской организации “Союз архитекторов России”**.

Степучев: По настоянию городской администрации было предложено место мемориалу именно на Коминтерновском кладбище. И было поручено Союзу архитекторов и главному архитектору города (в то время) Каплину Игорю Анатольевичу провести третий этап конкурса. Сделано было три проекта на высоком уровне, которые прошли общественное обсуждение, и жюри приняло решение о том, что проект Даниленко как раз удовлетворяет всем требованиям и должен воплощаться в жизнь.

Таким образом, решено было возводить этот мемориал на Коминтерновском кладбище.

Корр: Это было решено кем, Михаил Борисович?

Степучев: Это было решено авторитетным жюри, возглавляемым замом главы администрации Поповым.

Корр: А каково ваше личное отношение к тому, где именно должен стоять памятник воинам, погибшим в мирное время?

Степучев: Я считаю, что все-таки улица Орджоникидзе — это вполне подходящее место для строительства такого мемориала. Хотя решение, которое было принято по Коминтерновскому кладбищу, — оно достаточно правомерно.

Корр: ...нужно ведь учесть волю людей!

Степучев: Да, нужно учесть это. И с этической точки зрения, а не только со строительно-архитектурной, все-таки на улице Орджоникидзе, конечно, место, так скажем, предпочтительнее.

Корр: Итак, по итогам прошедшего конкурса авторитетное жюри приняло решение — возводить пантеон-часовню перед входом на Коминтерновское кладбище. Мотивировка городских властей была таковой: необходимо в городе создать мемориальную зону, связанную с этим кладбищем. Она будет включать в себя само Коминтерновское кладбище вместе с аллей почетных и воинских захоронений, сооружаемый пантеон-часовню в честь воинов, павших в мирное время, существующий ныне памятник славы на Задонском шоссе и собор Ксении Петербургской.

Но вопросы остаются... Главный из них: правомерно ли, с этической точки зрения, смешивать память воинам, погибшим в мирное время при исполнении обязанностей воинской службы, с памятью жертвам армейского произвола? Ситуацию комментирует один из авторов победившего на конкурсе проекта пантеона-часовни, руководитель персональной творческой мастерской № 9 Союза архитекторов России Петр Даниленко.

Даниленко: По глубокому убеждению нашего коллектива само понятие: дифференцировать павших в мирное время на жертвы произвола и на жертвы военных действий и других ситуаций, возникающих при несении воинской службы, — даже само такое понятие порочно. Мы не мыслим себе отделять героев от солдат, отдавших свою жизнь в разных неординарных ситуациях. Мы считаем, что в данной ситуации все равны и заслуживают достойной памяти, которая всегда на всю жизнь останется в душах и сердцах матерей, отцов и близких людей.

Попытка объединения солдатских матерей и их руководителя Коношевского, чтобы выделить из ряда погибших тех, которые стали жертвами произвола, несовместима с понятием “памятник”, “память”, “пантеон-часовня”. В этом случае следовало бы говорить о создании памятника жертвам произвола, чинимого в рядах Российской армии. А это уже совершенно другая категория, совершенно другое направление и совершенно другая идеология.

Корр: Вот что рассказал о своих мытарствах, которые сопутствовали возведению памятника воинам, погибшим в мирное время, **председатель Воронежского областного отделения Движения “Солдатские матери России” Виталий Коношевский.**

Коношевский: На региональном съезде нашей организации в феврале 1994 года мы приняли решение о возведении памятника воинам-воронежцам, защитникам Отечества, погибшим, убитым, умершим в армии в мирное время. Два года гоняли нас по кругу, перекадывая ответственность за возведение мемориала с областной администрации на городскую, а затем и на главного архитектора. И вот официальная позиция как бы замкнула этот круг на памятнике у Коминтерновского кладбища. Посчитали, что данный памятник — это продолжение аллеи Боевой славы. Я им говорил: “Какая тут может быть аллея Славы, когда наших сыновей убили в казармах, застенках Российской армии и кубриках Военно-Морского флота? Какая это слава, если в Чечню шли по контракту убивать россиян ради денег? На смертях денег не заработаешь. Это будет аллея позора”.

На встрече глава администрации Цапин нам сказал, что на улице Орджоникидзе нельзя строить памятник, потому что там проходит водовод и кабель высокого напряжения. И если труба прорвет, то смоем памятник под бугор. Я взял у заместителя главы администрации Лунева карту инженерных сооружений по улице Орджоникидзе и выяснил, что мэр города нас просто обманул: никакого там кабеля нет, нет и водовода.

Корр: Свое видение проблемы дает **председатель Воронежского общества “Мемориал” Вячеслав Битюцкий.**

Битюцкий: То, что касается самого вопроса: надо или не надо его ставить? Потому что фактически этот памятник связан с трагическими событиями в нашей армии, с гибелью военнослужащих в мирное время в казармах, вне боевых действий. И главное, этот памятник связан с трагедией самого нашего общества, сформировавшего такие условия, при которых эти трагические события возможны. Вот нужно ли этому ставить памятник или не нужно? Я отвечаю положительно: да, такой памятник должен быть. Когда наше общество рождает героев, совершающих великие подвиги, проявляющих чудеса храбрости, тогда мы с охотой ставим памятники в честь великих событий, в честь великих людей и выдающихся героев. Но когда мы сами своей греховностью порожаем явления чудовищные, то не хочется, конечно, увековечивать подобные вещи. Но что же будет тогда будить нашу совесть? Что будет нам напоминать о нашей греховности, греховности нашего общества, нас самих? Потому что в конечном-то итоге ведь не только родители этих безвременно погибших детей будут смотреть на этот памятник, на этот памятник будем смотреть мы, прохожие, так сказать, прямо не втянутые в эту трагедию. Что даст этот памятник нам, просто жителям Воронежа, ведь нас эта трагедия не коснулась? Вот, на мой взгляд, этот памятник и должен нам говорить о нашей греховности, о греховности нашего общества и том, что она порождает. Иначе не может быть в нашей душе раскаяния.

Я администрацию понимаю и даже не укоряю огульно в её действиях и решениях. Действительно, очень трудно ей согласовать мнения очень многих. Я надеюсь на благоразумие и на талант, если хотите, администрации в работе с людьми. И надеюсь на то, что здесь все-таки будет найдено какое-то компромиссное решение.

Корр: Настало время подвести итог всем этим высказываниям.

Если “Солдатские матери России” не согласны с решением городских властей и не желают скорбеть вместе с родителями солдат и офицеров, погибших при исполнении воинского долга в разных частях света, от Никарагуа до Афганистана, — то это их право. Если они желают скорбеть у памятника своим сыновьям — жертвам дедовщины и офицерского произвола, — то это их право.

Позиция же православной церкви и городских властей в вопросе о памятнике, непонятно по каким причинам, оказалась переменчивой. Прежний губернатор придерживался центристской позиции. Тогда с городскими властями и церковью было достигнуто соглашение о возведении памятника на улице Орджоникидзе.

Власть переменялась, пришли лидеры от коммунистической реставрации, и разговоры о памятнике пошли, так сказать, в другом разрезе.

Религия и школа

(Эфир “Радио России” 16.05.99 г.)

У микрофона Татьяна Касаткина! Здравствуйте!!!

Религия и школа — тема нашей сегодняшней передачи.

Наше государство светское, то есть церковь, любая церковь, отделена от государства. Гражданин волен сам выбирать: верить ему в бога или быть атеистом и какую из многих религий избрать. Но для того, чтобы свободно выбирать свой духовный путь, человек должен иметь определенный багаж знаний. В противном случае это будет либо блуждание во тьме, либо вынужденный, не свободный выбор.

Так где же можно приобрести эти знания? Конечно, — и в церкви, и в мечети, и в синагоге, и в библиотеке. Наверное, эти знания важно приобрести в начале жизненного пути. Но как нынешнему школьнику, чаще всего вообще не обремененному какими-либо знаниями о религии, даже об атеизме, получить достаточный объем информации для того, чтобы быть готовым к свободному выбору?

Сейчас в некоторых школах начинают вводить преподавание основ той или иной религии. Обычно сразу же находятся противники подобного шага, справедливо напоминающие о том, что церковь в России отделена от государства и никто не имеет права навязывать кому-либо свои религиозные представления. Тогда подобные уроки делаются факультативными. Но это означает, что школьник вынужден уже сразу, до обретения необходимых знаний, делать выбор, а чаще всего за него этот выбор делают родители. В большинстве же школ религиозные знания вообще изгоняются из учебного процесса.

Как же быть? Где выход?

Мне показался в этом плане интересным опыт московской гимназии № 1521. Я побывала на уроке, который называется “История религии”.

Корр.: Вы считаете, полезны вообще такие уроки? Как вы воспринимаете, нужно это или не нужно?

Ученики: - Я считаю, что это полезно, поскольку мы узнаем религию, мы узнаем культуру стран, а узнавая культуру стран, мы можем понять эти страны. Возможно, полюбить. Ну, конечно, для общего развития пригодится.

Корр.: Только для общего развития?

- Вообще-то это интересно.

Ведущая: А вот что говорит преподаватель этой дисциплины **Андрей Борисович Зубов**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения, заведующий кафедрой Истории религий Православного университета.

Корр.: Андрей Борисович, что Вы хотите в своих уроках дать детям, и как Вы находите обратную связь с детьми?

Зубов: Для меня это тоже эксперимент, потому что я не школьный учитель. Я читаю и читал всегда в университетах. И возможность преподавать в гимназии на самом деле далеко не легкая. Конечно, ученик, школьник даже 11 класса, это совсем не студент 1 курса. Это ясно ощутимо. Для меня это был, в любом случае, эксперимент. Кроме того, эксперимент был еще и в том, как ребята 15-16 лет смогут воспринимать довольно сложные вещи, которые всегда считались как бы высшим пилотажем гуманитарного знания, даже когда богословие считалось “царицей наук”. И тем не менее, мне казалось, что позволять, чтобы ребенок, юноша или девушка, выходили в жизнь, не зная о той сумме проблем, которой наиболее напряженно живет человечество во всю свою историю, — это преступление.

Мы не можем сводить ребенка до существа с некоторыми первичными инстинктами и с некоторым от людей полученным небольшим интеллектом. Мы должны помнить, что это существо, которое должно осознать себя во всей своей полноте. Именно поэтому я с радостью пошел на эксперимент преподавания в гимназии. И вот надо сказать, уже лет 8-9 я здесь веду занятия. Курс мой идет год — с сентября по май. Когда начинаешь говорить на эту тему, то для большинства ребят это абсолютно неизвестная область. Если даже для них и известна религия (кое-кто даже ее знает опытно, будучи верующим), то как правило, это религия как обычай, как некоторая система поведения, или некоторая система нравственных норм.

И здесь же я, в первую очередь, стараюсь им показать, какие главные цели имело человечество, устремляясь к богу. Чего оно было лишено, и что оно обретало в вере. Что такое вера, какие задачи решаются. Потому что любое действие человеческое — это решение какой-то задачи. Ну, какая же здесь решалась задача? Мы постепенно, разбираем сначала религии доисторического человека, потом религии современных неписьменных народов, потом религиозные воззрения египтян, жителей Месопотамии и Греции, Индии, потом ислам, христианство, буддизм. Так постепенно ученик видит, как по-разному в разных цивилизациях и в культурах на протяжении всей истории человечества миллионы и миллионы людей решали, думали, стремились, не жалели усилий для решения вот этих высших проблем, которые стоят перед каждым человеком.

Потому что проблема смерти, проблема разделенности, проблема ощущения собственной как бы некачественности — это проблемы и для нас, и для 15-летнего юноши или девушки, и, конечно же, для стариков. Это проблемы любого возраста. И любой эпохи. И вот через историю религий я пытаюсь ввести ребят именно в глубочайшую бытийную жизнь человечества, которая объясняет все более внешнее: искусство, науку, политику. Ведь все же это, в конечном счете, есть некоторые частичные ответы на тот главный вопрос: кто я, что я, — который задает себе человечество в течение всей своей истории. И именно на этот вопрос в основе своей я и пытаюсь ответить на этих лекциях.

Что же касается ответа, как ребята на это реагируют, — реагируют по-разному. Также как есть люди талантливые и не талантливые в математике, так есть талантливые и не талантливые в литературе, в пении и в живописи. Но ведь все должны, тем не менее, что-то знать, и вот это-то я даю для всех. Но одним открываются более глубокие уровни, другим же они не открываются. И в этом смысле, конечно, помогают дополнительные какие-то беседы, которые возникают кое с кем из учеников. А кое-кто из них потом оказывается в тех университетах, где я преподаю. А кое-кто, даже не будучи в этих университетах, все же ходит на лекции, слушая более глубокие курсы. Для других же это просто некоторое знание, без которого культурному человеку жить сейчас неудобно, нельзя.

Ведь, на самом деле, в любой гимназии Европы (я не говорю про Америку, там более сложная система образования), — но в любой гимназии Европы обязательно преподается под тем или иным названием история религий. Всегда. А в Германии преподаются даже две дисциплины: история религий и история богословия. То есть, как бы история религий внешняя, событийный ряд, и история религиозных идей. Мы ведь этого были абсолютно лишены и только на уроках истории древнего мира буквально несколько минут посвящали Будде, Мухаммеду, или Христу. Я думаю, что это просто ужасный изъян нашего прошлого образования, который я пытаюсь немножечко исправить в рамках одной, отдельно взятой, гимназии.

Ведущая: Как же в этой гимназии пришли к выводу о необходимости введения в учебный процесс новой дисциплины? Об этом говорит директор гимназии, заслуженный учитель Людмила Гергиевна Леонтьева.

Леонтьева: Если идти изначально от того, как мы перестроили наше образование, то мысль первая, которая возникла, это необходимость введения этого курса, поскольку нам казалось, что, во-первых, многие ученики очень к этому потянулись.

Корр.: То есть это была еще и инициатива учеников?

Леонтьева: Да, это была инициатива учеников. Поскольку мы ежегодно, обязательно раз в полугодие, проводим анкетирование по содержанию образования.

Корр.: Анкетирование среди учеников?

Леонтьева: Среди учеников. Причем начинаем с 7 класса, когда они уже хоть что-то немножечко осознают. Как правило, до этого возраста они счастливы и довольны всем. Но когда начинается становление личности, вот тут у них уже своя точка зрения появляется, тогда мы обязательно у них это проводим. Во-первых, они вносят нам коррективы такого плана: нравится или не нравится, что больше нравится, что меньше нравится. А во — вторых, обязательно с учетом того, что бы они хотели.

Когда мы еще не были гимназией, а только находились в экспериментальном режиме, мы, собственно, уже тогда выбрали направление гуманитарное, физико-математическое. Когда-то эта школа была только физико-математической. И происходил невероятный антагонизм между, как мы называем, элитарными детьми (по крайней мере, так они сами себя и понимали) и обычными детьми. И вот это неприятное ощущение, что мы выше, а какие-то там рядом, другие классы ниже, — оно меня очень раздражало. Потому что вот это ощущение исключительности одних и как бы совершенно иное положение других (хотя там дети были не глупее этих, просто они не были “выдающимися” физиками, математиками), — вот это все порождало очень нездоровую какую-то конкурентную борьбу.

Как дети выясняют отношения? “Ты умнее, а я сильнее”. Это очень часто бывает. Я мучительно думала, как изменить эту ситуацию. И вот тогда первый шаг, который мы сделали, — мы ввели гуманитарные классы. А уж потом мы стали проводить у них вот это анкетирование. И дети нам вдруг начали писать, что им очень интересно, и что, например, им очень хочется узнать, действительно ли существует такая наука о религии.

Откровенно говоря, ведь все мы были темными и необразованными. Тогда мы в первый раз пригласили отца Аркадия. Мы умолили его, упросили, он был очень занят, но, тем не

менее, он пошел. Это не были специальные уроки религии. Он просто вел как бы беседы с детьми.

Корр.: А когда это началось?

Леонтьева: Это началось в 89 году. Эффект был совершенно поразительный. Я не знаю, что сошло на наших детей. Во-первых, они ему исповедывались. Поскольку некоторые стеснялись говорить ему о своих проблемах, тогда он предлагал: “Вы просто мне напишите”. Понятия не имею, что говорили ему дети: никогда в жизни он мне этого не рассказал. Что называется, это была тайна исповеди. Но через два месяца мы просто не узнали своих детей. Я не говорю, что они стали верующими. Но они что-то стали понимать, они как-то по-другому стали смотреть на окружающий мир. И тогда мы уже приняли решение, что нам необходимо это ввести как предмет и что это должно иметь место. Это действительно изумительно, потому что наши дети и должны формироваться всесторонне.

Почему к нам сюда очень многие идут? Я не буду брать образовательной стороны, тут поразному бывает. А я хочу сказать о том, что здесь совершенно нет агрессии. У нас очень благостная атмосфера. У нас во взаимоотношениях и между детьми, и между преподавателями нет вот этого враждебного напора. Наоборот, есть какое-то взаимоуважение. Это очень важно.

Я считаю, что эти предметы наиболее, мне кажется, влияют на формирование человека, на становление характера, на его умение подавить все негативное, погасить агрессию.

Редкие негативные случаи у нас бывают, но это только среди тех детей, кто к нам приходит, например, уже в 9-м классе. Это мы сразу чувствуем — “это не наш”. Однако что-то происходит в нем, он как бы подчиняется вот этой благостной силе нашей, но к сожалению, опять постепенно скатывается в свое прежнее состояние.

Корр.: Скажите, пожалуйста, а как родители относятся к преподаванию такого предмета?

Леонтьева: Ни один человек никогда не возражал. Ни единый. Потому что здесь никакого насилия нет.

Ведущая: Тему продолжает **Андрей Борисович Zubov.**

Зубов: Дело в том, что история религий напоминает в некотором роде граждановедение или историю политических учений, которые преподаются у нас в институтах и в школе. Они учат людей теории того права, которым они располагают в жизни. Этим правом человек может пользоваться, этим правом человек может не пользоваться. Человек может ходить на выборы, может и не ходить. Один может стремиться получать свободную информацию из разных источников, другому это может быть глубоко все равно: получать или не получать и газеты читать или не читать. Но о том, что такое право есть и как им можно воспользоваться, если человек в нем ощущает внутреннюю потребность, — вот об этом человеку надо обязательно знать. Право на свободу совести — одно из исконных гражданских прав, без которого вообще все права человека теряют смысл.

В чем смысл права на свободу совести? Иногда мы наивно думаем, что это лишь право как бы участвовать в своей этнографии и ходить в церковь своей традиции. Это совсем не так.

Право на свободу совести потому так и называется, что имеет в виду возможность реализовывать свободно свою внутреннюю убежденность в истине. Если человек каким то образом убежден в том, что его смысл жизни связан с некоторыми абсолютными целями: будь то соединение с Богом, или достижение нирваны, — в любом случае он должен иметь право на реализацию этой цели. Но в нашей стране, в несчастной России, впервые в истории человечества, если не считать короткого периода — полтора года эпохи французской революции, это право на свободу совести было не только ограничено (такое бывало), но просто отменено. То есть впервые за всю историю человечества у нас в стране началась война с самой верой, с самим Богом. И люди как бы забыли об этом исконном праве, забыли о той проблеме, которая стоит за этим правом. Так же, как отчасти люди забыли о своих исконных правах, скажем, на свободную экономическую деятельность, а хотят получать подачки от государства и на них существовать. Забыли о своем исконном праве формировать власть, а ждут твердую руку, которая неизвестно откуда придет и все устроит как надо.

Но свобода совести более тонкая материя, чем политика или экономика, и люди совсем забыли об этом праве. Не все конечно, но многие. И вот в школьном курсе необходимо восстановить это знание проблемы свободы совести. Это, собственно говоря, религиозный контекст развития человечества.

История религий не в малой степени является агитацией за религию. Она является именно дисциплиной, позволяющей студенту, ученику, школьнику узнать, чем живет религиозное сознание в разных традициях, в разной культуре, что в этом общего, что в этом различного. Данная дисциплина позволяет учащимся соотнести себя с этой потребностью человечества: или позитивно включиться в ту или иную традицию, или нейтрально — изучать и познавать ее. Возможно, даже и негативно-отрицательное отношение. Кстати, свобода совести предполагает и абсолютно свободный отказ от проблем религиозных, но именно свободный, не навязанный отказ. Вот такое знание, в сущности, и дает курс истории религии, позволяющей человеку уже свободно определяться в глубинах своей совести и искать те решения, связанные с жизнью, которые ему ближе, которые ему нравственно, по совести адекватны.

Корр.: Я не знаю, правильно ли я поняла. Вы сказали такую фразу, что впервые в истории страны...

Зубов: Человечества.

Корр.: Человечества даже. А разве до революции этого не было?

Зубов: И до революции, и вообще, в истории всех стран мира, как правило, были господствующие религии и были религии, притесняемые и гонимые. Но никогда ни одно общество до нашего не ставило задачи искоренения веры, уничтожения веры в Бога вообще. Всегда же была борьба, но никогда в истории человечества не ставилось задачи снятия вот этой проблемы религиозной, как таковой. Скажем, когда боролись мусульмане и христиане, одни говорили, что спасаться надо одним образом, через Христа, другие говорили, что спасение достижимо через Коран, через пример Мухаммеда. И это как бы были две разных религиозных традиции, два разных религиозных пути. Когда боролись католики и протестанты, то речь шла о том, что и те и те стремятся к спасению, и те и те стремятся к вечной жизни, к обретению рая, но одни считают, что руководством в этом может быть и авторитет Папы римского, другие же говорили, что авторитетом может быть только собственная совесть, собственное сознание. И так повсюду, но никогда до России не было, чтобы человек замахнулся, вообще, на идею божественную, как таковую, не на

ту или иную версию религиозную, а на саму идею божественного. Причем мы замахнулись не как бы походя, а замахнулись идеологически направленно, когда говорили, что нам Бог не даст избавления, мы разрушим церкви (однако имелось в виду не только церкви, но и мечети, и синагоги, и буддийские молельни) и сравниваем их с землей, что и делалось. Уничтожим духовенство как класс, ликвидируем религию, как таковую. Помните, как начал Ленин? А ведь позже и Хрущев подхватил: “Я вам в 80-м году покажу последнего попа”. То есть вот эта тенденция уникальна.

Вообще, нам надо это понять, что никогда ни одно общество не делало того в отношении религии, что сделали мы. Мы гордимся тем, что мы первые запустили спутник, мы гордимся тем, что мы в чем-то еще занимаем первое место. Но, пожалуй, нигде мы не отличились в такой степени, как в этой сфере, отказавшись от Бога. Все 70 лет существования нашего общества люди жили так, как будто, вообще, нет проблемы преодоления смерти и пути к вечной жизни, нет каких-то мерил истины и правды, поскольку все это заменено было коммунистической идеологией. И тот, кто думал иначе, в лучшем случае объявлялся гражданином второго сорта, ну а в худшем, понятно, просто уничтожался. Сотни тысяч людей поплатились жизнью за то, что они имели какую-то веру: христианскую, мусульманскую, или любую другую.

И вот поэтому именно сейчас, восстанавливая это исконное, естественное, неуничтожимое право на свободу религиозного поиска, на свободу жить по своей правде, мы должны наших ребят научить тому, что такое религия, каковы основные традиции, каков опыт человечества в этой сфере.

В этом направлении мы должны работать, может быть, еще в большей степени, чем это делают, скажем, в Европе, в Америке, потому что там живая традиция веры сохраняется, в общем, до сих пор. Многие подростки, дети моих знакомых, которые оказались в Соединенных Штатах как бы насовсем, говорили мне с удивлением, что там все дети в школе — верующие. Там каждый верит по-своему: один — иудаист, другой — христианин, один принадлежит к одной конфессии, другой — к иной. Но все верующие. “На меня смотрят как на белую ворону из-за того, что я вообще в Бога не верю. Поэтому я, — говорит еврейская девочка, — тоже начну ходить в синагогу вместе с друзьями”. А как же иначе? Вот, Вы понимаете, а у нас этой традиции вовсе нет. И человек не может определиться....

Мне кажется, что надо не заменять одну идеологию другой: коммунистическую, предположим, православной. Это ужасно было бы. Тем более, что настоящая религия, а не то, что из нее иногда делают, вовсе никогда не стремилась быть идеологией. Людям необходимо дать возможность именно свободного выбора, и их надо научить тому, как выбирать. В этом смысле, я повторяю, курс истории религий очень похож на курс граждановедения или курс основ прав человека.

Ведущая: Да, до большевистской революции Россия была страной религиозной. Но была ли в Российской империи свобода совести?

Зубов: До революции проблему свободы совести удалось решить только актом 1905-го года “О свободе вероисповедания в Российской империи”. Вот этот акт апреля 1905-го года действительно давал равные гражданские права представителям всех религий. Соответствующая статья была включена в основные законы Российской Империи.

Корр.: А до этого?

Зубов: А до этого были некоторые ограничения. Конечно, никто не запрещал католику оставаться католиком, а мусульманину оставаться мусульманином. Но, например, переходить католику в ислам, или православным — в католицизм было запрещено. То есть существовала как бы иерархия религий. Можно было подниматься в ней вверх: католик мог стать православным, мусульманин — католиком. Естественно, это совершенно искусственная лестница, но с точки зрения того, что во славе есть господствующая религия. Поэтому идти как бы вниз — это было запрещено.

Корр. : Запрещено кем?

Зубов: Государством, законом. Если, например, был переход до пятого года (подчеркиваю, если был переход из православия в католицизм), то человек и его потомки, которые продолжались в правах, не могли наследовать имущество родителей. Как Вы понимаете, это весьма существенная вещь.

Корр.: То есть фактически свободы не было?

Зубов: Свобода была, но была ограничена. Никто, например, не запрещал поляку, традиционному католику, ходить в костел, никто не запрещал ему верить, как он привык, но менять свою религию на низшую, с точки зрения государства, он не мог, а мог ее менять только на высшую. Это не полный запрет, полный запрет на свободу совести только был в Советском Союзе, — но это существенное ограничение.

Корр.: А что значит “высшая” и “низшая”?

Зубов: Вот это определялось законом. Высшей религией до пятого года считалось православие.

Корр.: Это у нас в стране?

Зубов: Да, в России естественно. В Германии было лютеранство, и католицизм был господствующей религией.

Корр.: То есть опять же государство создало вот эту иерархию?

Зубов: Да, были ограничения на строительство храмов. Например, практически только православная церковь могла строить храмы абсолютно свободно, да и то требовалось разрешение Синода.

Ведущая: Является ли опыт этой гимназии положительным? Возможно ли его распространить и в других школах? Приемлемо ли преподавание подобной дисциплины для последователей всех религиозных течений? А может быть, для кого-то покажется неверной сама постановка вопроса о свободе выбора в области религии, веры?

Мы ждем ваших писем. Всего Вам доброго.

Судьбы участников войны

Эфир “Радио России” 9.05.99 г.

Здравствуйтесь! У микрофона Татьяна Касаткина.

54 года назад наш народ одержал победу над фашистской Германией. Мы говорим: победил народ, - и это безусловно верно. Ведь победу завоевали и солдаты, сражавшиеся на фронте, и те, кто работал в тылу: на заводах, фабриках, в колхозах и за колючей проволокой в сталинских лагерях. Страшную цену наш народ заплатил за победу.

И мы поздравляем всех с нашим общим праздником. О двух судьбах тех, кто с первых дней войны был в армии, мы расскажем в нашей сегодняшней программе.

Вспоминает **Иван Михайлович Клятов**, сейчас ему 91 год.

Корр.: Вы с первых дней были на фронте, да?

Клятов: Как вольнонаемный, я военкоматом был направлен бухгалтером военторга в 16-ю действующую армию Западного фронта, которой руководил Рокоссовский.

В начале октября месяца наши армии попали в окружение, это под Вязьмой. Мы на 5 число октября 41-го узнали, что Вязьма была уже занята немцами. И высшее руководство армии нам давало указание выбираться в сторону Можайска к Москве, но малыми группами, по 5-6 человек. Вот такой группой, в лице 4-х артиллеристов, и я – пятый, мы 11 суток выбирались ночами ползком. Днем проходу не было, потому что нас все время бомбили. Было очень холодно, было очень грязно, осень была ранняя, был уже снег. И мы, изможденные, без питания, только на 11 сутки выбрались как раз к Можайску.

Вышли, в городе нас встретила военная часть, и нам рекомендовали пройти к администратору этих военных частей. Меня пригласили тоже в воинскую часть. Вышел майор, очень мило со мной разговаривал и спрашивал, как там на фронте. Я честно сказал, что очень тяжело. Но он спросил: “Вот вы сказали, что вас бомбили немецкие самолеты, а разве наших не было?” Я подтвердил, потому что я, действительно, не видел в небе наших самолетов. Он записал и дал мне расписаться. Я расписался. И когда я расписался, он мне сказал: “Вот дурак, вот сейчас тебя арестуют по ст. 58-10, как восхваление немецкой техники”.

Меня арестовали. Я был несколько дней в подвале на Лубянке. Больше меня не допрашивали и примерно через неделю эшеленом направили в Казань. В Казани в подвале меня держали 11 месяцев. Я страшно похудел, у меня выпадали зубы, я потерял зрение. Меня вызвал следователь один раз и задал совершенно для меня непонятный вопрос: “С кем Вы связаны из “пятой колонны?” Что такое “пятая колонна”, я совершенно не знал. И когда я ему так ответил, он сильно ударил меня кулаком в лицо.

Спустя 11 месяцев, я в Казани попал в лагерь №2. Этот лагерь выпускал военные мины М-72, М-120 для фронта. В лагере было 12 тысяч человек.

После окончания войны уже Казань меня не держала, а переправили в Омск. В 48 году меня уже освобождали в Омске, но, конечно, к семье не выпустили, а направили в Кимры, за стокилометровый барьер на Волге. И на Волге я был как ссыльный семь лет. Когда я прибыл в Кимры, то меня на работу никто не брал. Они боялись: как это так,

бывший заключенный, политический, враг народа, и мы будем за него отвечать. Мне было очень тяжело. Несколько месяцев я не мог устроиться, а надо было уже работать, надо было, понимаете, входить в нормальную жизнь. Но я скажу честно, местный начальник КГБ в приказном порядке директору обувной фабрики дал команду - принять меня. Тот не хотел: “Я не хочу отвечать за врага народа”. Но начальник дал команду.

Корр.: И послушаться не мог директор?

Клятов: И послушаться он не мог. Начальник КГБ ему при мне звонил по телефону из кабинета и сказал: “Ты, директор, уже устал работать, и нам придется с тобой расстаться, если не хочешь, чтобы бывший, так сказать, по политическим репрессиям гражданин получил работу. Мы должны воспитывать, он свое отсидел, и ты должен помочь. И я тебе рекомендую выделить ему общежитие и проследить, чтобы всегда было чистое белье”.

Вот только тогда меня устроили на оклад 550 рублей бухгалтером обувной фабрики “Стахановец”.

В 55 году я был полностью реабилитирован и направлен к семье в Москву, где мне выдали чистый, совершенно чистый паспорт и прописали. Но опять неувязки: по трудовой книжке определенный срок меня как не было. Где? Почему? Я правду говорил, что был репрессирован по 58 статье. Опять “враг народа” вспоминается, и опять не берут. Совершенно случайно мне уж пришлось на небольшую такую и грязненькую должность попасть, где я и зацепился. Ну вот, жизнь пошла... И в конце концов, на пенсию вышел я уж в роли главного бухгалтера Центра Юга транспорта Главного управления Министерства автомобильного транспорта.

Корр.: Рассказывает Павел Петрович Стефановский. Павел Петрович, скажите, пожалуйста, вот вы с первых дней войны воевали?

Стефановский: Да, то есть я начал служить еще до начала войны в 334 зенитном дивизионе, и на шестой день войны мы уже встретились с немцами на Днестре.

Корр.: Я знаю, что вы были в плену, а вот как вы оказались в плену?

Стефановский: 334 дивизион, 87 стрелковая дивизия, 21 армия Западного фронта. Командующий был тогда Тимошенко. Мы постепенно, в общем, все время отступали и в конце концов мы оказались в юго-восточном направлении. Юго-восточным фронтом командовал тогда Буденный Семен Михайлович. В этот фронт входило пять армий и Киевский укрепленный район.

И вот мы оказались в окружении. Об этом окружении Жуков много раз докладывал Сталину и требовал, чтобы он дал возможность вырвать, вытащить оттуда этих окруженных, и для этого с других фронтов бросить на помощь, чтобы им пробиться. Сталин же говорил: “Нет, пусть они там воюют и задерживают немецкие войска”. А на самом деле немецкие войска были уже на востоке за сто километров. В окружении оказались шесть армий, то есть 600 тысяч человек. И таким образом попал я в плен.

Еще до начала войны, когда я служил в батальоне связи, я руководил самодеятельностью. В свое время я даже поступал учиться к Мейерхольду, но так как там не было общежития, мне потом пришлось учиться другому, в другом учреждении. В общем, в армии, в дивизии нашей, я был известным: дирижировал хором, вел

концерты. И когда уже в плену перегнали нас в Кременчуг (это был такой сборный лагерь, откуда потом поездами развозили немцы к себе в тыл), я встретил там у костра своего начальника политотдела дивизии, который тоже оказался в плену. Мы друг друга узнали. Он говорит: “Ну что собираешься делать, Стефановский?” А я как раз спросил: “А что мне делать, вы же мой начальник были, потому что вы лучше знаете, что мне делать, как мне быть. Наверно, в партизаны пробиваться отсюда. Я один раз уже там сбежал из поезда, но потом все равно опять поймали, и все”. А он говорит: “Я тебе скажу, что надо сделать. Сейчас немцы усиленно вербуют молодых, здоровых, общительных людей. Вербуют к себе в разведку “Абвера”. Но при вербовке, когда уже будешь в школе где-то, если попадешь туда, находи людей таких, с кем ты можешь быть уверенным, что друг друга вы не подведете”.

Корр.: В каком смысле - не подведете?

Стефановский: Ну то есть, скажем, когда вас перебросят немцы, то вы должны друг другу верить и должны уже соответствующе строить жизнь свою в тылу: не выполнять немецкие задания, а придти там уже в наш штаб. Короче говоря, чтобы напарник был надежный человек. Если же попадешь с таким, который не захочет, а ты захочешь, у вас будут уже неприятности, и ничего не выйдет. Ну, собственно, так потом и было.

В 42-м году я был отобран для работ. Группу нашу из 25 человек привезли в такое местечко под Варшавой - Сулееве, где находилась одна из главных школ “Абвера”.

Корр.: А вы не знали вначале, что едете в “Абвер”?

Стефановский: Вперед не знали, но я школу эту закончил за три месяца, и нас, троих человек, перебросили в Таллин, а потом, в конце концов, нас 22-го мая 43-го года перебросили на побережье к Белому морю, на советское побережье. Кстати, там недалеко была пограничная застава. Вот и мы уже видим, что нам только надо связаться с погранзаставой и попасть в Архангельск, в штаб округа. В штабе округа, конечно же, уже решат, что и как делать.

И когда приехал полковник, начальник погранотряда всего, мы ему доложили, кто мы такие. Он отложил свою поездку по проверке, вызвал еще один катер, на котором привезли нас в Архангельск. Поместили первоначально во внутреннюю тюрьму КГБ, чтобы нас никто не видел, передали в контрразведку. Из контрразведки начали проверять наши данные, проверять наши биографии. Ну, такое вели следствие. Старший лейтенант Рюмин следствие вел.

Когда мы начали работать, к нам туда прилетел Абакумов, чтобы выяснить, что за задание, какая группа “Абвера”. И когда составили первую радиограмму, сказали, что вот надо передать. Я отказался, потому что она была составлена неграмотно с точки зрения разведки или тех навыков, которые нами были получены. Передавать нельзя, потому что сразу поймут, что мы работаем не от себя. Доложили это Абакумову. Он говорит: “Правильно, надо дать им только факты, какие надо передать”. И таким образом началась у нас работа, которая длилась примерно месяцев шесть – восемь; связь шла нормально.

Потом нас освободили, направили служить опять в наши войска. В 45 году демобилизовался, приехал в Москву.

В 49 году я в метро случайно встретил Рюмина, того самого лейтенанта, который был там. Он уже был полковником, потому что понравился Абакумову, и Абакумов его забрал в

Москву. И вот подсел я к Рюмину, он говорит: “Я тебя что-то не помню”. А я говорю: “Помните, в Архангельске Вы еще меня звали Павлухой?” “А, да, да, помню. Ну что ты в Москве? А где работаешь?” Говорю, что работаю в Министерстве совхозов. “А, ну ладно, - говорит. - Мне сейчас сходить на Маяковке. Ну будь здоров”. И он ушел.

А через два месяца, третьего декабря 49-го года, меня взяли. Предъявили опять, собственно, то же самое обвинение - ст. 58-1Б. И сказал следователь, что ты вот работал после этого хорошо и там и там, но все это нарочно, потому что ты входил в доверие здесь у нас, и конечно, будешь опять работать на немцев. Ну, здесь спорить было трудно с ним, предъявили мне 25 лет. И я в скором времени поехал этапом в Экибастузголь.

В 55-ом году меня освободили. А в 92-ом году уже Главная военная прокуратура хорошо рассмотрела все мое дело, и на основании ее решения меня уже совсем реабилитировали.

Корр.: А как начало войны и победное ее завершение отразилось на системе ГУЛАГа, громадной сети лагерей, опутавшей всю страну?

Об этом рассказывает научный сотрудник НИПЦ общества “Мемориал”, один из авторов справочника о системе исправительно-трудовых лагерей СССР **Сергей Сигачев**.

Сигачев: Что принесло начало войны лагерной системе? Во-первых, были закрыты лагеря на территории, прилегающей или недалеко находящейся от фронтовой зоны. Были, кстати, случаи и освобождения, заключенных. Но в большинстве-то случаев их этапировали вглубь страны. А дальше что принесла война? Огромная смертность зимой 41-42 и зимой 42-43 года. Это было вызвано такими причинами: во-первых, уменьшили паек, к тому же была огромная организационная неразбериха. И смертность доходила до 15 процентов в месяц по некоторым лагерям. В общем, эти зимние месяцы были просто страшные. Лагерей, в которых умирало свыше пяти процентов, было около половины. Но им было невыгодно показывать реальную смертность. К примеру, доходяг могли просто освободить.

Корр.: А не все ли равно им было: держать людей или выкидывать. Ну, пусть бы умирали в лагерях.

Сигачев: Их за это по головке тоже не гладили. Это же рабочая сила. Чтобы помирала рабочая сила - неправильно. Лагеря должны план выполнять, кроме всего прочего. А так освободили по инвалидности, ну что тут сделаешь.

Теперь о том, что принесла победа. Во-первых, была послевоенная амнистия, под которую попали заключенные по бытовым статьям. Даже дезертиры, находившиеся в заключении, попали под эту амнистию. Было освобождено несколько сот тысяч человек. Но под эту амнистию абсолютно не попали люди, осужденные по политическим мотивам. С окончанием войны в СССР появилось огромное количество военнопленных, их использовали на тех же работах, на которых до этого использовали заключенных. Надо отметить, в 45-46 году население ГУЛАГа увеличилось не сильно, поскольку рабочих рук хватало за счет военнопленных.

Чем же еще было характерно окончание войны? Это, конечно, массовое возвращение на родину пленных и угнанных во время войны на работу в Германию. Все они проходили фильтрацию, многие из них попали после этого, естественно, в лагеря, обвиненные в государственной измене. Не все, конечно, но очень многие. Было специальное постановление Государственного комитета обороны в конце 45-го или начале 46 года (я

сейчас точно не помню), по которому людей, обвиненных в сотрудничестве с власовской, российской освободительной армией, отправляли не в лагерь, а в ссылку с обязательным привлечением к труду на шесть лет, то есть, грубо говоря, под надзор. К этому времени государственный карательный аппарат настолько уже насытился заключенными, что даже многих из них тоже отправляли не в лагерь, а в ссылку.

Корр.: Переполненные лагеря что ли были?

Сигачев: Конечно, переполненные, ведь было около трех миллионов пленных. По-видимому, у государства просто не хватало сил на охрану.

Корр.: Какое количество людей, служивших и воевавших в армии, потом попали в лагеря эти?

Сигачев: Именно, по политическим мотивам?

Корр.: Ну да, это же можно считать по политическим мотивам, раз их обвинили в измене родине, поскольку они попали в плен?

Сигачев: Военнопленные - это статья 58-1^б. Конечно, это политическая статья. Такой статистикой, насколько я знаю, никто специально не занимался, но это в любом случае, десятки тысяч или первые сотни тысяч.

Корр.: А количество лагерей после войны возросло?

Сигачев: Да, стало потихоньку расти. Хотя с 47 года стали массово отпускать военнопленных, тех, кто воевал против СССР, но, очевидно, чтобы компенсировать их убытие, начиная с 47-48 года, резко увеличилось количество заключенных. Если к концу войны их было где-то около полутора миллионов, то к 50 году их стало больше двух с половиной миллионов. А если считать с теми, кто был в тюрьмах, кто был в пути, то, в общем, в 50 году это число подходило уже к трем миллионам. Поэтому, естественно, начало резко расти и количество лагерей для заключенных.

Ведущая: Прошло уже более полувека. Сейчас большинство этих лагерей ГУЛАГа, которые рассеяны по всей стране, - опустели и наполовину разрушились. Но они все так же продолжают свидетельствовать о тех страшных временах.

Наша передача подошла к концу. Мы, режиссер Алла Антокольская и ведущая программы Татьяна Касаткина, поздравляем всех с нашим общим праздником. Мы благодарим всех участников войны. Ведь без этой победы сегодня не было бы России.

Продолжение дискуссии о событиях в Югославии

(Эфир “Радио России” 25.04.99 г.)

У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Сейчас я произнесу слова, которые, как все мы надеялись, никому и никогда произносить не придется.

В Европе снова идет война...

По Югославии наносят удары с воздуха. Разрушено множество военных и гражданских объектов. Гибнут не только военные, но и мирные жители. Из Косово уходят громадные потоки беженцев, у которых разрушены дома, уничтожено имущество; многие потеряли близких.

Под сомнение поставлены основополагающие нормы международного права.

Кто в этом виноват? Чье действие или бездействие привело к этой трагедии?

Обсуждению этих вопросов была посвящена дискуссия, организованная обществом “Мемориал”. В ней приняли участие:

- **Олег Николаевич Хлестов** — профессор, чрезвычайный и полномочный посол, вице-президент Российской Ассоциации Международного права;
- **Сергей Адамович Ковалев** — известный правозащитник, депутат Государственной Думы, председатель Российского общества “Мемориал”;
- **Олег Петрович Орлов** — председатель Совета Правозащитного Центра “Мемориал”;
- **Николай Максимович Безбородов** — генерал-майор авиации, депутат Государственной Думы, член фракции “Народовластие”, зам. Председателя Комитета по обороне;
- **Николай Евгеньевич Храмов** — секретарь общественной организации “Антимилитаристская радикальная ассоциация”, координатор по России Транснациональной партии.

Корр: Пожалуйста, Николай Евгеньевич, с Вас мы сегодня начинаем.

Храмов: Из Косово уходят громадные потоки беженцев. Да, это действительно так. Но ведь они оттуда начали уходить до нанесения ударов. Они уходят оттуда не потому, что НАТО наносит удары по сербским военным объектам, а они уходят оттуда потому, что Милошевич делает с албанцами то же самое, что Гитлер делал с евреями во время Второй мировой войны.

Когда мы говорим, что под сомнение поставлены основополагающие нормы современного международного права, мы должны понимать, что мы при этом имеем в виду. Кто поставил под сомнение основополагающие нормы международного права? Тот ли, кто начал геноцид против народов своей страны, или те, кто, формально нарушив некоторые нормы международного права, тем не менее де-факто сделал наконец то, что должно было быть сделано еще восемь лет назад, чтобы остановить в Югославии кошмар? Да, конечно,

было бы очень хорошо, если бы Совет безопасности ООН санкционировал военную акцию, но мы же с вами не должны забывать, кто обладает правом вето в Совете безопасности. А в Совете безопасности правом вето в том числе обладают и две страны, которые делают все для того, чтобы новые принципы не утвердились, - Россия и Китай.

Кто виноват в случившейся трагедии? Я отвечаю, что виноват в этом национал-коммунистический режим Милошевича, который в течение восьми лет проводит политику этнических чисток, войны, разрушений, убийств, геноцида. Виновата в этом Россия, которая в силу тех или иных соображений своего правящего класса, находящегося у власти последние годы, фактически является пособником режима Милошевича, его защитником, его адвокатом и его представителем в Организации Объединенных Наций. И в третью, не в последнюю очередь, виноват западный мир, виноваты западные правительства, которые в течение 8 лет молчаливо взирали на то, что Милошевич творит в Югославии. Если бы 8 лет назад ему был бы дан адекватный ответ, то международному сообществу не пришлось бы учреждать Гаагский трибунал по преступлениям против человечности.

Корр.: А теперь у нашего микрофона Николай Максимович Безбородов.

Безбородов: Я бы не стал сегодня в один тугой узел связывать все проблемы, которые сегодня накопились на Балканах, в Югославии. Итак, вопрос — кто виноват? Да, есть внутренний вопрос на Балканах, в Югославии. Но его можно разрешить, только сев за стол переговоров. И нужно, в конце концов, посмотреть: кто, сколько и в чем виноват в этих национальных отношениях. Необходимо продумать: что можно и нужно сделать для того, чтобы коренные жители Косово жили на своем месте и не превращались в беженцев.

А если смотреть, кто виноват в том, что сегодня происходит агрессия, война на Балканах, то, однозначно, виновны руководство НАТО и Соединенные Штаты Америки, прежде всего. Для Соединенных Штатов Америки нужен был повод. Была бы причина, повод всегда найдется, он может даже искусственным путем подогреваться и разжигаться.

Почему я могу это утверждать? Потому что с 1994 года в Югославию у меня было 11 поездок, из них — в Косово, начиная с 1996 года, уже 5 поездок. Мы там видели проблему тех ненормальных отношений в попытках разрешения национального вопроса. Работая там, мы, конечно, обращали на это внимание руководства Югославии. Мы видели, как в 1997-1998 году Соединенные Штаты Америки и Запад бросали миллионы долларов на создание на территории Албании центра подготовки террористов, чтобы готовить их, вооружать и забрасывать на территорию Косово с тем, чтобы начинать действия, в том числе и боевые действия с сербами. И больше того, устраивать провокации.

И когда сегодня говорят, “кто виноват?”, я бы хотел сказать — “в чем?”. В том, что идет агрессия? Да, агрессия! И только с одной целью — Соединенным Штатам Америки закрепиться в Европе, закрепиться на Балканах, больше того, растащить на мелкие клочки централизованное государство Югославию, и в принципе, ликвидировать его, как таковое. Не должно быть сильного государства в Европе, тем более сторонника и в чем-то проявляющего симпатии к России.

Когда сегодня говорят: “...а вы посмотрите, геноцид, а вы посмотрите, беженцы”, — я бы не стал просто так руководствоваться только одним этим тезисом и говорить — геноцид. А подтвердите! Я тоже могу подтвердить цифрами геноцид. Только в 1999 году со стороны ОАК, так называемой Освободительной армии Косово, проведено 140

террористических актов. Погибло 47 человек, из них 36 албанцев. Все это совершалось только для того, чтобы вызвать огонь на Сербию, на Косово, на Милошевича. Поэтому нельзя просто так словом “геноцид” не аккуратно обращаться.

Или посмотрим беженцев. Да, беженцы сегодня есть. Но давайте посмотрим динамику беженцев. За прошедшие полтора года беженцев было в три с половиной раза меньше, чем за три недели 1999 года, когда начались бомбардировки. Бегут все: и албанцы, и сербы, и венгры, и цыгане. От бомб бегут все.

Корр.: Сергей Адамович Ковалев. Вам слово.

Ковалев: Бомбардировки, предпринятые НАТО, не защитили албанское население Косово, а поставили его в еще более уязвимое положение. Бегут-то, правда, не от бомб, а от полиции и войск Милошевича. Но полиция и войска Милошевича воспользовались войной для того, чтобы усилить нажим вытеснения, и поэтому НАТО пока добивается результатов, противоположных поставленным целям. Если уж говорить о том, кто виноват, ответ один — все виноваты. Виноват ли Запад? Может быть, не меньше других сторон, но по более глубоким причинам. Прагматичный, осторожный, путающий святое понятие “компромисс” с уступчивостью, неторопливостью, безразличием, Запад в общем избегает решительных шагов, пока не грянет последний гром. Решительных шагов, состоящих не в бомбежке, а в постоянных усилиях, направленных на установление в мире правового порядка. То, что называется международным правом, никаким правом не является. Нет правового порядка, который позволял бы избегать такого рода кровопролитных стычек.

Корр.: У микрофона Олег Петрович Орлов.

Орлов: Мне придется согласиться со всеми предыдущими выступающими в той или иной степени. Действительно, режим Милошевича преступен. Нет и не может быть никаких оправданий тем массовым преступлениям против гражданского населения, которые творятся в Косово. Идет насильственное выселение сотен тысяч людей, убийство мирных жителей, уничтожение имущества, именно, с целью этнической чистки Косово от албанцев. Виновен в этом режим Милошевича. Однако, действительно, если вспомнить, когда же эти преступления приобрели чудовищный, наиболее массовый характер? Это очевидно: с начала бомбардировок НАТО. Именно эти бомбардировки и развязали уже полностью руки преступникам.

А ведь операция НАТО начиналась под лозунгом защиты мирного населения. Но именно мирное население и оказалось беззащитным. Я думаю, что европейские политики, подчеркиваю — европейские политики, поддерживая начало операции НАТО в Югославии, исходили в большинстве своем из вполне благих пожеланий и целей, действительно прекратить массовое насилие, обеспечить права людей Косово. Но благими пожеланиями дорога в ад вымощена. Эти политики ожидали маленькой, быстрой, победоносной войны. А получили совсем другое. В результате того, что они не пожелали серьезно оценить ситуацию, они абсолютно не продумали, а как же защитить мирное население, если режим Милошевича не сдастся сразу после первых бомбовых ударов. Они не пожелали продумать, а какие потери среди мирного населения следует ожидать, если бомбовые удары будут продолжаться хоть сколько-нибудь длительный период.

В результате режим Милошевича лишь только укрепляется, авторитет в Сербии самых крайних националистов возрастает, количество гражданского населения, гибнущего под бомбами НАТО, возрастает. Последствия бомбардировок очень похожи на последствия от

ввода федеральных войск в Чечню. Похоже, что натовские политики наступают на те же самые “грабли”, на которые наступили тогда российские политики. Но только тут есть еще один аспект этой проблемы, ведущий к очень тяжелым последствиям. Действия НАТО абсолютно противоречат международным нормам. Под угрозу поставлен весь мировой порядок, сложившийся после Второй Мировой войны.

Корр.: А теперь Олег Николаевич Хлестов. Пожалуйста!

Хлестов: Есть нормы международного права. Эти нормы создавались веками. И вот после второй мировой войны было достигнуто величайшее достижение, записанное в уставе ООН, что использовать войну как средство осуществления внешней политики запрещено. Так вот давайте посмотрим с позиции Устава ООН и даже Атлантического пакта, и всех других международных документов.

То, что делает НАТО, ведя войну против Югославии, — это преступление. Кто начал военные действия? Страны НАТО применили и нанесли вооруженный удар. Кстати, понятие агрессии во внутригосударственных отношениях не существует. Есть внутренние вооруженные конфликты. Агрессором по тем документам, которые, кстати, приняли все западноевропейские страны, считается только тот, кто начнет военные действия против территории другого государства и его военных сил и первым нанесет военный удар. То есть то, что и предприняли страны НАТО.

Кроме того, поддержка боевиков Армии Освобождения Косово — это нарушение дополнительных протоколов 1977 года к Женевским конвенциям. Там прямо говорится, что в случае внутреннего вооруженного конфликта другие государства не должны вмешиваться. Таким образом, Устав ООН и другие международные документы не просто нарушены, но перечеркнуты. Кто такие Великобритания и США? Это постоянные члены Совета безопасности ООН, на которых лежит главная ответственность за поддержание мира. Что делают они? Перечеркивают все это и начинают военные действия против независимого государства – члена ООН.

Теперь о правах человека. Гуманитарный аспект — это дымовая завеса, которой прикрывают истинные действия. Вот передо мной доклад, представленный канадским комитетом, который называется “Остановить участие Канады в войне в Югославии”. Вот они пишут: “Идет развал всей экономики Югославии. За три недели уничтожены инфраструктура, мосты, все-все прочее. Это идет разгром страны во имя прав человека”. Дает ли право неправильное поведение руководителя страны, с точки зрения Соединенных Штатов Америки, бомбить эту страну, начинать против нее военные действия? Международное право запрещает это делать. И Соединенные Штаты Америки, подорвав это международное право, совершают страшные вещи.

В XX веке запретили войну юридически, и теперь надо возврата к прежнему не допускать. США подрывают и поворачивают назад все развитие человечества. А что это значит? Значит, теперь надо будет вновь всем вооружаться вместо того, чтобы опираться хоть на нормы международного права. Тем же, у кого нет атомного оружия, значит, надо его заводить срочно, и около 20 стран могут это сделать. У кого нет денег на ядерное оружие, надо химическое и бактериологическое создавать, и так далее, и так далее. Вот что это значит. Поэтому положение действительно ужасно.

Корр.: Сергей Адамович, Вы хотите высказаться по этому вопросу?

Ковалев: Да, разумеется, весьма трудно приветствовать бомбовые удары, потому что бомбы — это взрывы, взрывы — это осколки, а осколки, естественно, в кого-то попадают. И я абсолютно согласен, что разрушение, скажем, нефтескладов или нефтеперерабатывающих заводов тоже вовсе не благо для тех, кто живет на подвергшейся этим бомбардировкам территории.

Да, конечно, западные государства вышли за границы действующего международного права. Хотя я продолжаю утверждать, что международное право в строгом правовом смысле просто не существует. Это не правовая система, если нарушитель записанных на бумаге деклараций не может понести ответственность. Любителей апеллировать к праву я очень хочу попросить вспомнить названия двух немецких городов: Мюнхен и Нюрнберг.

Нюрнбергский процесс. Если говорить с точки зрения фундаментальных принципов права, Нюрнбергский процесс — вопиющий пример нарушения всех основополагающих принципов права. Во-первых, это суд победителей над побежденными. Во-вторых, это суд, где обратная сила закона была поставлена как руководящий принцип. Для этого суда прямо и специально были написаны законы, которых и в помине не было тогда, когда совершались действия, осужденные этими законами. И не слабо осужденные. Как мы знаем, кое-кто повис на виселице. Вот вам и разговор о праве. А между прочим, найдите сейчас современного юриста, который сказал бы: Нюрнберг — это ошибка человечества, Нюрнберга не должно было быть. Такого не найдешь, и это справедливо, потому что трагедия второй мировой войны требовала Нюрнберга.

Вот вам другой немецкий городок — Мюнхен. Все мы знаем, с чем это географическое название связано. Если бы в Мюнхене не состоялись соответствующие соглашения (а они потом распространились и далее), имел ли бы Гитлер возможность уничтожить чисто на этнической основе 6 миллионов евреев, я уж не говорю о всех других жертвах второй мировой войны, которые насчитывают далеко не 6 миллионов, а значительно больше.

Корр.: Вы имеете в виду Мюнхенские соглашения, по которым перед второй мировой войной западные страны, пытаясь умиротворить Гитлера, по сути отдали ему Чехословакию?

Ковалев: Да, если бы Гитлер подвергся жестким санкциям, а может быть, и ударам, вместо попытки умиротворения со стороны тогдашнего мирового сообщества, то что бы было: больше или меньше жертв? Беда современного мира состоит в том, что мировая система так устроена, что само ее устройство толкает на этот трагический выбор. Надо считать, сколько будет жертв, больше или меньше, если отойти от действующих обычаев сейчас или придется отойти более круто потом. Я думаю, что задача 21 века - привести систему взаимоотношений в мировом сообществе к тому, чтобы такого рода выбор безнадежный не стоял бы перед нами. Мы давно стали единым человечеством, не хотим стать, не провозгласили свою цель стать единым человечеством, но давно уже стали. А позволяем себе жить по разным правилам.

Прозвучали слова о внутренних проблемах в бывшей Югославии. По тем самым нормам международного права нарушение прав личности не является только внутренней проблемой одного государства. С этим давно мировое сообщество на словах согласилось, но не имеет воли и мужества заниматься этими проблемами всерьез. Вот это и есть страшная причина трагедии.

Корр.: Нашу дискуссию продолжает Николай Евгеньевич Храмов.

Храмов: Мне очень нравится, на самом деле, что у нас дискуссия. Я услышал много радующих мое сердце и привычных мне с детства слов, ну например, что права человека являются прикрытием для агрессивных, империалистических устремлений Соединенных Штатов. Кроме того, мне очевидно, что мы, как истинные советские люди, (мы ведь выросли в СССР) считаем, что самое главное на свете — это лишь бы не было войны, лишь бы не падали бомбы. И самым страшным преступником в наших глазах выглядит генерал Александр Хейг, который сказал в свое время, что есть вещи поважнее, чем мир. Сергей Адамович, на самом деле “творцы” Мюнхена это Чемберлен, Дэладье, ведь это они считали, что лишь бы не было войны и что нет вещей важнее мира. И мы прекрасно знаем, что из этого получилось.

Мы, наверно, должны задаваться вопросом: а вот считаем ли мы в таком случае агрессией нападение Советского Союза на Японию в конце II Мировой войны, неспровоцированное, без объявления войны нападение на суверенное государство?

Если мы говорим, что любые падающие бомбы — это плохо, мы, конечно, должны именно так понимать. Значит, мы должны считать, что Дрезден — это преступление против человечества? Кстати, еще один немецкий город.

Ковалев: Совершенно зря его разбомбили!

Храмов: Зря или не зря, но мы должны помнить, что шла война против фашизма, и при этом в Дрездене погибло в два раза больше людей, чем в Хиросиме; только погибли не за три минуты, а за 24 часа.

Теперь я снова вернусь к вопросу “кто виноват?”. Может быть, меня будут упрекать в том, что секретарю Антимилитаристской радикальной ассоциации нельзя говорить такие странные вещи, но я скажу то, в чем я глубоко убежден. В том, что происходит сейчас в бывшей Югославии, есть огромная доля вины европейских пацифистов. Точно так же, как в развязывании II Второй мировой войны, наряду с коммунистами и нацистами, огромную долю ответственности несут европейские пацифисты, те самые люди, которые в 38-39 годах, считали, что надо умиротворять Гитлера. Это они тогда говорили, что не хотят умирать за Данцинг. Мы знаем, что очень скоро им пришлось умирать за Дьюнкерк, за Калле, за Лондон... И мы не можем списывать ответственность этих людей, которые формировали общественное мнение в Европе перед войной точно так же, как сейчас в 90 годах они формируют общественное мнение западных стран.

Корр.: Олег Петрович, продолжайте, пожалуйста.

Орлов: Мир плох, значит, его надо менять. И Милошевич, безусловно, должен сидеть, в конце концов, на скамье подсудимых. Другой вопрос: как начинает действовать НАТО. Образ действий НАТО мне не нравится. Бездумно ломать порядок, не выдвигая нечто альтернативное существующему порядку. Вот это страшно. Мы, действительно, сейчас можем скатиться к тому, от чего мы ушли — к некоторому аналогу “холодной” войны. В случае разрушения мирового существующего порядка можно предполагать два варианта развития событий. Либо для поддержания стабильности НАТО будет брать на себя жандармские функции по всему миру. И насколько я понимаю, Николаю Храмову это, в общем, нравится.

Храмов: —.. я хотел бы надеяться...

Орлов: На мой взгляд, это было бы страшно и ужасно. Это путь в никуда, к постоянной конфронтации. Потому что вполне очевидно, что для большинства стран это абсолютно неприемлемо. Либо, скорее всего, будет совсем другое. Фактически НАТО уже берет на себя жандармские функции в Европе. В других регионах возьмут другие силы, возьмут другие местные сверхдержавы, будут возникать местные блоки. То есть мир снова делится по сферам интересов, по блоковому принципу. Это путь к бесконечной гонке вооружений, путь, опять же, в никуда.

Поэтому, конечно, Милошевича надо было наказывать. Бесспорно, надо менять, на мой взгляд, те нормы международного права, которые не позволяют вмешиваться во внутренние конфликты. Но образ действий НАТО, безусловно, ведет к очень тяжелым последствиям.

Корр.: Профессор Хлестов, Ваше мнение.

Хлестов: НАТО становится хозяином во всем мире. Куда это может привести? Вот, например, турки, в свою очередь, уже называют Черноморские проливы Турецкими проливами, а не Черноморскими. Они уже лимитируют проход судов.

Вот ведь куда все это ведет. Это страшная вещь. Опять кулачное право, как было в XIX веке. Кто сильнее, тот и скажет.

А современное международное право ограничивает все-таки экстремистов, устанавливает какой-то порядок. Так ведь считали его создатели, включая и США и СССР.

Корр.: Итак, мировое сообщество оказалось в кризисной ситуации. Возможен ли из этого кризиса выход? Этому будет посвящена тема следующей передачи. Приглашаем Вас принять участие в нашей дискуссии.

Всего Вам доброго! До новых встреч!

События в Югославии;
Проблемы беженцев и российские суды

(Эфир «Радио России» 18.04.99 г.)

У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Сообщения с Балкан не оставляют сомнений. Этнические чистки, практиковавшиеся сербской армией и полицией в ходе борьбы с албанскими сепаратистами, с началом бомбовых ударов НАТО по Югославии переросли в широкомасштабные преступления против человечности. Таких преступлений Европа не знала со времен Второй мировой войны.

Вина нынешнего белградского режима в этих преступлениях очевидна и признана всем миром, кроме ряда российских политиков.

Но как оценить действия лидеров Запада, публично провозгласивших своей целью предотвращение гуманитарной катастрофы на Балканах, а фактически спровоцировавших еще большую катастрофу?

До начала бомбардировок кто-то из натовских политиков всерьез полагал, что воздушные налеты на Югославию могут остановить уничтожение албанского населения Косово сербскими формированиями. Теперь очевидно всем: данное суждение не только профессионально некомпетентно, но и вопиюще безответственно. Тогда речь шла о том, чтобы «наказать Милошевича за неуступчивость», но наказанными, в первую очередь, оказались сотни тысяч косовских албанцев. Позиции же Милошевича внутри страны, по всей видимости, укрепились.

Североатлантический альянс попал в ту же самую ловушку, в которую 4 года назад угодило российское руководство, попытавшись силой устранить режим генерала Дудаева в Чечне. Но позорная чеченская война дискредитировала лишь молодую российскую демократию. Новая война на Балканах грозит подорвать авторитет демократии, как таковой. Бессилие международного сообщества мирными средствами заставить правительство Югославии соблюдать нормы гуманитарного права в Косово стало свидетельством того, что сложившаяся система международных отношений крайне несовершенна. Но и военная акция, серьезно подорвавшая эту систему, оказалась столь же бессильной.

Таким образом, нормы Международного права оказались неэффективными?

Я беседую с **вице-президентом Российской ассоциации Международного права, чрезвычайным и полномочным послом, многие годы работавшим в МИДе СССР, профессором Олегом Хлестовым.**

Корр: МИД называет действия НАТО агрессивными, преступными действиями. Есть ли в рамках международного права возможность противодействия этому, используя дипломатические средства?

Хлестов: Международное право регулирует отношения между государствами. Оно устанавливает, упрощенно говоря, правила поведения государств. Как во внутренней жизни страны существуют нормы внутреннего права, которые определяют и регулируют отношения, так международное право действует и определяет правила поведения

государств. Но между внутренним и между-народным правом существуют значительные различия. Например, внутри страны есть законы, которые издает государство, парламент. Есть правоохранительные органы: милиция, судебные учреждения, которые наказывают нарушителей. Потому что право всегда предусматривает какие-то формы борьбы с нарушителями. В международном праве несколько иное положение. Там нет единого какого-то парламента, нет единого правительства. Нормы международного права создаются самими государствами путем заключения конвенций и целым рядом других способов. Эти все нормы должны соблюдаться.

Меры, направленные на их обеспечение, различны. С одной стороны, существуют меры политические, экономические, которые может применять каждое государство в случае, если нарушены его права. Есть разные формы. Наряду с этим есть коллективные меры, которые предусматривают возможность действия против нарушителей. Но структура международного права такова, что созданные органы работают только в том случае, если в них находятся государства, готовые реально выполнять свои международные обязательства.

Главный орган, который создан для рассмотрения таких вопросов, это Совет безопасности ООН. Ведь дело в том, что международное право развивалось на протяжении 20 века. Когда-то война была законным средством разрешения споров и проведения внешней политики, но с принятием устава ООН война, как такое средство, была запрещена. Единственный случай, когда государство может использовать вооруженную силу - для самообороны, когда на него напали. И все.

Если же кто-то совершил акт агрессии или нарушил мир, то это уже входит в компетенцию Совета безопасности. Он и создан для этого. Он состоит из 15 членов-государств. В нем есть так называемые постоянные члены. Это - США, Великобритания, Франция, Китай, СССР раньше входил, теперь Россия. Ведь ООН создавалась в условиях после 2-й мировой войны, когда по сути дела три главные державы-победительницы: СССР, США и Великобритания - создали этот механизм для поддержания мира, учитывая все ужасы 2-й мировой войны. Для постоянных членов Совета безопасности было введено право вето. То есть, если один из постоянных членов голосует против предложенной резолюции, ее нет. Таким образом, победители гитлеровской Германии старались найти какое-то соотношение сил, чтобы между ними не возникло вооруженного конфликта, и чтобы большинство не могло принять меры против другого государства. А кроме того, если Совет безопасности не может принять решение без согласия этой пятерки, то это подталкивает их искать разумные решения. Но в то же время Устав ООН возложил на эту пятерку ответственность за поддержание мира, что прямо подчеркнуто в уставе. Таким образом, в подобных случаях Совет безопасности должен принять меры, в том числе, с использованием вооруженных сил против агрессора, чтобы остановить его.

Корр: Мне непонятно: США входят в эту пятерку государств, которая может наложить право вето. Теперь Устав ООН нарушает один из этих участников. Против него могут быть применены какие-нибудь санкции или нет?

Хлестов: В Совете безопасности принятие решения против США или любого постоянного члена Совета невозможно.

Корр: Почему?

Хлестов: Потому что, как только будет представлен проект резолюции, с которым США не согласны, оно голосует против, - и нет решения. Так устроена ООН. В Совете

безопасности ведь было уже голосование одного проекта резолюции, который представила Россия. За него проголосовали Россия, Китай и еще одна африканская страна. И все. Но главное, что против выступили постоянные члены Совета безопасности: США, естественно, Великобритания и Франция. То есть они не хотели осудить сами себя.

Корр: Ведь каждый может тогда делать то, что он захочет, и никакие санкции на них наложены не будут. Тогда зачем нужен Совет безопасности?

Хлестов: Это важный орган, потому что ...

Корр: Но ведь не работает.

Хлестов: Он не работает в тех случаях, когда противостоят друг другу постоянные члены Совета безопасности. Но Совет безопасности принял больше тысячи самых различных резолюций, в которых совместные решения, найденные пятеркой, позволяли урегулировать внутренние и даже международные вооруженные конфликты. Я вам назвал агрессию Ирака против Кувейта. Ведь тогда приняли же решение, санкции. А 40 уже проведенных ООН миротворческих операций! Ведь складывалось это после 2-й мировой войны.

Постоянные члены Совета безопасности - это, действительно, самые мощные державы, которые обладают реальной силой для того, чтобы поддерживать порядок, потому что для поддержания порядка, соблюдения тех норм международного права подчас нужно применять вооруженные силы или еще какую-то силу: эмбарго экономическое, давление. Но военную силу можно применять только по решению Совета безопасности. И вы правильно говорите. Против Китая, например, не применишь. Совет безопасности никогда не примет подобного решения из-за права вето. И это реальное соотношение сил на Земном шаре, потому что и на сегодняшний даже день все-таки наиболее мощными державами, которые обладают реальной вооруженной силой для поддержания этого порядка и соблюдения норм международного права, остаются эти державы. Но надо, чтобы они только действовали, соблюдая свои международные обязательства.

Корр: Существует ли какой-то механизм, вышестоящая организация? Вот Генеральная ассамблея ООН может ли воздействовать на Совет безопасности?

Хлестов: Принимать решения о направлении войска, или еще что-то подобное, имеет право только Совет безопасности.

Корр: А Генеральная ассамблея?

Хлестов: Генеральная ассамблея ООН имеет право обсуждать возникший вопрос такого порядка, выносить рекомендации Совету безопасности, с которыми он может согласиться или не согласиться. Причем, только в тот момент, когда Совет безопасности не рассматривает это дело. Поэтому практически Генеральная ассамблея не имеет права принимать решение о том, чтобы прекращать военные действия или не прекращать,. Она может только в политическом плане обсуждать этот вопрос и высказывать пожелания, рекомендации. Это только политическая форма давления.

Корр: России сейчас обращаться к Генеральной ассамблее бессмысленно?

Хлестов: Может быть, и есть какой-то смысл, чисто политический, в плане такой дискуссии привлечь внимание, но рассчитывать, что будет принята резолюция в

поддержку, - очень сомнительно. Американская дипломатия, а там сидят люди достаточно квалифицированные, будет вставлять в эти резолюции все, что они проводят вот сейчас, убеждая страны НАТО и западное общественное мнение.

Корр: В СМИ появились такие сообщения о том, что хорошо было бы подать в Гаагский суд, что вроде бы Россия собирается подавать в Гаагский суд. А возможно в этом конфликте обращаться в Гаагский суд?

Хлестов: У нас можно слышать заявления наших некоторых и политических, и государственных деятелей, и членов Думы о том, что надо обратиться в Международный суд ООН в Гаагу. Но все такие заявления свидетельствуют о том, что эти люди недостаточно знают этот вопрос, потому что обращаться в Международный суд ООН, находящийся в Гааге, можно только при определенных условиях. Дело в том, что данный суд действует как составная часть Устава ООН, там о нем сказано. И в Статуте, так называется документ об организации этого Международного суда, говорится, что он рассматривает споры только между государствами, - во-первых, а во-вторых, споры больше юридического характера, например: где проходит граница, - и есть несколько десятков таких случаев. Но вопросы агрессии, вопросы поддержания мира суд не рассматривает, это компетенция Совета безопасности.

Есть и другие суды, региональные суды, межамериканский, западноевропейский, но они больше рассматривают вопросы прав человека. Поэтому утверждение, что туда можно обращаться по этому вопросу, - неверно.

Корр: То есть, таким образом, круг замыкается? Все замыкается на Совете безопасности?

Хлестов: Да. Можно использовать какие-то органы, например, Комиссию по правам человека, где можно поднимать этот вопрос. То есть в рамках каких-то международных организаций применительно к сфере их деятельности можно это поднимать. Это даже и нужно поднимать.

Ведь есть только два пути борьбы с агрессором, сейчас с НАТО: или воевать против них - один путь, или использовать сумму политических, дипломатических средств, воздействие на общественное мнение, мобилизовать общественность и так далее.

Кто будет воевать против стран НАТО? Россия? Мы прекрасно понимаем, какова сейчас обстановка в России. Но главное, идти на войну с НАТО, это значит, в конце концов, идти на ядерную войну, после которой не останется ничего на Земле. Это реально.

Или второй путь - политическая, дипломатическая и какая угодно борьба и России, и всех, кто может выступить против, потому что по Международному праву преступление против одной страны, акт агрессии, это преступление против всего миропорядка, против Международного права. Это называется: «тягчайшее преступление против мира и безопасности». По Международному праву все государства имеют право и должны, с точки зрения разумного подхода, выступать против этого.

Корр: Продолжает тему известный правозащитник, депутат Госдумы Сергей Ковалев.

Ковалев: Я с сожалением вынужден согласиться с предшествующим экспертом. В самом деле, современные структуры международного сообщества принципиально не дают никакой возможности разрешить достаточно сложные конфликты правовым способом. Понятно почему.

Что такое Организация Объединенных Наций? Это чрезвычайно важный, полезный и остро необходимый, (я подчеркиваю это, потому что дальше пойдет сплошная критика) - остро необходимый международный инструмент, составленный только и исключительно из представителей государств. Они должны отстаивать узкие эгоистические интересы своих правительств и больше ничего. Вопросы права тут совершенно не при чем.

И тот самый Совет безопасности ООН, который правомочен принимать санкции по отношению к государству-нарушителю, он ведь устроен, между прочим, на принципе консенсуса. Там существует право вето для пяти постоянных членов Совета безопасности. Принцип же консенсуса не имеет никакого отношения к принципам права, он прямо противоположен; представьте себе судебный процесс, в котором судебное решение было бы принято на основании консенсуса сторон. Ну это же просто невозможно! Консенсус защиты и обвинения!? Если речь идет о правовом решении конфликта, то тогда обязательно должны соблюдаться принципы состязательного процесса, где есть стороны, отстаивающие разные позиции всеми допустимыми законом средствами, и есть независимый арбитр - судебная инстанция. Ничего подобного в международных структурах не существует и быть не может. Существуют международные трибуналы, международные суды. Они руководствуются принципами права, но юрисдикция этих судов возникает ведь при добровольном согласии конфликтующих государств на рассмотрение дела в этом суде.

Исключение составляет международный трибунал по Югославии, который должен был бы судить Милошевича, в первую очередь, а уж потом разбираться с НАТО.

Так обстоит дело в международных структурах, и это, по-моему, прямой вызов XXI столетию. Если эта ситуация в международных отношениях сохранится, мы будем иметь еще больше крови, чем принесло нам проклятое XX столетие. Она и сейчас льется по всему земному шару. Сербия не единственная точка на земле. Мы не так давно у себя имели полные ушатые крови. Мы живем как единое человечество в едином, тесном, взаимозависимом и очень переплетенном мире, а позволяем себе руководствоваться разными правилами игры, разными законами, разными обычаями. Это должно быть устранено.

Давно пора понять, что нет другого способа мирного разрешения конфликтов в мире, кроме установления общего правового порядка. Это значит, что мировой порядок должен апеллировать к неким эффективным и признаваемым наднациональным органам, а не к базару национальных интересов, которые представляет собой ООН. Данная организация должна уступить разрешение острых и принципиальных споров некоему правовому механизму. При этом ее роль такого органа, где выясняется соотношение межгосударственных интересов, не просто сохранится, а укрепитя, ибо никто не будет ждать от Организации объединенных наций тех решений, которые она в принципе физически не может принять.

Корр: А теперь от международных дел перейдем к внутренним. Если международное право, как мы видим, трещит по швам, то в России пока еще, опираясь на право, можно кое-чего добиться.

В последнее время общественным правозащитным организациям удается выигрывать в судах дела по актуальным проблемам беженцев и вынужденных переселенцев.

Говорит **сопредседатель комитета «Гражданского содействия», член Совета Правозащитного центра «Мемориал» Светлана Ганнушкина.**

Ганнушкина: 22 декабря 1998 года в Волгограде рассматривалось дело Ольги Николаевны Зебровой, которая предъявила иск к Министерству финансов. Поскольку Министерство финансов отвечает за все дела, связанные с обязательствами государства перед гражданином, иск состоял в том, что она просила выплатить ей компенсацию за погибшего в Чечне сына. Эта компенсация определена указом № 898 от 5 сентября 95 года президентом Российской Федерации.

Корр: А у нее сын служил в войсках?

Ганнушкина: Нет, ее сын погиб во время бомбежки Грозного.

Корр: То есть он и не на той, и не на другой стороне?

Ганнушкина: Он был просто мирным жителем. Она потеряла кормильца, потеряла своего сына и, в соответствии с указом президента, должна была получить компенсацию.

Указ предполагал, что через какое-то время появится правительственное постановление, определяющее механизм этих выплат. Постановление до сих пор не появилось, и поэтому автоматически получить эту компенсацию было невозможно.

Понятно, что для матери никакая компенсация не компенсирует жизнь ее сына. Тем не менее, наши юристы посчитали, что государство, в конце концов, должно отвечать за то, что оно делает. И суд признал, что не вина этой женщины в том, что нет этого постановления, и непосредственно взыскал с Министерства финансов сумму, определенную указом президента. 200 минимальных зарплат - это цена нашей с вами жизни.

Корр: Это мы столько стоим?

Ганнушкина: Да, вот столько мы с вами стоим, видимо. Но и этого не хотят платить.

У нас было второе интересное дело, которое рассматривалось в Москве. Это было обращение к Сбербанку человека, который имел вклады в филиале Сбербанка в Грозном. Сейчас по этим вкладам он денег получить не может. Он обратился в Гагаринский межмуниципальный суд Москвы, то есть в суд, к которому относится Сбербанк. Суд принял решение, что Сбербанк обязан ему определить, где должна состояться эта выплата, и обязан выплатить суммы, которые государство должно этому человеку. И это тоже очень важное решение, потому что неоднократно мы обращались в Сбербанк. Сбербанк нам отвечал все время, что идут некие переговоры с Чечней: будут ли там выплачиваться, поступают ли туда деньги. И если договориться не удастся, будут назначены филиалы Сбербанка в других местах. Там и будут делаться эти выплаты. Но опять то, что идет эта волокита, не может быть возложено на людей, которые не могут получить свои вклады. Раз Сбербанк отвечает за это, он должен и выплачивать. И суд решил, что он должен выплатить здесь, в Москве.

Корр: То есть теперь, значит, все те люди, которые потеряли свои сбережения в Грозном, если они были в Сбербанке, могут подать в суд? И решение суда будет в их пользу?

Ганнушкина: Да, во всяком случае, через суд такие вопросы могут решаться, хотя, мне кажется, что подчас мы излишне засоряем суды. Такие вещи должны были бы решаться в административном порядке. Но если это не действует, то вот суд может помочь.

Было еще одно интересное дело. Оно состояло в том, что люди, ставшие когда-то вынужденными переселенцами, получали в 1993 году (и до этого) ссуды на строительство. Как вы знаете, эти ссуды, беспроцентные, должны были в течение 10 лет погашаться. Но за это время произошла инфляция, и деньги были выплачены, но ничего, конечно, не было построено. (Причем это люди, которые имели право на льготное приобретение жилья). Так вот считалось, что они свою льготу уже использовали. Они получили ссуду беспроцентную, это льгота, они этой льготой воспользовались, и никакие другие льготы им уже не положены. Но жилья-то нет!

Это было в Россоши, в Воронежской области, где много переселенцев. У нас есть там адвокат Шипилов. Он помогал группе людей обратиться с иском в суд. И этот суд в Россоши признал, что люди не могут считаться воспользовавшимися своей льготой, поскольку воспользоваться льготой - это значит получить возможность приобрести в льготном порядке жилье. По независящим от них причинам, они такой возможности не приобрели, несмотря на то, что ссуду получили, и поэтому они могут воспользоваться другими способами льготного приобретения жилья, например, субсидией, которую дают местные органы власти.

Корр: Но вот есть решение суда, а исполнение решения суда?

Ганнушкина: С этим, конечно, всегда бывает достаточно сложно. Но, в общем, добиться этого можно. Нужно просто не оставлять дело без дальнейшего попечения. Нужно обращаться к судебному исполнителю, и в конце концов можно добиться выполнения решения суда. Я знаю только единственную категорию дел, по которой пока это не удалось никому. Это по поводу банков, которые украли у нас деньги, и вернуть их не удается, несмотря на решение суда. А в остальных случаях пробить все-таки можно.

Корр: На сегодня все. Вы слушали передачу «Демократия, свобода, права человека».

Продолжение разговора об экстремизме

(Эфир «Радио России» 11.04.99 г.)

Здравствуйтесь! У микрофона Татьяна Касаткина.

В январе в одной из наших программ обсуждалась проблема экстремизма. Мы получили много откликов на нашу передачу.

«Очень своевременен и жизненно необходим Ваш разговор о борьбе с фашизмом и экстремизмом» — пишет нам Виктория Иосифовна Приворотская из города Саратова. Однако в письмах радиослушателей есть и другая оценка нашей передачи. И таких писем оказалось не так уж мало. Я приведу только два наиболее характерных письма.

Из города Барнаула пишет нам радиослушатель А. (Именно, так он себя назвал.) Это письмо я прочту полностью.

«Приветствую вас, русофобы!

Слушаю ваши передачи и зверею от ярости. Что же сделали вам патриоты — националисты и русский народ в целом? Почему вы ведете такую яростную борьбу с подъемом русского национального самосознания, с тем, чтобы русский человек мог почувствовать себя русским хозяином в своей стране?

Почему вы не говорите о том, что в день вымирает 4000 русских, что русская нация — самая быстро вымирающая на сегодня нация в мире?

Нам грозит реальная опасность полного вымирания, как это, скажем, произошло в Северной Америке с коренным народом — индейцами.

Демократические власти осуществили то, что не смогли Гитлер и Сталин с помощью бомб и концентрационных лагерей — создали такие условия жизни, при которых все это применять не обязательно. По-вашему, черносотенец и националист Д. Менделеев, антисемит Ф.М. Достоевский, антисемит С. Есенин — фашисты?

Для большинства русских слово «демократия» означает смерть и моральное разложение. Помните поговорку о том, что русский долго запрягается, да быстро ездит? Помните высказывание о русском бунте? Я верю в неизбежность русской национальной революции. И я верю, что этот бунт не пощадит ни демократов, ни «кремлевских евреев», ни сионистские СМИ.

Мне 20 лет, но я не выбираю пепси. Я — скорее поколение, которое выбирает Гитлера. Своего, Русского Гитлера. Все больше моих сверстников вступает в РНЕ, в «черную сотню». И поэтому мы будем бить морду антифашистам, резать «хачиков», громить евреев и, вообще, бороться со всеми врагами русского народа. В 670-тысячном Барнауле цыгане посадили на иглу больше 10 тысяч человек. Только по официальным данным. Если у вас осталось хоть чуть-чуть разума и совести, подумайте над тем, что вы делаете. Всего вам наилучшего!»

Корр: Прокомментировать это письмо я попросила историка, руководителя программы «История диссидентского движения» в обществе «Мемориал» **Александра Даниэля**. Александр Юльевич, вот такие мысли вызвала наша передача, в которой Вы тоже принимали участие. Не могли бы Вы ответить на это письмо?

Даниэль: Понимаете, как ответить? Легче всего сказать: ах, вот какой мерзавец, фашист. Хочет резать тех, громить этих; о Гитлере мечтает. Но, на самом-то деле, давайте посмотрим. Это ведь 20-летний мальчик, не очень образованный, с полной «кашей» в голове. Посмотрите, на одной странице у него Гитлер и Сталин — злодеи, а тремя

фразами ниже он пишет, что принадлежит к поколению, которое выбирает Гитлера. И даже не видит противоречия в том, что он пишет. Правда, он добавляет: русского Гитлера. Он, небось, считает, что русский Гитлер будет лучше немецкого, или, может быть, считает, что он будет лучше немецкого для русских людей. Ну так он, бедный, не знает истории! Он не знает, что принес Гитлер Германии, например. Я говорю сейчас не только о войне, но и о том, что происходило до войны: о вырождении немецкого национального духа, о вырождении немецкой науки, немецкого искусства.

Мальчик искренне считает, что подъем национального самосознания — это когда русский человек, именно русский, чувствует себя хозяином в своей стране. То есть и немцу Фонвизину, и эфиопу Пушкину, и шотландцу Лермонтову, и евреям Пастернаку и Мандельштаму он в этом праве — чувствовать себя хозяевами в своей стране — отказывает. Он, очевидно, считает, что это не их страна. Чудный получается подъем национального самосознания, такой, при котором три четверти русской культуры придется выбросить на помойку. Правда, автор ссылается на Менделеева, Достоевского, Есенина. Но ведь для него Менделеев, в первую очередь, не великий ученый, а националист, Достоевский и Есенин — не великие писатели и поэты, а антисемиты. То есть именно как носители культуры они его не интересуют.

Он спрашивает нас: помните высказывание классика о русском бунте? Я —то помню, а вот ты, парень, помнишь ли? Пушкин писал: не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Но беспощадность, похоже, нашего корреспондента не очень пугает, пока до него самого дело не дошло. А вот про бессмысленность он, видимо, просто забыл. Или, может, не знал?

Ну, вот что делать с таким парнишкой, настолько диким, что он даже не подозревает о своей необразованности? Дискутировать с ним о проблемах демографии, доказывать, что во многих цивилизованных странах Западной Европы смертность значительно превышает рождаемость, но при этом никто не кричит о геноциде французского или шведского народа? Бессмысленно. Он не поймет, а если поймет, то не поверит. Хватать, сажать его в тюрьму — зачем? Тоже бессмысленно. Он имеет полное право верить в свои бредовые идеи. Более того, я считаю, что он имеет полное право их пропагандировать. Другое дело, если он, действительно, начнет резать, как он говорит, «хачиков» и громить евреев. Тогда он совершит уголовное преступление, за которое надо судить. Точно так же надо судить, как тех цыган, которые барнаульскую молодежь «посадили на иглу», но только не за то, что они цыгане, а за незаконную торговлю наркотиками.

Беда этого парня и других таких же, что они хотят быть, как он говорит, хозяевами России, не став ее гражданами. Ведь гражданин — понятие не этническое, а правовое. И стать хозяином страны можно, только будучи ее гражданином. А положив во главу угла расовые, этнические принципы, можно стать только рабом. Как немцы считали себя господами мира, а были на самом деле рабами Гитлера.

Корр: В следующем письме из города Оренбурга радиослушатель Петровский пишет:

«Прошу, хоть раз честно скажите людям о моем письме на всю страну: какие задаю вопросы и с чем не согласен. Но этого я, видимо, не дождусь, как всегда у Вас другая задача».

Полностью это письмо я, к сожалению, не могу прочитать, но мне кажется, смогу выделить основные мысли автора. Вот первая.

«...Хотелось бы узнать, о какой демократии сегодня в России можно говорить? О той, что творит антинародный режим Ельцина? А вы в СМИ этот режим охраняете, не говорите, что он творил и продолжает творить. Народная демократия в СССР и России закончилась в 1991 году. Установив в России диктатуру одного человека — Ельцина, который не по законам, а указным порядком осуществляет в России демократию насилия и произвола в пользу небольшой кучки “дерьмократов”: олигархов, чиновников-криминалов, воров и хапуг. Ельцин путем насилия и подтасовок внедрил в России свою конституцию, путем же подтасовок избрал себя на второй срок президентом».

Комментирует письмо другой участник нашего «Круглого стола», председатель Совета Правозащитного центра «Мемориал», **Олег Орлов**.

Орлов: В чем-то я бы согласился с автором письма. Конечно, говорить о том, что в России установилась демократия, невозможно. В России не построено демократическое правовое государство, к сожалению. Ведь верховенство закона в нашей стране не действует. Закрытость работы государственных органов самого разного уровня от контроля общественности все возрастает. А свобода средств массовой информации все больше и больше ущемляется. Другое дело, что я никак не могу согласиться с тем, что в России при коммунистическом режиме существовала народная демократия.

Если под словом «демократия» подразумевать нечто реальное, а не просто голое пропагандистское утверждение, то такая демократия, реальная демократия, может существовать лишь в том случае, если выполняется ряд условий. Взять хотя бы — возможность легального действия оппозиции. Ее представители могут через свободные выборы занимать различные государственные должности. Реально осуществляется свобода слова и свобода выражения мнений. И многое-многое другое.

Но если взять хотя бы то, что я перечислил, то можно ли говорить о том, что это хоть в каком-то виде осуществлялось при коммунистическом режиме? Я думаю, что тот, кто будет утверждать, что это осуществлялось, либо совершенно забыл о реалии того времени, либо просто очень молодой человек, который с ними абсолютно не знаком. Тот режим может нравиться, его наши слушатели могут считать более добрым, более гуманным, более удобным, каким угодно. Только не надо называть его демократическим.

Говорить же о том, что сейчас в России установилась диктатура одного человека — Ельцина, ну, просто смешно. Для того чтобы опровергнуть это, достаточно просто посмотреть телевидение и открыть газеты. И осуществляется управление государством не указным порядком, как пишет автор письма, а все-таки на основе законов. Законы, которые вырабатывает и принимает Государственная Дума, в которой, заметим, большинство все-таки состоит из представителей левой оппозиции. И не годится снимать нам всем с себя ответственность за то, что сейчас в стране происходит много очень печальных вещей. Не годится снимать с себя ответственность, говоря, что установлен режим личной диктатуры Ельцина, который, якобы, пришел путем только подтасовок. Ну, это же не правда! Нынешние власти: и исполнительная, и законодательная, — избраны реально народом нашей страны. Мы сами в значительной степени виновны в ее бедах.

И последнее. Бессмысленно говорить о режиме личной власти Ельцина, когда в стране реально правит правительство, поддерживаемое левым большинством в Думе. Ведь это левое большинство запрещает президенту под угрозой массового гражданского неповиновения сменить в правительстве кого-либо из ставленников этой левой оппозиции.

Корр: И еще одна цитата:

«Ельцин со своими сторонниками надуманным путем развернул в стране психоз и обман народа, делая ставку на ярлыках: «русский фашизм», «антисемитизм» и «руссофобия», «коммуно-фашизм» и «красно-коричневые». Теперь еще и новый ярлык — «политический экстремизм». И это все против явной оппозиции и инакомыслия! Но вот про сионизм и руссофобию, которые расцвели в России махровым цветом, Ельцин почему-то молчит. Зато срочно муссирует и требует подготовить меры борьбы с им же надуманным политическим экстремизмом. Все эти ярлыки присущи диктаторским режимам, и придуманы они для уничтожения явной оппозиции. Это видно невооруженным взглядом».

Орлов: Конечно, нельзя исключить того, что кто-то во власти хотел бы использовать борьбу с экстремизмом для подавления инакомыслия и борьбы со своими политическими оппонентами. Но давайте вспомним, чему, собственно говоря, и был посвящен наш «круглый стол». Он был посвящен, прежде всего, обсуждению вопроса о том, как не дать эту борьбу использовать в целях борьбы с оппозицией, как исключить возможные злоупотребления в таком случае. И мне кажется, что за нашим «круглым столом» участники его предложили целый ряд вполне конкретных мер, которые бы оградили общество от подобных злоупотреблений.

Мне непонятно, почему автор этого письма все время говорит об опасности для левой оппозиции. Давайте вспомним, собственно говоря, как предлагалось определение политического экстремизма в том проекте закона «О борьбе с политическим экстремизмом», который несколько месяцев назад Министерство юстиции РФ предложило на рассмотрение в правительство. Попробуем вспомнить это определение, если не совсем точно, то хотя бы близко к тексту. Под политическим экстремизмом понимались действия, направленные на совершение или подготовку совершения ряда преступлений, таких как: насильственный захват власти, насильственное изменение конституционного строя, создание незаконных вооруженных формирований, разжигание межнациональной розни и еще целый ряд преступных деяний, совершаемых в политических целях. Вот если автор письма считает, что подобные деяния являются непременным атрибутом левой оппозиции, то в этом, и только в этом, случае такая оппозиция не имеет права на существование в государстве, которое стремится быть демократическим. Но кроме левого экстремизма, может быть и правый экстремизм, и любой другой. И я хочу заметить, что автор сам себе противоречит.

Вот он говорит про руссофобию, которая расцвела махровым цветом в России. Да, действительно, идеологию руссофобии исповедует ряд, на мой взгляд, экстремистских политических организаций, например, в регионе Северного Кавказа и в некоторых других регионах России. Так надо бороться с подобным экстремизмом? Надо. Автор почему-то против подобной борьбы. Мне непонятно. Другое дело — нельзя допустить, чтобы подобная борьба свелась к борьбе с идеями. Бороться надо с экстремистскими действиями.

В отличие от автора, мне кажется, что и правительство, и президент проявляют свое полное нежелание бороться с политическим экстремизмом. Каждый раз кампания такой борьбы оканчивается ничем. Все это сводится к пустой пропагандистской кампании. Вот, скажите, где тот самый проект закона, который громогласно Министерство юстиции России представляло несколько месяцев назад в правительство? Он так, похоже, и погибнет в коридорах правительства. Это очень печально.

Корр: Письмо радиослушателя из Оренбурга заканчивается пожеланием, на которое отвечу я. Я цитирую.

«Хотелось бы услышать и всегда слушать не монологи и выступления от первого лица демократов, а правдивые диалоги инакомыслящих, то есть диалоги так называемых демократов, с одной стороны, и оппозиции — с другой, их взгляды на все вопросы жизни в России».

В принципе я согласна с радиослушателем, и поэтому в наших передачах обычно представляется трибуна для разных, подчас противоположных точек зрения. Но не могу согласиться с таким противопоставлением — «демократия-оппозиция», хотя бы потому, что среди тех, кто относит себя к демократам, существует множество мнений, подчас противоположных по самым существенным вопросам.

Есть, в конце концов, демократическая оппозиция. Но автор, по-видимому, разделяет мир на приятных ему коммунистов и враждебных всех остальных.

На сегодня все. Я хочу поблагодарить всех, кто нам написал: и тех, кто поддерживает нашу позицию, и тех, кто имеет иную точку зрения. Будем ждать ваших писем и спорить. Ведь истина рождается в споре. Не так ли?

До свидания! До новых встреч.

Школа и правовое образование

(Эфир «Радио России» 4.04.1999 г.)

У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Кажется, в наше время уже никто не сомневается в том, что детям в современной школе необходимо получать правовые знания.

Один из возможных подходов правового образования в средней школе разработан в рамках программ «Образование» и «Гражданское общество», финансируемых фондом Сороса.

Проект «Школа и правовое пространство» разрабатывался совместно с директорами многих школ, психологами, юристами.

Что же это за проект? Я беседую с руководителем проекта Лидией Семиной.

Семина: Этот проект начался 2,5 года назад, и родился он, прежде всего потому, что в обществе существует колоссальная потребность в таких проектах. Ведь сейчас переходный период, и общество ищет новую систему ценностей. В данном направлении и школа пытается работать. На самом деле, это для нас источник оптимизма.

Корр: А почему вы решили, что он есть?

Семина: Прежде, чем согласиться прийти в институт работать, я семь месяцев ездила по школам и по различным конференциям. Я пыталась понять: что хочет педагогическое сообщество, в том числе — дети, что они сами ищут и что для себя нащупывают. Когда я это поняла, только тогда дала свое согласие прийти сюда, в этот институт, и строить этот проект.

Так вот школа ищет ответ на вопрос: каким должно быть правовое образование. То, что оно должно быть, уже ни у кого не вызывает сомнений.

Каким же должно быть это правовое образование? Я в конце концов пришла к такому выводу, что оно не должно быть собственно юридическим, оно должно быть гражданско-правовым. Почему?

Наша конституция 93 года содержит две очень важные нормы. Первая статья конституции говорит о том, что Россия — это правовое государство. А вторая статья конституции говорит, что права и свободы человека — высшая ценность, то есть во второй статье сразу как-то дается ключ к пониманию: что такое правовое государство. Конечно, этим не исчерпывается понятие правового государства, но это ключевая мысль. Правовое государство, если его правовая система вся построена на том, что права и свободы человека — это высшая ценность, тогда оно действительно правовое. Вот это и должно, на мой взгляд, стать содержательным ключом правового образования в школе.

Корр: Оно уже полтора года у вас идет?

Семина: Даже побольше. Два учебных года.

Корр: Оно нацелен только на школьников определенных классов или вообще на весь учебный процесс?

Семина: Вот это очень хороший вопрос. Дело в том, что и первая, и вторая статья конституции, которые я упомянула, по существу, это новая система ценностей для нашего общества и для нас, как сограждан. Значит, должен быть пройден какой-то довольно непростой путь, чтобы эти ценности осознать: что они стали твоими собственными. Только тогда ты сможешь в школе что-то выстроить с этих позиций, а стало быть, работу надо начинать с учителей. Здесь я выстраиваю и семинарскую работу с учителями. Это система семинаров. И больше того, я выстраиваю параллельно с этим линию для самообразования учителей. То, что происходит на семинарах — это мало, надо иметь возможность постоянно возвращаться к этому, если речь идет об освоении новой системы ценностей.

Эта работа нацелена на всех детишек с 1-го по 11-й класс. Больше того, и на их родителей тоже. По закону об образовании у нас три участника образовательного процесса: учитель, родители, ученик. И раз речь идет о системе ценностей, соответствующей 1 и 2 статье конституции, значит, мы не можем взять одну какую-то группу, то есть, работать с детьми или с учителями; мы должны взять все три группы образовательного процесса, а детей, конечно, с 1-го по 11-й класс.

Корр: А в каких городах ведется эта программа?

Семина: Первый год прошел только в Москве.

Корр: А сколько школ здесь охвачено?

Семина: Три школы.

Корр: А в каких других городах ведется такая программа?

Семина: Этот проект ведется еще в Тамбове, Новгороде, Пскове, в городе Раменское Московской области, в Обнинске — очень успешно, в Барнауле тоже довольно-таки успешно. Да, пожалуй, успешно он идет везде, он востребован.

Корр: В 904-ю школу города Москвы я пришла вместе с Лидией Семиной. Это была первая ее встреча с учителями школы. Мне было интересно как учителя воспримут этот проект.

После встречи я беседовала с преподавателем английского языка **Валентиной Семейна**.

Семейна: Мне понравился этот проект. С одной стороны, действительно, это стоящее дело, потому что мы должны воспитывать людей, которые знают свои права и умеют их отстаивать. Конечно, это положительная часть этого проекта, я за него — двумя руками.

А с другой стороны, мы создаем пространство правовое в нашей школе. Мы здесь совершили революцию, образовали правовое пространство. Заканчивают наши дети 11-й класс и выходят.... Куда? Они выходят в мир, в жестокий мир. Сейчас в нем правовой беспредел. Как наши дети будут чувствовать себя в этом мире — меня это очень заботит, потому что я себя чувствую человеком, ответственным за это. Имею ли я право говорить им: вы имеете эти права, вы свободные люди. Ведь потом они выходят в этот мир, в котором этих прав их лишают....

Корр: Вообще-то говоря, демократия и свобода — это достаточно жесткие вещи.

Семейна: Безусловно. Демократия и анархия — это разные вещи, я с этим согласна на 100%.

Корр: Если они будут, действительно, понимать, что это такое и что это не только права, но и обязанности перед другими людьми, и что, в общем-то, демократия довольно жестокий мир, — может быть, тогда вы не будете считать, что воспитываете их в каком-то инкубаторе. А потом они вылупятся, они уже поймут, входя в этот мир, что этот мир жестокий.

Построение демократии — это очень сложная вещь. Так вот, может быть, если вы будете учить этому детей, они уже не выйдут из школы в «розовых очках», они уже будут понимать, что идут в суровый мир. Вероятно даже, поймут, что они сами должны строить то, что мы называем правовым обществом.

Семейна: Я согласна с этим. В какой-то степени мы их подготовим.

Корр: И опять же строить, если захотят. Это их выбор.

Семейна: И может быть, это избавит их от иждивенческих начал.

Корр: Конечно.

Семейна: Это очень развито сейчас, иждивенчество. Оно воспитывалось у нас десятилетиями.

Корр: Именно поэтому, мы начинаем такой проект, где основное — правовая культура, а составная часть правовой культуры — это ответственность за собственную позицию, за собственное решение.

Семейна: Я приветствую этот проект, но в то же время меня, конечно, очень волнует результат. Как они будут чувствовать себя в нашем мире с этими своими идеями?

Корр: А вот в учебно-воспитательном комплексе № 1832 эта программа подготовлена совместно с Институтом прав человека. Говорит директор комплекса **Оксана Григорьевна Авилова**.

Авилова: Находимся мы, как вы видите, в «спальном» районе Москвы. У нас самый обычный состав детей, типичный для спальных районов. Как раз, наверно, те дети, которые больше всего обделены в смысле культурных каких-то программ, возможностей, потому что по имущественному уровню нашим родителям частные школы не доступны. Но меня радует стойкая установка на понимание ценности образования и у родителей, и у детей. Поэтому есть с кем работать.

Корр: Вы уже сколько лет работаете по этой программе?

Авилова: По сути дела, совсем недавно для жизни школы. Полтора года.

Корр: Ну все равно, это уже срок. А вот скажите, пожалуйста, изменилось ли что-нибудь в школе вашей: взаимоотношения с учениками, между учениками?

Авилова: Да, конечно. Но я бы хотела сказать, что эта работа дает эффект только в том случае, когда она становится составной частью системы работы школы. Если в школе есть основа, если школа чувствует потребность уже в этой работе, то тогда эффект есть.

Как мы вышли на эту программу? Мы вышли на нее достаточно случайно просто потому, что однажды чисто случайно встретилась с Лидией Ивановной Семиной. Я слышала от нее те слова, которые в нашей школе очень часто теперь повторяют, которые для нашей школы значимы: умение договариваться, умение жить по правилам, умение выходить из конфликта. Это то, над чем мы работали с точки зрения психологии, с точки зрения развития личности.

Хотя только полтора года мы работаем над этим, а эффект уже есть именно потому, что была в этом потребность. И учителя, и дети наши были готовы ко всем тем идеям, которые входят в понятие правового пространства жизни по демократическим принципам.

Мы уже давно пришли к убеждению, что демократия в школе нужна потому, что только демократическая среда обеспечивает развитие личности. А одно из основных положений демократии — это положение о ценности, о самооценности личности каждого человека. Если в школе нужна личность каждого ребенка, значит школе нужна и демократическая среда. Мы говорим даже шире — «социокультурная среда» для развития ребенка. И демократичность этой Среды — это один из основных ее параметров.

Корр: Не получается ли так, что родители как бы немножко отстают в образовательном плане от учеников, и нет ли там какого-нибудь конфликта теперь между родителями и учениками?

Авилова: Родители в основном понимают, что какая-то корректировка семейных отношений для ребенка нужна. Конечно, понимают не сразу. Конечно, с родителями нужно работать и объяснять, и говорить, и не один раз. Но ведь родители тоже хотят, чтобы его ребенка уважали. Если они чувствуют, что школа старается это делать, то, наверно, они сами по-другому начинают относиться и к ребенку.

Детям не очень уютно в той среде, в которой они сейчас находятся. Но воспитание демократического духа в человеке — это отнюдь не надевание на него «розовых очков». Мы же говорим детям и говорим очень откровенно: не бывает идеальных людей, не бывает идеальных решений. Нет ничего лучше знаменитого высказывания о демократии, что это очень несовершенное устройство общества. За демократию надо платить. Демократия дороже, чем тоталитарное устройство общества. Мы много об этом говорили с детьми, пришли к взаимопониманию. В частности, бороться с преступностью легче, безусловно, при тоталитарном режиме.

Но у наших детей уже нет представления о демократии, как о такой среде, где приходят чужие люди и делают ребенку хорошо. Они прекрасно понимают, что демократия имеет свои минусы, что жить при демократии психологически сложнее, чем при тоталитаризме. Трудно ведь брать на себя ответственность, быть лидером. Трудно принимать решения, не на кого переложить ответственность за эти решения. Они все это знают. Но я не думаю, что это делает их слабее. Мне кажется, это больше и лучше готовит их к реальной жизни.

Корр: А вот скажите, как практически проходят ваши занятия?

Авилова: Мы идем здесь двумя путями. Первый путь — это образовательная программа с 1-го по 11-й класс. Причем эта образовательная программа в начальной школе, на первой ступени, носит больше психологический характер.

Курс для начальной школы называется: «Я и мы». Такое название как раз показывает его направленность. Конечно, мы ни в коем случае не учим там законам. Мы не готовим юристов, это не наша задача. Мы не учим с ними кодексы наизусть, хотя определенный спецкурс правоведения для учащихся исторического класса у нас есть, но это совсем другая опера, как говорится.

В среднем звене уроки по «Праву» вкрапливаются в уроки истории, они тесно с ними связаны, синхронизированы. С «Историей средних веков» очень тесно связан курс, который называется «Путешествие юного гражданина» Евгении Сергеевны Корольковой. И курс этот входит в историю очень логично, очень естественно.

Потом, начиная с 9 класса, уже, собственно говоря, идут отдельные курсы «Права». Здесь очень большой выбор сейчас у школы. Так как наши дети — это дети, которые в основном учатся хорошо и хотят учиться, мы стараемся выбрать наиболее насыщенное обучение. В основном мы опираемся на методику Никитина. Очень своеобразный, интересный курс по основам потребительских знаний, и очень такой злободневный.

А в 10–11 классе идет курс, который так и называется «Демократия и общество». Он очень важен даже не столько знаниями, которые он дает, а теми методами работы, которые мы там применяем. Там ребенок большую часть времени работает самостоятельно, решает проблемы, какие бы то ни было. Вот совсем недавно мы проводили урок такой формы: дети представили себе, что они через 10 лет покупают газету в России, и сделали макет этой газеты при условии, что приходит к власти та или иная партия. Группа работала, например, над изданием номера газеты «Правда» и газеты ЛДПР. В общем, просматривая различные варианты, прогнозировали будущее России в различных условиях. Это одно направление.

А теперь о втором направлении работы, где речь идет уже просто об изменении формы работы школы. Мы целый год создавали правила школьной жизни, это была тяжелая работа. Мы работали с учениками, с родителями, с учителями, было много редакций этих правил. С помощью Лидии Ивановны, с помощью института «Открытое общество» издали брошюрку, каждая семья получила брошюрку, в которой написано: вот это в школе можно, а это в школе нельзя. И это не директор придумала и не классный руководитель, а это мы с вами договорились об этом, когда спорили, что-то принимали, что-то отвергали. У нас получился очень торжественный и очень теплый праздник подписания этого документа родителями и детьми. У меня хранится первый экземпляр с подлинными подписями. Но правила можно принять, а можно и нарушать. Встал вопрос о человеке, который будет не контролировать, естественно, и не отслеживать, а, может быть, изучать обстановку.

Как в школе обстоит дело с правами человека, с правами ребенка? Мы пришли к выводу, что в школе должен работать уполномоченный по правам участников образовательного процесса, то есть ребенка, родителя и учителя. Конечно, безусловно, любая работа получается тогда, когда за нее берется человек, которому это интересно. К счастью, у нас в школе такие люди находятся.

Мы выработали «Положение об уполномоченном по правам участников образовательного процесса». Мы провели выборы в прошлом году, и большинством голосов победил на

выборах тот человек, который, собственно говоря, и создавал всю эту работу. Учительница английского языка Ляля Михайловна Неповиннова. Она у нас сейчас изучает эту проблему в Америке.

Обращений было очень много. Несколько сотен — это точно.

Корр: А в основном с чьей стороны?

Авилова: В основном с детской стороны. Это устные обращения. Как правило, Ляля Михайловна сама справляется с данной ситуацией. Она очень редко привлекает, например, меня, как администратора. Но когда вырисовывается какая-то проблема общая для школы, тогда уже подключаемся мы все.

Проблемы очень разные, причем насколько я знаю, это проблемы общие для многих школ. Например, проблема перегрузки детей домашними заданиями — общая болезнь всех школ. Когда за это берешься чисто учебными или административными методами, ее не удастся решить. А когда ставишь «во главу угла», то есть, сразу обращаешь внимание: «Вы нарушаете права ребенка на отдых, нарушаете его право на развитие, на общение с родителями», — то эта проблема приобретает совершенно другой аспект. Она по-другому звучит. И вот, с этой точки зрения, гораздо проще и эффективнее оказалось достучаться до учителей, каждый из которых, конечно, считает свой предмет самым главным.

Еще пример. В нашей школе дети выступили с претензией к администрации: «Вы нарушаете права нашей личности, потому что в наших, пардон, туалетах нет дверей. Если вы нас уважаете, вы обязаны навести порядок.» Вот мы сейчас это и делаем. Таким образом, дети усматривают совершенно неожиданные вещи. Мы, например, были страшно горды, что практически заменили уроки обслуживающего технического труда информатикой, а дети потребовали вернуть прежнее, потому что им нужно развитие не только в области компьютерной, но нужно и суп варить, и гвозди забивать.

Мы празднуем День защиты прав человека... В вестибюле ставится микрофон. Каждый ребенок имеет право на всю школу заявить о том, что его волнует, что ему нравится и что не нравится, что он хочет. И обычно тут же завязывается диалог. Иногда меня просят выступить, иногда сама подхожу, так как душа рвется ответить прямо сейчас. «Да, ребята, вот это я делать буду, вы правы совершенно, это надо делать. А вот это я не буду делать потому-то и потому-то ...». Вся школа сбегается — в вестибюле не протолкнуться. Для меня это огромная пища для размышлений, да и для всех нас. И, кроме того, это — основа для какой-то практической работы.

Корр: Программа правового образования школьников, о которой мы сегодня говорили, подготовлена совместно с Институтом прав человека.

Сейчас, когда государство не в состоянии оплачивать образование, то есть, в должной мере заботиться о наших детях, эту функцию берут на себя благотворительные фонды. Спасибо им!

23 марта этого года в «Учительской газете» опубликована заметка о предстоящем историческом конкурсе для старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век». Этот конкурс объявлен международным просветительским и правозащитным обществом «Мемориал» и рядом других структур, в частности, кафедрами и центрами Российского Государственного гуманитарного Университета при поддержке Фонда Форда. А задачи этого конкурса состоят в том, чтобы пробудить интерес у

старшеклассников, прежде всего, в российской глубинке к нашей истории, к тому, что мы называем советским периодом в истории.

Многие люди, жившие в то время, еще пока рядом с нами, они наши современники. Они рядом с этими старшеклассниками. Это их бабушки и дедушки, может быть, еще прабабушки и прадедушки. И каждый час тут дорог, потому что очевидцы той эпохи уходят, уходят навсегда, не оставив никаких письменных свидетельств. Если какой-нибудь старшеклассник будет использовать свой «кассетник» не только для прослушивания музыки, а например, пойдет к соседке, которая ему кажется интересной и симпатичной, и узнает о том, что она участница войны или еще что-нибудь интересное. Ведь также можно обратиться к собственным бабушкам и дедушкам и попросить их рассказать о каких-то исторических событиях, например, из жизни этого города, посмотреть фотографии, семейную переписку, письма с фронта... Мало ли что хранится в таких семейных архивах! Может быть, сохранились какие-то дневниковые записи. Но это только одна сторона.

Нас волнуют не только истории людей. Нам, например, чрезвычайно интересны и истории зданий через историю людей, истории городов, улиц, поселков. Краеведческий аспект ведь тоже интересен и важен. В каждом российском городке, а может быть, и в каждом поселке есть история своего мини-Храма Христа Спасителя, есть своя история восстановления духовности и справедливости.

Наша задача, во-первых, обратить внимание на историю повседневности и на ее память. Можно обратить внимание даже на бытовые детали, которые уходят навсегда и которые были частью этой повседневности. Все это нередко помогает раскрыть человеческие судьбы и взглянуть на них иными глазами. Помните, как писал Чехов: люди пьют чай, разговаривают и так далее, а на этом фоне происходят какие-то невероятные события.

А во-вторых, мы живем, действительно, в переломное время. Это теперь повторяют все. И для сегодняшних детей происходит сейчас очень большой разрыв с прошлым. Это прошлое становится как бы совсем уже темным пятном, от которого хочется отмахнуться, в которое не хочется вглядываться. Но если мы от этого прошлого отмахнемся сейчас, если уйдут его свидетели, если мы все забудем, — то, мне кажется, мы понесем существенные утраты в нашей исторической памяти.

Это конкурс не для студентов, а именно для старшеклассников. Мы ставим очень широкие рамки, мы даже не требуем, чтобы все это обязательно было в печатной или в компьютерной форме. Для нас главное — живой интерес к какому-то историческому событию советского периода у участника конкурса. Мы будем рады, если в нем примут участие как наставники: родители, профессиональные историки, учителя. Мне кажется, что этот наш конкурс дает возможность для какого-то совместного проекта и для совместной работы. У нас предусмотрено много призов. Это будут ценные призы: оргтехника, компьютеры, видеокамеры и т.д. И вручать их мы постараемся в Москве.

А теперь я прощаюсь с вами. Всего доброго! До следующего воскресенья!

Балканский кризис - правовой аспект

(Эфир “Радио России” 28.03.99 г.)

У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Югославия, Косово. К этому региону в последнее время приковано внимание всего мира. Некоторое время назад казалось, что бомбардировок Югославии удастся избежать. Но произошло непоправимое... Миру продемонстрировано, что сильная сторона может спокойно действовать вопреки Уставу ООН, вопреки нормам права.

Как оценивает сложившуюся ситуацию Международная правозащитная организация “Human Rights Watch”, штаб-квартира которой находится в Америке?

У нашего микрофона представитель этой организации в Москве **Дитрих Лохман**.

Корр: Конфликт начал разрешаться все-таки вооруженным путем, хотя и была надежда, что возможно было разрешить путем переговоров. Ваша организация долго, уже в течение 10 лет, наблюдает за развитием этого конфликта.

Лохман: Нарушения мы наблюдали с двух сторон: и со стороны сербов, и со стороны албанцев. Но те нарушения, которые совершали сербы, на несколько порядков серьезнее, чем те, которые совершили албанские войска.

Мы, в общем-то, следим за ситуацией в Косово с 89-го года. В этом году Милошевич отменил автономию Косова и, по сути дела, ввел режим, который похож на режим апартеида. В течение 10 лет этот режим существовал. Милицейский произвол, политические суды, дискриминация в области образования и здравоохранения. И, в общем-то, очевидно было, что если этот режим таким образом продолжает существовать, то в какой-то момент должен возникнуть вооруженный конфликт. Это было, в общем-то, неизбежно. Сколько наши политики ни говорят о превентивной дипломатии, о том, что не надо допускать возникновения таких конфликтов, они, то есть, международное сообщество упустило все возможности для того, чтобы предотвратить этот конфликт и потом, когда этот конфликт уже возник, его урегулировать другими способами.

Наша организация, в частности, призывала к тому, чтобы международное сообщество ввело нацеленные санкции против Сербии, которые сделали бы невозможным финансирование военной кампании в Косово. Мы тоже призывали международное сообщество арестовать тех людей, которые сейчас уже обвиняются в военных преступлениях, как Младич и Караджич. Таким образом международное сообщество могло бы дать понять и Милошевичу, и албанцам, что оно не допустит подобные широкомасштабные нарушения прав человека, которые имели место в ходе конфликта в Боснии. Но, к сожалению, уже сложно сказать, как сейчас этот конфликт можно решить.

На наш взгляд, международное сообщество, безусловно, виновато в том, что оно упустило те возможности для мирного урегулирования. Военное решение конфликта можно было избежать. Если бы международное сообщество в стадии возникновения конфликта вмешалось бы, то возможно было бы предотвратить тот исход, который мы видим сейчас.

Корр: Те, кто на себе испытал разрешение подобного конфликта вооруженным путем, имеет более жесткую позицию. Я связалась по телефону с **Султаном Шабуевым**, заместителем Генерального представителя Чеченской республики Ичкерия.

Шабуев: Мы категорически против силовых методов работы и тем более ударов ракетами, бомбами и так далее. Мы знаем, что такое точечные удары и как это отражается на мирном населении. Поэтому категорически против!

Тут нужна, на наш взгляд, политическая воля и руководства Югославии. И решать вопросы надо только путем переговоров.

Корр: Я попросила прокомментировать ситуацию в Югославии известного правозащитника, депутата Государственной Думы, Сергея Ковалева.

Ковалев: Как я понимаю, есть четыре действующие в конфликте основные стороны. Условно говоря. Ну, разумеется, два прямых участника кровавого конфликта: сербы и албанцы косовские, а также Запад и Россия. Вот и посмотрим на позиции всех этих сторон, как мне представляется, непредвзятым взором.

Значит, ну вот албанцы... Нет сомнения, что косовские албанцы, составляющие значительную часть косовского населения, в течение достаточно многих лет “посттитовской” Югославии, подвергались то в большей, то в меньшей степени дискриминации в самых разных формах. Пик этой дискриминации был упразднением косовской автономии.

С другой стороны, косовские албанцы в своем противостоянии этой дискриминации достаточно часто, особенно в последнее время, прибегали вовсе не к правовым протестам. Дело кончилось террором и прямыми провокациями. Достаточно многие активно действующие в Косове силы с албанской стороны, довольно мощные силы, стремятся вовсе не к автономии в составе Югославии, или Сербии. Они стремятся либо к соединению с соседней Албанией, либо к собственному государственному суверенитету.

Корр: Но они, по моему, все-таки заявляют об автономии?

Ковалев: Они заявляют то одно, то другое. Достаточно часто, скажем так, в откровенных, частных разговорах они говорят, да не нужна нам автономия, “не мытьем, так катаньем” мы добьемся и государственности. Вот албанская сторона конфликта со своими противоречивыми характеристиками. С одной стороны, — объект дискриминации, с другой стороны, это вовсе не безобидная сторона конфликта, прибегающая и к террористическим действиям и прямо проявляющая сепаратистские тенденции.

Сербы так же, как и в еще не затухших кровавых историях в другом регионе Балканского полуострова, — сербские соединения, скажем так, сербские власти проявили жестокость, склонность к силовым подавлениям, и, вообще говоря, именно сербская власть и осуществляла многолетнюю дискриминацию косовских албанцев. Во вспыхнувшем конфликте (я не берусь судить, кто начал этот конфликт), как более сильная сторона, — сербская сторона проявила заведомую жестокость, заведомое пренебрежение к гуманитарному праву.

Запад. Западное вмешательство в эту ситуацию, прямо скажем, запоздалое вмешательство, объясняется попытками найти гуманное решение проблемы, мирное решение, основанное на переговорах. Это так, это невозможно отрицать.

С другой стороны, Запад постоянно оказывается в ситуации, когда политика превалирует над правовыми соображениями. Запад постоянно оказывается в ситуации лицемерных двойных стандартов, и эта же позиция проявляется и здесь. Надо сказать, что и в Боснии,

и в Герцеговине позиция западной стороны не была точно сбалансирована, и была склонность на те же этнические чистки со стороны хорватов или мусульман смотреть сквозь пальцы. То же самое мы видим и в Косове. Я повторяю: албанская сторона вовсе не безупречная сторона конфликта, но праведный гнев Запада обращен всегда только в сторону сербов. Это подрывает саму западную позицию в ее существенных чертах. И совершенно обоснованы упреки тому же НАТО, благосклонно близорукому по отношению к Турции и, наоборот, сугубо строгому по отношению к тем же самым сербам.

Корр: Мы много говорим о международных механизмах защиты прав человека. Мы говорим об Организации Объединенных наций, ОБСЕ и так далее. Почему эти механизмы сейчас не работают там, если в данный момент идет неправовой путь решения проблемы?

Ковалев: Теперешние действия НАТО заведомо диктуются политической целесообразностью, а вовсе не соображениями права. Это надо отчетливо признать. Силовые действия НАТО далеко за рамками права.

В чем здесь дело? В злой воле Запада? В злобном натовском стремлении узурпировать право? Нет, не только в этом. Во всяком случае, дело еще и в самой природе этих самых международных механизмов. Да, разумеется, силовые санкции по принятому Организацией Объединенных Наций принципу должны были быть санкционированы Советом Безопасности. Можно ли получить такие санкции? Утверждаем, нет, нельзя, ибо в Совете Безопасности наготове два вето: китайское и российское. И никогда таких санкций Совета Безопасности получить не удалось бы. Что же тогда делать? По-моему, нельзя применить международный порядок, потому что он несовершенен и не приспособлен для разрешения таких конфликтов. Значит можно сколько угодно вести переговоры; и нет возможности, если нет единства в Совете Безопасности ООН, прекратить кровопролитие решительными мерами.

Я хочу сказать теперь о роли четвертого участника — Российской Федерации. Роль эта, по-моему, совершенно неприглядная. Мы, Россия, пытаемся выступать в заявленном амплуа миротворцев, а на самом деле, мы провоцируем кровопролитие, постоянно “доливаем масло в огонь”. В этом смысле, наша российская позиция нисколько не лучше западной. Ну, с моей точки зрения, едва ли не хуже. Мы категорически выступаем против применения силы, и если бы к этому и сводилась позиция. Но постоянно заявляются от самых первых лиц аргументы в пользу сербской стороны. Иногда эти аргументы — это беспомощные ссылки на славянское или православное братство, как это было уже на Балканах в связи с Боснией и Герцеговиной. Иногда это ссылки на необходимость противодействия албанскому сепаратизму. Но постоянно Россия выступает в качестве защитника сербских интересов, в качестве стороны, отрицающей какую бы то ни было сербскую вину в конфликте, в качестве стороны, постоянно упоминающей о необходимости помощи сербам. Я думаю, что упрямство Милошевича опирается на позицию российского официоза. А среди российских политических сил — это, прежде всего, так называемая левая оппозиция.

Корр: В этом году зимой произошло обострение не только косовского, но и курдского конфликта.

По телефону я связалась с заместителем председателя правления Международного союза курдских организаций, **Ибрагимом Асо**.

Асо: События в Косове мы рассматриваем как международную агрессию в отношении сербского народа.

Здесь еще раз страны НАТО показывают, что эта организация является жандармом в международном сообществе, так как без санкции Совета Безопасности ООН, без всяких на это согласий международного сообщества, применила такие насильственные действия.

Здесь еще раз мы видим, что американцы, пользуясь временным ослаблением России, вместе со своими союзниками по НАТО диктуют политику насилия в том или ином регионе международного сообщества. Т.е. как можно расценивать тот факт, что вместо того, чтобы решить задачу политическую мирным путем (потому что мы считаем: не все средства исчерпаны для решения косовской проблемы), — применяют ракетно-бомбовые удары по Югославии.

Это говорит о том, что страны НАТО игнорируют все международные организации и выполняют функцию жандарма во всем мире. Это политика двойного стандарта.

Для примера приведем: вот то же самое происходит и в Турции по отношению к курдскому народу, который подвергается геноциду. Однако американцы и их союзники по НАТО умалчивают, не видят. А в Косове Югославия предоставляет косовским албанцам самую широкую автономию, и тем более сами косовцы этого тоже хотят, согласны. Но в тоже время НАТО подталкивает косовских албанцев не соглашаться с данным предложением, а требовать полного суверенитета. Если вот так будет дальше продолжаться, то, я считаю, что никогда в международном сообществе не будет мира, не будет международного порядка. Такие конфликты будут возрастать. Поэтому мы очень поддерживаем позицию президента Ельцина, который в резкой форме выразил свое отношение, позицию Российского государства по поводу этого агрессивного акта со стороны стран НАТО.

Корр: Демонстративное применение странами НАТО (прежде всего, США) двойных стандартов в отношении двух кризисов, курдского и косовского, вызывает обеспокоенность общественности. В частности, в заявлении Международного общества “Мемориал” говорится, что предыстория событий в этих двух “горячих точках” во многом схожа.

Власти и Турции, и Югославии в течение десятилетий грубейшим образом попирали права этнических меньшинств: курдов и албанцев, — прямо осуществляя дискриминацию по этническому признаку. Нарушались фундаментальные права человека: право членов меньшинств пользоваться своей культурой и родным языком, право на свободу ассоциаций, право на свободное выражение своего мнения, свободу мысли и совести.

Национальные движения турецких курдов, как и косовских албанцев, в свою очередь, постепенно приобрели черты агрессивного сепаратизма. В обоих случаях антигосударственные вооруженные формирования развернули широкомасштабные партизанские войны. В ходе вооруженных действий, от которых страдало, прежде всего, мирное население, совершались многочисленные преступления как правительственными, так и антиправительственными силами.

Однако если действия турецких властей по отношению к участникам курдского движения встречают лишь вялое осуждение со стороны государств Запада, то по отношению к властям Югославии, также пытающимся силой оружия подавить движение за независимость Косова, используются все средства международного давления вплоть до бомбардировок. Страны НАТО силой вынуждают правительство Югославии сесть за стол переговоров с албанскими повстанцами (террористами или борцами за национальное освобождение — как кому нравится их называть). В то же время действия Турции (члена

НАТО О!), чьи войска уничтожают повстанческие отряды за пределами своих границ, у НАТО не вызывают никакой осязательной реакции.

Мы уже не в первый раз за последние годы сталкиваемся с тем, что “двойной стандарт” в отношении сепаратистских движений является, по сути дела, нормой в международных отношениях. Соотношение между двумя нормами международного права: принципом государственного суверенитета и правом народов на самоопределение, — толкуется постоянно по-разному, исходя из требований текущего момента.

Политика новой России не стала, увы, исключением. Самопровозглашенные образования в Южной Осетии, Приднестровье, Абхазии долгое время, если не пользовались прямо поддержкой российских политиков, то, по крайней мере, встречали понимание. Участниками вооруженных формирований сепаратистов нередко были российские граждане и даже действующие офицеры Российской Армии. Четкая и принципиальная позиция государства по этому вопросу высказана не была: двойные стандарты рассматривались как инструмент политики.

В то же самое время в ходе чеченской войны Россия отвергла даже малейшую возможность вмешательства мирового сообщества в ее “внутренние дела”. Надо сказать, что эта позиция встретила понимание со стороны ведущих западных держав. Массовые нарушения прав человека и военные преступления, совершенные федеральными силами в Чечне зимой и весной 1995 года, так и не получили столь же внятной оценки, как аналогичные события на Балканах.

Подобное открытое применение двойных стандартов чревато печальными последствиями для будущего человечества. Вместо попыток строительства нового мирового порядка, основанного на нормах ПРАВА, единого для всех, осуществляются, как мы видим, попытки строительства порядка, основанного на СИЛЕ и ПРОИЗВОЛЕ группы стран, присвоивших себе право судить по собственному разумению на основе собственных интересов. Большого удара по идее прав человека, как основополагающего принципа построения внутри- и межгосударственного устройства, представить невозможно.

Ситуация в Чечне и ее причины

(Эфир «Радио России» 14.03.99)

У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте!

Чечня. Разгул бандитизма, анархия, бесконечные угрозы в адрес России. Может ли государство мириться с этим?

Более четырех лет назад Российская Федерация предприняла попытку силовым способом навести в Чечне конституционный порядок. Через год и девять месяцев всем стало очевидно, что эта попытка провалилась.

В российском обществе существовали разные точки зрения на идущую войну. Одни ее поддерживали, считая, что так и только так можно справиться с угрозой распада России и эскалацией бандитизма на Северном Кавказе, другие активно протестовали против военных действий, большинство же довольно равнодушно наблюдало за происходящим.

Наглое похищение генерала Геннадия Шпигуна поставило нас перед угрозой новой войны на Северном Кавказе. И настроение в обществе постепенно меняется. Все чаще можно слышать: «Доколе это можно терпеть? Жаль, что тогда не “додали”, ведь все равно же — раньше или позже придется воевать! Теперь всем очевидно, что против войны выступали либо предатели, либо дураки. Что теперь могут сказать в свое оправдание эти участники антивоенного движения? Ведь это их стараниями в Чечне сохранился очаг бандитизма...»

А правда, как теперь оценивают свою позицию те, кого журналисты часто называли «группа Ковалева»? Эти правозащитники и депутаты объединились тогда в Наблюдательную миссию правозащитных организаций в зоне вооруженного конфликта в Чеченской Республике. Данную Наблюдательную миссию возглавил известный правозащитник, депутат Сергей Ковалев. Именно этих людей, наряду с солдатскими матерями, Грачев и Куликов рассматривали как пятую колонну, как предателей, наносящих удар в спину армии и внутренним войскам.

Итак, в нашей студии **Сергей Ковалев, Александр Черкасов, Олег Орлов.**

Корр: Сергей Адамович, вот сейчас Вы не раскаиваетесь в том, что тогда протестовали против войны?

Ковалев: Я ни секунды не раскаиваюсь в том, что наша мемориальная, отчасти думская группа делала в Чечне во время войны. Ни одна из действительно существовавших трудностей в Чечне и чеченско-русских отношениях не могли быть разрешены военным путем.

Давайте вспомним, какие декларации делались властями в начале войны. Это — декларации, оправдывающие войну, формулирующие цели военного вмешательства России. Грубо говоря, имелось пять пунктов.

Первое, устранить нелегитимный режим Дудаева. Эта цель на четверть, на одну пятую, была выполнена. Дудаева устранили, режим остался, какой он был. Я уж не говорю о том, что упрек в нелегитимности, связанный с разгоном Верховного Совета Чечено-Ингушской

республики тогдашней, стыдно было слышать из уст администрации, расстрелявшей собственный Верховный Совет.

Второе, укрепить правопорядок в Чечне. В самом деле, в довоенной Чечне уровень преступности был достаточно высок. Что же произошло в результате войны? Уровень преступности только резко вырос. Довоенная Чечня не знала захватов заложников и работорговли. Для нее это не было стандартным бизнесом. Довоенная Чечня не знала расстрела людей на главной площади города, расстрела, осуществляемого властью.

Далее. Утверждалось, что целью Российской Федерации в этой военной акции является закрепление Чечни в составе Российской Федерации. Признаем прямо, в данный момент государственный статус Чечни ни в малой степени от России не зависит.

Наконец, защита не коренного, не чеченского населения... В самом деле, в довоенной Чечне это население испытывало определенные, довольно заметные, трудности. Сейчас же те жалкие остатки не чеченского населения, которые остались в Чечне, просто беспомощны. Они жертвы произвола любого мальчишки с автоматом, их некому защитить.

Ну, и наконец, последнее. Борьба с исламским фундаментализмом. Довоенная Чечня не знала понятия фундаментализма. Чеченский ислам всегда был веротерпим и очень мягок. Достаточно сослаться на то, что имам Шамиль в прошлом веке хотел, но не сумел навязать Чечне шариат. Сейчас шариат расцвел пышным цветом, и, между прочим, государство переходит под шариатское управление в результате сложной политической борьбы. Все виды исламского фундаментализма распространены в Чечне и набирают все большую силу. Вот к чему привели военные усилия Российской Федерации. Я думаю, что нынешнее обострение ситуации в Чечне в большой мере и является именно результатом кровавой и грязной войны.

Корр: Но не разумнее ли было бы, пусть страшной ценой, но довести войну до победного конца? Ведь и Россия, и любое другое государство ни на своей, ни на сопредельной территории не может терпеть такого анархического образования, как нынешняя Чечня.

На мой вопрос отвечает **Александр Черкасов**.

Черкасов: Давайте не путать сущности. Мы готовы заплатить любую цену просто так, или мы готовы заплатить, может быть, большую цену за решение поставленной перед нами задачи. Так вот, цена, заплаченная в Чечне, была заплачена только за то, чтобы образы из пропаганды конца 94 года о существовавшем там бандитском государстве сделать реальностью. Ведь до войны, как ни плохо было в Чечне, там было хоть и плохо действовавшее государство, но все же действовавшее государство. Теперь там государства нет никакого. Есть отдельные, назовем их — «дружины» или отряды, которые называют себя таможенной службой, налоговой полицией и так далее. Но цельного государства нет. Цена же заплачена! Вот сейчас войны нет уже более двух лет. Если бы она продолжалась, то, наверное, за это время полегло бы еще тысяч 8 солдат, и потери в чеченской войне превзошли бы потери в афганской войне. И чего бы мы добились?!

Вспомните, в августе 96 года война вернулась туда, где она начиналась, в Грозный. Снова Грозный был занят боевиками, снова федеральные войска были готовы его штурмовать. Так что, давайте никогда не платить любую цену, давайте думать о тех задачах, которые мы все-таки хотим решить.

Корр: Говорит Олег Орлов.

Орлов: Удивительно, как часто приходится сталкиваться с полным непониманием нашей позиции. Мы не протестовали против применения силы государством, как таковой. Государство подчас не просто может, но даже обязано применять силу. Мы протестовали против того способа, которым эта сила применялась. Есть абсолютно запрещенные вещи, в том числе, и во внутренних конфликтах. Абсолютно запрещено ради уничтожения военного объекта «сметать» с лица земли целый населенный пункт. Запрещено убивать мирных жителей. Запрещено издеваться над задержанными пленными. Запрещено, вообще, пытаться кого-либо. А война велась именно такими способами. И именно это вело к тому, что сопротивление федеральным силам приобретало широкую поддержку среди населения Чечни.

Можно ли было выиграть федеральным силам ту войну? Я думаю, что можно, если бы ВО ВРЕМЯ чеченской войны был применен против народа Чечни геноцид, но нельзя бороться с бандитизмом при помощи геноцида. Кроме всего прочего, победа такой ценой сказалась бы самым страшным образом на будущем России. Теперь нам предлагают снова применять силовые методы. Почему бы и нет, только методы применения силы должны быть четко продуманы, последствия этих методов просчитаны. Ну, например, может быть введение режима чрезвычайного положения в некоторых районах, прилегающих к Чечне.

Но речь снова начинают вести о точечных ракетно-бомбовых ударах по территории Чечни. Кто это говорит? Те же самые люди, которые обещали применение таких методов в конце 94 года. Все мы прекрасно помним, что таких точечных ударов не было. Все мы прекрасно помним, что, на самом деле, стояло за этими, якобы, точечными ударами. Именно такие действия и привели к гибели мирного населения.

А что, собственно говоря, изменилось с тех пор?

Корр: Недавно в одной из наших передач мы сообщали о том, что министр внутренних дел России Сергей Степашин обещал своему грузинскому коллеге выдать в Грузию из России политэмигранта Валерия Габелия. Подобное обещание вызвало у российских правозащитников резкий протест. Они считали, что Габелия преследуется не за совершение конкретных уголовных преступлений, а за то, что в период гражданской войны в Грузии поддерживал ту власть, которую считал законной, — избранного президента своей страны Звиада Гамсахурдиа. Затем уже на территории России, Габелия, используя исключительно мирные средства, продолжал деятельность, оппозиционную нынешнему президенту Грузии.

Окончательное решение о выдаче подозреваемого в совершении преступлений с территории России в другую страну выносит прокуратура. В прошедшей передаче я сообщила о своем разговоре с начальником отдела экстрадиции Генеральной прокуратуры Иссой Костоевым. Тогда он заверил меня, что прокуратура не выдает и не будет выдавать людей, преследуемых по политическим мотивам. Возможна выдача лишь тех, кто совершил уголовные преступления. Перед тем, как принять решение по делу Габелия, прокуратура проведет тщательное исследование всех представленных грузинской стороной материалов.

И вот сейчас... Валерий Габелия — уже в Грузии, в тюрьме. Россия его выдала...

Тот же Исса Костоев данное решение Генеральной прокуратуры аргументировал таким образом. Действительно, грузинская сторона вначале предъявляла Валерию Габелия

обвинение в измене Родине. На это прокуратура ответила, что по данному обвинению он не может быть выдан: налицо преследование по политическим мотивам. Тогда грузинская сторона выдвинула обвинение в совершении Валерием Габелия во время гражданской войны в Грузии... разбойного нападения(?!). И согласно международным нормам Россия была обязана выдать обвиняемого.

Я попросила прокомментировать эту ситуацию руководителя программы «Преследование по политическим мотивам» Правозащитного центра «Мемориал» **Валентина Гефтера**.

Гефтер: В обвинениях, предъявленных Габелия, речь теперь будто бы идет только об экономическом преступлении, а именно, о хищении в особо крупных размерах. И это обвинение рассматривается в отрыве от его политической подоплеки. Значит ли это, что Россия выдала Габелия только по подозрению в совершении экономических преступлений? Значит ли это, что в Грузии затем ему не будут предъявлены политические обвинения?

Формально — по двусторонним соглашениям, которые заключены между странами СНГ, грузинская сторона не может предъявлять такие обвинения. И об этом знают и грузинская, и российская Генеральные прокуратуры. Но имеются прецеденты. Думаю, что прокуратура Грузии захочет изменить статьи обвинения Габелия, но в этом случае она должна просить согласия на это у Генеральной прокуратуры РФ.

Имеется еще один аспект данного дела. Мы все были уверены, что еще месяц назад Генеральная прокуратура РФ получила достаточно веские, убедительные доказательства в защиту Габелия, которые явно говорили о том, что он преследуется по политическим мотивам, и все обвинения в его адрес связаны со «звиадистским» прошлым и настоящей деятельностью в эмиграции. Выдача Габелия, в первую очередь, была связана не с тем, что Генпрокуратура РФ не получила необходимых подтверждений этого, а с тем, что в тот момент было оказано беспрецедентное давление со стороны Грузии на правоохранительные органы России. Напомню, что именно накануне принятия решения о выдаче Габелия между министерствами внутренних дел России и Грузии было заключено соглашение о помощи в задержании и поиске разыскиваемых в Грузии преступников. И, в частности, политических эмигрантов, которых грузинская сторона «считает заведомыми преступниками». Министр Степашин заявил, что будет всячески способствовать чуть ли не выдаче преступников, хотя это компетенция прокуратуры. Экстрадиция из России Валерия Габелия — яркий пример давления на Генпрокуратуру. В таких случаях не исключено, что от имени выданного таким образом лица к этому компетентному органу возможен иск, в котором в судебном порядке может публично оспариваться вынесенное решение. Посмотрите, как подобный вопрос решается в правовых государствах типа Великобритании, хотя бы по поводу Пиночета, деяния которого известны всему миру.

Корр: На этом нашу передачу мы заканчиваем. Всего вам доброго!

Экстрадиция - случай Габелия

(Эфир “Радио России” 28.02.1999 г.)

У микрофона Татьяна Касаткина.

Здравствуйте!

Страны, входящие в Содружество независимых государств, находятся подчас в сложных, непростых отношениях. Сегодня правительства двух каких-нибудь стран дружат, а завтра — ссорятся. Сегодня привечают политэмигрантов из соседней страны, а завтра их в качестве подарка приезшему министру выдают назад. И оказывается, что люди, надеявшиеся в России найти убежище от политических преследований на их родине, становятся заложниками политических игр.

Почему я считаю возможным это утверждать? Ведь официальная позиция состоит в том, что, мол, Россия выдает не политэмигрантов, а либо простых уголовных преступников, либо террористов и путчистов. Но бывает, что высокие представители власти, то ли по неосторожности, то ли по недомыслию, проговариваются.

На прошедшей неделе Москву посетил министр внутренних дел Грузии. На заключительной пресс-конференции министров Грузии и России наш министр внутренних дел **Сергей Степашин** вдруг заявил следующее (я цитирую):

«Некоторые лица, уехавшие из Грузии, продолжают свою деятельность, направленную против Президента Грузии и суверенного грузинского государства. Мы эту деятельность будем пресекать. По одному из фигурантов у нас проведены оперативно-следственные действия, он задержан.

Вот, сегодня я буду разговаривать с Генеральной прокуратурой и ставить вопрос о его экстрадиции в Грузию...

... Никому не позволено использовать Москву для своей политической арены, выступая против суверенного государства, являющегося членом Содружества независимых государств. Это принципиальная позиция Министерства внутренних дел России».

Заметьте, господин Степашин говорит не о подготовке переворотов или террористических актов. Заниматься подобной деятельностью, действительно, никому не должно быть позволено. Нет! Министр говорит именно о политической деятельности. Вот еще раз его слова: “... не позволено использовать Москву для политической арены”. А почему, собственно говоря? Где и в каком законе запрещено на территории России действовать политическим организациям, критически оценивающим положение в соседних странах? Где запрещено издание газет, критикующих Президентов соседних стран?

Представляю, в какую дрожь эти слова бросили многих людей из многих стран, возникших на территории бывшего СССР, где политическая оппозиция подавляется, инакомыслие запрещено. Эти люди приехали в Россию, страну, провозглашающую уважение к правам человека, к свободе слова. И оказывается, теперь и тут им угрожает министр внутренних дел.

Возможно, Сергей Степашин сам не понимал, что говорит? Хотя скорее всего, к сожалению, он просто искренно продемонстрировал свое представление о праве. Вполне

очевидно, что, с его точки зрения, право можно приносить в жертву политической целесообразности.

Помнится, несколько лет назад, находясь в другой должности, Степашин рассуждал на тему, что права человека нарушать нельзя, а вот права преступников — вполне можно. Очевидно, за прошедшие годы отношение с нормами права у него не улучшилось.

Упомянув на пресс-конференции об арестованном эмигранте из Грузии, Сергей Степашин имел в виду Валерия Габелия.

Говорит руководитель программы “Преследование по политическим мотивам” Правозащитного центра “Мемориал” **Валентин Гефтер**.

Гефтер: Речь идет о Валерии Габелия, политэмигранте из Грузии. Прокуратура Грузии требует от Российской Федерации выдать его для уголовного преследования в своей стране.

Я знаком с этими обвинениями. Они предъявляются уже, пожалуй, 5 лет многим участникам и руководителям проигравшей стороны в гражданской войне, которая имела место в Грузии в начале 90-х годов. Война эта до сих пор практически не закончена. Мы знаем, что большинство этих людей, сторонников Звиада Гамсахурдия (их условно называют “звиадистами”), осуждены в разное время на довольно большие сроки Верховным Судом Грузии. Им инкриминируются и конкретные правонарушения, о которых скажем ниже, и такие политизированные, как: “измена родине”, “создание бандформирований”, “угроза конституционному строю” и так далее. Если говорить даже о конкретных нарушениях, которые инкриминируются, то они, безусловно, связаны с участием этих людей и руководимых ими отрядов в гражданской войне на территории Западной Грузии.

В частности, то дело, по которому, как у нас говорят, “проходит” Габелия, связано именно с такими событиями. Это не рядовая кража, это не хищение в особо крупных размерах какого-то чиновника в спокойное, мирное время, и не коррупция. Это следствие гражданских, политических конфликтов, которые были тогда в Грузии, только уже в вооруженной форме.

После этого одна сторона победила; правда, часть победителей тоже уже сидит и осуждена. Прокуратура Грузии теперь осуществляет некое политическое задание: до конца осудить всех, кто так или иначе принимал участие на стороне побежденных, в первую очередь, конечно, руководителей или ответственных лиц. Валерий Габелия — один из них. Я думаю, что говорить здесь в отрыве от всей этой ситуации, говорить только о какой-то статье Уголовного Кодекса, о хищении в особо крупных размерах, — просто бессмысленно.

А что стало потом с Габелия? Он уехал в Россию, жил здесь, работал, занимался нормальным бизнесом и одновременно общественной деятельностью. Мы знаем, что “звиадисты” на территории Российской Федерации объединены в общественные организации, то есть продолжают политическую работу другим, конечно, мирным путем. И преследование их теперь здесь по тем или иным фактам, или эпизодам их участия в гражданской войне носит просто характер политической мести, оформленной в виде уголовного преследования. Это мы и имеем в данном случае.

Поэтому и адвокат Габелия, и мы, правозащитники, ставим вопрос перед Генеральной прокуратурой России о том, что, даже если имеется ходатайство прокуратуры Грузии, как будто это уголовное дело по криминальным каким-то эпизодам, то по сути все это преследование Габелия носит совершенно другой характер.

В результате, мы предоставляем все документы, все возможные свидетельства того, что речь идет о политических деятелях в прошлом. А в настоящее время это политические эмигранты или, лучше сказать, беженцы по политическим мотивам из Грузии. И в результате, отношение к их выдаче должно быть основано именно на этом.

Говорит адвокат Валерия Габелия, **Ламара Сордия-Шевцова**:

Мой подзащитный Габелия утверждает, что все это обвинение сфабриковано. Его преследуют как одного из руководителей оппозиции нынешней власти, то есть по политическим мотивам. Совместно с депутатами разогнанного Верховного Совета Грузии он создал политическое движение “Чкондидели”, президентом которого был избран сразу и является поныне. Именно это общество до сих пор ведет политическую борьбу для того, чтобы прийти к власти мирным путем.

Полагаю, что утверждения Габелия обоснованны. При президенте Гамсахурдия он был на виду, так как являлся префектом района. В дальнейшем, после вооруженного свержения законно избранной власти, сторонники Гамсахурдия повсеместно преследовались и уничтожались бандформированиями. Это общеизвестно. Особенно пострадали жители Западной Грузии, куда было направлено несколько карательных экспедиций бандформирований, имевших тяжелую технику. Мирные жители, сами защищавшиеся от бандитов, впоследствии властью были объявлены “бандитами” и подверглись репрессиям. Дом Габелия полностью разграблен и уничтожен, пострадали многие его родственники, а сам он вынужден был покинуть Грузию, чтобы сохранить себе жизнь.

Прокуратура Грузии не располагает никакими доказательствами того, что Габелия участвовал в бандитских формированиях, да и, вообще, в военных действиях. Нет доказательств того, что лично он руководил хищениями или сам совершал эти хищения, в которых его обвиняют. О политической деятельности моего клиента я мало знаю, к сожалению. Я могу только сослаться на прессу: газеты, журналы.

В 93-м году в первом номере газеты «Чкондидели», которая издается этим обществом, помещено развернутое интервью моего клиента. Называется оно: «Чтобы защитить свободу и независимость грузинского народа».

Очень интересное интервью! Отвечая на вопросы корреспондента, Габелия говорит, что они занимаются только политическими методами борьбы. Но существующую власть они совершенно не признают и поэтому призывают к всеобщему неповиновению. Неповиновение и вооруженная борьба — это не одно и то же. Очень много внимания в этом интервью уделено вопросам урегулирования абхазского конфликта мирным путем. Там же объясняются причины начала этого конфликта: зачем власти нужен был этот “блицкриг” в Абхазию, и какие дивиденды из этого можно было извлечь.

В его интервью все понятно. Никаких призывов ни к насильственному свержению этой власти, ни к вооруженному сопротивлению там не содержится, хотя это был еще, можно сказать, пик военных действий.

В процессе защиты Габелия я столкнулась с фактами, свидетельствующими о том, что направленные прокуратурой Грузии материалы на Габелия умышленно сфальсифицированы и преследуют цель — ввести в заблуждение Генеральную прокуратуру относительно личности Габелия и предъявленного ему обвинения. В частности, Габелия, будучи членом КПСС, ответственным работником Госкомприроды Грузии, в 80-м году был направлен на учебу сроком на два года в Бакинскую высшую партийную школу. После успешного ее окончания в 82 году, он 8 лет находился на ответственной партийной и, в основном, на хозяйственной работе. Был директором совхоза, 1-м заместителем председателя агропромобъединения. А в 90-м году был выдвинут на ответственную работу в Госагропром Грузии, где работал 1-м заместителем начальника управления. Кстати, совхоз, которым он руководил, был передовым не только в Грузии, о нем, можно сказать, знала вся страна.

Между тем, как мне сообщил Габелия, при задержании ему был предъявлен документ о наличии у него двух судимостей, якобы, за кражу: покушение на спекуляцию, на 3 года лишение свободы в городе Сухуми и в 86-м году на 7 лет лишение свободы за мошенничество в Ткварчели.

Я видела эти документы. На мой взгляд, расчет фальсификаторов, указавших Сухуми и Ткварчели, прост. Архивы в этом регионе полностью сгорели, и восстановить уголовные дела невозможно. Но они, видимо, просчитались.

Дело в том, что главный информационный центр МВД СССР как был, так и существует. И все эти сведения при желании можно легко проверить. Но в продолжение данной фальсификации мы получили еще один документ, который был выдан 19 февраля, кстати, тоже из информационного центра МВД Грузии. Это — справка на Габелия Валерия Михайловича, объявленного в розыск 20 марта 95-го года. В этой справке имеется фотография моего подзащитного. Его карточка вклеена(!), а сведения о времени(!) и месте рождения(!) говорят о совершенно другом человеке. Сразу же возникает вопрос: возможно, разыскивается другой Габелия Валерий Михайлович, 1 января 49-го года рождения, уроженец Тбилиси, дважды судимый? Сомнения развеялись, когда мы получили вчера новую справку, уже третью по счету.

На запрос жены Габелия информационный центр МВД Грузии сообщил ей, что никаких претензий к ее мужу, Габелия Валерию Михайловичу, (27 сентября 48-го года рождения, уроженцу Чхороцкусского района), по поводу судимостей — МВД Грузии не имеет. А с двумя судимостями другой Габелия, уроженец города Очамчира, другая дата рождения и так далее...

Ну, вы знаете, чтобы добиться этого, пришлось почти месяц запрашивать, вести там переписку, требовать и прочее, и прочее. Вот так этот вопрос, наконец, выяснился. Все эти материалы теперь представлены в Генеральную прокуратуру РФ.

Корр: И все же по закону пока окончательное решение о выдаче подозреваемого в совершении преступлений с территории России в другую страну выносит прокуратура.

Я по телефону связалась с начальником отдела экстрадиции Генеральной Прокуратуры Иссой Костоевым. Дать интервью он отказался, но использовать нашу беседу в передаче разрешил.

По его словам, прокуратура не выдает и не будет выдавать лиц, преследуемых по политическим мотивам. Выдаются лишь люди, совершившие уголовные преступления.

Перед тем, как принять решение о выдаче Габелия, прокуратура проведет детальное исследование всех представленных грузинской стороной материалов. Остается надеяться, что Генеральная прокуратура относится к нормам права иначе, чем министр внутренних дел. И действительно, мы в наших передачах уже приводили примеры, когда прокуратура в подобных случаях отказывала в выдаче людей.

Правда, к сожалению, мы знаем не один пример того, как с территории России все же выдавались люди, преследуемые у себя на родине по политическим мотивам. Сумеет ли на этот раз устоять Генеральная прокуратура перед, вполне очевидно, мощнейшим давлением? Мы еще вернемся к этому вопросу.

Налогообложение некоммерческих организаций

(Эфир “Радио России” 14.02.99 г.)

У микрофона Татьяна Касаткина.

Здравствуйте!

Сегодня в нашей передаче речь пойдет о том, кто и какие налоги по проекту нового Налогового Кодекса будет платить.

Многие, в первую очередь, пенсионеры, бездомные воскликнут: нам-то, что до этого!? Какие еще с нас налоги? За тарелку бесплатного супа?

Да, именно платить надо и за тарелку бесплатного супа.

Налоги платить надо. На собранные налоги должны содержаться армия, милиция, пожарная служба, почта. На эти же налоги государство должно содержать стариков, помогать больным, инвалидам, многодетным семьям. Отсюда же идет зарплата и депутатов, которых мы с вами выбираем. Кстати и избирательная кампания оплачивается из нашего кармана. Из этих же налогов государству следует уделять средства на развитие культуры. Можно было бы еще много сюда добавить. Однако, очевидно, что существующая сегодня в России налоговая система является внутренне противоречивой, громоздкой и неэффективной.

То, что из-за этого в нашей стране налогов не платят, и средства в бюджет не поступают, и в результате государство оказывается не способным выполнять свои функции, — известно всем.

Осуществление налоговой реформы и создание такой системы, которая стимулировала бы экономику и стабильно формировала бюджет, обеспечивая необходимые средства на социальные и другие общественные нужды, является необходимым условием выхода нашей страны из кризиса. Это ясно всем, и разногласий на этот счет нет. Однако взгляды на то, как реформировать налоговую систему расходятся.

Общая часть Налогового Кодекса уже принята. Сейчас разрабатывается проект специальной части Налогового Кодекса, который находится на рассмотрении в Государственной Думе перед вторым чтением.

В нашей передаче мы будем говорить об изменениях в налогообложении некоммерческих организаций.

Мы уже часто обращались к примерам работы различных негосударственных некоммерческих организаций. Сюда относятся различные и благотворительные, и правозащитные, и просветительские, и культурные, и многие другие общественные структуры. Подобные организации постепенно берут на себя все большую нагрузку, их функциональная роль в стране все больше возрастает. В условиях, когда государство сплошь и рядом

оказывается неспособным оказывать помощь инвалидам, ветеранам, больным, детям, — его роль выполняют общественные организации.

В цивилизованных странах такие организации пользуются поддержкой государства. А у нас?

Окончательный проект Налогового Кодекса, внесенный на рассмотрение Государственной Думой весной этого года, вызвал бурные эмоции у представителей некоммерческих организаций. Он показывает, что значительное число политиков считает, что достаточно лишь ужесточить систему налогообложения, отменить все льготы и наладить контроль налоговой полиции за неаккуратными налогоплательщиками, и проблемы будут решены. Таким образом, многие представители государственной власти связывают вопрос о принятии новых налоговых законов исключительно с решением прагматической и узко понимаемой задачи формирования бюджета. Но, к сожалению, кардинально не разрешается проблема реформирования налогового законодательства, как главного орудия воздействия на развитие экономики страны.

Вряд ли это — убежденные оппоненты некоммерческого сектора, мечтающие его убить. Скорее речь идет об элементарном непонимании участниками обсуждения в Думе роли неправительственных организаций в жизни общества и характере их экономической деятельности.

Говорит один из ведущих юристов некоммерческого сектора **Алла Томасова**.

Томасова: О тяжелом налоговом бремени на коммерческие организации, на индивидуальных предпринимателей в средствах массовой информации говорят очень много. О том, что налогами облагается многократно деятельность некоммерческих организаций, вообще, часто забывают. Тем не менее, для некоммерческих организаций проблемы отношений с налоговыми органами являются самыми острыми. Очень трудно, например, общаться с налоговыми инспекциями крохотной общественной организации, в которой даже профессионального бухгалтера нет для того, чтобы решать какие-то сложные вопросы. А подходы по строгости к некоммерческим организациям такие же, как и к коммерческим.

В налогообложении некоммерческих организаций есть несколько очень острых проблем, от решения которых возможно зависит дальнейшее развитие социальной сферы в России. Пора ведь уже признать, что социальная сфера у нас есть не только государственная, но и негосударственная, которую надо развивать, а проблемы ее налогообложения надо решать!

Что же это за наиболее острые проблемы?

Есть проблема определения предпринимательской деятельности некоммерческой организации.

К сожалению, так сложилось в нашей практике, что некоммерческая организация, которая получает хотя бы рубль, хотя бы копейку денег за какие-то свои дела, считается уже занимающейся предпринимательством. Здесь возникают неразрешимые, а иногда и анекдотичные проблемы. Вот такой пример. Есть прекрасная организация родителей детей-инвалидов, которые разрабатывают уникальные и очень интересные методики обучения и развития этих детей. Они выпускают методические пособия, сделали видеокассету с записью работы с такими детьми и готовы эту видеокассету передавать родителям, живущим на территории всей Российской Федерации, ведь потребность в таких кассетах, в таких методических пособиях очень большая.

И вот здесь возникает проблема. Кассету надо купить, за видеозапись надо заплатить, и кассету надо переслать. Если общественная организация будет брать за все это деньги с родителя, который эту кассету получил, это будет считаться ее выручкой, т.е. она будет заниматься предпринимательской деятельностью с соответствующей уплатой налогов. К сожалению, здесь не идет речь о том, что организация просто компенсирует свои затраты: стоимость кассеты и стоимость пересылки. Здесь возникает проблема уплаты налога на добавленную стоимость проданного товара, так как эта кассета считается проданным товаром(?). Возникает проблема уплаты налога с выручки, полученной организацией, возникают очень сложные проблемы бухгалтерского учета и налоговой отчетности. И вот эта общественная организация, которая очень хочет помочь родителям, не может этого сделать. У нее остается только один единственный вариант — искать каких-то благотворителей, которые просто дадут деньги на покупку видеокассет. Хотя многие родители готовы заплатить за эту видеокассету, за эти методические материалы.

Короче говоря, наше налоговое законодательство неспособно различить истинно предпринимательскую деятельность некоммерческой организации и просто реализацию за плату каких-то своих услуг, то есть компенсирование собственных издержек. Эта проблема есть сейчас, и она же, возможно, сохранится и в будущем законодательстве. По-моему, в ближайшие лет пять, вообще, нет возможности ее разрешения, потому что к этому не готовы ни контролирующие органы, ни законодательные органы. Они даже не готовы подойти к решению этой проблемы и определить точные критерии деятельности предпринимательской и просто взимания платы за какие-то услуги.

В таком положении очень многие некоммерческие организации. Например, проводит какая-то организация семинар и взимает плату просто за то, чтобы окупить аренду помещения. Оказывается, это — уже предпринимательская деятельность?! Организуется какой-то детский кружок, и с детьми работают добровольцы, но нужно, например, взять какую-то плату, чтобы компенсировать издержки этого кружка, скажем, на покупку материалов для детского творчества. Если взимается хоть копейка платы, это тоже будет предпринимательская деятельность...

Вторая проблема очень острая, как я считаю, для некоммерческой организации, это вопросы обложения подходящим налогом тех доходов, которые получают от благотворительных организаций и, в частности, от физических лиц.

Особенно остро эта проблема стоит в двух случаях. Во-первых, когда помощь от благотворительных организаций идет большая в финансовом плане. Это, например, касается лечения детей, сложных операций за рубежом, или, например, помощи беженцам и переселенцам. Здесь благотворительные организации оказывают помощь на очень большие суммы. И, к сожалению, ни ныне действующее законодательство, ни те варианты, которые предлагает новый Налоговый Кодекс, его вторая специальная часть, никак не подходят к решению этой проблемы. Получается, что, если благотворительная организация оказывает существенную помощь беженцу, который потерял на своей родине все, остался разутым, раздетым, без крыши над головой, — то этот несчастный человек, обязан с полученной суммы оплатить подходящий налог.

И второй момент, связанный с подходящим налогом, вообще, доводит ситуацию до нелепости. Он касается социально незащищенных, несчастных людей. Например, людей, имеющих место жительства, одиноких пенсионеров. Ведь у нас мало кто догадывается о том, что обложению подходящим налогом, строго говоря, по букве закона подлежит даже стоимость бесплатного обеда, который съел пенсионер в благотворительной столовой. Другое дело, что благотворительные организации, рискуя уплатить штрафы, просто не

исчисляют стоимость этого дохода. Это называется доход, полученный в натуральной форме. И этот доход бесплатный включается в совокупный годовой доход! То же самое, например, с теплой одеждой, которую благотворительные организации раздают бездомным. Получается, что бездомный гражданин, получив такой доход, должен теоретически уплатить подоходный налог. Но другое дело, что у него нет места жительства, он не прикреплен, скажем условно, ни к одной налоговой инспекции, и фактически он уплатить этот налог не может. Он никогда этого делать не будет.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что в нашем налоговом законодательстве нет такого положения, в соответствии с которым, доход, полученный в натуральной форме, т.е.: вещами, едой, детскими игрушками, какими-то книжками, — исключался бы для целей налогообложения. Нет, все включается в совокупный годовой доход гражданина!

Однако, на практике абсолютное большинство благотворительных организаций, которые кормят одиноких пенсионеров, старых людей, бездомных, — никаких сведений о выплаченных доходах в налоговую инспекцию не подают. Здесь просто мораль вступает в такое кардинальное противоречие с законом, и, в конце концов, побеждают нормы морали, а не закон.

Таких примеров приводить можно очень много, и говорят они в целом об одном. О том, что ни ныне действующее, ни будущее налоговое законодательство, которое сейчас обсуждается в Государственной Думе, не учитывает, или не в достаточной мере учитывает специфику деятельности некоммерческих организаций.

Еще одна кардинальная проблема работы некоммерческих организаций в сфере налоговых отношений — это сложность налогового законодательства. К большому сожалению, обсуждаемый Налоговый Кодекс, его вторая специальная часть, не только не упрощает исчисления взимания налогов, но, пожалуй, даже усложняет его. Уже сейчас отношение некоммерческих организаций с налоговыми инспекциями достаточно сложное. Конкретный пример. В Пушкинском районе Московской области Государственная налоговая инспекция настаивала на том, чтобы общественная благотворительная организация уплатила налог на прибыль с гуманитарной помощи, полученной ею из-за рубежа. Вот постоянно приходится выяснять эту проблему: надо платить налог или не надо? Тенденция налоговых органов на местах — все-таки приравнять некоммерческие организации к коммерческим и брать налоги со всего, что получает некоммерческая организация. Такая тенденция есть, потому что в законе отсутствуют четкие и простые нормы, которые бы позволяли некоммерческим организациям легко отстаивать свои права.

В ныне действующем законодательстве плательщиками самого страшного налога — налога на добавленную стоимость, названы предприятия, организации, которые осуществляют предпринимательскую деятельность. Здесь для некоммерческой организации позиции понятны. Если некоммерческая организация предпринимательской деятельности не осуществляет, то и плательщиком налога на добавленную стоимость она не является. Налоговый Кодекс, который принимают сейчас, относит к плательщикам налога на добавленную стоимость все юридические лица.

Казалось бы, такая мелочь! Изменена формулировка одного предложения, опущено несколько слов, но, значит, теперь каждая некоммерческая организация по всем своим операциям будет обязана доказывать, что она не облагается налогом на добавленную стоимость.

Корр.: Говорила ведущий юрист некоммерческого сектора Алла Толмасова.

В эфире «Демократия, свобода, права человека», и мы говорим с вами об изменениях в налогообложении некоммерческих организаций в соответствии с проектом специальной части Налогового Кодекса.

К сожалению, мне не удалось взять интервью в Министерстве финансов у разработчиков Налогового Кодекса, но об их позиции говорит эксперт Государственной Думы, президент Благотворительного объединения “Андреевский крест”, **Ольга Макаренко**. Кстати, она также непосредственно участвует в разработке Налогового Кодекса.

Макаренко: Позиция у Минфина была довольно странная. Поскольку закон о некоммерческих организациях не был еще доработан, — определенные организации (Фонд спорта и еще что-то) в индивидуальном порядке получали свои режимы. Вокруг всего этого, и вокруг монополистов, для которых писались отдельные специальные постановления, разрешающие им безналоговую коммерческую деятельность, — развернулись скандалы. В общественном мнении создано было представление, что под видом некоммерческой деятельности пытаются протащить самые хитрые коммерсанты свои коммерческие мероприятия. Две-три организации, минуя закон, пробили для себя определенные льготы, а тень легла на все некоммерческие организации, даже маленькие, местные, которые решают действительно важнейшие проблемы прямо возле дома каждого и помогают детишкам, старикам, то есть, доходят до каждого гражданина. Они оказываются страдающими оттого, что кто-то из проходимцев сумел воспользоваться в определенный период недоработкой законодательства.

Но сейчас, вместо того, чтобы усиливать контроль и совершенствовать это законодательство, чтобы никто не мог, минуя закон, получать льготы, была идея ликвидировать нормальный режим налогообложения. А причина этой идеи якобы в том, что под видом некоммерческой деятельности проскакивают все коммерсанты и “притворяются” некоммерческими организациями.

Корр.: Правильно ли я поняла, что существует как бы две группы людей? С одной стороны — общественные организации, много депутатов Думы и Налоговая инспекция, а с другой — Минфин, который противостоит и имеет другую точку зрения на эту специальную часть Налогового Кодекса.

Макаренко: Дело в том, что Минфин занял популистскую позицию, которая с их точки зрения, выглядит неплохо. Ведь они “бьются” для того, чтобы пополнение бюджета было. Но все это — непрофессионально! Потому что есть простое следствие, как только налоги выходят за пределы возможности платить, происходят две вещи общеизвестные. Граждане, кто похитрее, начинают уклоняться от уплаты налогов и становятся незаконопослушными гражданами. В некоммерческом секторе, наверное, тоже кто-то есть, кто, уже плюнув и решая свои вопросы, начинает брать тот же самый “черный нал” у коммерческого сектора, чтобы выполнять свои жизненно насущные программы, и показывает их в отчетности. Вот так, очевидно, и обстоит дело на сегодняшний день. Потому что и сейчас налогообложение довольно тяжелое. И найти средства почти невозможно.

Налоговый Кодекс должен бы помочь снять эту ситуацию, а он ее, к сожалению, усугубляет. В результате организации законопослушные просто закрываются. А последствия — очень плачевные. Те, кто от них получал помощь, оказываются без этой помощи. И тогда они идут в бюджет.

Корр.: Нагрузка на бюджет, да?

Макаренко: Сами работники становятся безработными, идут за пособием по безработице. Еще нагрузка на бюджет. Естественно, они ничего вообще не платят. До этого они платили то, что связано с фондом заработной платы, — подоходный налог, какое-то определенное количество налогов и платежей в пенсионный фонд и так далее. Пока они существуют, как работающие, они в любом случае платят. В ином же положении они перестают платить, перестают помогать тем, кому помогали. И этим самым возрастают бюджетные нагрузки. Многократно! А пополнения доходов никакого нет.

Поэтому вот этот виртуальный доход, который очень красиво на бумаге можно посчитать, в реальной жизни не возникает. **Корр.:** И вот общественные организации начали кампанию против ужесточения налогов для некоммерческих организаций. Говорит **Юрий Джибладзе**, президент центра развития демократии и прав человека.

Джибладзе: Очень важно понимать то, что проблема принятия новых налогообложений для некоммерческих организаций, — это очень важная общественная проблема. Дело в том, что действующие в стране десятки тысяч антикоммерческих организаций (а по оценкам, их не менее 60 тысяч) работают в социальной сфере, оказывают социальную поддержку, непосредственную помощь миллионам человек. По самым скромным подсчетам, около 20 миллионов человек по всей стране получают регулярную помощь и поддержку некоммерческих организаций.

Если в результате принятия этих новых налоговых законов организации закроются, (а это совершенно очевидный факт, что подавляющее большинство из них закроются), эти 20 миллионов человек останутся без какой-либо помощи и поддержки. По идее государство тогда должно будет взвалить на себя бремя оказания социальной поддержки этим людям. А у него ведь денег этих нет! Мы знаем, что государство сейчас фактически находится в состоянии банкротства. Значит, эти люди окажутся один на один со своими бедами, проблемами. И будет это для всех плачевно!

Многие люди, выражая обеспокоенность опасностью принятия этого Налогового Кодекса, сегодня по всей стране проводят общественную кампанию по убеждению депутатов, тех людей, за которых они голосовали, требуя защитить интересы избирателей, то есть общественные интересы. По крайней мере, в половине регионов страны проходит огромное количество встреч общественности с депутатами. Люди пишут обращения, письма индивидуальные и от некоммерческих организаций, а также коллективные письма и обращения, — и реакция уже есть. На днях в программе “Новостей” вице-премьер правительства Маслюков сказал, комментируя планы по принятию Налоговых Законов: “Да, мы продвигаемся, однако ходят тут всякие благотворительные организации и надоедают нам”. Значит, уже результата мы какого-то добились, уже есть реакция какая-то в правительстве, хотя пока и нет полного понимания.

Итак, уже сами граждане пытаются воздействовать на принятие жизненно важных для них решений. Мы надеемся, что в результате этой поистине общественной кампании, и депутаты Госдумы, и Совет федерации, и правительство, и администрация президента поймут, наконец, что эти законы нужно принять таким образом, чтобы они защищали интересы людей.

Корр.: Значит, результат какой-то уже есть. А мы продолжим наш разговор о проекте специальной части Налогового кодекса в следующих передачах и приглашаем вас, уважаемые радиослушатели, к обсуждению этой проблемы. На сегодня все.